663

С. В. НИКОНОВА

ОЧЕРК ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ в 1924-1929 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

С. В. НИКОНОВА

ОЧЕРК ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ в 1924—1929 гг.

(от плана Дауэса к плану Юнга)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

Книга посвящена внешней политике веймарской Германии в период относительной стабилизации капитализма. Анализируются основные проблемы европейской политики германского правительства — переговоры по репарационному вопросу, заключение Локарнского гарантийного пакта, переговоры о вступлении Германии в Лигу наций, советско-германские отношения.

В работе широко использованы документы и архивные материалы, многие из которых впервые в советской литературе вводятся в научный оборот, а также советские и зарубежные научные труды, мемуары и пресса.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Д. КУЛЬБАКИН

Н $\frac{10603-216}{042\,(02)-77}$ Бз—27-6-77

© Издательство «Наука», 1977 г.

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена внешней политике веймарской Германии в Европе в период относительной стабилизации капитализма (1924—1929 гг.). Исходный пункт для исследования — переговоры о решении проблемы германских репараций, вылившиеся в принятие плана Дауэса; завершается же оно периодом конца 20-х годов, когда правительству Германии при поддержке западных держав удалось добиться отмены версальских постановлений о разоружении и оккупированных областях Германии. К этому времени, с помощью главным образом американского и английского финансового капитала, Германия в значительной степени восстановила свое экономическое и политическое положение, военно-промышленный потенциал, что позволило ей стать по существу в один ряд с ведущими империалистическими державами Западной Европы.

Изучение внешней политики Германии в Европе в период, когда германские правящие круги повели активную политику ревизии Версальского договора, воссоздания военно-промышленного потенциала и возрождения наиболее реакционной силы в Западной Европе — германского милитаризма, имеет немаловажное политическое и научное значение. Дальнейшая разработка проблем внешней политики и международных отношений в Европе в настоящее время как нельзя более актуальна с точки зрения одной из наиболее животрепещущих проблем современности — проблемы европейской безопасности. Конференция коммунистических и рабочих партий Европы (июнь 1976 г.) констатировала, что «позитивные сдвиги на нашем континенте создают благоприятные условия для освободительной борьбы народов, для борьбы против военной опасности, для разрядки напряженности и в других

частях мира» [1]. Ощутимым изменениям в направлении укрепления мира в Европе способствовали созыв и успех исторического Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [2]. В речи на вышеупомянутой конференции коммунистических и рабочих партий Европы глава делегации КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев специально подчеркнул как огромную политическую победу сил мира факт «успешного проведения общеевропейского совещания с участием США и Канады», главная цель которого была «содействовать укреплению мира и безопасности европейских народов» [3]. «Итоговый документ общеевропейского совещания,— по словам Л. И. Брежнева,— создал хорошую основу для обеспечения мира и безопасности в Европе» [4]. В решениях конференции особо отмечалось, что сам факт проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе «с наибольшей очевидностью отражает перемены, происшедшие на континенте в результате победы народов в войне против фашизма и проявления их воли жить и сотрудничать в условиях мира и безопасности...» [5] То обстоятельство, что конференция коммунистических и рабочих партий Европы проходила именно в Берлине, Л. И. Брежнев расценил как символичный: «это яркий показатель исторических перемен в Европе...» ибо «сегодня яснее, чем когда-либо, видно, что империализм не может больше диктовать Европе ее судьбы» [6].

Вместе с тем нельзя не отметить, что реакционные круги капиталистических держав оказывают противодействие политике разрядки и активного сотрудничества, стремятся подорвать результаты общеевропейского совещания в Хельсинки, возродив в международных отношениях атмосферу напряженности и конфронтации [7].

---

[1] За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 42.

[2] Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. о 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.— «Правда», 1 февраля 1977.

[3] См.: За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 5.

[4] Там же, с. 19.

[5] Там же, с. 25.

[6] Там же, с. 3, 4.

[7] См. там же, с. 29.

Подобную же политику, но в иной обстановке, когда Советский Союз был единственной в мире социалистической страной, находящейся в капиталистическом окружении, проводили империалистические державы и в период 20-х годов, который исследуется в данной монографии. Осуществляя антисоветский курс, правительства держав-победительниц способствовали превращению побежденной в результате первой мировой войны Германии в новый очаг милитаризма и реваншизма. Итогом этой политики стала невиданная по своим масштабам вторая мировая война, принесшая Европе неисчислимые беды. «Европа — источник самых страшных войн в истории человечества,— подчеркивал Л. И. Брежнев на вышеупомянутой конференции.— Не менее сотни миллионов погубленных человеческих жизней — таков кровавый баланс истории Европы до наших дней» [8]. В связи с этим Генеральный секретарь нашей партии выдвинул задачу «разминировать пороховой, а точнее атомный погреб, в который превращена сегодня Европа...» [9].

Изучение процесса формирования внешней политики и международных отношений в довоенные годы имеет немаловажное значение для определения конкретных мер, направленных на борьбу с военной опасностью на современном этапе и на сохранение достигнутых в процессе разрядки позитивных результатов, первостепенное значение для превращения Европы в «континент мира и прогресса» [10].

На Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в июне 1976 г. ее участники выступили за преодоление раскола континента на военные блоки и предотвращение создания новых блоков и военных группировок, что послужит существенным вкладом в достижение прочной безопасности в Европе и во всем мире: «Европа может и должна стать примером практического осуществления мер по разрядке в военной области» [11]. Аналогичная задача выдвигалась в 20-е годы советской внешней политикой, преследовавшей цель настойчивой борьбы против антисоветских блоков капиталистических держав,

---

[8] Там же, с. 9.
[9] Там же, с. 8—9.
[10] Там же, с. 33.
[11] Там же, с. 34.

в частности против Локарнского гарантийного пакта 1925 г. с участием Германии. Способствуя и поощряя тайное перевооружение веймарской Германии, державы-победительницы стремились вовлечь ее в замкнутые группировки, острием своим направленные против СССР. Анализ этой политики в связи со всем сказанным выше представляется важным и актуальным.

Отсюда ясно, какое большое значение приобретали советско-германские отношения в тот период. «Наша партия,— указывает Л. И. Брежнев,— верная великим идеям пролетарского интернационализма, никогда не отделяла судеб Советской страны от судеб других стран Европы и всего мира» [12]. Ярким примером ленинской внешней политики нашей страны была так называемая рапалльская политика в отношениях между Германией и СССР — политика политического и экономического сотрудничества, начало которой положил в 1922 г. договор между обеими странами в Рапалло и которая продолжалась до конца веймарского периода. Эта политика строилась на материальной основе взаимовыгодного сотрудничества — в форме торговли, предоставления кредитов, научно-технических и культурных связей. Советское правительство использовало тогда ту же «материальную ткань мирного сотрудничества в Европе», которую, по словам Л. И. Брежнева, исключительно важно создать в целях укрепления «связи между европейскими народами и государствами» и большей их заинтересованности «в сохранении мира на долгие годы вперед» [13].

В настоящее время отношения Советского Союза и ГДР выражаются в братском сотрудничестве социалистических государств, что вылилось во «всеобщее признание суверенитета Германской Демократической Республики, ее вступление в ООН, подтверждение в международном масштабе нерушимости западных границ ГДР...» [14]. В августе 1970 г. состоялось подписание советско-западногерманского договора, который нормализировал отношения между СССР и ФРГ и стал частью «более широкого

---

[12] За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 13.

[13] Там же, с. 10.

[14] *Брежнев Л. И.* Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. М., 1976, с. 7.

процесса коренного оздоровления международной жизни в Европе, да и не только в Европе» [15]. В июле 1972 г. было заключено четырехстороннее соглашение между Советским Союзом, США, Англией и Францией по вопросу о Западном Берлине, внесшее существенный вклад в разрядку напряженности в Европе. Такой ход событий вызвал пересмотр концепций «восточной политики» ФРГ и привлек более пристальное внимание и политических деятелей, и историков к советско-германским отношениям в рапалльский период. У ряда историков ФРГ стал проявляться конструктивный подход к оценке этих отношений, о чем, в частности, свидетельствуют материалы коллоквиума советских и западногерманских историков в Ленинграде (апрель 1975 г.). Вместе с тем, тот же коллоквиум показал, что прежние неверные оценки и истолкования тех или иных фактов советско-германских отношений еще наблюдаются [16].

Все вышесказанное обусловило проблематику данной монографии, исследующей европейскую политику веймарской Германии в 20-е годы. Определяющими внешнеполитическими отношениями в послеверсальской Европе были для Германии ее отношения с державами-победительницами — Англией и Францией, с одной стороны, и единственным социалистическим государством — СССР — с другой. Раскрыть существо и детально проанализировать эти важнейшие кардинальные аспекты европейской политики Веймарской республики в период частичной стабилизации капитализма и является главной задачей предпринятого исследования.

---

[15] *Брежнев Л. И.* О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, с. 505.

[16] См. *Нарочницкая Н. А.* Встреча советских и западногерманских историков в г. Ленинграде — «Новая и новейшая история», 1975, № 5, с. 216—220.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА. РЕПАРАЦИОННЫЙ ПЛАН ДАУЭСА И ЛОКАРНСКИЙ ГАРАНТИЙНЫЙ ПАКТ

Поражение Германии в первой мировой войне означало крах ее политики добиться мирового господства военными средствами. Постановления Версальской мирной конференции 1919 г., которые подвели итоги мировой войны, нанесли серьезный удар внешнеполитическим позициям Германии, а также подорвали ее военно-экономический потенциал. Согласно постановлениям Версальского договора, Германия потеряла около 13,5% своей территории и 10% населения. Прежние германские колонии были распределены между державами-победительницами. Согласно версальским территориальным постановлениям, Франции возвращались отторгнутые Германией в 1871 г. Эльзас и Лотарингия, а Польше — земли, аннексированные Пруссией во второй половине XVIII в., Данциг (Гданьск) был объявлен «свободным городом». Округа Эйпен, Мальмеди и Марене передавались Бельгии; Саарская область — под контроль Лиги наций на 15 лет.

Результатом этих территориальных постановлений стало лишение Германии важных в промышленном отношении областей. Войска Антанты оккупировали на 15 лет левый берег Рейна, по обоим берегам которого создавалась демилитаризованная зона шириной в 15 км.

Предстояла, кроме того, многолетняя выплата репарационных платежей [1].

---

[1] См. Германская история в новое и новейшее время, т. 2. М., 1970, с. 61, 62; *Ruge W.* Deutschland von 1917 bis 1933 (Sonderdruck aus Deutsche Geschichte von 1917 bis 1963, Bd. 3). Berlin, 1968, S. 45; *Ruge W.* Weimar — Republik auf Zeit. Berlin, 1969, S. 39; *Никонова С. В.* Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966, с. 183.

Все это до крайности накаляло внутриполитическую обстановку в Германии. На плечи немецких трудящихся легло основное бремя, связанное с послевоенными экономическими трудностями и выплатой репарационных платежей. Это, в свою очередь, давало правящим кругам Германии возможность возлагать ответственность за бедственное положение страны на держав-победительниц и Версальский договор и, отводя таким образом удар от себя, раскалывать рабочий класс, раздувать националистический угар [2]. Поражение, которое Германия потерпела в результате первой мировой войны было, по словам историка ГДР Вольфганга Руге, использовано германскими идеологами в целях проведения подготовки «нового рывка к мировому могуществу» [3].

Понесенный Германией урон был, однако, не столь катастрофичен, как это, в целях политических и идеологических, преподносилось ее руководящими кругами, представляющими те же самые силы, в руках которых, несмотря на установление республиканской формы правления, в значительной степени сохранилась политическая власть в стране. Пользуясь тяжелым экономическим положением и боязнью западных держав, что коммунизм распространится в Западной Европе и приведет к новому революционному взрыву внутри Германии, эти круги с самого начала существования Веймарской республики в своих отношениях с державами-победительницами поставили главной целью кардинальную ревизию установленного Версальским договором статуса-кво, противоречащего основным политическим целям германского империализма [4].

В свою очередь державы-победительницы — участницы версальского мирного урегулирования были заинтересованы в ослаблении Германии как своего конкурента, но вместе с тем полное экономическое и военное ослабление Германии препятствовало бы сохранению Германии как государства, способного подавить революционное движение внутри и служащего бастионом в борьбе с единственной тогда социалистической страной — Советской Россией.

---

[2] *Ruge W.* Deutschland von 1917 bis 1933, S. 46.
[3] *Ruge W.* Weimar — Republik auf Zeit, S. 40.
[4] См. Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Сб. статей. М., 1965, с. 209.

Хотя по сравнению с периодом накануне мировой войны экономическое положение Германии значительно ухудшилось, экономическая основа германского империализма в общем сохранилась. «Германия побеждена, подавлена Версальским договором,— говорил по этому поводу В. И. Ленин — но она обладает гигантскими экономическими возможностями» [5].

Все эти факторы послужили отправным пунктом, позволившим правящим кругам Германии в обход версальских постановлений о разоружении [6] приступить к восстановлению военно-промышленного потенциала германского империализма [7]. Сначала же нужно было заняться первоочередными вопросами послевоенного урегулирования. Центральное место среди них занимал вопрос о репарационных платежах, сумма которых не была установлена на Парижской мирной конференции 1919 г. из-за противоречий между державами-победительницами. Франция требовала наибольшую сумму, преследуя цель максимально ослабить своего главного противника на европейском континенте; Англия же и США выступали против подобной «жесткой» репарационной политики [8].

Еще до окончательного установления комиссией по репарациям общей суммы платежей германское правительство вынуждено было взять на себя обязательство выплатить державам-победительницам 200 млрд. золотых марок деньгами и товарными поставками. Задачей руководителей германской политики стало добиться постепенного максимального снижения суммы репарационных платежей, выдвигая принцип «платежеспособности» Германии. Хотя, начиная с июня 1920 г. и до января 1921 г., на заседаниях различных конференций и комиссий сумма этих платежей постепенно уменьшалась, германские представители продолжали настаивать на еще большем снижении. После того как конференция в Париже в конце января 1921 г. уменьшила первоначально определенную сумму (июнь 1920 г. в Булони), составлявшую 265 млрд. золотых марок, до 200 млрд., министр иност-

---

[5] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 42, с. 68.
[6] *Morgan J. H.* Assize of Arms, vol. II. London, 1946, p. 58.
[7] См. главу V.
[8] *Никонова С. В.* Европейская политика Германии и ее вступление в Лигу наций (1924—1926 гг.).— В кн.: Ежегодник германской истории 1973. М., 1974, с. 207—208.

рапных дел Германии В. Симонс (1 марта 1921 г.) на конференции в Лондоне выступил с требованием снизить сумму репарационных платежей до 30 млрд., которые Германия будет уплачивать в течение 30 лет. Выдвигались еще условия, среди которых было предоставление Германии международного займа в размере 8 млрд. марок и возвращение Верхней Силезии. В ответ на это последовал ультиматум держав Антанты: в случае несогласия германской стороны с их требованиями до 7 марта 1921 г. будут незамедлительно оккупированы Дуисбург, Дюссельдорф и Рурорт. Ввиду невыполнения Германией предъявленных ей условий, 8 марта угроза была приведена в исполнение.

Затем в результате закулисных переговоров в мае того же года на второй Лондонской конференции устанавливалась в качестве «окончательной» суммы репараций — 132 млрд. золотых марок, которые подлежали выплате за 37 лет. Германское правительство должно было дать положительный ответ в течение шести дней, а в ближайший месяц уже внести 1 млрд. марок. Если это требование не будет выполнено, 12 мая последует оккупация Рурской области. Рейхстаг незначительным большинством голосов принял предложенный ультиматум, но поскольку требуемой для первого взноса суммы золотых марок не хватило, на мировые биржи было выброшено 50 млрд. бумажных марок, что вызвало инфляцию [9].

Инфляция привела к баснословному обогащению германских монополистов, резкому ухудшению положения трудящихся и росту безработицы. Создавшаяся ситуация была использована правящими кругами Германии как доказательство экономической «немощи» страны, нуждающейся в помощи для оздоровления валюты (т. е. в предоставлении займов) и в расширении сырьевой базы (иначе говоря, в возвращении «отнятых» у нее территорий).

Монополистические круги Германии сознательно саботировали выплату репарационных платежей, стремясь таким образом оказать нажим на держав-победительниц, заставить их ревизовать постановления Версальского договора, препятствующие восстановлению прежних позиций германского империализма. В конце 1922 г. возглавив-

---

[9] См. Германская история..., т. 2, с. 72, 73, 74; *Ruge W.* Deutschland von 1917 bis 1933, S. 60, 61, 64—65.

ший новое германское правительство В. Куно обратился к главам правительств Англии, Франции и Бельгии, собравшимся на конференции в Лондоне, с носившим провокационный характер требованием предоставить Германии мораторий по репарационным платежам сроком на пять лет и международный заем [10].

Выступая с подобными требованиями, германское правительство, представлявшее интересы финансовых и промышленных магнатов, рассчитывало на поддержку англосаксонских держав. Как показали события, расчет оказался правильным, хотя и несколько преждевременным. Правда, из США, правительство которых официально не принимало участия в решении европейских проблем, последовало сообщение о выступлении государственного секретаря Ч. Юза 29 декабря 1922 г., в котором он предложил создать международный комитет «независимых» (т. е. официально не входящих в правительство) финансовых экспертов «для проверки платежеспособности Германии» [11].

Однако посреднические действия США и Англии, результатом которых стал новый репарационный план и предоставление Германии займов, последовали позже. А 9 января 1923 г. репарационная комиссия тремя голосами (представителей Франции, Бельгии и Италии) против одного (представителя Англии) вынесла заключительное решение о невыполнении Германией обязательств. За этим решением последовала оккупация (11 января) Рурской области французскими и бельгийскими войсками.

В ответ германское правительство объявило о своей политике «пассивного сопротивления», означавшей прекращение выплаты репарационных платежей и бойкот всех распоряжений оккупационных властей. Правительство обратилось к населению с шовинистическим лозунгом «объединения всех немцев против внешнего врага», рассчитанным на то, чтобы расколоть рабочий класс и предотвратить революционные выступления [12]. Оккупация Рура, вызвавшая крах финансово-экономической системы Веймарской республики, поставила последнюю в катастрофи-

[10] См. Германская история..., т. 2, с. 82, 83.

[11] *Zimmermann L.* Deutsche Außenpolitik in der Ära der Weimarer Republik. Göttingen, 1958, S. 225; *Ruge W.* Deutschland von 1917 bis 1933, S. 67.

[12] См. Германская история..., т. 2, с. 84, 85.

ческое положение и, вопреки расчетам германского правительства на «социальное примирение», создала революционную ситуацию в стране [13]. Более того, оккупация Рурской области вылилась в серьезный международный кризис, поскольку отношение ведущих держав к данной акции было, естественно, как об этом свидетельствуют изложенные выше факты, далеко не однозначным. Единственно правильную, интернационалистскую политику заняло Советское правительство, выступившее (13 января 1923 г.) с решительным протестом против оккупации Рура, расценив ее как франко-бельгийскую агрессию и подавление «права германского народа на самоопределение» [14].

12 августа ЦК КПГ выступил с призывом к всеобщей политической забастовке с целью свержения правительства Куно. Но хотя удалось добиться единства действий рабочего класса и свержения правительства, вследствие позиции лидеров социал-демократической партии, отклонивших предложение КПГ об образовании рабоче-крестьянского правительства, было создано новое правительство «большой коалиции», включавшее представителей основных буржуазных партий и СДПГ, во главе с лидером народной партии Густавом Штреземаном [15]. Опасаясь «большевизации Германии», правительство Штреземана 26 сентября приняло решение о прекращении «пассивного сопротивления» [16].

Главную задачу на данном этапе германское правительство видело в том, чтобы добиться прекращения оккупации Рура и урегулирования репарационной проблемы. Это представлялось возможным лишь при поддержке англо-саксонских держав. Германские правящие круги сумели использовать страх буржуазных правительств перед возможностью новой революции в Германии, который вынудил их ко все большему отходу от политики безоговорочного подчинения Германии версальским постановлениям.

---

[13] Подробнее см.: *Давидович Д. С.* Революционный кризис 1923 г. в Германии и Гамбургское восстание. М., 1963.

[14] Документы внешней политики СССР (далее — ДВП), т. VI. М., 1962, с. 151, 152.

[15] Германская история..., т. 2, с. 90.

[16] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. I. Berlin, 1932, S. 220.

Выше уже упоминалось предложение государственного секретаря США о мерах по разрешению репарационного вопроса. В мае 1923 г. состоялись также переговоры о снижении репарационных платежей в Лондоне, которые вел директор Немецкого банка Я. Шахт [17]. В октябре того же года в Берлин по дипломатическим каналам поступило сообщение о «большом интересе», проявленном новым президентом США К. Кулиджем и другими влиятельными лицами в американских правительственных кругах к положению в Европе вообще и в Германии в особенности. «Наиболее дальновидным» предложением, как это явствовало из переданного сообщения, президент считал предложение Юза о созыве комитета экспертов. Сам же государственный секретарь выразил опасения в связи с «неуступчивостью» Франции, которая может осложнить проведение в жизнь его предложения. Было высказано пожелание, чтобы инициативу в этом вопросе взяло на себя английское правительство [18].

Банковские и промышленные круги Англии и США, выступая в поддержку восстановления экономического положения Германии, имели в виду не допустить чрезмерного усиления Франции и сохранить равновесие сил на европейском континенте. Однако и французское правительство вынуждено было считаться с опасностью остаться в изоляции, продолжая политику санкций. Принудив Германию к прекращению «пассивного сопротивления», Франция одновременно убедилась, что есть пределы и ее власти [19]. Французское правительство, не будучи «достаточно независимо» в политическом и финансовом отношении, не могло позволить себе такую изоляцию [20]. То обстоятельство, что Соединенные Штаты, действуя крайне осторожно, стали вновь оказывать влияние на европейскую политику, хотя и проводимое посредством комиссии «не имеющих отношения к политике экспертов», ограничивало чрезмерно усилившееся могущество Фран-

---

[17] *Schacht H.* 76 Jahre meines Lebens. Bad Wörishofen, 1953, S. 221—222.

[18] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 225, 226.

[19] *Megerle K.* Deutsche Außenpolitik 1925. Ansatz zu aktivem Revisionismus. Bern — Frankfurt a/M., 1974, S. 44.

[20] *Megerle K.* Op. cit., S. 44—45; *Graml H.* Europa zwischen den Kriegen. München, 1969, S. 187.

ции [21]. Падение курса франка во время оккупации Рура и французские военные долги США и Англии вынуждали правительство Франции все больше считаться с позицией США.

Германские руководящие круги в данный период задачу налаживания отношений с Францией рассматривали как первоочередную. От ее решения зависело прекращение оккупации Рура, урегулирование репарационной проблемы и открывающиеся вслед за этим возможности перехода к активной политике ревизии версальских постановлений. 24 октября 1923 г. германское правительство направило комиссии по репарациям ноту, в которой выражало готовность возобновить выплату репарационных платежей также Франции и Бельгии. Но поскольку при существующем положении эти платежи не могли быть обеспечены, предлагалось, чтобы комиссия изучила вопрос о платежеспособности Германии. На следующий день премьер-министр Франции поручил сообщить в Лондон, что он полностью одобряет созыв репарационной комиссией комитета экспертов, с оговоркой, что этот комитет будет выполнять чисто совещательную функцию. В него не должен входить никто из представителей Германии и ничто не должно измениться в обязательствах Германии по мирному договору. Одновременно Форин оффис опубликовал свою переписку с госдепартаментом США, содержащую обмен мнениями о желательности созыва комитета экспертов. Американское правительство выдвинуло в качестве обязательного условия согласие всех заинтересованных государств, а со своей стороны, отказалось иметь какие-либо контакты с репарационной комиссией [22].

27 ноября репарационная комиссия дала возможность германскому представителю подробно обосновать свое обращение от 24 октября. Дальнейший ход переговоров показал, что французская сторона по-прежнему проявляет неуступчивость и, кроме того, ведет локальные переговоры с германскими промышленниками и управлением железнодорожного транспорта в Рурской и Рейнской областях. Предпринятые Германией активные контрмеры

---

[21] *Gottwald R.* Die deutsch-amerikanischen Beziehungen in der Ära Stresemann. Berlin, 1965, S. 48.

[22] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 227.

в целях вновь возбудить ее ходатайства в репарационной комиссии оставались безуспешными. Но несмотря на это, Г. Штреземан, принципом которого было вести даже кажущиеся бесперспективными переговоры, хотел продолжать обсуждение, все время ясно давая понять, что Германия твердо придерживается своей конечной цели — «окончательного решения репарационного вопроса вместе с освобождением Рурской и Рейнской областей». Никоим образом не должно создаваться впечатление, говорилось в инструкции германскому послу в Париже, будто правительство Германии рассматривает ход вещей как fait accompli (свершившийся факт), с которым оно примирилось [23].

Французской стороне все труднее было противостоять увеличивающемуся нажиму, как моральному, так и материальному, Англии и США. Новый премьер-министр только что пришедшего к власти английского лейбористского правительства Р. Макдональд в правительственном заявлении, а также в личном письме к Р. Пуанкаре обратился с призывом покончить с существующими разногласиями между бывшими союзниками путем открытого обмена мнениями. Пуанкаре согласился с этим предложением. Во втором письме английский премьер заострил внимание на более конкретных вопросах, главным образом на существующем у английского общественного мнения опасении, что Франция хочет полной катастрофы Германии и неограниченной власти на континенте без оглядки на «разумные интересы» Англии и всей остальной Европы. Пуанкаре со всем пылом своего красноречия отрицал подобные намерения, но опять уклонился от обсуждения животрепещущих острых вопросов [24].

Отклики английской прессы были такими, что теперь даже правые газеты во Франции высказались за необходимость путем всесторонних переговоров пробить брешь в политике изоляции Германии и найти контакт с экспертами. Последние во время пребывания в Берлине обнаружили к своему удивлению устойчивость валюты и увеличение доходов в экономике Германии. У них сложилось высокое мнение о жизнеспособности страны, и к концу марта 1924 г. они пришли к единому мнению,

[23] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 228 (Инструкция фон Гешу в Париж от 12.XII 1923).

[24] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. I, S. 337.

что ежегодные платежи Германии должны составить 2,5 млрд. золотых марок. Исходя из этой цифры и был составлен план выплаты репараций [25].

9 апреля 1924 г. председателю репарационной комиссии были переданы отчеты комитетов экспертов [26]. Репарационная комиссия довела до сведения германского правительства, что считает заключение экспертов подходящей основой для решения репарационного вопроса и готова рекомендовать его союзным правительствам, если Германия будет выполнять налагаемые на нее обязательства. Германское правительство 16 апреля заявило о согласии на эти условия. Одобрение высказали также Англия, Бельгия и Италия (24 апреля). На следующий день к этому присоединилось и французское правительство. Однако оно заявило, что окончательную позицию выскажет лишь тогда, когда репарационная комиссия установит, что Германия приняла необходимые меры для осуществления намеченного плана. Но английское правительство не соглашалось ни на какие промедления с решением данного вопроса и требовало практических действий.

Благоприятному для Германии развитию событий способствовал приход к власти нового французского правительства «левого блока». Эдуард Эррио, сформировавший новый кабинет 14 июня 1924 г. и принявший на себя пост министра иностранных дел, занялся ликвидацией последствий рурской политики своих предшественников. При этом он мог рассчитывать на помощь Р. Макдональда и на идущее ему навстречу в этом германское правительство [27].

Новый премьер-министр Франции безотлагательно приступил к подготовке конференции по репарационному вопросу, хотя в правительственном заявлении (от 17 июня) старался избегать резкого разграничения с политикой Пуанкаре. Подобно последнему, Эррио также говорил о защите договорных прав Франции и сохранении оккупации Рура, пока не будет учреждена предусмотренная экспертами организация по наблюдению и контролю, под-

---

[25] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 230.

[26] Dokumente zur deutschen Geschichte 1924—1929. Hrsg. von Ruge W. und Schumann W. Berlin, 1975, S. 23—24.

[27] *Herriot Ed.* Jadis. D'une guerre à l'autre 1914—1936. Paris, 1952, p. 135; *Suarez G.* Briand, t. VI. Paris, 1952.

крепленная действенными гарантиями. 21—22 июня состоялся обмен мнениями по данному вопросу между Эррио и Макдональдом в загородной резиденции английского премьера в Чеккерсе. При установлении выходящих за рамки Версальского договора обязательств было решено руководствоваться критерием: «Если Германия лояльна, ее не будут беспокоить, если она не лояльна, ее не станут щадить» [28].

Сообщение об англо-французской договоренности вызвало резкое недовольство в Германии. Поэтому Штреземан заявил английскому послу лорду Э. д'Абернону, что германское правительство не может согласиться на восстановление прежних прав репарационной комиссии и будет настаивать на твердых гарантиях относительно экономического и военного освобождения. Штреземан считал также недопустимым, чтобы Германию вновь устранили от участия в работе конференции в качестве равноправного партнера и требовал твердых обещаний по вопросу о выводе войск с территории Германии [29].

Д'Абернон тем временем всеми средствами пытался доказать английскому правительству необходимость дать Германии требуемые ею обещания. В этом вопросе он получил поддержку американского государственного секретаря Юза. Последний появился в Лондоне в начале июля, а затем отправился в Париж – «расчистить путь» для предстоящей конференции, преодолев оставшиеся затруднения. Он оказал очень сильное давление на французское правительство, чтобы побудить его к «более великодушной» точке зрения на репарационную проблему, чем та, которую занимал Пуанкаре [30].

16 июля 1924 г. открылась Лондонская конференция, которая должна была утвердить репарационный план. Германская делегация во главе с рейхсканцлером В. Марксом, Г. Штреземаном и министром финансов Г. Лютером по прибытии в Лондон была столь приветливо встречена Макдональдом, что относительно ее равноправия с другими участниками конференции не могло возникнуть никаких сомнений. В центр переговоров выдвинулась затмевавшая все другие вопросы проблема эвакуации войск из

[28] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 233; *Herriot Ed.* Op. cit., p. 139.
[29] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 236; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. I, S. 456; *Herriot Ed.* Op. cit., p. 146.
[30] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 237.

Рурской области, которой германское правительство придавало первостепенное значение [31]. Это требование германской стороны встретило поддержку со стороны Макдональда, который полагал, что пока не будут выведены войска из Рурской области, английское правительство не может подписать соглашение о репарационном плане. Продолжение оккупации сделало бы необходимым созыв новой мирной конференции, и если эксперты не высказались по данному вопросу, это не следовало понимать как согласие на продолжение оккупации.

В связи с такой позицией Англии и неуступчивостью германских представителей французская делегация не могла больше занимать уклончивую позицию. Эррио осведомился о готовности делегации Германии обсудить вопрос, исходя из того, что эвакуация Рурской области будет произведена после окончания военного контроля над Германией. При этом он также выразил пожелание о заключении гарантийного пакта между Францией и Германией.

Германская делегация считала невозможным принять подобные условия за основу для переговоров. И поскольку Макдональд тем временем все вновь и вновь возвращался к вопросу об эвакуации, Эррио в конце концов заявил о своей готовности обсудить этот вопрос основательно с рейхсканцлером Марксом [32]. Однако к удивлению Эррио вместо рейхсканцлера он увидел столь нежелательного для него собеседника Штреземана, к которому, как об этом свидетельствуют его мемуары, он испытывал недоверие. Германский министр начал с заявления, что он не может предстать перед рейхстагом, не имея ясности по вопросу о прекращении оккупации Рурской области. На это Эррио возразил, что он связан обязательством перед французским парламентом не вести переговоров о военной эвакуации Рура. Он не может идти ни на какие уступки, не рискуя отставкой. С целью найти новый отправной пункт для переговоров Штреземан постарался рассеять опасения французской стороны относительно тайного перевооружения и деятельности военных организаций в Германии. Он пытался представить

---

[31] Изложение событий конференции содержится в книге: *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. I, S. 466 ff.

[32] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 239, 240.

все это лишь как следствие оккупации Рура, которое исчезнет, как призрак, если Франция будет проводить «разумную» политику. Только к концу двухчасовой беседы французский премьер выразил, наконец, готовность пойти навстречу требованиям Штреземана и попробовать переубедить кабинет.

9 августа Эррио отправился в Париж, где ему удалось добиться согласия совета министров осуществить эвакуацию Рурской области через год [33]. По возвращении французского премьера в Лондон состоялась вторая его беседа со Штреземаном, во время которой тот, употребив все свое красноречие, попытался, ссылаясь на реакцию рейхстага и общественное мнение Германии, вынудить Эррио приблизить дату эвакуации Рура. Однако французский премьер заявил, что это невозможно.

Безуспешными были также старания Штреземана добиться с помощью английского премьера согласия французской стороны на проведение эвакуации по этапам. Все это завело конференцию в тупик. Макдональду пришлось употребить немало усилий, чтобы переубедить германскую и французскую делегации, настаивавших на перерыве в работе конференции. Наконец, с помощью американского посла Ф. Келлога удалось прийти к единому мнению об эвакуации Рурской области через год. Однако была сделана оговорка, что после подписания Лондонского соглашения будут немедленно освобождены район Дортмунда, а также города, находящиеся за границей, установленной по мирному договору, а именно Оффенбург, Аппенвейер и гавани в Карлсруе, Маннгейме, Везеле и Эммерихе. 16 августа 1924 г. конференция завершила свою работу. Участники ее утвердили разработанный комитетом экспертов во главе с представителем американских финансовых кругов, чикагским банкиром Ч. Дауэсом репарационный план, вошедший в историю под названием плана Дауэса. 10 октября 1924 г. была достигнута договоренность между банками стран-участниц лондонских соглашений о кредите Германии в сумме 800 млн. золотых марок. Десять дней спустя состоялась эвакуация Дортмунда.

План Дауэса не определял общей суммы репараций и срока их выплаты. Фиксировались лишь суммы ежегод-

---

[33] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 241.

ных платежей Германии. На четыре года германскому правительству предоставлялся частичный мораторий. Это означало фактическое снижение размеров репарационных платежей, которые должны были постепенно возрасти с 1 млрд. марок в 1924—1925 гг. до 2,5 млрд. марок в 1928—1929 гг. При этом первая из названных сумм почти покрывалась 800-миллионным займом США и Англии, на долю же Германии оставалось выплатить только 200 млн. марок. План Дауэса облегчал западноевропейским странам, получающим репарационные платежи с Германии, выплату военных долгов Америке. Вместе с тем то обстоятельство, что Германия получала право обращаться в специальную арбитражную комиссию с требованием не только сокращения, но даже прекращения поставок натурой (углем), ударяло по интересам главным образом одной из участниц плана — Франции, наиболее заинтересованной в данных поставках. Кроме того, правительства Франции и Бельгии, как уже говорилось, приняли на себя обязательство освободить оккупированные ими в январе 1923 г. германские территории [34].

Это свидетельствовало о стремлении англо-американского капитала, используя план Дауэса, ослабить позиции Франции в Европе. Вызванное этим планом развитие событий, как отмечает западногерманский историк М.-О. Макселон, отвечало жизненным интересам прежде всего США (как главного кредитора), которых судьба Германии волновала с точки зрения ее политического развития — в плане уравнения ее позиций в мировой системе государств, что «можно было по логике вещей ожидать при данных обстоятельствах». Целью же Франции, по мнению того же исследователя, становилось теперь сохранение статус-кво; ей приходилось занять оборонительную позицию и попытаться помешать Германии воспользоваться открывшимися перед ней в результате «освобождения от политики прямого насилия» возможностями. Французское правительство отныне должно было отказаться от «политического манипулирования репарациями» [35]. И, с другой стороны, германское правительство

---

[34] См. Германская история..., т. 2, с. 103.

[35] *Maxelon M.-O.* Stresemann und Frankreich 1914—1929. Deutsche Politik der Ost-West-Balance. Düsseldorf, 1972, S. 165, 166.

в результате плана Дауэса могло приступить к активной политике ревизии [36].

Несмотря на остроту противоречий и разногласий, было и общее, что сплачивало капиталистические державы — единая антиреволюционная и антисоветская платформа [37]. План Дауэса был призван укрепить позиции германской буржуазии, не допустить нового революционного взрыва в Германии. Он должен был также помочь добиться реставрации капитализма в СССР, «принудить Советское правительство образумиться (как говорил директор Английского банка М. Норман советнику германского посольства в Лондоне в апреле 1926 г.), открыть ворота русской империи и возвратиться к здоровым экономическим, если не политическим отношениям» [38].

Однако лондонские соглашения стали, по словам Штреземана, лишь началом того развития, которое вновь ввело Германию как равноправную участницу в концерт западных держав [39]. Это обстоятельство дало германскому министру иностранных дел основание охарактеризовать план Дауэса как «перемирие на несколько лет» [40]. В проекте письма королю Болгарии (осенью 1924 г.) Штреземан назвал соглашение о плане Дауэса «экономическим перемирием» [41].

Теперь можно было перейти от решения экономических вопросов к решению политических проблем. Такой проблемой был важнейший для Германии вопрос о пакте безопасности.

ПЕРЕГОВОРЫ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ГАРАНТИЙНОГО ПАКТА

Новое германское правительство, возглавленное В. Марксом, пришло к власти 7 декабря 1924 г. Пост министра иностранных дел, как и в предыдущем правительстве, остался за Штреземаном. Это было самое реакционное

---

[36] *Megerle K.* Op. cit., S. 45.
[37] См. История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 377.
[38] Историко-дипломатический архив (далее — ИДА), ф. 90, д. 37, л. 146.
[39] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 245.
[40] Ibid., S. 220.
[41] *Thimme A.* Gustav Stresemann. Legende und Wirklichkeit.— «Historische Zeitschrift» (далее HZ), 1956, Bd 181, S. 313.

правительство со времени свержения монархии в Германии. Германская буржуазия могла пойти на создание такого правительства — коалиции финансистов и крупных аграриев с преобладанием членов национальной народной партии лишь в условиях плана Дауэса, получив поддержку американского и английского финансового капитала. Теперь в центр внешнеполитической программы можно было открыто поставить требование ревизии Версальского договора — главную цель германских правящих кругов на протяжении всего существования Веймарской республики. Но в то время как на первом этапе (до 1924 г.) основная задача состояла в подготовке к наступлению против Версаля, на следующем этапе (1924—1929 гг.) началось непосредственно само наступление, которое предпринималось в различных направлениях. Это была борьба главным образом политическими, дипломатическими средствами, поскольку германское правительство не могло еще подкрепить свои требования угрозой применить вооруженные методы борьбы [42]. Наиболее видный проводник этой политики Г. Штреземан считал, как справедливо отмечает историк ГДР В. Руге, что следует «идти на международные соглашения на основе существующего соотношения сил с тем, чтобы это соотношение сил разрушить...» [43]

Первоочередной задачей, к решению которой уже представлялось возможным приступить, намечалось участие Германии на равных основаниях с Францией и Англией в «европейском сообществе» держав, представлявшееся в форме гарантийного пакта.

Франция в результате Версальского договора заняла ведущее положение на европейском континенте. Она вернула себе наиболее важные промышленные районы — Эльзас и Лотарингию; получила возможность оказывать серьезную конкуренцию Англии на рынках Европы и Ближнего Востока; стала обладателем самой крупной сухопутной армии и авиации в Западной Европе. Французское правительство в послеверсальский период стремилось к максимальному ослаблению Германии, военному и экономическому. В политических и военных кругах Франции

---

[42] *Паевский Я.* Немецкие попытки «натиска на Восток» в период империализма.— В кн.: Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе, с. 241.

[43] *Ruge W.* Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin, 1965, S. 124.

вынашивались планы «расчленения» Германии, проведения политики военных санкций путем оккупации ее территории, захвата шахт и промышленных предприятий в Рурском бассейне, угроз продлить оккупацию Рейнской области до 1935 г. и даже отторгнуть эту область, поддерживая рейнских сепаратистов во главе с тогдашним бургомистром Кёльна К. Аденауэром [44].

Подобная политика, как мы это уже видели при рассмотрении переговоров о плане Дауэса, не отвечала интересам Англии. Английские правящие круги рассматривали версальское мирное урегулирование, имевшее своим результатом ослабление Германии, с одной стороны, и существенное возрастание роли Франции на континенте — с другой, как временное разрешение европейских проблем. Правительство Англии считало невозможным для себя гарантировать существующее в таком виде положение в Европе. В противовес французской политике английские правящие круги руководствовались задачей не допустить чрезмерного ослабления Германии. Поэтому вслед за подписанием Версальского договора правительство Англии стало содействовать стремлению Германии изменить часть статей в ее пользу и в ущерб Франции. Однако это не должно было повлечь за собой чрезмерное усиление Германии в качестве нового конкурента Англии в Европе взамен Франции. Английские руководящие деятели, писал тогдашний посланник Румынии в Лондоне Н. Титулеску, сообщая своему правительству о подписании плана Дауэса, намеревались сохранить свою основную линию, направленную на то, чтобы не чересчур усилить Германию, и одновременно помешать Франции «слишком уж быстро преодолеть послевоенные затруднения» [45]. Поэтому в интересах английского правительства было углубление германо-французских противоречий. Э. Тельман так писал об этом: «Английскому империализму нужен мир между Францией и Германией, контролируемый Англией. Но это соглашение между Францией и

---

[44] *King J. C.* Foch versus Clemenceau; France and German Dismemberment, 1918—1919. Cambridge (Mass.), 1960; «Revue historique», Paris, 1966, N 235, p. 9—20; *Schmidt R. J.* Versailles and the Ruhr; Seedbed of World War II. The Hague, 1968, p. 20—66, 232—235.

[45] Цит. по: *Языкова А. А.* Малая Антанта в европейской политике 1918—1925. М., 1974, с. 264.

Германией не должно заходить так далеко, чтобы превратиться в союз обоих государств. Между Францией и Германией ... должно всегда оставаться столько поводов для трений, чтобы английский империализм мог всегда использовать германо-французские противоречия в своей международной политике» [46].

«Германский вопрос» в политике западных держав имел и антисоветскую направленность. Так, по словам английского историка К. У. Мидлтона, в послеверсальский период у государственных деятелей Англии не было более настоятельной задачи, чем «удержать Германию от падения в русские объятия» [47]. В интересах английского монополистического капитала было создать в лице Германии достаточно сильный противовес Франции на Западе, а Советскому Союзу — на Востоке. Ведущие империалистические державы стремились оторвать Германию от политики Рапалльского договора, заключенного ею с Советским Союзом в 1922 г., и ввести ее в западноевропейское сообщество путем организации, приемлемой для всех участников системы безопасности в Западной Европе.

С принятием плана Дауэса правительство Эррио вынуждено было «перейти от агрессивной рейнско-рурской политики» к сотрудничеству с другими государствами, в особенности с Англией [48]. В письме к Р. Макдональду (11 августа 1924 г.) французский премьер обрисовал основные направления политики, которую он собирался проводить ввиду изменившейся ситуации [49]. Французскую сторону, как об этом свидетельствовали беседы между Эррио и Макдональдом (летом 1924 г. в Лондоне), больше всего волновал вопрос о безопасности. Премьер Франции мотивировал это серьезными нарушениями со стороны Германии постановлений о разоружении: увеличением численности рейхсвера и др. Наиболее целесообразным решением проблемы Эррио считал заключение англо-французского двустороннего гарантийного договора, взамен не вошедших в силу англо-французского и фран-

---

[46] *Thälmann E.* Locarno der neue Kriegspakt. Berlin, 1925, S. 7.
[47] *Middleton K. W. B.* Britain and Russia. London, 1945, p. 139.
[48] *Jacobson J.* Locarno Diplomacy. Germany and the West 1925—1929. Princeton (N. J.), 1972, p. 27.
[49] *Stambrook F. G.* «Das Kind» — Lord d'Abernon and the Origins of the Locarno Pact.— «Central European History», 1968, N 1, p. 235.

ко-американского гарантийных договоров, подписанных в июне 1918 г. Эти договоры должны были компенсировать отказ удовлетворить требование Франции на захват ею левого берега Рейна. Данные договоры, которые согласно статье 2 составляли единое целое, не были ратифицированы правительством США [50]. Свое предложение о заключении двустороннего гарантийного договора Эррио мотивировал сомнением в том, что Лига наций «сможет создать действенную организацию военной защиты» в течение ближайших 10—15 лет. Подобный вариант двустороннего гарантийного пакта не встретил одобрения с английской стороны, поскольку, как Макдональд заявил Эррио, он вызывает серьезные возражения со стороны английских военных кругов и со стороны Форин оффис. Премьер Англии подчеркнул, что считает гораздо целесообразней искать решение вопроса о безопасности в рамках Лиги наций. Если обе страны вместе с Бельгией образуют единый фронт, говорил он, девять десятых проблемы безопасности будут решены [51].

Опираясь на поддержку союзных с ней малых европейских стран, Франция выдвинула на сентябрьской сессии Лиги наций в 1924 г. получивший название Женевского протокол «О мирном урегулировании международных конфликтов». Представители английского лейбористского правительства поддержали французскую инициативу [52]. 2 октября Совет Лиги принял Женевский протокол. Он предусматривал сохранение территориального статус-кво, установленного Версальским договором, контроль Совета Лиги наций над демилитаризованными зонами. Французское правительство получало возможность рассчитывать на помощь Англии в случае конфликта между Германией и Францией или ее восточноевропейскими союзниками. Однако пришедшее вскоре после этого к власти в Англии консервативное правительство С. Болдуина сочло необходимым отказаться от него.

Кабинет Болдуина, поддерживаемый комитетом имперской обороны и правительствами доминионов, которые

---

[50] См. *Ключников Ю. В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II. М., 1926, с. 326—328; *Megerle K.* Op. cit., S. 43, 157.

[51] *Herriot Ed.* Op. cit., p. 139; *Zimmermann L.* Op. cit., S. 234, 235.

[52] См. *Языкова А. А.* Указ. соч., с. 264.

были последовательными противниками каких-либо обязательств Великобритании на европейском континенте, решительно выступил против ратификации Женевского протокола, и хотя, как мы увидим дальше, относительно решения проблемы безопасности в новом правительстве существовали различные точки зрения [53], в целом его позиция состояла в том, чтобы не брать на себя обязательство гарантировать все границы во французской системе союзов. С целью подготовить Францию к предполагаемому отказу Англии от Женевского протокола английский министр иностранных дел О. Чемберлен вел (в начале декабря 1924 г.) переговоры с Э. Эррио в Париже [54]. В меморандуме Форин оффис по вопросу об отношении к Женевскому протоколу (февраль 1925 г.) говорилось, что, по мнению английского правительства, действенным может быть лишь региональный гарантийный пакт. Предлагалось не отказываться от протокола, а видоизменить его в интересах Англии [55].

Ко времени официального заявления в Совете Лиги наций об отказе Англии ратифицировать Женевский протокол переговоры о гарантийном пакте уже шли полным ходом. Хотя их официальное начало обычно относят к 20 января 1925 г.— дате вручения английскому правительству германского меморандума с предложением о заключении пакта, по существу переговоры о пакте начались еще в декабре 1924 г.

Международное положение, сложившееся ко времени прихода к власти нового германского правительства, представлялось чрезвычайно благоприятным для начала активных внешнеполитических действий Германии. Германские руководители, и в первую очередь Штреземан, сумели правильно оценить обстановку и использовать главные аспекты внешней политики Англии — антифранцузский и антисоветский как орудие борьбы Германии против версальских ограничений, за восстановление ее военно-экономического могущества. Здесь, безусловно, основная заслуга принадлежала Г. Штреземану — искус-

---

[53] *Jacobson J.* Op. cit., p. 14—19.

[54] *Spaight J.* Pseudo-Security. London, 1928, p. 138; *Carr E. H.* Socialisme in One Country 1924—1926, vol. III, pt. 1. New York, 1964, p. 42.

[55] *Headlam-Morley J.* Studies in Diplomatic History. London, 1930, p. 171, 187.

ному политику и дипломату, на фоне которого еще больше отходила на второй план фигура рейхсканцлера Лютера — довольно посредственного политика. Фактически именно Штреземана — бессменного министра иностранных дел с 1923 г. (до смерти в 1929 г.) можно было назвать настоящим «тайным» германским канцлером этих лет [56]. Он персонифицировал в своем лице преемственность германской внешней политики от экспансионистских устремлений времени монархии Гогенцоллернов до планов мирового господства в новейшее время [57]. Для германской внешней политики, по словам западногерманского историка П. Крюгера, «во всяком случае под влиянием внутриполитического развития, речь не могла более идти о том, следует ли вообще стремиться к ревизии или нет, а единственно о том, с каким рвением и в какой форме, причем форма рассматривалась в весьма широком смысле» [58].

Главными целями правительства Германии во внешнеполитической области, которые представлялось возможным осуществить уже в 1925 г., были: 1) скорейшее освобождение от оккупации союзных войск в первую очередь Кёльнской и Рурской областей, а затем и всей остальной оккупированной территории; 2) компромиссное, в интересах Германии, решение проблемы ее разоружения, которое позволило бы в обход версальским постановлениям осуществлять перевооружение страны; 3) прекращение деятельности на территории Германии Межсоюзной контрольной комиссии и отказ от требуемой Парижем замены ее постоянными международными комиссиями для надзора за разоружением Германии и демилитаризацией Рейнской области [59].

Проведение в жизнь вышеуказанной программы, безусловно, натолкнулось бы на сопротивление главным образом Франции, правительство которой усмотрело бы в ней

---

[56] *Ruge W.* Weimar — Republik auf Zeit, S. 141.

[57] Ibidem; *Hillgruber A.* Kontinuität und Diskontinuität in der deutschen Außenpolitik von Bismarck bis Hitler. Düsseldorf, 1969, S. 20.

[58] *Krüger P.* Friedenssicherung und deutsche Revisionspolitik.— «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (далее VfZ), 1974, Hf. 3, S. 233.

[59] *Jacobson J.* Op. cit., p. 6; *Salewski M.* Entwaffnung und Militärkontrolle in Deutschland, 1919—1927. München, 1966, S. 268—270.

угрозу для своей безопасности. Следовало поэтому в первую очередь предоставить французскому правительству взамен какие-либо ощутимые гарантии безопасности, с тем чтобы успокоить его и облегчить проведение в жизнь германских требований. Последовавшее вскоре предложение о гарантийном пакте и было сделано, как это подтвердил конфиденциально три месяца спустя один из наиболее высокопоставленных чиновников МИД Германии, в надежде на то, что английская сторона побудит французскую согласиться на уступки Берлину [60]. Инициатива со стороны Германии в данном вопросе объяснялась, по мнению автора одного из новейших исследований германской внешней политики в 1925 г. К. Мегерле, не стремлением Германии способствовать решению проблемы безопасности как таковой, а чтобы посредством решения этой проблемы ослабить в первую очередь позиции Франции и «тем самым косвенно усилить германские позиции». В связи с этим и исходным пунктом инициативы Берлина было не столько стремление вслед за достигнутым взаимопониманием в экономической области (финансовое урегулирование в результате плана Дауэса) добиться аналогичного взаимопонимания в политической области, а попытка отвести от Германии «грозящую опасность» статуса о расследовании (нарушения версальских постановлений) и Женевского протокола [61].

Непосредственным же поводом, ускорившим развитие событий, послужили два обстоятельства, которые стали очевидны для германского правительства уже к концу 1924 г.,— принятое конференцией послов решение в связи с невыполнением Германией ряда требований о разоружении отложить назначенную на 10 января 1925 г. эвакуацию союзных войск из Кёльнской зоны, а также имевшиеся у германского правительства сведения о намечающемся англо-французском военном союзе [62]. 30 декабря Штреземан заявил представителям прессы, что если не будут проведены переговоры и достигнут компромисс по вопросу об эвакуации, политику, на которой было основано заключение соглашения о плане Дауэса, можно

---

[60] *Spenz J.* Die diplomatische Vorgeschichte des Beitritts Deutschlands zum Völkerbund, 1924—1926. Göttingen, 1966, S. 72—74.
[61] *Megerle K.* Op. cit., S. 57.
[62] Ibidem; *Jacobson J.* Op. cit., p. 6.

считать «полностью обанкротившейся» [63]. «Политика Лондонской конференции,— заявил германский министр несколькими днями спустя на заседании кабинета,— означала не только идею экономического и финансового урегулирования, но и урегулирования всего международно-политического положения. Отказ от эвакуации Кёльна подвергает величайшей опасности возможность продолжения этой политики» [64].

Осуществлению планируемого руководящими кругами Германии компромиссного решения данной проблемы, которое ускорило бы возвращение Германии в «европейское сообщество» держав, способствовала активная поддержка со стороны английского посла в Берлине лорда д'Абернона [65], которого, по словам германского дипломата Дирксена, «можно было считать почти сотрудником министерства иностранных дел Германии» [66]. Д'Абернон так писал о своих отношениях со Штреземаном: «Я был очень близок с этим человеком, знал его очень хорошо и был к нему очень привязан. В течение шести лет почти ежедневно общался с ним... Я полагаю, еще никогда не было двух столь искренних друг с другом людей» [67].

Сразу же после прихода к власти нового правительства Болдуина д'Абернон выехал в Лондон, чтобы позондировать позиции руководящих кругов относительно европейского пакта безопасности с участием Германии, Англии, Франции и Италии при поручительстве США, т. е. варианта Рейнского гарантийного пакта, предложенного в 1922 г. державам рейхсканцлером Куно [68]. В Форин оффис он не встретил одобрительного отношения к этому варианту. Новый министр иностранных дел О. Чемберлен поддерживал в то время идею англо-франко-бельгийского союза лишь с последующим присоединением к нему Германии. Такой же позиции придерживались его ближайшие сотрудники по Форин оффис Э. Кроу и У. Тиррел [69].

---

[63] «Times», 31.XII 1924.
[64] Cabinet Protocol, 6 January 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 11.
[65] *Jacobson J.* Op. cit., p. 9.
[66] *Dirksen H. von.* Moskau — Tokio — London. Erinnerungen. Stuttgart, 1949, S. 56.
[67] *D'Abernon E.* Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. III. Leipzig, 1930, S. 19.
[68] См. *Ахтамзян А.* Рапалльская политика. М., 1974, с. 136.
[69] *Urbanitsch P.* Großbritannien und die Verträge von Locarno.— HZ, 1970, Bd. 211, Hf. 2, Oktober, S. 436.

Этот союз по существу был бы возобновлением прежней «entente cordiale» (сердечное согласие). Штреземан сообщил в связи с этим рейхсканцлеру Лютеру «о том резком осуждении» проекта Куно, с которым столкнулся, находясь в Лондоне, д'Абернон — «этот дальновидный и независимо мыслящий человек» [70].

Однако некоторые руководящие лица в Англии отнеслись к его предложению с пониманием. Поэтому, вернувшись в Берлин, английский посол посоветовал статс-секретарю министерства иностранных дел К. Шуберту, с которым он уже с октября «откровенно беседовал по этому вопросу» [71], сохраняя строгую секретность, «прощупать почву» через дипломатические каналы [72]. С этой целью начальник правового отдела МИД Германии Ф. Гаус дал соответствующее указание находящемуся в Лондоне тайному советнику Б. фон Бюлову [73]. С германскими предложениями были ознакомлены члены британского кабинета. Особенно благосклонно к новой инициативе Германии отнесся канцлер казначейства Уинстон Черчилль.

Под руководством Штреземана и при участии Шуберта и Гауса началась выработка текста меморандума о безопасности. Лютер в мемуарах так рассказывает об этой начальной стадии переговоров: «После того как мой первый кабинет выдержал в рейхстаге пробу огнем, ко мне на квартиру еще в тот же вечер пришел Штреземан, чтобы ввести меня в курс происходившего зондажа позиций правительств в Лондоне и Париже... Во время беседы тем январским вечером Штреземан поставил меня в известность о содержании меморандума, который затем был передан 20 января лорду д'Абернону, указав при этом, что речь идет о «неофициальном» документе. Кроме лорда д'Абернона и меня, о существовании документа знал лишь узкий круг сотрудников Штреземана. Не знал об этом и кабинет» [74]. Сам рейхсканцлер, по его собственному признанию, был «в эти часы» впервые осведомлен

[70] *Luther H.* Politiker ohne Partei. Erinnerungen. Stuttgart, 1960, S. 356.
[71] Lord d'Abernon's Diary. An Ambassador of Peace, vol. III, 1924—1926. London, 1930, p. 151.
[72] *Stambrook F. G.* Op. cit., p. 247; *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 59, 175.
[73] Auswärtiges Amt (далее AA), 12.I 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 175.
[74] *Luther H.* Op. cit., S. 356, 357.

об этом документе и дал Штреземану «согласие на дальнейшие переговоры с лордом д'Абернноном на основе меморандума» [75].

Д'Абернон (по сообщению Шуберта германскому послу в Лондоне Ф. Штамеру 19 января 1925 г.) заявил в беседе с германскими руководящими лицами, что, по его мнению, они поступили бы благоразумно, если безотлагательно взяли на себя инициативу в этом вопросе. При этом, однако, английский посол не советовал производить одновременных демаршей в Париже и Лондоне, а обратиться к нему с «конкретным предложением в форме доверительного меморандума» [76].

20 января 1925 г. германский меморандум о пакте безопасности был передан английскому послу и отправлен в Лондон. Получился своего рода парадокс: д'Абернон принял документ, одним из главных инициаторов которого, если не сказать больше, являлся он сам [77].

В тексте меморандума [78] говорилось о заключении пакта, гарантирующего территориальное статус-кво на западных границах Германии. Германское правительство заявляло также о согласии подтвердить в этом пакте прежние обязательства по статьям 42 и 43 Версальского договора о демилитаризации Рейнской области. И, конечно, отнюдь не случайно ничего не говорилось о гарантии восточных границ, т. е. границ Германии с Польшей и Чехословакией [79].

Согласно предложению германского правительства, пакт гарантировал статус-кво на Рейне, т. е. безопасность границ Франции с Германией. А оставляя открытым вопрос о гарантиях восточных границ, германское правительство тем самым ясно показывало нежелание отказаться

[75] *Luther H.* Op. cit., S. 357.

[76] Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959, с. 27.

[77] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 151.

[78] Локарнская конференция 1925 г., с. 32—37.

[79] Подробнее о германо-польских отношениях см. *Климовский Д. С.* Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975; *Никонова С. В.* Германия и Англия от Локарно до Лозанны, с. 218—254; *Oertel M.* Beiträge zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen in den Jahren 1925—1930. Phil. Diss., Berlin, 1968; *Krekeler N.* Revisionsanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik. Die Subventionierung der deutschen Minderheit in Polen 1919—1933. Stuttgart, 1973 и др. О германо-чехословацких отношениях: *Alexander M.* Der deutsch-tschechoslowakische Schiedsvertrag von 1925 im Rahmen der Locarno-Verträge. München — Wien, 1970.

от возможности их ревизии. Гораздо откровеннее, чем это, естественно, могло быть сделано в меморандуме — первом «пробном шаре» германской ревизионистской политики, говорилось по этому поводу в упоминавшемся выше письме Шуберта Штамеру (от 19 января 1925 г.). Пакт, по словам Шуберта, «оставляет открытым вопрос о гарантиях безопасности Польши против германской агрессии... Единственная особая гарантия, на которую мы могли бы пойти в отношении Польши, было бы заключение широкого договора об арбитраже» [80].

Это была пресловутая «вечно штреземановская», как ее предельно точно назвал В. Руге [81], политика непризнания восточных границ [82]. В неприкрытой форме ее сущность наиболее ярко отражена в секретном меморандуме германского министерства иностранных дел «о немецких национальных меньшинствах» в Европе (январь 1925 г.), где констатировалось: «Создание государства, политическая граница которого охватывает все районы с немецким населением, живущим в пределах замкнутых германских районов поселения в Средней Европе и желающим присоединения к рейху, является отдаленной целью надежд Германии, а постепенная ревизия несостоятельных с политической и экономической точек зрения пограничных постановлений по мирному договору (польский коридор, Верхняя Силезия) — *первоочередной задачей* германской внешней политики» (выделено нами.— *С. Н.*) [83].

Однако по этому вопросу Штреземан высказывался не только в секретных документах. В беседе с депутатами фракции партии дейч-националов рейхстага (20 марта 1925 г.) он подчеркнул, что «германское правительство заявило о своей готовности гарантировать в пакте западную границу Версальского договора, на что другая сторона ответит полным освобождением левого берега Рейна;

[80] Локарнская конференция 1925 г., с. 31.

[81] *Ruge W.* Weimar — Republik auf Zeit, S. 141.

[82] Экспансионистские концепции Германии в отношении Польши анализируются в следующих статьях того же автора: *Ruge W.* Zur chuvinistischen Propaganda gegen den Versailler Vertrag 1919 bis 1929.— «Jahrbuch für Geschichte», Bd. I. Berlin, 1967; *Ruge W.* Stresemann — ein Leitbild? — «Blätter für deutsche und internationale Politik», 1969, Hf. 5.

[83] Staatsarchiv Dresden.— In: Dokumente zur deutschen Geschichte 1924—1929, S. 35. Цитируемый документ находится также в неопубликованном архиве Штреземана — Nachlass, на который ссылаются многие буржуазные историки (например, Х. Хёльтье).

оно вместе с тем отвергает какую бы то ни было гарантию германской восточной границы, исходя скорее из того, что в том, что касается восточной границы, Версальский договор сегодня уже ставится под вопрос» [84]. Цель германского предложения, как об этом свидетельствуют архивные источники, состояла в том, чтобы «посредством пакта на Западе получить свободу рук на Востоке» [85]. В беседе с д'Абернноном (26 марта 1925 г.) статс-секретарь Шуберт заявил, что Германия не может сделать какое-либо «формальное заявление Польше в любой форме», поскольку «такое заявление заключает в себе все же известную, хотя и косвенную гарантию» восточных границ. В конечном счете, по словам Шуберта, это повело бы к пакту о ненападении с Польшей, который германское правительство «заключить не может» [86]. Подобное же мнение было высказано в заметках от 22 ноября 1924 г., которые (по мнению исследователей, работавших над архивными материалами) принадлежат, по всей видимости, Гаусу. В них особо подчеркивается, что Женевский протокол идет значительно дальше, чем протокол Лиги наций о военном контроле, ибо в нем говорится о «длительном» контроле без указания, на какое время его предполагается сохранить [87]. Уже одно это представлялось достаточным для вывода о невозможности присоединения Германии к протоколу. Кроме того (его же заметки от 2 марта 1925 г.), присоединение к Женевскому протоколу исключило бы для Германии возможность вновь поставить вопрос о Верхней Силезии [88]. «Ценность протокола для Германии, по мнению Гауса, очень проблематична, поскольку он закрывает путь к мирной ревизии Версальского договора» [89].

Германское правительство хотело как можно скорее заручиться согласием Англии перед тем, как обратиться с аналогичным меморандумом к Франции [90]. Стремясь ус-

---

[84] Zentrales Staatsarchiv. Potsdam (далее ZStA Potsdam).— In: *Ruge W.* Die Außenpolitik der Weimarer Republik und das Problem der europäischen Sicherheit 1925—1932.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее ZfG), 1974, N 3, S. 278.

[85] Ibidem.

[86] AA, 25.III 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 185.

[87] AA, 22.XI 1924.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 55, 170.

[88] AA, 2.III 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 56, 171.

[89] AA, 22.XI 1924.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 56.

[90] См. Локарнская конференция 1925 г., с. 30.

корить достижение договоренности с английским правительством, германские руководящие круги в это время пытались, по возможности, всячески сглаживать противоречия с Англией. Так, в начале 1925 г. была выражена готовность предоставить английской стороне при распределении репарационных платежей определенные преимущества, в которых Франции было отказано [91]. Выступая перед иностранными корреспондентами через несколько дней после вручения меморандума (30 января), рейхсканцлер Лютер заявил: «В сущности требование обеспечить безопасность отражает необходимость того, чтобы отныне за экономическим взаимопониманием с Лондоном последовало также принципиальное обсуждение еще не решенных политических проблем. Ибо вопрос о безопасности составляет сущность этих политических проблем. Коль скоро будет найдено решение вопроса о безопасности, почти само собой последует разрешение большинства остальных вопросов» [92].

Однако меморандум германского правительства не получил в Лондоне безоговорочного одобрения и, что было особенно важно, со стороны министра иностранных дел О. Чемберлена, усмотревшего в нем, по словам его биографа Ч. Петри, «неуклюжую попытку Германии вбить клин между Великобританией и Францией» [93]. Английский министр даже возразил против намерения германского посла Штамера сообщить в Берлин, что он (Чемберлен) одобряет предложение Германии в принципе [94]. Считая в тот момент ведение сепаратных переговоров с Германией неприемлемым, английский министр иностранных дел изложил свой план европейского пакта в секретной памятной записке от 20 февраля 1925 г.[95], оза-

---

[91] *Hampel M.* Die imperialistische Außenpolitik Deutschlands beim Weideraufleben der anglo-französischen Interventionstendenzen gegen die UdSSR (1925—1297). Phil. Dissertation. Berlin, 1958 S. 43.

[92] *Luther H.* Op. cit., S. 361.

[93] *Petrie Ch.* The Life and Letters of the Right Honoured Sir Austen Chamberlain, vol. II. London, 1940, p. 256.

[94] Austen Chamberlain Papers (далее — AC).— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 14.

[95] В новейшей литературе этот документ именуется меморандумом Кроу — Никольсона. Указывается, что он был написан Э. Кроу и Г. Никольсоном под руководством Чемберлена (*Jacobson J.* Op. cit., p. 17, 19).

главленной «Английская политика в связи с положением в Европе». Чемберлен предлагал решить «вопрос о безопасности» путем соглашения между «победителями» и «побежденными» (т. е. Германией), противопоставленного «третьему лагерю» — Советской стране. Соглашение должно было осуществляться поэтапно: сначала некое подобие новой Антанты — англо-франко-бельгийский союз, а после этого привлечение Германии к созданным таким образом гарантиям безопасности, если Германия, с благосклонного согласия Франции, станет членом Лиги наций и получит постоянное место в Совете... [96]

Однако план Чемберлена не получил поддержки в английских руководящих кругах [97]. С целью создать оппозицию этому проекту выдержки из него, а затем и весь текст были опубликованы различными газетами за границей [98]. Расчет инициаторов этой публикации оказался правильным.

Надо сказать, что и сам английский министр иностранных дел не стал настаивать на своем проекте, целью которого было главным образом показать Парижу, что английское правительство хочет предоставить Франции определенные гарантии безопасности [99]. В действительности же Чемберлен-политик довольно быстро оценил те возможности, которые вытекали из германского меморандума от 20 января: создание регионально ограниченной системы безопасности, означавшей для Англии лишь строго определенные обязательства [100].

9 февраля 1925 г. германское правительство направило правительству Франции меморандум с предложением заключить пакт безопасности. Д'Абернон советовал руководящим деятелям в Берлине не откладывать обращения к Франции с тем, чтобы изменить позицию Чемберлена и ускорить ход переговоров [101].

Хотя большинство исследователей до последнего времени писали об отрицательной или по меньшей мере вы-

---

[96] Локарнская конференция 1925 г., с. 43, 52.
[97] Сб об этом подробнее *Jacobson J.* Op. cit., p. 18—20; *Watt D. C.* Britain Looks to Germany. London, 1965, p. 20.
[98] «Chicago Tribune» (парижское издание) 6.III 1925; «World», 10.V 1925 и др.
[99] *Jacobson J.* Op. cit., p. 19.
[100] *Urbanitsch P.* Op. cit., S. 436.
[101] См. *Турок В. М.* Локарно. М., 1949, с. 114—115.

жидательной позиции, которую заняли французские руководящие деятели и главным образом Эррио относительно германского предложения [102], недавно опубликованные документы свидетельствуют о том, что французский премьер проявил серьезный интерес к предложению и сообщил Чемберлену, что не возражает против обоюдных гарантий и включения Германии в пакт о безопасности [103]. На протяжении следующих месяцев французская сторона проявляла интерес к меморандуму германского правительства, хотя в нем, как известно, был ряд отрицательных моментов и он представлялся намного менее ценным, с точки зрения безопасности Франции, чем Женевский протокол или англо-франко-бельгийский союз. Вместе с тем французское правительство вынуждено было считаться с объективными реальностями, которые отражал германский проект: отказ Лондона от ратификации Женевского протокола (о чем Эррио поставили в известность 6—7 марта); согласие английского правительства гарантировать лишь границы Франции с Германией; изменения самой политики французского правительства по отношению к Германии, вытекающие из обязательств по плану Дауэса, и т. п. Поэтому Эррио и заменившему его вскоре А. Бриану не оставалось ничего другого, как не отвергать предложение Берлина, о чем свидетельствовали две ответные ноты Франции (от 20 февраля и от 6 апреля), носившие, по выражению американского исследователя Джекобсона, «ободряющий и вместе с тем не обязывающий» характер [104].

На заседаниях английского кабинета (2 и 4 марта) конфликт между Чемберленом и противниками его плана тройственного союза и каких-либо обязательств Англии на европейском континенте, ограничивающих ее возможности посредника между государствами [105], разрешился отказом кабинета от Женевского протокола и от предложенной министром иностранных дел альтернативы. По-

---

[102] Другая точка зрения, которая основывается на документах внешней политики Бельгии, нашла отражение в вышедшей в 1972 г. монографии Й. Джекобсона о локарнской дипломатии (см. *Jacobson J.* Op. cit.).

[103] *Jacobson J.* Op. cit., p. 27; Documents diplomatiques belges (далее DDB), 1920—1940, t. II. Bruxelles, 1964, p. 22, 27, 30.

[104] *Jacobson J.* Op. cit., p. 29.

[105] AC 52/195,— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 19.

следний согласился с предложением Черчилля рекомендовать Эррио проект четырехстороннего пакта, включающего Германию. В соответствии с этим кабинет уполномочил Чемберлена (что он сделал в инструктивном письме послу в Париже лорду Р. Крю) передать Эррио следующее: «Условия в данный момент таковы, что политика гарантирования Великобританией восточных границ Франции и Бельгии окажется гораздо более реальной, если к ней присоединится Германия. Поэтому я придаю огромную важность новому шагу правительства Лютера» (т. е. германскому меморандуму Франции от 9 февраля.— *С. Н.*). Чемберлен просил английского посла побудить французских руководящих деятелей с вниманием отнестись к предложению Германии [106].

Еще больше склонял чашу весов в пользу заключения пакта с участием Германии и отказа от плана англо-франко-бельгийского союза предстоящий отказ Великобритании от Женевского протокола на мартовской сессии Совета Лиги наций. Учитывая это, а также возможность в случае отклонения Францией германского предложения более тесного сближения Германии с Советской страной, Чемберлен обратился к Эррио 2 марта с секретным письмом. «Британское правительство,— говорилось в нем,— поставило себе особой целью вовлечь Германию в Лигу наций и связать ее интересы с интересами Западной Европы, сделав эти интересы ее собственными. План Дауэса немало способствовал осуществлению этой цели, так как благодаря ему промышленные и финансовые интересы Германии обращаются в сторону объединения с Западной Европой и Америкой. Британское правительство идет, однако, дальше и считает, что соглашение между Германией и европейскими народами, которое имело бы военно-политическое значение, было бы чрезвычайно важным» [107].

Не ограничившись письменным обращением к французскому премьеру, Чемберлен по пути в Женеву на сессию Совета Лиги наций, где ему предстояло заявить об отказе английского правительства от Женевского протокола, остановился в Париже (6—7 марта) для конфиденциаль-

---

[106] Cabinet, 2, 4.III 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 21; *Midlemas K., Barnes J.* Baldwin. A Biography. London, 1969, p. 350.

[107] Цит. по: ДВП, т. VIII. М., 1963, с. 561.

ных переговоров с Эррио, имея предписание кабинета воздержаться от какого-либо конкретного формулирования обязательств Англии в предполагаемом гарантийном пакте. Английский министр мог лишь обещать французской стороне, что его правительство предпримет все усилия, чтобы «сделать возможным такое обоюдное соглашение» и будет содействовать «успешному развитию» событий [108]. Когда Чемберлен сообщил Эррио о решении кабинета, французского премьера, который перед этим уже проявил интерес к проекту Рейнского пакта в беседах с английским и германским послами, это решение явно встревожило. Поэтому Чемберлен телеграфировал в Лондон Болдуину о том, что просит его ускорить решение кабинета об участии Англии как гаранта в предполагаемом пакте. Такое решение было принято кабинетом 20 марта [109].

После повторной беседы обоих государственных деятелей, состоявшейся на обратном пути Чемберлена из Женевы, английская пресса сообщила о «сближении» точек зрения Франции и Англии [110]. Это подтверждается советским полпредом во Франции Л. Б. Красиным, который писал 23 марта 1925 г.: «По имеющимся у нас сведениям, Эррио обещал дать Чемберлену ответ по поводу германского предложения и других вопросов, с ним связанных, в течение ближайших двух месяцев» [111].

Однако в Германии ясно отдавали себе отчет в трудностях, перед лицом которых оказалось французское правительство в связи с германским предложением о пакте. По свидетельству д'Абернона, в первые месяцы 1925 г. Штреземан высказывал ему свои соображения по этому поводу [112].

И действительно, французское правительство медлило с окончательным ответом на меморандум Берлина. «Франция наверняка не заинтересована в том, чтобы быстро

---

[108] Cabinet, 2, 4.III 1925.— In *Jacobson J.* Op. cit., p. 19—20.

[109] *Jacobson J.* Op. cit., p. 20; *Wandycz P.* France and Her Eastern Allies, 1919—1925. Minneapolis, 1962, p. 329; *Johnson D.* Austen Chamberlain and the Locarno Agreements.— «University of Birmingham Historical Journal», 1961, N 8, p. 74—76.

[110] «Times», 19.III 1925.

[111] ДВП, т. VIII, с. 191.

[112] *Vincent d'Abernon E.* Gustav Stresemann.— In: *Schmid C., Pleticha H.* Zeitgeschichte aus erster Hand. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen. Würzburg, 1967, S. 95.

урегулировать вопрос о пакте безопасности,— записывает в своем дневнике (18 марта 1925 г.) личный референт рейхсканцлера М. фон Штокгаузен.— Германское предложение о гарантийном пакте явилось для французских кругов сюрпризом и смутило их. В Англии его приветствовали... Поэтому его можно по праву назвать выигрышным шахматным ходом» [113].

Что касалось Англии, то сразу по возвращении в Лондон Чемберлен сделал официальное заявление в палате общин (24 марта), что английское правительство считает единственно возможным гарантийный пакт с участием в нем Германии. Предполагается также прием Германии в Лигу наций и предоставление ей места в Совете Лиги, если германское правительство согласится на безоговорочное выполнение своих обязанностей по всем статьям Устава Лиги наций. Отказ от Женевского протокола объясняется невозможностью распространить английские гарантии на все границы. Англия поэтому берет на себя только гарантию франко-германских границ. Вынужденный, однако, учитывать неодобрительное отношение к отказу гарантировать границы на востоке Германии со стороны Франции и ее союзников — Польши и Чехословакии, Чемберлен заверил, что сама по себе гарантия Англией франко-германской границы обусловит стабилизацию существующего положения на восточных границах Германии. При этом он подчеркнул стремление Германии и Польши к сохранению мира и их незаинтересованность в пересмотре границ [114].

Однако последнее заявление английского министра иностранных дел полностью противоречило действительному положению дел. Уже в упоминавшемся письме Шуберта Штамеру (от 19 января 1925 г.) вполне недвусмысленно констатировалось, что предложенный Германией проект пакта «оставляет открытым вопрос о гарантиях безопасности Польши против германской агрессии». Еще более ясно позиция правительства Германии в данном

---

[113] *Stockhausen M. von.* Sechs Jahre Reichskanzlei. Von Rapallo bis Locarno. Erinnerungen und Tagebuchnotizen, 1922—1927. Bonn, 1954, S. 154.

[114] Parliamentary Debates. House of Commons (далее PDHC), 24 March 1925, vol. 182, col. 320; «Peace in Our Time». Addresses on Europe and the Empire by the Right Honoured Sir Austen Chamberlain. London, 1928, p. 36—38.

вопросе была отражена в инструкции Штреземана послу в Париже Л. фон Гешу (от 5 февраля 1925 г.): «Если ... учесть нашу всем известную позицию относительно решения вопроса о Верхней Силезии,— говорилось в этом документе,— то для нас является неприемлемым подписание договора, который бы рассматривался как повторное торжественное признание восточных границ» [115]. В письме Шуберта германскому послу в Москве Брокдорфу-Ранцау, отправленном через неделю после вышеупомянутой инструкции Штреземана, подчеркивалось, что «всякое прямое или косвенное признание наших существующих границ на Востоке посредством гарантийного пакта *абсолютно исключается*» [116] (выделено нами.— *С. Н.*).

Эта позиция встречала полное одобрение и поддержку в английских правящих кругах. Выдвинутое английским правительством условие, что «наша гарантия должна распространяться лишь на западную границу Германии,— записывал в своем дневнике д'Абернон,— а не на восточную, безусловно, правильно и умно» [117]. Д'Абернон «проявил полное понимание того, что наши границы на востоке не могут быть долговечными» [118],— телеграфировал Шуберт германскому послу в Лондоне Штамеру (11 февраля 1925 г.). Более того, поддерживая позицию Германии относительно ее восточных границ, английские руководящие деятели не строили никаких иллюзий насчет конечных целей германского правительства. «В Лондоне господствует мысль,— записывает д'Абернон (26 марта 1925 г.),— что германское предложение о гарантиях на Западе сделано с единственной целью: создать условия, благоприятные для войны на Востоке» [119]. А Чемберлен, выступая в Бирмингеме 6 апреля, заявил, что в случае нападения Германии на Польшу «у нас не будет никаких обязательств» [120].

Вместе с тем необходимо было учитывать отношение к этому вопросу со стороны других государств. Крайнее волнение предполагаемый отказ Англии от гарантий германских восточных границ вызвал в Польше. По мне-

---

[115] Локарнская конференция 1925 г., с. 31, 39—40.
[116] ИДА, ф. 90, д. 37, л. 76.
[117] *D'Abernon E.* Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. III, S. 169.
[118] ИДА, ф. 90, д. 37, л. 75.
[119] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 156—157.
[120] «Peace in Our Time», p. 66.

нию польского министра иностранных дел А. Скшиньского, «договор на Западе без гарантий на Востоке был бы подобен дому с прекрасными гобеленами, хозяева которого заботятся лишь о них, подвергая все вещи в соседних комнатах опасности пожара» [121]. Особенно беспокоило руководящих деятелей Польши поощрение антипольской политики Германии со стороны английского правительства. Польский посол в Берлине К. Ольшовский писал в Лондон послу К. Скирмунту: «Концентрическая атака на Польшу, к которой прибегает Германия в настоящий момент, много бы утратила в своей силе, если бы отсутствовала поддержка, источник которой постоянно указывает на Лондон» [122].

В связи с этим польское правительство стремилось всячески воздействовать на руководящих деятелей Англии и Франции. «Обращаю внимание на тесную работу министерства иностранных дел Польши с Лондоном и Парижем,— телеграфирует в феврале 1925 г. в Москву полпред СССР в Варшаве П. Л. Войков.— Скшиньский делает чрезвычайное усилие, чтобы заставить Англию поставить вопрос о западных границах Польши в гарантийном соглашении» [123].

Посол Польши в Берлине Ольшовский пытался добиться поддержки со стороны французского посла в Германии П. де Маржери. Последний заверил польского посла, что в категорической форме высказал германским руководителям мнение своего правительства о необходимости гарантировать безопасность польской территории [124]. Беспокойство относительно своих границ в связи с проектируемым пактом проявили также правительства Италии (итало-австрийской границы в районе Бреннера) и Чехословакии (австро-чехословацкой границы), которые потребовали, чтобы в гарантийном пакте было заявлено о признании Германией запрещения аншлюса (присоединения) Австрии [125].

---

[121] *Macartney C. A.* Survey of International Affairs, 1925, vol. II. London, 1928, p. 29.
[122] См. *Климовский Д. С.* Указ. соч., с. 25.
[123] ДВП, т. VII, с. 149.
[124] См. *Климовский Д. С.* Указ. соч., с. 25.
[125] AA, 14.V 1925, 6.VI 1925, 1.IV 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 186—187.

Однако германское правительство считало нецелесообразным открывать дискуссию по вопросу о расширении гарантийного пакта, которое оно считало абсолютно неприемлемым. Включение в гарантийный пакт указанных выше требований, по его мнению, осложнило бы решение проблемы безопасности. Если бы Германия согласилась с требованиями Италии и Чехословакии об отказе Германии от аншлюса в пакте, то это дало бы основание Польше и Чехословакии выступить с аналогичным требованием относительно своих границ с Германией [126]. Позиция же германского правительства по вопросу о границах с Польшей и Чехословакией была твердой и непоколебимой, и оно считало абсолютно исключенным участие в пакте, если он не откроет перед Германией реальные перспективы ревизии версальских постановлений. «Заключит ли Германия западный пакт,— писала «Берлинер тагеблатт» в апреле 1925 г.,— зависит ... по нашему мнению, от того, что мы выиграем от такого соглашения, и на какие уступки Германии будут готовы пойти союзники» [127]. Но, ожидая ответа Франции на свой меморандум от 9 февраля, германское правительство не считало нужным в тот момент проведение широкой кампании за ревизию восточных границ Германии. На данном этапе, по его мнению, следовало, напротив, не создавать впечатления, что Германия хочет уже теперь изменить восточные границы. Это могло повлечь за собой требование союзных держав о гарантии всех германских границ [128].

Аналогичной позиции в этом вопросе придерживалось и английское правительство, полагавшее, что пока еще преждевременно и нецелесообразно для Германии открыто прокламировать планы ревизии ее границ [129]. Вместе с тем, поскольку эти планы в общем не противоречили интересам Англии, английское руководство стремилось воздействовать на Францию, вынуждая ее согласиться с тем, что обязательства Англии в пакте не распространяются на восточные границы Германии. В этом смысле

---

[126] AA, 4.VI 1925, 23.V 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 70—71, 186—187.
[127] «Berliner Tageblatt», 30.IV 1925.
[128] *Megerle K.* Op. cit., S. 70.
[129] *Petrie Ch.* Op. cit., vol. II, p. 268, 274.

первоначальный проект ответной ноты Франции на германский меморандум, присланный в Лондон в мае [130], не удовлетворил английское правительство, так как в нем ставился вопрос об этих не приемлемых для Англии гарантиях [131]. Ответ, направленный Чемберленом в Париж 28 мая на имя нового министра иностранных дел А. Бриана, был категоричным: обязательства Великобритании могут быть ограничены лишь западными границами Германии [132].

Германское правительство, учитывая неблагоприятную для него позицию Франции, решило прибегнуть и к «русскому козырю». Выступая в мае 1925 г. в рейхстаге, Штреземан призывал английское правительство «защитить» интересы Германии перед лицом Франции. Он подчеркнул, что если это не удастся, германское правительство пойдет на новое сближение с Советской страной, которая «во взаимоотношениях Германии с Востоком все еще является решающим фактором» и с которой «нет трений ни в одной политической области» [133].

В то же время в другой беседе с д'Абернноном германский министр иностранных дел высказал сожаление в связи с позицией правительства Франции по вопросу о восточных границах Германии. Не случайно откровенные высказывания во время этой беседы Штреземана, касающиеся ревизионистских планов относительно Польши и Чехословакии, отсутствуют в его опубликованном архиве под названием «Vermächtnis». Текст этой беседы имеется в неопубликованном полном архиве Штреземана [134] (в настоящее время микрофильмированном и доступном исследователям). Согласно находящейся в этом архиве записи в дневнике (от 4 июня), Штреземан сказал д'Абернону, что по вопросу об аннексии «германской Австрии» и возвращении польского коридора «мы, разумеется, никогда бы не сделали заявления об отказе от того или другого, но у нас нет намерения и силы предпринять что-либо

---

[130] Локарнская конференция 1926 г., с. 75—78.
[131] *Petrie Ch.* Op. cit., vol. II, p. 276.
[132] Papers Respecting the Proposals for a Pact of Security Made by the German Government on February 9, 1925. London, 1925, p. 18—28. Miscellaneous N 7 (1925); Локарнская конференция 1925 г., с. 86—93.
[133] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 385, S. 1871, 12.V 1925.
[134] *Stresemann G.* Nachlass.

против Польши, а германо-австрийский вопрос, помимо того, в настоящее время не актуален» [135].

Германское министерство иностранных дел настаивало на скорейшей ратификации англо-германского торгового договора, учитывая всю важность в тот момент благоприятного отношения со стороны Англии. Известные надежды на изменение позиции Франции возлагались в Берлине в связи с появлением на Кэ д'Орсей [136] вместо Эррио А. Бриана, известного англофильскими настроениями [137].

Предпринятые германским правительством действия оказались успешными. Активная переписка между Лондоном и Парижем привела к согласию французского правительства с английским по основным вопросам германского меморандума о пакте безопасности [138].

Решающую роль в согласии Франции сыграл, безусловно, нажим финансовых кругов США [139]. В мае 1925 г. с призывом достичь «умиротворения» Европы выступил посол США в Англии А. Хаутон [140]. Проектируемый гарантийный пакт получил официальное одобрение со стороны американского президента К. Кулиджа [141]. Интересам Берлина отвечала также прогерманская позиция посла США в Германии Дж. Шурмана, который, по словам Штреземана, «может чувствовать и воспринимать все одинаково с нами и желает от всего сердца возрождения Германии; во всяком случае сделал бы все, чтобы участвовать в этом» [142].

И действительно, окончательный текст ответа французского правительства на германский меморандум (от 16 июня) был с одобрением встречен и в Лондоне, и в Вашингтоне [143].

---

[135] Цит. по: *Höltje Ch.* Die Weimarer Republik und das Ostlocarnoproblem, 1919—1934. Würzburg, 1958, S. 62.

[136] Набережная в Париже, где находится французское министерство иностранных дел.

[137] ДВП, т. VIII, с. 312.

[138] Локарнская конференция 1925 г., с. 102, 113.

[139] *Wandel E.* Die Bedeutung der Vereinigten Staaten von America für das deutsche Reparationproblem 1924—1929. Tübingen, 1971, S. 27.

[140] «New York Times», 5.V 1925.

[141] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее FRUS). Department of State, 1925, vol. 1, p. XII.

[142] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1955, Hf. 1, Januar, S. 31.

[143] *Petrie Ch.* Op. cit., vol. II, p. 280.

Германские руководящие деятели, напротив, расценили ответную французскую ноту как «крайне неудовлетворительную», считая, что английское правительство зашло чересчур «далеко в уступках Франции» [144]. 24 июня на заседании германского кабинета министров ряд его членов выступил с открыто ревизионистскими требованиями, свидетельствовавшими о том, что проектируемый гарантийный пакт рассматривается ими как временная, вынужденная мера для достижения основных внешнеполитических целей Германии. Это относилось не только к восточным границам, но и к гарантиям территориального статус-кво на Западе. Пакт на Западе, по словам министра рейхсвера О. Гесслера, германское правительство подписывает, исходя втайне из того, что не может отказаться ни от «пяди немецкой земли (т. е. Эльзас — Лотарингии.— *С. Н.*); следовательно, он (пакт.— *С. Н.*) является не более чем перемирием». Генерал Г. фон Сект также подчеркивал, что Германия ни при каких обстоятельствах не может отказаться от Эльзас — Лотарингии и достигнуть нового урегулирования вопроса о границах на Западе и Востоке в том виде, в каком они существовали в 1914 г., без применения силы [145]. Еще с более ярых шовинистических позиций выступили на этом заседании лидеры партии дейч-националов, возражая против «отречения от немецкой территории и населения на Востоке и Западе» [146] и пытаясь вынудить Штреземана подать в отставку [147]. Чтобы нейтрализовать критику своей политики и добиться согласия дейч-националов на благоприятный ответ Франции, министр иностранных дел пытался преуменьшить значение делаемых Германией уступок и, одновременно, продемонстрировать преимущества предпо-

[144] *Stresemann G.* His Diaries, Letters and Papers. Ed. and translated by E. Sutton, vol. II. London, 1940, p. 95.

[145] ZStA Potsdam, Reichskanzlei.— ZfG, 1974, N 3, S. 277; *Meier-Welcker H.* Seeckt. Frankfurt a/M., 1967, S. 470—477.

[146] Cabinet Protocol, 2, 4.VI 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 53; *Garthwohl R.* DNVP and European Reconciliation, 1924—1928. Diss. Chicago, 1968, p. 112—153.

[147] Это было, безусловно, тактическим ходом с тем, чтобы осложнить или даже сделать невозможным заключение гарантийного пакта. На самом деле Штреземан, хотя и не мог в переговорах с державами высказываться столь откровенно, как его коллеги, придерживался в общем аналогичного мнения. Об этом свидетельствуют его заметки в тексте выступления Секта. (ZStA Potsdam, Reichskanzlei.— ZfG, 1974, N 3, S. 277).

лагаемого гарантийного пакта. Он подчеркнул, что не подпишет пакта до эвакуации Дюссельдорфа, Дуисберга и Рурорта и пока не будет уверен в выводе войск из Кёльнской зоны [148]. Предложение о дальнейшем ведении переговоров лишь для видимости, не соглашаясь подписать пакт, встретило резкую оппозицию со стороны Штреземана [149].

В это время, когда германские руководящие деятели вели дебаты по поводу ответа Франции, в Берлин прибыли директор Федерального резервного банка в Нью-Йорке Б. Стронг и директор Английского банка М. Норман (в июле 1925 г.). Они вели переговоры с директором Немецкого банка Я. Шахтом с целью, как сказал Норман д'Абернону, «установить основы будущего сотрудничества», а также «оказать поддержку пакту и укрепить его престиж» [150]. И Штреземан имел с ними беседы, запись которых находится в его неопубликованном архиве. Согласно ей, на завтраке у д'Абернона Б. Стронг дал понять германскому министру иностранных дел, что правительство США намерено предоставить Германии долгосрочные кредиты, когда будет подписан гарантийный пакт с ее участием. Штреземан подчеркивал, что считает совершенно необходимым для Германии добиться взаимопонимания с Англией и Францией, а также с Америкой, от капиталов которой зависит восстановление прежнего германского могущества [151]. «Кажется,— гласит его запись от 19 июля,— что образуется своего рода англо-американо-германский трест капитала...» [152]

В сложившейся ситуации нельзя было допустить никаких проволочек и затягивания переговоров о пакте, выдвигая чрезмерные требования. Кое о чем до поры до времени стоило и помолчать. Но поскольку на министра иностранных дел оказывали давление рейхсканцлер Лютер и члены кабинета — представители немецкой национальной партии, требовавшие, чтобы ответная германская нота Франции удовлетворила все партии [153], в этой ноте, так или иначе, отразилось недовольство правящих кругов

---

[148] Cabinet Protocol, 24.VI 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 53.
[149] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Zimmermann L.* Op. cit., S. 265.
[150] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 176.
[151] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Zimmermann L.* Op. cit., S. 267.
[152] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 160.
[153] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 175.

Германии результатами переговоров. Германская нота от 20 июля 1925 г.[154] свидетельствовала о непризнании позиции Франции по отношению к предполагаемому пакту. Германская сторона выдвинула условия, на которых соглашалась подписать гарантийный пакт и вступить в Лигу наций. Пакт должен повлечь за собой существенные изменения положения в оккупированных германских областях. Отвергалась возможность военного вмешательства союзных держав в случае нарушения Германией условий о разоружении и демилитаризации или невыполнения репарационных обязательств. Однако в этой ноте уже не выдвигалось требования о формальном юридическом освобождении Германии от ее обязательств по статье 16 Устава Лиги наций, а предлагалось установить для Германии «временный статус» с тем, чтобы оградить ее от вовлечения в военные действия против третьих государств.

Ответ германского правительства на ноту Франции был встречен крайне неодобрительно не только французским правительством, но также Англией и США. Английское правительство (еще в марте 1925 г. во время переговоров Чемберлена с Эррио) обещало французской стороне, которая на этом настаивала, что в пакте не будет идти речи о сокращении срока оккупации [155]. Поскольку Штреземан игнорировал совет Чемберлена, данный ему через д'Абернона [156], не поднимать вопроса о сроке оккупации, английский министр усмотрел в этом почти нарушение обещания, что вызвало его крайнее возмущение и недовольство [157]. По мнению английских руководящих деятелей, условия, выдвинутые в германской ноте, не позволяли пока думать о возможности организации конференции. Чемберлен, по словам д'Абернона, надеялся, что содержание этого документа будет таково, что позволит ему, Чемберлену, оказать давление на французское правительство с тем, чтобы наконец приступить к устным переговорам. Теперь это невозможно. Ответ Германии настолько вызывающ, что требует непременно письменного ответа [158].

---

[154] Локарнская конференция 1925 г., с. 123—128.
[155] AC, 19.III 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 56; DDB, m. II, p. 33.
[156] AC, 26.VI 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 56.
[157] D'Abernon Papers, 29.VII 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 56—57.
[158] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 179—181.

Сам же английский посол полагал, что возражения германской стороны по отдельным пунктам французской ноты носят чисто юридический характер [159] и не создают помех для завершения письменных переговоров. «Я не вижу причин,— записал он в дневнике,— которые могли бы препятствовать началу устных переговоров...» [160].

Что касалось позиции США, то американская правительственная печать в ультимативной форме предлагала: «Европа должна провести в жизнь гарантийный пакт...» [161] Президент Кулидж выразил надежду, что соглашение по вопросу о пакте «будет достигнуто без дальнейших проволочек. Правительство,— заявил президент,— предпримет все возможное, чтобы неофициальным путем сгладить разногласия относительно условий договора ... Оно одобряет то, что сделали американские банкиры с целью воздействия на Францию и Германию для достижения удовлетворительных условий соглашения» [162]. А Англия и Германия со своей стороны делали все возможное, чтобы «обеспечить сотрудничество Соединенных Штатов в неофициальной форме при решении вопроса о гарантийном пакте» [163].

Поскольку, по мнению руководителей Форин оффис, требования, выдвинутые в германской ноте, не позволяли пока думать о возможности организации конференции, Чемберлен и Бриан с целью согласования ответа Германии провели 11—12 августа переговоры в Лондоне [164]. Французская сторона продолжала настаивать на английских гарантиях границ Германии с Польшей и Чехословакией. Однако победила точка зрения Англии. Вопрос о «возможных французских гарантиях договоров, касающихся Польши и Чехословакии», предполагалось полностью отделить от вопроса о «пакте для западных границ, в котором Великобритания будет участвовать в качестве гаранта... Для нее (Великобритании.— *С. Н.*) совершенно ясно, что ее обязательства на Западе не должны осложняться косвенным действием возможных конфликтов на Востоке». Обе державы выступили единодушно по вопро-

---

[159] Ibid., p. 173.
[160] Ibid., p. 181.
[161] «New York Times», 27.VII 1925.
[162] «New York Times», 29.VII 1925.
[163] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 179—181.
[164] *Petrie Ch.* Op. cit., vol. II, p. 281 ff.

су об условиях вступления Германии в Лигу наций, заявив, что «полностью солидарны в требовании о вхождении Германии в Лигу наций на тех же условиях, что и все другие члены...» Обращение Штреземана в его последней ноте с просьбой не распространять на Германию статью 16 Устава Лиги наций до всеобщего разоружения вряд ли будет принято западными державами [165].

Достигнутая державами договоренность дала основание английской правительственной печати уже на следующий после их окончания день заявить, что пакт приобретает характер программы ближайшего будущего [166]. Было принято решение провести «предварительный зондаж» [167] в форме конференции юридических советников пяти государств (Германии, Англии, Франции, Италии, Бельгии) для согласования предварительного проекта пакта. «Встреча Бриана и Чемберлена в Лондоне,— фиксирует дневник М. фон Штокгаузена,— привела в итоге к тому, что нам хотят послать вежливую ноту с приглашением на переговоры...» [168] Эта нота последовала 24 августа [169]. Одновременно была проведена досрочная эвакуация французских и бельгийских войск из Дюссельдорфа, Дуисбурга и Рурорта.

Штреземан еще 3 августа, будучи поставлен в известность д'Абернноном о предполагаемой выработке предварительного проекта юристами, отнесся вначале к этой идее не слишком одобрительно. Ему представлялось, что при обсуждении на подобном уровне германскую сторону могут вынудить пойти на какие-либо политические уступки, а потом изменить что-то будет уже не в его власти [170]. Однако германский министр счел все же нецелесообразным затягивать процедуру переговоров. Кроме того, Штреземан отдавал себе отчет в том, что участие в подобной конференции будет иметь для Германии и положительные стороны: французской стороне придется еще до основной конференции, где будет подписан пакт, свыкнуться с фактом участия Германии в переговорах на равных основани-

---

[165] «Times», 12.VIII 1925.
[166] «Times», 13.VIII 1925.
[167] *Petrie Ch.* Op. cit., vol. II, p. 282.
[168] *Stockhausen M. von.* Op. cit., S. 173.
[169] Локарнская конференция 1925 г., с. 128—133.
[170] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Eyck E.* Geschichte der Weimarer Republik, Bd. II. Erlenbach, 1956, S. 35.

ях с представителями других государств. И 27 августа 1925 г. была отправлена ответная нота с согласием принять участие в конференции юристов [171].

Английская сторона также считала, что участие Германии в подобного рода предварительной конференции позволит «избежать недоразумений, которые могут возникнуть, если текст представляется без возможности его истолкования или разъяснения». Чтобы этого не получилось, сообщает Чемберлен д'Абернону (11 августа),— «я и предложил пригласить Гауса в Лондон, где ему будут даны экземпляр текста предварительного проекта и все разъяснения, которые могут понадобиться». После этого он вернется в Берлин и обсудит проект со Штреземаном. Основная цель этого, по мнению английского министра, «поставить немцев в равное положение с нами, предоставить Штреземану возможность знать заранее общий характер предложений, которые мы сделаем, и проконсультироваться по необходимости со своими коллегами в Берлине, прежде чем мы увидимся» [172].

На совещании юристов в Лондоне, происходившем с 31 августа по 4 сентября 1925 г., был выработан предварительный проект Рейнского гарантийного пакта и арбитражных договоров с соседями Германии на Востоке. В выступлении английского представителя на этом совещании, С. Херста, всячески подчеркивалось значение германо-польского арбитражного договора, гарантированного Францией, что, по его словам, «даст Франции эффективные средства для оказания сдерживающего влияния на любые возможные агрессивные намерения Польши» [173]. Характерно, что представитель Англии ни разу не упомянул о возможности подобных намерений со стороны Германии, несмотря на известную позицию германского правительства в вопросе о границах с Польшей.

Такая позиция английской стороны, безусловно, была в интересах Германии. Однако германский представитель выступил против предложенной Англией и Францией формулировки о двусторонней французской гарантии и в пользу Польши, и в пользу Германии. «Ни один чело-

---

[171] Локарнская конференция 1925 г., с. 134.
[172] *Petrie Ch.* Op. cit., vol. II, p. 282.
[173] Локарнская конференция 1925 г., с. 147.

век в Германии,— заявил в связи с этим германский представитель Ф. Гаус,— не даст когда-либо убедить себя в том, что французская гарантия может иметь благоприятный эффект также и для Германии. Правительства союзных держав... должны понять, что в Германии не увидят в этой гарантии ничего другого, кроме признания Германией франко-польского союза. К тому же существование французской гарантии дало бы Франции возможность вмешиваться дипломатическим путем в текущие германо-польские споры на любой их стадии» [174].

Гаус подчеркнул категорический отказ германского правительства согласиться на заключение единого пакта для Запада и Востока. Это, по его словам, в корне противоречило смыслу того предложения о заключении пакта, которое сделало германское правительство. «Если бы Франция выступила как гарант заключенных с Польшей и Чехословакией арбитражных договоров,— говорилось в памятной записке германского министерства иностранных дел по данному вопросу,— это стало бы большим бременем для гарантийного пакта. Мы тем самым как бы политически санкционировали направленные против нас союзные договоры Франции с обоими восточными государствами» [175]. Пункт о гарантировании арбитражных договоров с Польшей и Чехословакией все же был пока сохранен в тексте проекта гарантийного пакта, хотя германский представитель в категорической форме отклонил его [176]. Однако многие другие замечания германской стороны были учтены: представители других держав, констатировалось в отчете Ф. Гауса о совещании, согласились «по ряду важных пунктов... частично лишь после резких споров, на новую редакцию статей» [177]. В частности, была принята очень существенная для Германии оговорка о том, что военные укрепления на южных и восточных границах Германии не имеют никакого отношения к проектируемому Рейнскому гарантийному пакту [178]. Это было важно для проведения дальнейшей политики ревизии версальских постановлений.

---

[174] Локарнская конференция 1925 г., с. 147—148.
[175] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Höltje Ch.* Op. cit., S. 88.
[176] Локарнская конференция 1925 г., с. 137.
[177] Там же, с. 136.
[178] Там же, с. 141.

15 сентября державы-победительницы официально пригласили Германию участвовать в конференции для заключения гарантийного пакта [179].

«24 сентября 1925 г. расширенное заседание кабинета под председательством рейхспрезидента фон Гинденбурга,— фиксирует дневник М. фон Штокгаузена.— Решение принять предложение стран Антанты о конференции для заключения пакта безопасности. Одновременно послам держав-участниц должен быть вручен краткий меморандум о непризнании Германией себя единственным виновником войны... [180] На этом в особенности настаивал рейхспрезидент Гинденбург» [181].

Соответственно была составлена нота, которая содержала согласие германского правительства принять сделанное ему приглашение, но одновременно в приложенном к ноте заявлении были выдвинуты требования: по вопросу о виновниках войны, об окончательном решении вопроса о разоружении Германии и эвакуации Кёльнской зоны. Нота была вручена 26 сентября германским послом в Лондоне Чемберлену [182], у которого она вызвала крайнее недовольство. Английский министр иностранных дел счел ее бестактной и попросту неуместной. Еще более категорическую позицию заняло французское правительство: Бриан поставил в известность правительство Германии о невозможности созыва конференции, если оно не откажется от своей ноты. О реакции германской стороны на это можно судить по записям М. фон Штокгаузена. «Трудности в связи с вербальной нотой по вопросу о виновности за войну,— говорится в его дневнике 28 сентября.— Франция ответит на нее в очень резкой форме, с тем чтобы сделать невозможным для нас участие в конференции. Вслед за сообщением посла фон Геша из Парижа кабинет уже вечером проводит заседание. Заседание продолжается далеко за полночь; речь шла о выработке согласованной формулы для Бриана без принципиальных уступок по вопросу о виновности за войну» [183].

Однако тревоги германского правительства в связи с недовольством Бриана и Чемберлена содержанием ноты

---

[179] См. там же, с. 134—135.
[180] *Stockhausen M. von.* Op. cit., S. 175.
[181] Ibid., S. 270, прим. 54.
[182] Локарнская конференция 1925 г., с. 157.
[183] *Stockhausen M. von.* Op. cit., S. 175—176.

Германии оказались напрасными. Это недовольство было попросту бурей в стакане воды; ответные ноты Франции, так же как и Англии и Бельгии, не отразили первоначальной реакции возмущения со стороны авторов. Напротив, во французской ноте констатировалось: «Вербальное заявление, врученное одновременно германским послом, касается двух вопросов, которые не могли бы ни в коей степени повлиять на переговоры в Локарно, ибо они не имеют никакой связи с обсуждением пакта безопасности» [184]. Вопрос о виновности Германии за войну державы отказались обсуждать; что же касалось эвакуации Кёльнской зоны, то решение этого вопроса было поставлено в зависимость от выполнения германским правительством других его обязательств. Преследуя цель не обострять отношений с Германией в преддверьи конференции для заключения пакта, правительства Франции и Англии согласились с германским правительством в том, что положения его вербальной ноты «должны рассматриваться как не влекущие за собой предварительных условий или оговорок для созыва конференции» [185]. Такая благосклонная позиция держав не в малой степени объяснялась их осведомленностью о ведущихся одновременно германо-советских переговорах о новых договорах и визите в связи с этим советского наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина в Берлин в сентябре 1925 г. [186]

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛОКАРНО. ЕЕ ХОД И ИТОГИ

5 сентября 1925 г. в швейцарском городе Локарно открылась, наконец, столь долго и с трудом подготавливаемая правительствами западных держав конференция. В состав германской делегации входили Штреземан, а также рейхсканцлер Лютер, согласившийся на участие в конференции по настоянию министра иностранных дел, не желавшего нести единоличную ответственность [187]. «Если полет мысли Штреземана устремлялся вдаль,—

---

[184] Локарнская конференция 1925 г., с. 159.
[185] Там же, с. 160.
[186] См. об этом ниже.
[187] *Bretton H. L.* Stresemann and the Revision of Versailles. Stanford, 1953, p. 92.

пишет в своих воспоминаниях М. Шверин фон Крозиг,— то внимание Лютера было скорее обращено на юридические проблемы и текущие дела. Если для Штреземана единомыслящим партнером являлся Аристид Бриан, то Лютер лучше находил общий язык с сухим и трезвым Остином Чемберленом» [188].

Основным вопросом повестки дня, как это и следовало ожидать из хода предварительных переговоров, стал вопрос о гарантиях восточных границ Германии. Инструкция германской делегации совершенно четко «предписывала не соглашаться ни при каких обстоятельствах» [189] на гарантии западными державами границ Германии с Польшей и Чехословакией и исключить даже «мысль об отказе Германии от германской территории» [190]. В состоявшейся беседе с Чемберленом в начале работы конференции (7 октября) Штреземан дал понять, что вообще хотел бы избежать обсуждения вопроса о гарантиях границ Германии на Востоке во время предстоявших бесед с представителями Польши и Чехословакии. В свою очередь польский министр иностранных дел Скшиньский заявил, что в случае отказа держав гарантировать польско-германскую границу Польша пойдет на заключение договора с Советской страной [191].

Однако нажим со стороны Польши не привел к изменению позиций ни Германии, ни поддерживающей ее в данном вопросе Англии. Выступая на конференции, Штреземан подробно обосновал точку зрения германского правительства по вопросу о гарантии границ Германии с Польшей и Чехословакией [192]. Чемберлен также вновь подтвердил, что «правительство его величества не может принять на себя какое-либо новое обязательство относительно гарантии восточных границ Германии» [193]. Германский министр иностранных дел считал, что «упорная борьба за то, чтобы Франция гарантировала герман-

---

[188] *Schwerin von Krosigk M.* Es geschah in Deutschland. Tübingen — Stuttgart, 1951, S. 125—126.

[189] Locarno-Konferenz 1925. Eine Dokumentensammlung. Berlin, 1962, S. 143.

[190] Локарнская конференция 1925 г., с. 160.

[191] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II. S. 196 f; Bayerisches Staatsministerium des Äusseren.— In: *Höltje Ch.* Op. cit., S. 84.

[192] См. Локарнская конференция 1925 г., с. 172.

[193] Там же, с. 299.

скую восточную границу», не увенчалась успехом благодаря твердой позиции представителей Германии: «в результате решительного сопротивления Германии, Франция взяла свое требование обратно» [194].

Были подписаны арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией без гарантии со стороны других держав. Именно такие договоры отвечали интересам ревизионистской политики германского правительства. «В них не содержится какое-либо открытое или скрытое признание наших восточных границ,— говорилось в связи с этим в телеграмме статс-секретаря Шуберта германскому послу в СССР У. Брокдорфу-Ранцау (от 23 октября 1925 г.) — Одна из целей всей политики пактов, а именно различение между западными и восточными границами, таким образом, достигнута» [195].

Отдельно были подписаны гарантийные договоры Франции с Польшей и Чехословакией, которые не входили в систему Локарнского гарантийного пакта. Однако, согласно данным договорам, французское правительство могло оказать помощь этим странам лишь с санкции Совета Лиги наций, в котором ведущую роль играла Англия. Не было принято и требование Франции о предоставлении ей безоговорочного права на ввод войск в демилитаризованную Рейнскую область в случае германо-польской войны. Этот вопрос также должен был решаться Советом Лиги наций. «По имеющимся сведениям,— сообщил из Берлина нарком по иностранным делам Г. В Чичерин,— Франция уступила по всей линии, немецко-польская граница не гарантируется, однако Франция без Совета Лиги наций не может постановить помочь Польше. В Польше настроение крайне подавленное; это есть предательство ее Францией» [196].

Что касалось гарантии итальянской границы в районе Бреннера, то, как говорилось выше, в период переговоров о пакте правительство Италии стремилось получить от германского правительства согласие на эту гарантию, но получило отказ. В Локарно (в беседе с Чемберленом 15 октября, согласно его записи) Б. Муссолини «повел

---

[194] *Höltje Ch.* Op. cit., S. 88.
[195] Das Politische Archiv des Auswärtigen Amtes (BRD, Bonn) (далее — Polit. Archiv).— Цит. по: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 178.
[196] ДВП, т. VIII, с. 629.

разговор о том, что не поставил вопрос о границе в районе Бреннера потому, что хотел избежать нагромождения лишних препятствий на пути переговоров» [197]. Таким образом граница в районе Бреннера не была гарантирована на Локарнской конференции, а итальянское правительство вместе с английским выступило гарантом соглашений Германии с Францией и Бельгией.

Для германского правительства одним из наиболее важных на конференции был вопрос об условиях вступления Германии в Лигу наций. Представители других западных держав настаивали на ее безоговорочном участии в Лиге. Однако для германской стороны это было абсолютно неприемлемо. Вместе с тем отказаться полностью от участия в санкциях Лиги также не представлялось возможным. Гораздо удобнее казался другой путь, вытекавший из некоторой неопределенности статьи 16 Устава Лиги, позволявшей интерпретировать ее по-разному. «По существу,— говорилось в памятной записке германского МИД, составленной перед началом Локарнской конференции,— перед Германией вопрос стоит так: не допустить, чтобы ее могли принудительно, как члена Лиги наций, вовлечь в военные конфликты соседних с ней государств, в особенности в конфликт между Польшей и Россией. Следовательно, нет необходимости полностью и совершенно освободить Германию от постановлений по статье 16. В самой Европе возможны военные конфликты третьих государств, при которых Германия, несомненно, могла бы взять на себя обязательства, вытекающие из статьи 16» [198].

Цель германского правительства была вполне определенной: подобные половинчатые обязательства давали Германии известную свободу действий, позволяющую ей решать самой, сможет она или нет участвовать в тех или иных коллективных действиях государств. Одновременно оно получало определенное средство давления на западные державы: ссылаясь на свое «безоружное состояние», постепенно выторговывать у них все новые уступки в об-

---

[197] Foreign Office (далее FO), 15.X 1925.— In: *Edwards P.* The Austen Chamberlain — Mussolini Meetings.— «The Historical Journal», March 1971, vol. XIV, N 1, p. 156.

[198] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Höltje Ch.* Op. cit., S. 90. Ср. *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 180 ff.

ласти вооружений. Выступая на заседаниях Локарнской конференции, германские представители подчеркивали, что «принцип разоружения был в отношении Германии применен чрезмерно», а все члены Лиги наций должны быть вооружены [199].

Германские руководители ссылались также на «коммунистическую опасность» внутри Германии, которая еще более возрастет, если Германия будет участвовать в санкциях. «В случае германо-русской войны,— говорил Штреземан,— для русских войск создалась бы возможность наводнить всю Германию, и большевизм продвинулся бы вплоть до Эльбы» [200]. «Россия,— по его же словам,— в борьбе с Германией найдет тайных помощников в нашей стране, и сомнительно, достаточно ли будет вообще полицейских сил и рейхсвера, чтобы сохранить порядок внутри Германии» [201]. Той же причиной опасности нового революционного взрыва в Германии Штреземан мотивировал невозможность посылать германские войска за границу, ибо «могут вспыхнуть восстания в Дрездене, Гамбурге или Тюрингии» [202].

Но была и другая важная причина, из-за которой германское правительство не хотело безоговорочно вступать в Лигу наций. Такой причиной являлась заинтересованность Германии в поддержании отношений с Советским Союзом. В заявлении правительства СССР (от 2 июня 1925 г.) подчеркивалось, что вхождение Германии в Лигу наций без оговорок «затруднит, если не сделает даже невозможным, сохранение и дальнейшее укрепление заложенных в Рапалло основ дружелюбных политических и экономических отношений между СССР и Германией» [203]. Поэтому германский министр иностранных дел вынужден был приложить серьезные усилия, чтобы получить согласие представителей других держав с предлагаемой Германией формулировкой [204]. «Чтобы добиться желаемого решения,— писал Дирксен Брокдорфу-Ранцау (22 октября 1925 г.),— членам нашей делегации пришлось выдер-

---

[199] Locarno-Konferenz, 1925, S. 171, 181.
[200] Ibid., S. 164.
[201] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 192.
[202] Locarno-Konferenz 1925, S. 171.
[203] ДВП, т. VIII, с. 355.
[204] *Bretton H. L.* Op. cit., p. 92 (Локарнский дневник Штреземана); *Chamberlain A.* Down the Years. London, 1935, p. 176.

жать трудную борьбу... Согласованная формула представляет собой все, чего можно было достичь для освобождения нас от нежелательных обязательств по статье 16 и рассеяния сомнений Советского правительства» [205].

На заседаниях конференции особенно резко против предложенной Германией оговорки выступил Чемберлен. Он прямо заявил, что в случае конфликта с Советским Союзом «все остальные государства будут вынуждены оказать помощь Германии, и те, кто разоружил Германию, должны будут опять вооружить ее» [206]. Таким образом, английский министр, по словам западногерманского историка Л. Циммермана, «бросил на чашу весов» самый важный и весомый для Германии аргумент, «намекнув на то, что если Германия будет таким образом втянута в войну с Россией, она может рассчитывать на полное содействие Англии... Не открывалась ли здесь для Германии перспектива путем безоговорочного вступления ее в Лигу наций получить в недалеком будущем полное равноправие и право на перевооружение?» [207]

Тем не менее, хотя позиция Англии в этом вопросе получила поддержку французской стороны, германские представители не согласились принять на себя никаких определенных обязательств в том, что касается статьи 16 Устава Лиги. Правда, была сделана оговорка, что это не означает, что Германия «при любых условиях останется бездеятельной» [208]. Предложенная германской стороной формулировка нашла отражение в специальном коллективном письме Германии относительно статьи 16 Устава Лиги наций, которое прилагалось к заключительному акту Локарнской конференции. В нем германские руководители излагали свое «толкование» статьи 16. «В соответствии с этим толкованием,— констатировалось в письме,— обязанности, вытекающие из указанной статьи для членов Лиги, должны пониматься в том смысле, что каждое из государств — членов Лиги обязано лояльно и действенно сотрудничать для того, чтобы добиваться соблюдения Устава и противодействовать любому акту агрессии *в той мере, в какой это совместимо с его воен-*

---

[205] ДВП, т. VIII, с. 355.
[206] Локарнская конференция 1925 г., с. 323.
[207] *Zimmermann L.* Op. cit., S. 286.
[208] Локарнская конференция 1925 г., с. 206.

ным положением, и с учетом его географического положения» (выделено нами. — *С. Н.*) [209].

Таким образом, речь не шла о безусловном нейтралитете Германии. Английский министр иностранных дел во время переговоров на конференции, согласно материалам неопубликованного архива Штреземана, подчеркнул, что «для него было бы невозможно возвратиться в Лондон и заявить в английском парламенте, что цель коллективной ноты в том, чтобы дать Германии право на нейтралитет по статье 16. По его мнению, германская делегация не требовала нейтралитета... Она лишь просила, чтобы в данном случае принималось во внимание существующее в настоящее время положение Германии при существующем положении Европы» [210].

Заключение Локарнского гарантийного пакта стало первым и одним из наиболее значительных шагов Германии на пути к ревизии постановлений Версальского мирного договора [211]. Сам по себе факт равноправного участия германских представителей с представителями держав-победительниц в политическом европейском пакте уже был знаменательным. Это равенство официально закреплялось в первой и второй статьях Рейнского гарантийного пакта. Рейхсканцлер Лютер (в беседе с премьер-министрами немецких земель 19 ноября 1925 г.) подчеркнул, что в результате Локарно Германия опять приобретала ранг великой державы, задачей которой становится постепенная ликвидация постановлений Версальского договора [212]. Эту точку зрения разделял и Штреземан, считавший, что в Локарно «был взорван краеугольный камень всей версальской системы» [213]. Но одновременно он разъяснял, что заключение локарнских соглашений не поведет к немедленному «освобождению и возрождению» Германии, а означает для нее новую фазу борьбы путем активной международной политики, в которой необходимы выдержка и терпение [214].

---

[209] Локарнская конференция 1925 г., с. 484.
[210] VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 19.
[211] *Hillgruber A.* Großmachtpolitik und Militarismus im 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1974, S. 26.
[212] *Anderle A.* Die deutsche Rapallo-Politik. Berlin, 1962, S. 184.
[213] *Thimme A.* Die Locarnopolitik im Lichte des Stresemann-Nachlasses.— ZfP, 1956, Hf. 1, August, S. 55.
[214] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 388, S. 534.

Дальнейший ход событий показал, что германские руководящие деятели правильно оценили потенциальные возможности, заложенные в Локарнском пакте. «Локарнские соглашения,— справедливо отмечает в своем исследовании о Локарно советский историк В. М. Турок,— оказались для германского империализма удобной юридической оболочкой, которая до поры до времени содействовала пересмотру некоторых положений мирного договора и не мешала явному или тайному нарушению других его постановлений» [215].

Заключение Локарнского гарантийного пакта закрепило намечавшееся в процессе развития международных отношений известное изменение расстановки сил в Западной Европе. Прежде всего, оно означало важный успех Германии, вновь включенной в «европейский концерт» держав, в ущерб Франции, позиции которой оказались значительно ослабленными. Это ослабление Франции и системы ее военных союзов отвечало интересам Англии, поскольку подрывало господствующее положение Франции на континенте. Англия тем самым становилась не только главным гарантом, но и фактически, что было для нее более важно, главным арбитром в Западной Европе. Создавшаяся же в районе восточных границ Германии напряженность, поскольку она наносила ущерб французскому влиянию, не противоречила интересам английского правительства. Она также полностью отвечала ревизионистско-реваншистским устремлениям германских правящих кругов.

За показным пацифизмом творцов Локарнского пакта — Бриана, Чемберлена и Штреземана, скрывались реальные политические цели соответствующих правительств, цели, отнюдь не носившие миролюбивый характер. «Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы под гегемонией англо-американского капитала,— подчеркивалось на XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.),— привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифист-

---

[215] *Турок В. М.* Указ. соч., с. 232.

ской Лигой наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны»[216]. Локарнские соглашения наглядно продемонстрировали бесперспективность и безнадежность решения проблемы европейской безопасности без Советского Союза. Как показало будущее, Локарнский пакт не только не способствовал решению проблемы безопасности и мира в Европе и оказался недееспособным, но и таил в себе зачатки новых войн.

[216] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 3. М., 1970, с. 245.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСУ О ВСТУПЛЕНИИ ГЕРМАНИИ В ЛИГУ НАЦИЙ

С самого начала переговоров о гарантийном пакте западноевропейские державы считали вступление Германии в Лигу наций «абсолютно необходимым условием заключения какого бы то ни было пакта» [1]. Аналогичного мнения придерживались и в правительственных кругах США. Еще в марте 1925 г. германский посол в США А. Мальцан довел до сведения Штреземана, что вступление Германии в Лигу наций «не будет недружелюбно воспринято в Вашингтоне» [2].

Германское правительство, со своей стороны, считало, что вхождение в Лигу наций позволит Германии занять по-настоящему равноправное положение в «концерте» западных держав, войдя в «западную систему обороны» [3].

Наиболее распространенным мнением среди германских правящих кругов в период, непосредственно предшествовавший вступлению Германии в Лигу наций, была мысль, что в качестве «признанной равноправной державы Германия могла бы в Женеве в рамках дипломатических отношений гораздо лучше защищать свои требования, чем если бы она и дальше продолжала оставаться вне организации Лиги наций» [4]. Эта точка зрения отражена в мемуарах тогдашнего статс-секретаря Э. фон Вайцзекера. «После первого заседания Совета Лиги наций, на

---

[1] *Petrie Ch.* The Life and Letters of the Right Honoured Sir Austen Chamberlain, vol. II. London, 1940, p. 272—274.

[2] Локарнская конференция 1925 г. М., 1959, с. 60.

[3] *Zimmermann L.* Deutsche Außenpolitik in der Ära der Weimarer Republik. Göttingen, 1958, S. 293.

[4] *Höltje Ch.* Die Weimarer Republik und das Ostlocarno-Problem 1919—1934. Würzburg, 1958, s. 93.

котором я присутствовал,— пишет он,— моим впечатлением было: лучше быть при этом, чем в стороне» [5].

Среди германских руководящих деятелей была распространена и та точка зрения, что участие в Лиге наций выгодно Германии также вследствие ее «безоружного состояния». «Здесь, в Лиге наций, в настоящее время,— говорилось в представленной Штреземану неофициальной памятной записке графа Штольберга-Вернигероде,— поскольку мы обессилены в военном отношении, нам дается единственная возможность вести активную политику, и не имея силы...» [6]

Однако были причины и для настороженного отношения к вступлению Германии в Лигу наций. В особенности это относилось к вопросу об отношениях Германии с Советским Союзом. Еще в феврале 1924 г. Штреземан высказал озабоченность по поводу возможных последствий для германо-советских отношений в случае вступления Германии в Лигу наций. «Любая акция Лиги наций,— говорилось в его секретном меморандуме,— которая может быть направлена против России и обязывать к тому же и нас, была бы значительно более тяжелым бременем для нас, чем для любой другой страны» [7]. Таково же было мнение и английского посла в Берлине д'Абернона, который считал, что «вступление Германии в Лигу наций будет иметь решающее влияние на отношения между Москвой и Берлином» [8]. Более того, он полагал еще в период переговоров о гарантийном пакте (июнь 1925 г.), что «Германия немедленно вступила бы в Лигу наций, если бы не опасалась разрыва с Россией» [9].

У германского правительства были, безусловно, основания для опасений если не разрыва, то во всяком случае ухудшения отношений с Советским Союзом в случае вступления Германии в Лигу наций. Об этом германских представителей неоднократно предупреждала советская сторона. Еще 21 сентября 1924 г. Г. В. Чичерин подчеркивал (в письме корреспонденту немецкой «Фоссише

[5] *Weizsäcker E. von.* Erinnerungen. München, 1950, S. 83.
[6] *Thimme A.* Gustav Stresemann. Eine politische Biographie zur Geschichte der Weimarer Republik. Hannover — Frankfurt a/M., 1957, S. 93.
[7] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. I. Berlin, 1932, S. 314—315.
[8] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, 1924—1926. London, 1930, p. 163.
[9] *D'Abernon E.* Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. III. Leipzig, 1930, S. 193.

цайтунг» Л. Штейну), что вхождение Германии в Лигу будет противоречить рапалльской политике и может повлечь за собой конфликты в советско-германских отношениях [10]. Позиция Советского правительства была вслед за этим официально доведена до сведения Штреземана осенью 1924 г. посольством СССР в Берлине [11]. Аналогичное сообщение сделал заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов поверенному в делах Германии в Москве Радовицу (17 октября 1924 г.) [12]. В период, когда уже начались переговоры Германии с западными державами о заключении гарантийного пакта, а тем самым и о вступлении в Лигу наций (что подразумевалось как естественное следствие пакта), правительство СССР (в меморандуме от 2 июня 1925 г.) вновь предупредило германское правительство о возможных последствиях в случае вхождения Германии в Лигу [13].

Преследуя цель войти в Лигу наций и одновременно сохранить отношения с Советским Союзом, германские руководящие деятели решили добиться согласия Англии и Франции на прием Германии в Лигу с оговорками. Особенно это касалось вопросов о контроле со стороны Лиги наций за выполнением Германией условий Версальского договора и обязательств, вытекающих из статьи 16 Устава Лиги, которые могли обязать Германию участвовать в санкциях против СССР. В связи с этим Штреземан подчеркивал (в своем дневнике 3 января 1925 г.), что «существование обязательств, вытекающих из статьи 16, может повлечь для нас серьезные трудности в международных отношениях, особенно в отношениях с Россией» [14].

Вопрос о военном контроле Лиги дебатировался в германских руководящих кругах неоднократно. Такое обсуждение состоялось в августе 1924 г. В нем участвовали В. Маркс, Штреземан и генерал фон Сект [15]. Последний, помимо других причин, был против вхождения в Лигу наций из опасения, что она может осуществлять контроль над вооружением Германии. «Если Германия вступит в Лигу наций,— говорилось в памятной записке

[10] *Stein L.* Aus dem Leben eines Optimisten. Berlin, 1930, S. 239.
[11] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, Hf. 1, Januar 1956, S. 8.
[12] ДВП, т. VII. М., 1963, с. 489—490.
[13] ДВП, т. VIII. М., 1964, с. 365.
[14] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 23.
[15] Nachlass Seeckt.— In: *Carsten F. L.* Reichswehr und Politik 1918—1933. Köln — Berlin, 1964, S. 220.

Секта (31 октября 1924 г.),— она не сможет отклонить контроль Лиги...» [16] В декабре 1924 г. германское правительство направило Лиге наций меморандум, в котором в категорической форме настаивало на нейтралитете для Германии в случае ее вступления в Лигу [17]. Штреземан заявил в иностранной комиссии рейхстага (10 января 1925 г.), что оговорка относительно статьи 16 Устава Лиги необходима «в любом случае» [18]. Соответствующая инструкция, предписывающая ни в коем случае не соглашаться на безоговорочное вступление в Лигу, была дана германскому послу в Англии Штамеру (25 февраля) [19]. Принятую затем на Локарнской конференции формулировку об оговорке относительно статьи 16 для Германии ввиду ее географического, экономического и социального положения, а также степени вооружения Штреземан предложил в иностранной комиссии рейхстага 11 марта [20], подтвердив затем позицию германского правительства по данному вопросу на заседании кабинета (21 марта) [21].

Во время работы Локарнской конференции, на заседании 15 октября 1925 г., германская делегация сделала заявление о том, что система Лиги наций для расследования нарушений в существующем виде неприемлема для Германии. Поэтому германское правительство считает невозможным ходатайствовать о своем членстве в Лиге, пока не получит предварительные заверения в том, что членство в Лиге наций не повлечет механически принятие Германией схемы контроля Лиги. После некоторой дискуссии английская и французская делегации согласились, чтобы существующая схема контроля была бы вновь обсуждена Советом Лиги наций, когда Германия станет членом этой организации [22].

Большие опасения среди германских руководящих деятелей высказывались также по поводу того, что вступление Германии в Лигу наций будет расценено как согла-

[16] *Rabenau Fr.* General von Seeckt. Aus seinem Leben. 1918—1936. Leipzig, 1940, S. 407.
[17] AA, 12.XII 1924.— In: *Megerle K.* Deutsche Außenpolitik 1925. Bern — Frankfurt a/M., 1974, S. 54.
[18] Bayer. Hauptstaatsarchiv München, 11.I 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 54, 169.
[19] AA, 25.II 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 76.
[20] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 77, 78.
[21] AA, 21.III 1925.— In: *Megerle K.* Op. cit., S. 81.
[22] Documents on British Foreign Policy (далее — DBFP). Ser. 1 A, vol. 1. London, 1966, p. 194.

сие германского правительства с установленными по Версальскому договору восточными границами Германии. Такого мнения придерживался президент Гинденбург, считавший, что Германии не следует входить в Лигу наций, если это будет означать признание существующих германских границ с Польшей и Чехословакией. В письме канцлеру Лютеру (4 декабря 1925 г.) Гинденбург подчеркивал, что считает необходимым, чтобы достигнутые в Локарно результаты и вытекающие из Локарнских соглашений следствия были бы вновь подтверждены или осуществлены еще до вступления Германии в Лигу наций.

Эти положения германский президент сформулировал в виде восьми пунктов: 1) ясное подтверждение, что вступление Германии в Лигу наций и принятие ее Устава не означает для Германии признания существующих в настоящее время границ и территориального статус-кво; 2) интерпретация обязательств Германии по статье 16 Устава Лиги, согласно коллективной ноте держав, приложенной к Локарнским соглашениям; 3) эвакуация войск из второй и третьей зон оккупации, которая потеряла всякий смысл и цель после принятия плана Дауэса и Локарнского пакта; 4) прекращение инспектирования со стороны Совета Лиги наций за разоружением Германии; 5) установление действительного равноправия по отношению к всеобщему разоружению; 6) ясное заявление по поводу статьи 1 третьего абзаца Устава Лиги наций, что под «международными обязательствами» не подразумеваются предстоящие репарационные платежи; 7) желательность при вступлении Германии в Лигу получить обязательства относительно «защиты» немецких национальных меньшинств в иностранных государствах, что исключило бы «культурные, политические и экономические притеснения, столь болезненно пережитые Германией за последние годы»; 8) желательность получения Германией при вхождении в Лигу наций обещаний относительно предоставления колониальных мандатов. Особо подчеркивалось, что надо продолжать борьбу против «всякой лжи» о «виновности за войну» единолично Германии [23].

---

[23] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945 (далее ADAP), Serie B: 1925—1933, Bd. I/1. Göttingen, 1966, S. 16—17.

Перечисленные выше вопросы вызывали серьезные опасения германских руководящих кругов [24]. Еще в период переговоров о гарантийном пакте в докладной записке о Лиге наций в МИД советник посольства Германии в Лондоне Бюлов (1 июля 1925 г.) подтверждал существовавшее мнение о «враждебных Германии тенденциях» в Лиге. Он сообщал, что предпринимаются контрмеры в предвидении вступления Германии в Лигу наций в виде «известных преобразований органов и аппарата» Лиги, особенно тех, которые занимаются военным контролем, проблемой немецких национальных меньшинств, спорными вопросами о Данциге и Польше. Бюлов подчеркивал, что имеется намерение отклонить немецкий язык в качестве третьего рабочего языка, а также расширить Совет Лиги наций и сделать его участником Польшу [25].

Учитывая все эти моменты, германское правительство вплоть до мартовской сессии Лиги наций 1926 г. придерживалось в общем позиции, которую можно охарактеризовать как выжидательно осторожную. Вместе с тем устами министра иностранных дел Г. Штреземана оно объявило о своем желании «занять свободное кресло» в Лиге еще в 1924 г. при условии, однако, признания Германии «другими в качестве великой державы с равными правами». Дальнейшее обсуждение этого вопроса предполагалось во время визита Штреземана в Лондон с целью переговоров о плане Дауэса в августе 1924 г. [26] Но пока не был заключен гарантийный пакт западных держав с участием Германии, германское правительство не предпринимало никаких решающих шагов в этом направлении. «Вопрос о вступлении Германии в Лигу наций,— записывал в дневнике референт рейхсканцелярии М. фон Штокгаузен в марте 1925 г.,— играет теперь важную роль во всех правительственных обсуждениях. Германское правительство прежде всего будет вести себя выжидательно осторожно. У нас нет ни малейшего повода торопиться в Лигу наций. Вступление означало бы косвенное признание Германией восточных границ, поскольку, согласно

---

[24] ZStA Potsdam, Reichskanzlei, Niederschrift über die Ministerratssitzungen vom 16. und 17. November 1925.— In: Dokumente zur deutschen Geschichte 1924—1929. Berlin, 1975, S. 55.

[25] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Zimmermann L.* Op. cit., S. 308.

[26] League of Nations. Fifth Assembly, 1924, p. 42; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. I, S. 569.

мирному договору, эти границы могут быть изменены лишь путем единогласного решения Совета Лиги наций. Но на ревизию никогда не согласятся Франция и Польша... Вероятно, вступление (в Лигу наций.— *С. Н.*) не осталось бы без последствий также для наших отношений с Советским Союзом... Решение для нас, следовательно, звучит так: сначала — гарантийный пакт, затем — Лига наций!» [27]

Однако и после заключения Локарнского пакта германское правительство отнюдь не торопилось ходатайствовать о своем приеме в Лигу наций. Оно не считало этот пакт «венцом» или своего рода заключительным аккордом. Напротив, Локарно рассматривалось скорее как трамплин, оттолкнувшись от которого можно будет развернуть гораздо более широкую внешнеполитическую программу, преследующую далеко идущие цели. Германские руководящие деятели не могли считать завершенной даже саму «работу» Локарно («Das Werk von Locarno»), пока западные державы не начнут выполнять свои обязательства по отношению к Германии, принятые на Локарнской конференции. Германский посол по поручению правительства (в беседе с Чемберленом в Париже) заявил, что добиться одобрения Локарнского пакта рейхстагом удастся при условии выполнения данных в Локарно обещаний о более ранней эвакуации Кёльнской зоны и улучшения условий на остающихся оккупированными территориях [28].

Английское правительство придавало исключительное значение наиболее быстрому и благоприятному для Германии решению вопроса об уступках, что признавалось вдвойне необходимым вследствие внутрипартийной борьбы в Германии, чтобы «укрепить позицию Лютера и Штреземана, которые держатся с полной лояльностью...» [29]

Однако руководящие круги Англии и Франции выражали недовольство тем обстоятельством, что германские руководящие деятели рассматривают соглашение, достигнутое в Локарно как своего рода сделку [30], ставят окон-

[27] *Stockhausen M. von.* Sechs Jahre Reichskanzlei. Von Rapallo bis Locarno. Berlin, 1954, S. 154—155.

[28] DBFP, Ser. 1 A, vol. 1, p. 62.

[29] Ibid., p. 61.

[30] Об этом пишет американский историк У. Ньюмен, употребляя термин «complex bargain» (сложная сделка) (*Newman W. J.* The Balance of Power in the Interwar Years, 1919—1939. New York, 1968, p. 98).

чательное подписание [31] Локарнского пакта в зависимость от изменения тех или иных условий Версальского договора. В телеграмме д'Абернону (4 ноября) Чемберлен писал, что не понимает, на каком основании германское правительство требует от союзников заявления об изменении оккупационных статей Версальского договора. Что такие изменения и не предполагались, было ясно еще во время предварительных переговоров о пакте [32]. Аналогичной в данном вопросе была и позиция французского правительства [33].

Крайне неодобрительно в английских руководящих кругах была встречена речь канцлера Лютера в рейхстаге (23 ноября 1925 г.), в которой, по мнению Чемберлена, неправильно толковались обязательства, данные Англией и Францией германской стороне на Локарнской конференции: в частности якобы «в Локарно было получено заверение..., что ее (Германии) право на колониальные мандаты должно быть не только признано, но и практически осуществлено». По словам же английского министра иностранных дел, на конференции было лишь сказано, что Германия в качестве члена Лиги наций может стать возможным кандидатом на получение мандатов, как и все другие члены Лиги [34].

Наконец, когда оставались буквально считанные дни до окончательного подписания в Лондоне Локарнских соглашений, английское правительство было осведомлено «из конфиденциального источника» через своего посла в Берлине д'Абернона о «неблагожелательном отношении» Гинденбурга к вступлению Германии в Лигу наций до получения уступок от держав, отношении, подогреваемом, по словам д'Абернона, письмами «старых друзей по оружию» своему «идолу». Тем не менее английский посол был убежден в том, что Гинденбург пока остается непоколебимым в согласии на ратификацию Локарнского пакта и вступление в Лигу наций. Он никогда не скрывал, подчеркивает д'Абернон, своего неблагожелательного отношения к Лиге наций, но «его государственный ум под-

---

[31] В Локарно договор был лишь парафирован.
[32] DBFP, Ser. 1 A, vol. 1, p. 88.
[33] Ibid., p. 95, 96, 113.
[34] Ibid., p. 171.

сказывает ему следовать совету членов германского кабинета» [35].

Вывод д'Абернона оказался правильным. Несмотря на некоторые разногласия в руководящих кругах Германии и сложности в ее отношениях с другими державами, ее представители прибыли в Лондон в назначенное время, и утром 1 декабря 1925 г. Локарнский пакт был подписан.

В неофициальных беседах представителей Англии, Франции, Бельгии и Германии во время лондонской встречи Штреземан поднял вопрос о сроках сокращения пребывания оккупационных войск в Рейнской области. В ответ он получил заверения, что будет сделано все возможное, но дальше определенных пределов идти нельзя. Бриан, в частности, пообещал по возвращении в Париж пересмотреть всю эту проблему [36]. Что касалось вопроса о колониальных мандатах, то во время переговоров в Лондоне представители союзных держав подтвердили свое отрицательное отношение к данному вопросу. В ответ германские представители заявили, что не предлагают ставить этот вопрос теперь, но не могут поручиться, что не наступит такое время в будущем, когда правительство Германии поднимет эту проблему [37].

Подобная позиция германских руководителей вызывала неудовольствие и беспокойство правительств Англии и Франции. Заведующий отделом Центральной Европы Форин оффис М. Лэмпсон заявил статс-секретарю К. Шуберту (2 декабря 1925 г.), что Германии необходимо как можно скорее подать заявление с просьбой о приеме в Лигу наций и не ставить этот вопрос в зависимость от дальнейших уступок держав Германии в Рейнской области. Шуберт возразил на это, что поскольку рейхстаг наделил правительство соответствующими полномочиями, германское правительство может в любое время вступить в Лигу наций. Поэтому западным державам не следовало бы оказывать такой нажим на Германию, а, напротив, проявить «понимание ее внутриполитических затруднений» [38]. В беседе с другим представителем Форин оффис

---

[35] Ibid., p. 173.
[36] Ibid., p. 182, 184.
[37] Ibid., p. 186.
[38] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 11—12.

У. Тиреллом, состоявшейся в тот же день, Шуберт подчеркнул, что германское правительство оттягивает дату апелляции о приеме в Лигу наций не с целью получить дальнейшие уступки, а в связи с «политическим положением» внутри Германии. Когда в январе будет сформирован новый кабинет, который, как выразился германский представитель, будет «тверже сидеть в седле» и иметь более сильную поддержку общественного мнения, появится и возможность подать такую апелляцию. На это английский представитель ответил, что в интересах Германии, если она хочет получить стопроцентную выгоду от вступления в Лигу наций, не теряя времени, теперь же предпринять необходимые шаги в Женеве [39].

Вместе с тем, несмотря на некоторые разногласия, в результате происходивших во время лондонской встречи неофициальных переговоров еще в большей степени выявилось сближение между Германией и Англией по ряду важнейших вопросов. Учитывая позицию Франции, германские руководящие лица придавали этому очень большое значение.

По возвращении из Лондона состоялась сердечная встреча Штреземана с д'Аберноном на вокзале. Последний, приветствуя германского министра, зачитал ему телеграмму Чемберлена, в которой говорилось: «Мир никогда не забудет, что именно Германия взяла на себя инициативу установления мира в Европе» [40]. В своей известной речи перед объединением немецких землячеств Большого Берлина (14 декабря 1925 г.) Штреземан, процитировав вышеуказанные слова английского министра, заявил: «Если Пуанкаре и другие будут сейчас и дальше писать враждебные статьи о немцах, которые развязали в 1914 г. войну, то это высказывание Чемберлена — министра иностранных дел, нашего прежнего противника в войне — самое большое освобождение от вины за агрессию, которое мы морально в данный момент вообще могли бы получить (Браво! — возгласы присутствующих. — *С. Н.*)» [41]. «Что для нас лучше, — продолжал в развитие этой мысли германский министр, — чтобы Англия была гарантом в Европе, заинтересованном в уменьшении французской геге-

---

[39] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 187.
[40] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 746.
[41] Ibid., S. 746—747.

монии в Европе, или французская гегемония с ее пуанкаризмом? Если мне говорят, что я провожу дружественную Англии политику, то я это делаю не ради красивых глаз англичан, а *потому, что в этом вопросе немецкие интересы соответствуют английским* (выделено нами.— *С. Н.*), и мы должны найти кого-нибудь, кто бы помог нам сорвать веревку, которой нас схватили за горло» (оживленное одобрение) [42].

Однако основным условием для продолжения локарнской политики германское правительство считало выполнение Англией и Францией своих обязательств о значительном сокращении оккупационных войск в Германии. Понимая, что уклончивая позиция Франции и Англии по этому вопросу используется как нажим, чтобы побудить Германию к вступлению в Лигу наций [43], Штреземан заявил английскому послу, что благоприятный ответ держав о численности оккупационных войск даст возможность получить большинство в рейхстаге и ускорит вступление Германии в Лигу [44].

В связи с этим Форин оффис счел необходимым довести до сведения Парижа свое мнение о том, что конференция послов должна информировать германское правительство о дате завершения эвакуации Кёльнской зоны. Послу во Франции Крю были даны инструкции оказать нажим на бельгийского посла с тем, чтобы правительство Бельгии закончило эвакуацию войск совместно с французскими и английскими войсками 30 января [45].

Вместе с тем руководящие деятели Франции и Англии выдвигали в свою очередь встречные претензии к Германии. Через посла Франции в Берлине де Маржери Бриан довел до сведения германской стороны (25 января 1926 г.), что французское правительство обеспокоено тем, что Германия еще не поставила вопрос о своем приеме в Лигу наций, а немецкая печать «вентилирует вероятность и возможности этого шага» [46]. Чемберлен (в письмах д'Абернону от 1 и 2 февраля) обращал его внимание на то обстоятельство, что в то время, как державы выполня-

---

[42] Ibid., S. 748.
[43] Ibid., S. 128.
[44] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 358.
[45] Ibid., p. 358—359.
[46] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 152.

ют свои обязательства, данные Германии в Локарно, и идут на уступки, этого нельзя сказать о Германии. Уверенности в том, вступит ли Германия в Лигу наций, пока еще нет [47].

В германских руководящих кругах высказывались различные точки зрения по поводу приема в Лигу наций. Так, по мнению советника германского посольства в Англии Бюлова (изложенному им 27 января 1926 г.), вступление Германии в Лигу наций нельзя рассматривать ни в зависимости от вопроса об освобождении оккупированных территорий, ни как следствие Локарнского договора или его составную часть. Если затягивать апелляцию о приеме в Лигу, возникнет, по словам Бюлова, обострение отношений Германии с западными державами, последствия которого трудно предсказать. Поэтому, полагал он, как бы ни было неудобно положение правительства перед рейхстагом, ничего другого не остается, как рассматривать оба вопроса — вступление в Лигу наций и сокращение оккупационных войск — независимо один от другого [48].

Однако, как показало состоявшееся в январе 1926 г. заседание комиссии по иностранным делам рейхстага, вопрос о вступлении Германии в Лигу нельзя было искусственно выделить из общего комплекса ее внешнеполитических проблем. Тот факт, что сокращение численности оккупационных войск в Рейнской области шло недостаточно быстрыми темпами, а во второй и третьей зонах оккупации вообще не было «сколько-нибудь ощутимого» сокращения войск, вызывал (как свидетельствует письмо Шуберта У. Тиррелу от 18 января 1926 г.) недовольство не только со стороны оппозиционных, но и со стороны правительственных партий. Этот вопрос на заседании комиссии по иностранным делам связывался с вопросом о согласии Германии вступить в Лигу наций [49].

Затягивание германскими руководителями внесения апелляции о приеме в Лигу наций продолжало вызывать серьезное беспокойство западных держав. Генеральный секретарь Лиги наций Э. Друммонд довел до сведения английского посла в Берлине (в конце января 1926 г.),

---

[47] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 380—382.
[48] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 160—162.
[49] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 328—329.

что он (Друммонд) очень надеется, что Германия подаст заявление о вступлении в Лигу без дальнейшего промедления, поскольку уже 8 марта предполагается созвать экстра-сессию Совета Лиги наций [50].

Но хотя германские руководящие деятели заверяли в готовности действовать как можно скорее в этом направлении (как свидетельствовало письмо д' Абернона Чемберлену от 31 января 1926 г.) [51], германское правительство вплоть до начала мартовской сессии Лиги хотело оставить за собой возможность взять обратно свою апелляцию о приеме Германии в Лигу наций. Незадолго до мартовской сессии в инструктивном письме германскому послу в СССР Брокдорфу-Ранцау Штреземан отметил, что даже в последний момент в Женеве может возникнуть необходимость потребовать назад ходатайство Германии о приеме в Лигу [52].

Помимо, как уже говорилось выше, опасений, связанных с переговорами о заключении нового германо-советского договора о нейтралитете [53], немаловажную роль в этих колебаниях германского правительства играл вопрос о распределении постоянных мест в Совете Лиги наций, где Германия имела основания опасаться конкуренции со стороны Польши, если бы она стала членом Совета на равных правах с Германией, что затруднило бы ревизионистские планы веймарского правительства.

Это прекрасно понимали руководящие деятели Англии и Франции. Поэтому неудивительно, что данный вопрос неоднократно поднимался в переписке и беседах между этими деятелями в первые месяцы после Локарнской конференции. Уже 22 октября 1925 г. Чемберлен делится своими опасениями по вопросу о распределении постоянных и непостоянных мест в Совете Лиги наций с английским послом в Париже лордом Крю. Существуют претензии на постоянные места со стороны Испании, Бразилии и, что еще хуже, со стороны Польши, сообщал английский министр. Чемберлен, по его словам, предпочел бы в настоящее время видеть Польшу занимающей непостоянное место, вместо какой-либо другой страны, которая уже долго занимала такое место и может теперь его освободить,

[50] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 173—174.
[51] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 388 (appendix 1).
[52] ИДА, ф. 90, д. 37, л. 382.
[53] Подробно об этом см. ниже.

хотя считает очень нежелательным предлагать кандидатуру Польши одновременно со вступлением Германии в Лигу наций. Это, подчеркивал английский министр, будет носить с нашей стороны характер сговора внутри Совета Лиги против Германии. Чемберлен выразил пожелание выяснить позицию Бриана по данному вопросу [54].

В английских правящих кругах существовало также мнение, что «результатом удовлетворения требования Польши (на место в Совете Лиги наций.— *С. Н.*) стало бы отчуждение Германии, что, возможно, заставило бы ее отдалиться от Лиги и пойти на союз с Россией» [55].

Одновременно в руководящих кругах Лондона имелась и другая точка зрения, сторонники которой выступали за предоставление места в Совете Лиги наций Польше. У них были следующие доводы в защиту своей позиции: во-первых, предлагаемое ими решение вопроса повлечет охлаждение польско-советских отношений; во-вторых,— будет служить средством давления на Германию, которая «понесет наказание» за свою непоследовательность в отношениях с Западом. Сторонники этой позиции ссылались на сделанное польским министром иностранных дел Скшиньским в ультимативной форме заявление Чемберлену, что «если Польше не предоставят постоянного места, она будет вынуждена выйти из Лиги и вступить в более тесные взаимоотношения с Россией» [56].

28 января 1926 г. этот вопрос обсуждался Чемберленом и Брианом в Париже [57]. Результатом этой беседы стал меморандум Чемберлена Форин оффису относительно Польши и Совета Лиги наций, датированный 1 февраля 1926 г.

Бриан указал на «нетерпимые моменты», такие, как положение немецких национальных меньшинств, вопросы о польском коридоре, Данциге, а также Мемеле и Вильно, в связи с которыми было бы весьма полезным свести вместе Германию и Польшу и найти возможность компромисса между ними. Поэтому, по мнению министра иностранных дел Франции, эти две страны гораздо скорее

---

[54] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 42.
[55] «Daily Telegraph», 19.II 1926.
[56] Survey of International Affairs 1926. London, 1928, p. 25.
[57] The Diplomats 1919—1939. Ed. by G. A. Craig and Felix Gilbert. Princeton, 1953, p. 95.

урегулировали бы свои трения и обиды «дружелюбным и разумным путем», если бы встретились на равных в Совете Лиги наций. Если же принять лишь Германию, то Польша, как полагал Бриан, станет, безусловно, менее сговорчива и будет «страдать от несправедливости и неравенства». Кроме того, если бы Польша была членом Совета, то она «сама бы занималась своими делами». В противном же случае Франции придется взять на себя роль посредника. А поскольку у французского правительства существуют еще и затруднения в отношениях с Германией, нуждающиеся в урегулировании, не в интересах Франции присовокуплять дополнительные трудности к уже имеющимся, становясь адвокатом Польши и выступая от ее имени. Чемберлен высказал согласие с точкой зрения Бриана, считая, что Германии и Польше следовало бы с целью урегулирования их разногласий находиться в Совете Лиги наций на равных основаниях. Поэтому, подчеркивал английский министр, «взвешивая все обстоятельства, я склоняюсь к тому, чтобы поддерживать требование Польши» [58].

Такая позиция западных держав вызывала крайнее беспокойство и недовольство германского правительства. И хотя вопрос о вступлении Германии в Лигу наций был уже в принципе предрешен (3 февраля 1926 г. комиссия по иностранным делам рейхстага приняла решение — против было 18 голосов — о вступлении Германии в Лигу, а 8 февраля заявление с просьбой о приеме в Лигу было переслано ее генеральному секретарю), руководящие деятели Германии предприняли ряд дипломатических ходов с целью воспрепятствовать получению Польшей места в Совете наряду с Германией [59]. Штреземан 6 февраля 1926 г. обратился с письмом в германское посольство в Стокгольме, в котором сообщал об имеющихся у правительства достоверных сведениях, что французское и английское правительства собираются поддержать кандидатуру Польши в Совете Лиги. Министр иностранных дел подчеркивал, что для Германии было бы, и с внешне-,

---

[58] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 383—384.

[59] *Carlton D.* Great Britain and the League Council Crisis of 1926.— «Historical Journal», 1968, N 11, p. 354—364; *Spenz J.* Die diplomatische Vorgeschichte des Beitritts Deutschlands zum Völkerbund, 1924—1926. Göttingen, 1966, S. 125—171.

и с внутриполитической точек зрения, «крайне опасно», если бы Польша получила постоянное место в Совете Лиги одновременно с Германией. Германскому послу давалось указание сугубо доверительным образом прозондировать, что по этому вопросу известно в Стокгольме и какова позиция шведского правительства [60].

Последнее отнюдь не было заинтересовано в предоставлении постоянного места в Совете Лиги Польше. Поэтому министр иностранных дел Швеции Унден поручил шведскому посланнику в Лондоне отговорить Чемберлена от поддержки в данном вопросе кандидатуры Польши. Шведский посланник имел довольно тесные связи с английскими кругами, выступавшими против расширения Совета Лиги наций, в частности с Макдональдом. Отрицательно относились к предоставлению Польше постоянного места в Совете Лиги также некоторые члены правительства Болдуина [61].

8 февраля 1926 г. был опубликован меморандум английского представителя в Лиге наций лорда Р. Сесиля по вопросу о составе Совета Лиги. В нем наиболее полно отразилась и получила развернутую аргументацию точка зрения противников принятия Польши в Совет Лиги в качестве его постоянного члена. Меморандум не рекомендовал расширять список постоянных членов Совета Лиги за счет не великих держав. Если Испания по некоторым признакам может рассматриваться как великая держава, а Бразилия — как бесспорно крупнейшая среди южноамериканских стран, то относительно Польши очень мало оснований полагать, что ее «мировые интересы» могут ставиться на одну доску с великими державами — у нее нет колоний и сколько-нибудь существенной внешней торговли. Кроме того, и это автор меморандума считал самым главным, у Польши, отчасти из-за ее географического положения, отчасти от того, как «она осуществляла свои внешние сношения, были и есть сейчас трения со всеми ее соседями — с Россией на востоке, с Германией на западе, с Чехословакией на юге, а больше всего с Литвой на севере, не говоря уже о ее многолетних диспутах с Данцигом» [62]. Но тот факт, что Польша неспособна жить

---

[60] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 199—200.
[61] The Diplomats 1919—1939, p. 95.
[62] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 407.

в мире со своими соседями, подчеркивалось в меморандуме, вовсе не представляется основательной и веской причиной, чтобы делать ее постоянным членом Совета Лиги наций. Меморандум напомнил, что в предшествующие годы Польше не удавалось добиться даже избрания в качестве непостоянного члена Совета, хотя она не раз пыталась это сделать. Нельзя также забывать, считал лорд Сесиль, что Польша, возможно более часто, чем любая другая страна, вступала в спор с Лигой наций, а по некоторым вопросам, особенно по вопросу о Литве, попросту игнорировала рекомендации Лиги. Аргумент Франции, состоящий в том, что ввиду обилия разногласий с Германией Польше следует быть постоянным членом Совета Лиги для защиты своей точки зрения, автор меморандума считал опасным. В таком случае, писал он, любые серьезные разногласия между странами, например, между Италией и Сербией, Турцией и Англией, можно будет выдвигать в качестве причины, чтобы претендовать на постоянное членство в Совете Лиги наций. Подобный подход к решению вопроса квалифицировался в меморандуме как «крайне опасный». Он предостерегал против «необоснованного расширения» Совета, которое может повлечь за собой превращение его в «подобие обычного комитета» Лиги. В заключение в меморандуме предлагалось, чтобы новыми постоянными членами стали Германия, Испания и Бразилия. Польше же следует оказать энергичную поддержку со стороны Англии и Франции как кандидату на непостоянное место в Совете Лиги наций [63].

Чемберлен в беседе с польским послом в Лондоне Скирмунтом, состоявшейся в тот же день, когда был опубликован меморандум лорда Сесиля (8 февраля), разъяснил послу, что его (Чемберлена) «симпатии на стороне Польши не только потому, что он знает, какое значение этому придает Скшиньский, но и в связи с тем, что он (Чемберлен) видит в таком решении и некий общий интерес». Однако, как посол имел возможность убедиться из статей в «Таймсе» и «Манчестер Гардиане», в Англии существует оппозиция этому требованию Польши, но не Польши как таковой, а в связи с изменением и расширением Совета, которое это повлечет за собой. Если

[63] Ibid., p. 407, 408.

бы это был просто вопрос о предоставлении Польше непостоянного места, не было бы, насколько это представляется Чемберлену, возражений даже со стороны этих кругов. Однако английский министр уклонился от ясного ответа Скирмунту, заявив, что «еще не консультировался со своими коллегами и не может утверждать что-либо по поводу их отношения» [64].

В ответ же на меморандум Сесиля Чемберлен на следующий день, 9 февраля, направил ему письмо, в котором заявил, что вопрос о приеме Испании одобрен кабинетом. Вместе с тем, он просил Сесиля как можно серьезнее взвесить все аргументы, касающиеся Польши. Министр иностранных дел подчеркивал свое убеждение в том, что «в интересах Англии, чтобы и Польша, и Германия на равных основаниях участвовали в Совете Лиги наций» [65].

Все подробности и даже нюансы имевшихся в Лондоне и Париже соображений относительно условий приема Германии в Лигу наций с невероятной быстротой становились известны в германских правительственных кругах и находили незамедлительный отклик. Из полученных МИД Германии новых сведений, свидетельствует запись фон Дирксена от 9 февраля 1926 г., ясно, что в Париже Бриан уговорил Чемберлена поддержать польские притязания.

Если Польша будет принята в Совет Лиги наций совместно с Германией, возникнет непреодолимое препятствие германским стремлениям к ревизии границ. Политика Локарно была бы скомпрометирована, а вступление Германии в Лигу наций — полностью дискредитировано. Поэтому английское правительство следует отговорить от поддержки польских требований [66].

Серьезное беспокойство вызывал данный вопрос у Штреземана. 12 февраля он писал в Лондон германскому послу Штамеру о необходимости переговорить с Чемберленом о намечаемом предоставлении постоянного места в Совете Лиги наций Польше. Правительство Германии придерживается мнения, что создастся очень серьезное положение, если вступление Германии в Лигу наций послужит поводом для предоставления постоянных мест в

---

[64] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 406.
[65] Ibid., p. 412.
[66] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 222—224.

Совете Лиги также и другим государствам. Подобное увеличение числа постоянных мест в Совете, по мнению германского министра, вызвано не естественным развитием организации Лиги наций, а исключительно фактом вступления Германии в Лигу. Если бы не это, считал Штреземан, никто бы и не подумал о том, чтобы поставить «столь мало испытанное» государство, как Польша, на одну ступень с великими державами. Поэтому германское правительство придает исключительно большое значение тому, чтобы узнать намерения в данном вопросе английского и французского правительств [67].

О намерениях правительства Франции сообщил германский посол фон Геш из Парижа (13 февраля). Французское правительство, по его словам, приняло твердое решение о расширении Совета Лиги наций. Как заявил Гешу генеральный секретарь МИД Франции Бертело, оно, оказывается, никогда не считало, что постоянными членами Совета могут быть лишь великие державы. С этой логичной, по мнению французского правительства, точкой зрения согласился и Чемберлен [68].

Германский посол в Лондоне Штамер беседовал по данному вопросу с Чемберленом 15 февраля. Штамера обеспокоило заявление английского министра в палате общин (от 11 февраля), поскольку он говорил не о возможности распределения мест между другими претендентами как «естественной эволюции Совета», а о приеме Германии как о «поводе для этого». Это, по мнению германского посла, не способствует созданию благоприятных условий для Германии, и кроме того, не о чем подобном не говорилось ни до Локарнской конференции, ни после. На это Чемберлен отвечал очень уклончиво, подчеркивая, что положение Германии как великой державы не может быть затронуто избранием или неизбранием в Совет какого-либо другого государства, что страна, подобная Германии, «даже наутро после поражения» все равно останется великой державой [69]. На вопрос посла, связало ли себя уже английское правительство обязательствами какой-либо стране, Чемберлен смутился и не нашелся, что ответить. Из последующих объяснений английского министра Шта-

---

[67] Ibid., S. 230—232.
[68] Ibid., S. 236—238.
[69] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 436.

мер вынес впечатление, что правительство Англии дало обещания не Польше, а Испании [70]. Германский посол подчеркнул, что принять в Совет Лиги какую-либо другую страну, помимо Германии, противоречило бы политике Локарно. И если та или иная держава собирается выдвинуть предложение о другой кандидатуре, «дело чести» для этой державы уведомить Германию об ее намерении [71]. Чемберлен просил Штамера задуматься над вопросом о том, действительно ли в интересах Германии возможные осложнения с Францией, если последней придется представлять в Совете интересы Польши [72].

Одновременно с переговорами германских представителей в Лондоне и Париже состоялись беседы в Берлине с генеральным секретарем Лиги наций Э. Друммондом, который прибыл в столицу Германии 15 февраля. В тот же день он встретился со Штреземаном и Шубертом и пришел к убеждению, что они в меньшей степени возражали против предоставления постоянного места в Совете Лиги Испании, чем Польше. Более непримиримую позицию занимал Лютер, выступавший против расширения Совета Лиги вообще, о чем, по его словам, в Локарно не упоминалось [73].

В беседе с Э. Друммондом 17 февраля Штреземан довел до его сведения, что посол в Париже фон Геш получил инструкцию лично сообщить Бриану, что, если Франция не откажется от своего предложения о принятии Польши в качестве постоянного члена Совета на мартовской сессии Лиги наций, апелляция Германии о вступлении в Лигу будет пересмотрена или даже взята назад. Германское правительство, по словам Штреземана, не возражает против обсуждения в Совете вопроса о дополнительных постоянных и непостоянных членах, однако считает, что принятие Германии в качестве постоянного члена должно рассматриваться в первую очередь. Германский министр, несколько взволнованный, по свидетельству Друммонда, подчеркнул, что с нетерпением ждет ответа от Геша и что его просьба к послу в Париже со-

---

[70] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 241—243.
[71] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 436.
[72] Ibid., p. 437—438.
[73] Ibid., p. 438.

вершенно секретна, и он надеется, что ничего об этом не просочится в прессу [74].

Резким противником расширения Совета Лиги наций выступал английский посол в Берлине лорд д'Абернон. После того как он был проинформирован Шубертом о беседах Штамера с Чемберленом и Геша с Бертело, д'Абернон подчеркнул, что считает очень важным, чтобы Германия со всей принципиальностью высказалась против расширения Совета Лиги. Английский посол согласился с мнением Шуберта, что если Совет будет расширен, германскому правительству не останется ничего другого, как взять назад просьбу о приеме в Лигу наций [75].

В результате демарша Германии в Париже был получен ответ от Бриана, заявившего Гешу, что он не понимает беспокойства германского правительства в связи с местами в Совете. Вступление Германии в Лигу наций — лишь «представившийся случай», чтобы, наконец, произвести неизбежное переформирование Совета Лиги. Не может же германское правительство требовать от Бриана нарушения данных Францией обещаний. У Геша создалось впечатление, что французское правительство приняло окончательное решение о поддержке кандидатур Испании, Польши и Бразилии [76].

Активная политика германского правительства в вопросе о составе Совета Лиги наций вызывала большое неудовольствие Чемберлена. 18 февраля в телеграмме д'Абернону он высказал обеспокоенность по поводу «угроз», которые высказываются германскими руководящими деятелями. Английский министр придерживался мнения, что «немцам лучше приберечь свои аргументы до встречи локарнских держав за круглым столом в Женеве» [77].

Однако д'Абернон не только не защищал точку зрения Чемберлена перед германскими руководящими лицами, а, напротив, в беседе с Шубертом (18 февраля) обещал передать в Лондон, что демарш Геша Бриану имел целью лишь получить информацию о французской позиции, а отнюдь не был ультиматумом. Шуберт вновь довел до све-

---

[74] Ibid., p. 449.
[75] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 253—254.
[76] Ibid., S. 258—260; DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 457—458.
[77] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 454.

дения английского посла, что если план расширения Совета реализуется, положение станет настолько серьезным, что с ним не сможет «примириться ни одно правительство Германии». В этом случае, подчеркнул он, Германия должна будет взять обратно заявление о приеме в Лигу [78].

19 февраля 1926 г. иностранная комиссия рейхстага приняла резолюцию о том, что именно Германия, и никакая другая страна, должна получить постоянное место в Совете Лиги одновременно со своим вступлением в Лигу наций [79].

В поддержку Германии выступило правительство Швеции, заявившее, что будет противиться всякому увеличению числа мест в Совете в ущерб Германии. Министр иностранных дел Унден поставил в известность германского посланника в Стокгольме о том, что и Испания выступит против какого бы то ни было изменения состава Совета Лиги наций, если ей одновременно не будет предоставлено постоянное место в Совете [80]. Непримиримая позиция Ундена, поддерживавшего постоянный контакт со Штреземаном, привела к изменению точки зрения Чемберлена. 22 февраля д'Абернон сообщил Шуберту, что английский министр считает требование Польши о месте в Совете Лиги неосуществимым ввиду «непримиримости» Швеции [81].

Германские руководящие деятели не замедлили воспользоваться известным изменением ситуации, вызванным позицией шведского правительства. 24 февраля Штреземан заявил д'Абернону, что у Германии нет ни основания, ни намерения особенно возражать по поводу мест в Совете, поскольку уже есть протест со стороны Швеции [82].

Видя, какой оборот принимают дела, и стремясь избежать обострения отношений с германским правительством перед началом мартовской сессии Лиги, Чемберлен поспешил заявить, что английское правительство не приняло еще никаких конкретных обязательств по поводу требования Польши. «Правительство его величества,—

[78] ADAP, Ser. B, Bd I/1, S. 266—272.
[79] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 458 (appendix 3).
[80] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 278—280.
[81] Ibid., S. 280—284.
[82] Ibid., S. 291—294.

сообщил он 26 февраля послу в Варшаву,— резервирует свое решение». Идентичная телеграмма была направлена д'Абернону [83].

Известные изменения произошли и в позиции французского правительства. Германский посол фон Геш сообщил 27 февраля о своей беседе с Бертело, который разъяснил послу, что когда правительство Франции пришло к решению поддержать кандидатуру Польши, оно полагало, что это также в интересах Германии; создалась бы возможность свободного обмена мнениями с Польшей в Совете Лиги наций. Геш возразил на это, что Германия требует прежде всего, чтобы она одна была принята в Совет. Однако у германского посла в результате беседы с Бертело создалось впечатление, что французское правительство готово идти на уступки. Бертело предвидит очевидный компромисс: Германия должна быть принята в Совет Лиги с одновременным обязательством не оказывать никакого противодействия дальнейшему расширению Совета [84].

Наиболее нетерпимую позицию в данном вопросе, как и ранее, проявлял германский президент Гинденбург. В специальном письме канцлеру Лютеру от 27 февраля 1926 г. он подчеркнул, что если Германия и Польша будут одновременно приняты в Совет Лиги наций, создастся, по его мнению, совершенно невыносимая ситуация. Должны быть исключены также какие-либо компромиссные решения, как-то: предоставление Германии постоянного, а Польше — непостоянного места в Совете Лиги; или предоставление Польше места в Совете в сентябре и т. п. Невозможным Гинденбург считал даже принятие Германией на себя во время переговоров в Женеве каких-либо обязательств в этом отношении на будущее [85].

Однако, как стало вскоре известно, Штреземан и Шуберт не занимали столь категоричной позиции. Германский посол в Польше специально обсуждал с ними вопрос о вступлении Польши в Совет Лиги наций. Германское правительство, по словам посла, полно решимости не допустить никакого изменения в структуре Совета Лиги наций, кроме того, которое повлечет за собой прием Герма-

---

[83] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 469.
[84] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 313—314.
[85] Ibid., S. 311—312.

нии, но вместе с тем оно признает необходимым предпринять что-либо, чтобы пойти навстречу требованию Польши, и готово обсудить приемлемый компромисс [86]. 3 марта в Лондон поступило аналогичное сообщение от д'Абернона, который подчеркивал: «есть некоторые признаки того, что движение за лучшее понимание в отношении Польши набирает силу». Он процитировал статью из газеты «Германиа» в пользу предоставления Польше непостоянного места в Совете Лиги наций. Д'Абернон считал знаменательным признаком, что это напечатано в официальном органе партии Центра [87].

В первых числах марта 1926 г., еще до начала сессии Лиги наций, английская сторона выдвинула идею передать вопрос (о компромиссном решении принять в Лигу и Германию и Польшу) специальной комиссии для подготовки доклада к сентябрьской сессии Лиги.

7 марта в Женеве состоялась первая беседа германских представителей с другими членами Совета Лиги. Рейхсканцлер Лютер заявил во время этой беседы, что германское правительство подало апелляцию о приеме в Лигу, имея при этом в виду, что структура Совета Лиги не будет изменена. Именно исходя из этой предпосылки, правительство стремилось добиться одобрения вопроса о вступлении Германии в Лигу со стороны рейхстага и общественного мнения. Отвечая германским представителям, Чемберлен утверждал, что переговоры между ним и Брианом не имели своим результатом какие-либо обязательства относительно членства в Совете Лиги какой-то определенной страны [88]. Заседание, длившееся несколько часов, закончилось безрезультатно. Позиция Германии, по мнению английского министра иностранных дел, осталась прежней [89].

Пытаясь достигнуть компромиссного решения, Чемберлен в беседе с Скшиньским заявил, что хотя он и не может поддерживать требование Польши о постоянном месте в Совете, но был бы доволен, если найдется способ предоставить Польше непостоянное место, однако при усло-

---

[86] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 479.
[87] Ibid., appendix 2.
[88] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 351—357.
[89] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 494.

вии, чтобы ничто не ставило под сомнение вступление Германии в Лигу на данной сессии [90].

Во время следующей беседы, 9 марта, английский министр иностранных дел сообщил германским представителям, что собирается выступить за прием Германии в Лигу наций. Но одновременно он хочет, чтобы германская сторона подтвердила свое согласие на освобождение мест в Совете для Испании и Польши. При этом Чемберлен подчеркнул, что ответственность за неудачный исход переговоров будет нести Германия. Поскольку германская делегация продолжала твердо настаивать на своей позиции, считая вопрос принципиальным, и эта беседа закончилась безрезультатно [91].

«Чемберлен и Бриан,— записал в своем дневнике референт рейхсканцелярии М. фон Штокгаузен,— усиленно пытались найти излюбленный и неизбежный в таких ситуациях компромисс. Великие нажимали на малых, по-видимому, не особенно успешно... Бриан старался действовать в качестве всеобщего умиротворителя. Я еще слышу, как он после одного разговора с канцлером (Лютером.— *С. Н.*) выкрикнул ожидающим его в «Метрополе» представителям прессы: «Les difficultés sont secondaires, ils seront réglées jusqu'à ce soir» [92]. Наступил вечер, но ничего не было урегулировано! Чемберлен отстаивает новую идею: Польша и Испания должны отказаться от постоянного места в Совете, однако Польша должна с нашего согласия получить непостоянное место» [93]. Бриан занял непримиримую позицию: если в результате маневров Германии Польше будет отказано в месте в Совете, по возвращении в Париж он уходит в отставку с поста министра иностранных дел и с локарнской политикой будет покончено [94].

В ходе дальнейших обсуждений Бриан довел до сведения германских представителей, что обещал Польше постоянное место еще в Локарно, но в данное время удовлетворился бы и получением для нее хотя бы непостоянного места в Совете. Если же он вернется в Париж с пустыми руками, то потерпит поражение при обсуждении

---

[90] Ibid., p. 498—499.
[91] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 359—362.
[92] «Трудности — второстепенные, они будут урегулированы до сегодняшнего вечера».
[93] *Stockhausen M. von.* Op. cit., S. 210, 211.
[94] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 370—373.

этого вопроса в сенате [95]. Примерно в том же духе мотивировал позицию Англии Чемберлен [96]. Однако представители Германии отказались и от этого компромиссного предложения [97]. «Я теперь убедился,— писал Чемберлен в связи с этим,— что как Лютер, так и Штреземан приняли бы предложение (о предоставлении места Польше.— *С. Н.*), если бы они могли обеспечить поддержку президента Германии, как это было в Локарно, но он отказался, а без этого они чувствуют себя бессильными. Таково действительное различие между теперешним положением и Локарно» [98].

До этого момента, по мнению германской стороны, можно было считать, что победила точка зрения Германии «по всей линии». Той же позиции, что германские представители, придерживалась и Швеция, которая, имея право голоса в Совете, могла бы воспрепятствовать планам по отношению к Польше. Но шведские представители отказались от своей позиции под давлением и внешним (со стороны Англии и Франции), и внутри Швеции (со стороны социал-демократической партии, членом которой был шведский министр иностранных дел и представитель в Лиге наций Унден). Это коренным образом меняло ситуацию. Германская делегация оказалась перед лицом решения Швеции освободить свое место в Совете Лиги в пользу Польши [99].

Переговоры зашли в тупик. Когда 16 марта Бриан поставил в известность представителей держав о намерении Бразилии голосовать против приема Германии в Лигу наций, было сочтено целесообразным перенести прием Германии на сентябрьскую сессию [100]. Таким образом, вступление Германии в Лигу на мартовской сессии не состоялось.

Однако, по мнению германских руководящих кругов, это не было поражением внешней политики Германии. Если бы Швеция осталась при своей первоначальной позиции, говорилось в отчете о переговорах на мартовской сессии, была бы достигнута стопроцентная победа герман-

---

[95] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 384—386.
[96] Ibid., S. 381—384.
[97] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 505—506.
[98] Ibid., p. 517.
[99] Ibid., p. 505—506; ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 408.
[100] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 402—404.

ской точки зрения, за которую, однако, пришлось бы заплатить ухудшением отношений с державами, что особенно невыгодно именно теперь, поскольку предстоит решение различных, важных для Германии вопросов (о воздушном флоте, военном контроле, оккупации Рейнской области и т. п.[101]). В инструкции Штреземана (от 20 марта) говорилось: все посольства Германии ставятся в известность о том положении, в котором оказалась Германия в результате мартовской сессии. Подчеркивалось, что результат этой сессии имел своим следствием укрепление внешнеполитических позиций Германии. Вместе с тем германским послам рекомендовалось в беседах делать акцент на том, что непринятие Германии является серьезной несправедливостью, причиненной ей державами. Ведущие державы в Совете Лиги наций не должны были допустить такого положения; в конце концов они сами настаивали на вступлении Германии в Лигу. Теперь их задача, говорилось в заключении инструкции, смягчить удар, нанесенный Германии [102].

Выступая в рейхстаге (22 марта), Штреземан заявил, что Германия оказалась перед дилеммой, следует ли ей изменить свое отношение к Лиге наций или нет. Подчеркнув, что женевский эпизод не стал поражением Германии, он сказал: сам по себе факт, что германская политика натолкнулась на затруднения, не есть еще доказательство ее неправильности. Министр иностранных дел полагал, что было бы глупо повернуться к Лиге наций спиной по той причине, что не сработал ее механизм. Д'Абернон считал примечательным, что Штреземан отказался в этой речи от всякой критики позиции Испании и Бразилии и воздержался от выражения осуждения Польши. Выступление Штреземана, по мнению посла, было построено таким образом, чтобы не вызвать оппозиции к последующему избранию Германии в Лигу наций [103]. Лютер и Штреземан, свидетельствует д'Абернон, очень нервничали, опасаясь критики их действий в Женеве, но весь ход дебатов в рейхстаге вылился в большой успех для них. Оба германских деятеля, по словам английского посла, заняли твердую позицию относительно

---

[101] Ibid., S. 409.
[102] Ibid., S. 424—427.
[103] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 542, 543.

продолжения политики Локарно — как центрального направления внешней политики Германии [104].

Таким образом, вопрос о приеме Германии в Лигу наций оказался далеко не столь просто разрешимым. Это обстоятельство отметил нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин (в интервью для советской печати 5 апреля 1926 г.), подчеркнувший, что в период конференции в Локарно Англия и Франция смотрели на эту процедуру как на формальность, считая вступление Германии в Лигу само собой разумеющимся следствием претворения в жизнь локарнских соглашений. На самом деле прием Германии оказался связанным с такими трудностями, что дело «закончилось рискованной отсрочкой до сентября» [105]. «Непосредственной причиной женевского краха,— говорил Г. В. Чичерин, анализируя причины провала приема Германии в Лигу в марте 1926 г.,— были внутренние противоречия в самой политике г. Чемберлена. Он стремился к тому, чтобы объединить все государства против СССР, совершенно не считаясь с антагонизмами между ними. Он сам запутался в противоречиях своей собственной политики, с одной стороны, стараясь противополагать Германию Франции, а, с другой стороны, стараясь компенсировать Польшу за наносимый ей ущерб и создавая в ее лице противовес усиливаемой им же Германии» [106].

Учитывая печальный опыт мартовской сессии Совета Лиги наций, германское правительство стремилось в оставшиеся до сентябрьской сессии месяцы обеспечить беспрепятственный прием Германии в Лигу. Это обстоятельство подчеркнул в беседе с советским полпредом в Берлине (25 марта) Штреземан, заявивший, что германские представители не намерены вторично покинуть Женеву без положительного решения данного вопроса, а потому «поедут только наверняка» [107]. Поэтому, получив приглашение держав участвовать в работе женевской комиссии по составу Совета Лиги наций, руководящие деятели Германии проявили заметные колебания. У д'Абернона создалось впечатление, что германское правительство хотело бы послать в эту комиссию своего представителя, но

---

[104] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 552.
[105] ДВП, т. IX. М., 1964, с. 203.
[106] Там же, с. 204.
[107] Там же, с. 174.

сомневается, сможет ли он иметь право голоса, пока Германия еще не стала членом Лиги наций [108]. Чемберлен попросил д'Абернона (27 марта) информировать германское правительство, что, «конечно, предполагается, что Германия должна иметь равные права голосовать и высказываться, как и всякий член комиссии» [109].

В состоявшейся вслед за этим беседе д'Абернона со Штреземаном (30 марта) последний изложил английскому послу позицию правительства Германии. «Его программа,—сообщил д'Абернон Чемберлену,— состоит в том, чтобы сделать серьезную попытку завершить переговоры о различных важных проблемах в духе Локарно, с тем чтобы, когда рейхстаг соберется вновь (он был распущен до 27 апреля.— *С. Н.*), он (Штреземан.— *С. Н.*) смог бы, представ перед ним, сказать: «Невзирая на осечку в Женеве, Англия, Франция и Германия продолжали двигаться по пути, начертанному в Локарно, и урегулировали несколько важных вопросов». И уже на следующий день после этой беседы германское правительство заявило о согласии участвовать в женевской комиссии по составу Совета Лиги наций, назначив представителями Германии в ней посла во Франции Геша и Гауса [110].

Вместе с тем германские руководящие круги считали целесообразным вести известный шантаж западных держав по поводу «возможности» предстоящего подписания Германией договора о нейтралитете с Советским Союзом, переговоры о котором на самом деле близились к завершению [111]. Намек на это был сделан Штреземаном в вышеупомянутой беседе его с д'Абернноном 30 марта. По свидетельству последнего, германский министр, прямо не рассказывая о советско-германских переговорах и даже, более того, высказавшись недружественным образом об СССР, лишь сказал д'Абернону, что «русские» в настоящее время хотят заключения арбитражных договоров, и «я полагаю, *они захотят* заключить арбитражный договор с нами...» [112] (выделено нами.— *С. Н.*).

---

[108] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 552.
[109] Ibid., p. 554.
[110] *Thimme A.* Op. cit., S. 92.
[111] См. об этом подробно в следующей главе о германо-советских отношениях.
[112] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 555.

Подобная тактика проводилась вплоть до подписания советско-германского договора о ненападении и нейтралитете 24 апреля 1926 г. Разумеется, правительства западных держав знали о происходивших между Германией и СССР переговорах значительно раньше, и не только из конфиденциальных намеков во время бесед с германскими руководящими деятелями. Тактика же германского правительства состояла в том, чтобы побудить западные державы к новым уступкам Германии, с одной стороны, жонглируя возможностью нового советско-германского договора, а, с другой — заверяя их в лояльном отношении Германии к своим обязательствам, вытекающим из Локарнского пакта. В беседе с д'Аберноном (6 апреля 1926 г.) статс-секретарь Шуберт подчеркнул, что предполагаемый договор с Советским Союзом следует рассматривать как дополнение локарнских соглашений, которые для Германии остаются в силе [113]. То же самое Шуберт подтвердил английскому послу 9 апреля, мотивируя необходимость германо-советского договора невозможностью постоянно оставлять СССР «за бортом» европейских объединений. «Так или иначе, по словам Шуберта, должен быть найден мост, соединяющий (СССР.— *С. Н.*) с Европой и Женевой, и конвенция (предполагаемый германо-советский договор.— *С. Н.*) могла бы в общем стать наименее опасным из возможных мостов» [114]. Шуберт заверил также, что договор Германии с Советским Союзом совместим с Уставом Лиги наций и Локарнским пактом [115]. За восемь дней до подписания германо-советского договора посол Германии в Лондоне Штамер заявил Чемберлену, что, по мнению германских руководящих деятелей, Германия — «естественное связующее звено между Россией и Европой» и может поэтому постепенно придать советской политике западную ориентацию, которая послужит основой для сотрудничества между СССР и другими европейскими державами. Штамер заверил также английского министра, что в связи с вышесказанным для западных держав не существует повода для беспокойства, ибо в договоре нет ничего, что бы не соответствовало обязательствам, принятым Германией в Локарно, и тем, которые она возьмет на себя, вступив в

---

[113] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 573.
[114] Ibid., p. 588.
[115] Ibid., p. 611.

Лигу наций; ничего, что означало бы какое-либо изменение в политике Германии [116].

В ответ на сказанное германским послом Чемберлен подчеркнул, что после заключения договора между Германией и СССР и его опубликования германскому правительству следовало бы предать гласности и причины заключения договора с тем, чтобы общественному мнению в самой Германии и в других западных государствах было ясно, что в данном договоре не затрагиваются прежние обязательства Германии Западу или решимость Германии продолжать политику, проводимую Лигой наций [117].

Английский министр нашел заверение Штамера, что обязательства Германии по предполагаемому германо-советскому договору не помешают ей выполнять ее обязанности в качестве будущего члена Лиги наций, вполне удовлетворительным. Еще более ценным свидетельством «незыблемости» локарнской политики Германии для правительств западных держав были заверения по этому поводу Штреземана в речи в Штутгарте (18 апреля). Германский министр заявил: «Если будет заключен советско-германский договор, это не отход от политики Локарно, а скорее, логическое дополнение договоров, заключенных там... Германия дала хороший пример, проинформировав другие локарнские державы об этих переговорах...» [118]

Судя по реакции английской правительственной печати, тактика германского правительства в известной степени была успешной. Уже в начале декабря 1925 г. «Таймс» писала о предполагаемом германо-советском договоре с целью приведения Рапалльского договора в соответствие в Локарнским [119]. А незадолго до подписания договора между Германией и СССР та же газета сообщила, что Англия и Франция проинформированы германским правительством о предстоящем заключении этого договора, и охарактеризовала его как «договор перестраховки», который «никоим образом не противоречит духу и букве Локарнского договора» [120].

Однако после заключения и опубликования текста германо-советского договора от 24 апреля 1926 г., полу-

[116] Ibid., p. 626.
[117] Ibid., p. 627.
[118] Ibid., p. 640; «Deutsche Allgemeine Zeitung», 19.IV 1926.
[119] «Times», 3.XII 1925.
[120] «Times», 14.IV 1926.

чившего название Берлинского договора, реакция стала несколько другой. После ознакомления с ним английское правительство предложило германскому послу Штамеру, чтобы правительство Германии публично заявило, что Берлинский договор не содержит ничего противоречащего Уставу Лиги наций или Локарнскому договору [121]. Штреземан (в беседе с д'Абернoном 30 апреля) просил передать Чемберлену, что он не менее последнего беспокоится за политику Локарно и не менее ответствен за нее. Отказаться от этой политики, по словам Штреземана, было бы для Германии «практически равнозначно самоубийству» [122].

Однако, высказывая некоторые сомнения в соответствии Берлинского договора политике Локарно и Уставу Лиги наций, членом которой Германии необходимо было стать, английские руководящие деятели всячески стремились к тому, чтобы об этом не стало известно правительствам других государств. Чемберлен в телеграмме д'Абернону от 29 апреля подчеркивал, что на данной стадии английское правительство не считает нужным сообщать другим локарнским державам в полной мере о своих сомнениях [123]. Это объяснялось главным образом активными выступлениями Франции против советско-германского договора как противоречащего локарнской политике и Уставу Лиги наций [124]. Такая позиция французского правительства, а в связи с этим также Польши, могла серьезно затруднить решение вопроса о приеме Германии в Лигу наций на приближавшейся сентябрьской сессии.

Германские руководящие деятели выразили по этому поводу известное беспокойство. Штреземан писал фон Гешу в Париж (30 апреля), что французская печать пользуется фактом заключения советско-германского договора как предлогом, чтобы воспрепятствовать вступлению Германии в Лигу наций [125]. Опасения германского министра не были безосновательными. Хотя, по свидетельству Геша, позиция Бриана по отношению к Берлинскому договору стала колеблющейся и осторожной, некоторые политические деятели заявили (в беседе с советником германского

---

[121] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 689—690.
[122] Ibid., p. 693.
[123] Ibid., p. 690.
[124] Ibid., p. 588, 589.
[125] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 488—490.

посольства), что заключение Берлинского договора «вновь вызвало у общественности» Франции «недоверие» к германской политике. Советник по юридическим вопросам французского МИД А. Фромажо предполагал поэтому детально обсудить договор между СССР и Германией с Гаусом в Женеве [126].

Обсуждение состоялось на следующий день. Гаусу удалось смягчить в известной степени имевшиеся трения по некоторым вопросам, связанным с Берлинским договором. Вместе с тем германский представитель полагал, что политическое положение в связи с этим договором все еще остается затруднительным и предостерегал Берлин входить в подробности истолкования статьи 16 в официальных разговорах о данном договоре [127]. Несколько позже (27 мая) Штреземан в беседе с французским послом заявил, что согласен с теми разъяснениями по поводу советско-германского договора, которые были даны Гаусом в Женеве. Он передал послу проект доверительного письма, которое хотел получить Бриан, и тем самым, по его мнению, дискуссия по данному вопросу может считаться завершенной [128]. Германский министр считал, что с помощью сформулированных им в письме Бриану разъяснений последний сможет, выступая в парламенте, «успокоить» общественное мнение Франции в связи с советско-германским договором [129].

Теперь, по мнению германского правительства, наступило время, когда, урегулировав основные трудности на пути вступления Германии в Лигу наций, можно было перейти к практической подготовке к вступлению в Лигу.

В этом вопросе правительство Германии могло целиком рассчитывать на поддержку Англии. Выступая в палате общин в конце апреля, Чемберлен подчеркнул, что главная задача предстоящей сентябрьской сессии Совета Лиги наций — принять Германию в члены Лиги с предоставлением ей постоянного места в Совете [130]. В письме, направленном 3 мая английским послам в Париже, Брюсселе, Риме, Варшаве и Праге, Штреземан вновь указал на настоятельную необходимость приема Германии в Лигу на-

[126] Ibid., S. 509—511.
[127] Ibid., S. 515—516.
[128] Ibid., S. 558—560.
[129] Ibid., S. 562—564.
[130] «Morning Post», 29.IV 1926.

ций безотлагательно. Он мотивировал это опасностью еще большего сближения Германии с Советским Союзом в результате заключения Берлинского договора, отмечая в то же время, что последний не противоречит Уставу Лиги наций и Локарно, а потому не может стать причиной отказа принять Германию в Лигу [131].

С 10 по 17 мая в Женеве состоялась сессия комиссии по составу Совета Лиги наций с участием представителя Германии. 11 мая Чемберлен специально инструктировал представителя Англии в этой комиссии лорда Сесиля как можно скорее провести обмен мнениями с германским представителем [132]. Во время состоявшихся вслед за этим переговоров последний заявил Сесилю, что мартовский провал приема Германии в Лигу неизбежно произвел неблагоприятное впечатление на «общественное мнение» в стране. Если подобное повторится в сентябре, Германии будет крайне затруднительно продолжать настаивать на своем требовании о приеме в Лигу. Германский представитель вновь подчеркнул требование своего правительства не предоставлять Польше одновременно с Германией постоянного места. Более того, германское правительство станет также резко возражать, если, в случае создания системы полупостоянных мест, одно из них зарезервируют для Польши.

Английское правительство придерживалось точки зрения, что число постоянных членов Совета Лиги должно быть сохранено в теперешнем виде и в него следует лишь включить Германию. Однако представители Испании и Бразилии продолжали настаивать на предоставлении их странам постоянных мест в Совете [133]. Когда же им было отказано в этом требовании, Испания (11 июня), а тремя днями позднее — Бразилия заявили о своем выходе из Совета Лиги наций.

Германское правительство считало необходимым до вступления в Лигу наций еще раз заявить об условиях, на которых Германия может стать членом этой организации. Это было сделано Штреземаном в его уже упоминавшейся выше речи в Штутгарте (апрель 1926 г.). Заявив, что Германия невиновна в постигшей ее неудаче на

---

[131] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 704—707.
[132] Ibid., p. 743.
[133] Ibid., p. 744.

мартовской сессии, министр иностранных дел подчеркнул необходимость соблюдения следующих условий, если Германия вступит в Лигу наций: 1) немедленное сокращение оккупационных войск в Рейнской области уже в настоящее время; 2) признание как само собой разумеющегося положения Германии в качестве великой державы в форме предоставления ей постоянного места в Совете Лиги; 3) признание за Германией права управлять колониями; 4) факт вступления в Лигу наций — не подтверждение со стороны Германии моральной ответственности за возникновение мировой войны; 5) возвращение суверенитета над оккупированными германскими территориями — первоочередная задача правительства Германии, которой должны служить все другие задачи [134].

Против вступления в Лигу наций без всяких условий продолжал высказываться Гинденбург. 3 августа 1926 г. он заявил об этом статс-секретарю Шуберту. Последний возразил президенту, что, видимо, он был неверно информирован о точке зрения МИД; вовсе нет намерения «ринуться очертя голову» в Лигу наций. «Об этом,— по словам Шуберта,— не может, конечно, быть и речи».

Президент заявил, что перед вступлением в Лигу следовало хотя бы добиться сокращения оккупационных войск и срока оккупации Рейнской области. Статс-секретарь согласился, что нужно обязательно достичь каких-то результатов в вопросе сокращения войск. Что же касается срока оккупации, то Шуберт считал неправильным и даже невозможным заниматься этим перед вступлением в Лигу наций. Далее Шуберт подчеркнул необходимость для Германии именно теперь, более чем когда-либо, вступить в Лигу: «Нам следовало бы получить возможность появиться на женевском поле битвы, чтобы схватить там противника за горло». Гинденбург, по мнению статс-секретаря, в известной степени согласился с его доводами, заявив в конце беседы, что он сам пытался успокаивать чересчур непримиримых противников Лиги наций доводом о том, что «не может же Германия всегда стоять, как бедное дитя в холодном коридоре, и не сметь войти в теплую комнату» [135].

---

[134] Ibid., p. 640, 643 (appendix 2); «Deutsche Allgemeine Zeitung», 19.IV 1926.

[135] ADAP, Ser. B, Bd. I/2. Göttingen, 1968, S. 1, 2.

Однако заключение Шуберта о частичном согласии Гинденбурга с его доводами оказалось несколько преувеличенным. Ибо через шесть дней президент обратился с письмом к рейхсканцлеру Марксу, в котором вновь подтвердил свою точку зрения о необходимости сокращения оккупационных войск на германской территории и выяснения позиции держав в вопросе о разоружении Германии до вступления Германии в Лигу наций [136]. Зная, что через три дня должно состояться заседание кабинета, Гинденбург хотел, чтобы его соображения по данному вопросу были доведены до сведения кабинета [137]. На состоявшемся 13 августа заседании кабинета Штреземан после зачтения письма президента особо отметил, что на настоящей стадии речь может идти уже не об апелляции Германии в Лигу наций о приеме, а о том, может ли быть принята просьба Германии взять обратно уже давно сделанное ею обращение к Лиге. Лично он (Штреземан) сильно сомневается в том, что действительное положение с оккупационными войсками и разоружением настолько неблагоприятно, что может возникнуть необходимость отказа Германии от апелляции о приеме в Лигу наций [138].

Выступая с подобным заявлением, германский министр иностранных дел учитывал отрицательное отношение держав, в особенности Англии, к вхождению Германии в Лигу наций на определенных условиях. Еще 29 июля германский посол Штамер сообщил из Лондона, что когда он передал Чемберлену ноту о сокращении оккупационных войск, тот уклонился от обсуждения этого вопроса, подчеркнув, что каждый раз возникают трудности на пути вступления Германии в Лигу наций. Английский министр считал, что вопрос об оккупации разрешится сам собой, когда Германия будет принята в Лигу. Он вел недавно переговоры по этому вопросу в Париже [139].

А 13 августа, как раз в день вышеупомянутого заседания кабинета министров Германии, советник посольства Дюфур-Феронсе сообщил из Лондона, что Чемберлен обеспокоен известиями из Германии, согласно которым

---

[136] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 38—40.
[137] Ibid., S. 38—39.
[138] Ibid., S. 38, прим. 2.
[139] Ibid., Bd. I/1, S. 683—685.

германское правительство собирается направить делегацию в Женеву лишь в том случае, если союзные державы дадут определенные обещания Германии по поводу оккупационных войск, времени окончания военного контроля над Германией и сокращения срока оккупации. Английский министр просил выяснить этот вопрос со Штреземаном и передать последнему, что правительство Англии ни при каких условиях не даст подобные обязательства. Чемберлен выражал надежду, что Германия не будет создавать затруднения; иначе не останется никакой надежды ввести Германию в Лигу наций [140].

Германский министр иностранных дел ответил на следующий день, что беспокойство Чемберлена основано на недоразумении. Правительство Германии никогда не предполагало ставить посылку делегации в Женеву в зависимость от каких-то предварительных обещаний со стороны держав. Однако это не означает, что оно не придает огромного значения урегулированию этих вопросов [141].

15 августа Чемберлен обратился непосредственно к Штреземану с письмом, в котором просил последнего не ставить под угрозу прием Германии в Лигу путем выдвижения ультимативных требований. На сессии в марте было то же самое. Если и на этот раз вступление Германии сорвется, то это уже будет навсегда. В связи с этим письмом германский министр дал новые разъяснения д'Абернону, которыми последний остался удовлетворен [142].

Однако вопрос о приеме Германии в Лигу на сентябрьской сессии осложнялся не только по вышеизложенным причинам. Испанское правительство собиралось вновь поставить вопрос о своем избрании в Совет на предстоящей сессии и рассчитывало найти в этом поддержку со стороны держав, в особенности Франции. Причем, по данным германского посольства в Лондоне, Испания не собиралась отказываться от своего требования на постоянное место в Совете и никоим образом не удовлетворилась бы предоставлением ей непостоянного места [143].

---

[140] Ibid., Bd. I/2, S. 62.
[141] Ibid., S. 64, прим. 11.
[142] Ibid., S. 74, 75.
[143] Ibid., S. 41, прим. 1.

Такое положение вещей, безусловно, ставило под угрозу вопрос о предоставлении Германии постоянного места в Совете непосредственно после избрания ее в Лигу наций на сентябрьской сессии, которое уже, казалось, было предрешено. Поэтому позиция германских руководящих деятелей заключалась в том, чтобы настаивать на приеме Германии в Лигу наций и в Совет Лиги на сентябрьской сессии до того, как Лигой будет обсуждаться вопрос о реорганизации Совета и произойдут новые выборы непостоянных членов Совета [144].

В беседе с д'Аберноном (20 августа) статс-секретарь Шуберт изложил позицию своего правительства по данному вопросу. «Мы лишь заверяли испанцев,— говорил он,— в нашем очень благожелательном отношении, однако без обиняков и ясно пояснили, что не сможем дать им никаких обещаний подобного рода на будущее относительно как постоянного места в Совете, так и... непостоянного... Мы даже дали понять испанцам, что неуместно именно нам, прежде чем нас примут в Лигу наций, ставить подобные вопросы» [145]. Поясняя ту же мысль, Шуберт записывает на следующий день: «Если бы вопрос об Испании был совершенно самостоятельным, тогда мы, конечно, ничего не имели бы против постоянного места в Совете для Испании. Но поскольку это — не тот случай, нам, разумеется, пришлось высказаться против увеличения постоянных мест в Совете» [146].

Наконец, 3 сентября германский МИД был уведомлен консульством Германии в Женеве о завершении работы комиссии по составу Совета Лиги наций. В заключительном постановлении констатировалось, что для Германии освобождается постоянное место в Совете. Таким образом, окончательно отпадало всякое сомнение в том, что Германия будет единодушно принята в Совет [147].

Вместе с тем наряду с указанным пунктом был принят пункт об увеличении числа непостоянных мест в Совете Лиги наций. Это не могло не вызвать неудовольствия германского правительства, полагавшего, что одно из вновь созданных мест, вероятно, предоставят Польше.

---

[144] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 166.
[145] Ibid., S. 103.
[146] Ibid., S. 104, прим. 5.
[147] Ibid., S. 158.

Однако вопрос о вступлении Германии уже не вызывал сомнений. 8 сентября 1926 г. она была единогласно принята в Лигу наций и получила одновременно постоянное место в Совете Лиги. Так завершился один из важнейших для германского правительства этапов в его борьбе за ревизию версальских постановлений, ограничивавших равноправное положение Германии в концерте западноевропейских империалистических держав.

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРУГОВ И ПАРТИЙ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ К ГАРАНТИЙНОМУ ПАКТУ И ЛИГЕ НАЦИЙ

Локарнские соглашения, встреченные шумной пацифистской кампанией буржуазной прессы держав-участниц, не были популярны в широких кругах германской общественности. Однако внешнеполитические концепции многочисленных партий Веймарской республики отличались крайней противоречивостью и сложностью.

Правительственный блок партий (народной, центра и демократической) проводил под руководством Штреземана политику балансирования между Западом и Востоком. Это было связано с противоречивым, двойственным положением Германии в системе версальского послевоенного урегулирования, вызывавшего стремление германских правящих кругов освободиться от него [148]. Внешнеполитический курс правительства Германии отражал противоречивые концепции различных буржуазных партий, группировок и юнкерства, но в то же время не мог полностью игнорировать стремление к миру и сотрудничеству с Советским Союзом со стороны немецких трудящихся. «Германская буржуазия 20-х годов, вынужденная в результате поражения в мировой войне расстаться со всеми своими иллюзиями относительно возможности установления господства в Европе,— пишет видный историк и политический деятель ГДР А. Норден,— руководствовалась в своей внешней политике весьма разноречивыми чувствами. Запад, с которым она была связана теснейшими классовыми узами, нанес Германии три сокрушительных удара: военное поражение 1918 г., Версальский мир-диктат 1919 г. и франко-бельгийское вторжение в Рурскую об-

[148] *Ruge W.* Weimar — Republik auf Zeit. Berlin, 1969, S. 40.

ласть в 1923 г. Восток, т. е. Советский Союз, социалистический общественный строй которого был для германской буржуазии хуже чумы, оказал Германии действенную помощь: Советский Союз протестовал против версальского грабежа и, заключив Рапалльский договор, положил конец внешнеполитической изоляции рейха; открывалась реальная возможность организации плодотворного товарообмена с Советской страной, выгодного для обеих сторон. Советский Союз был также единственной великой державой, вставшей на сторону Германии во время французского вторжения в Рурскую область» [149].

Германское правительство, проводя свою внешнеполитическую программу, вынуждено было учитывать существование различных концепций и тенденций, вызванных расстановкой и соотношением политических сил внутри страны. Вместе с тем в деятельности МИД, возглавляемого Штреземаном, ощущалось в общем традиционное для германской общественно-политической мысли стремление исключить или по меньшей мере свести к минимуму комплекс внутриполитических факторов при формировании внешнеполитического курса [150]. Соображения о невозможности, к сожалению, проводить внешнюю политику, «исходя из чисто внешнеполитических соображений», не считаясь с общественным мнением, были высказаны германским министром иностранных дел на заседании центрального правления Немецкой народной партии в ноябре 1925 г. [151]

В веймарский период политика правящих кругов представляла собой перекрещивание и взаимное проникновение двух основных тенденций: политики соглашения и политики реванша, хотя имелись и различные оттенки. «...Эти два направления внешнеполитической тактики германского империализма,— по справедливому замечанию историка ГДР В. Бертольда,— нельзя рассматривать как абсолютные противоположности. Объективные противоре-

---

[149] *Норден А.* Фальсификаторы. М., 1959, с. 24.

[150] Например, по мнению германского политика и теолога Ф. Наумана, межпартийная борьба не должна влиять на направление внешней политики (см. *Struve W.* Elites against Democracy. Leadership Ideals in Bourgeois Political Thought in Germany. 1890—1933. Princeton (N. Y.), 1973, p. 104).

[151] *Turner H.-A., jr.* Eine Rede Stresemanns über seine Locarnopolitik.— VfZ, 1967, Hf. 4, S. 427.

чия, которыми сопровождалось усиление германского империалистического государства, а также традиции и субъективные склонности отдельных ведущих политических деятелей и идеологов определили тот факт, что политика соглашения с западными державами отличалась непоследовательностью» [152].

Безоговорочной сторонницей «западной» ориентации выступала социал-демократическая партия Германии. Идейный вождь германской социал-демократии Карл Каутский в брошюре «Интернационал и Советская Россия», изданной в 1925 г., выступил за поддержку антисоветской политики английского правительства консерваторов. Лидеры социал-демократов рассматривали Локарнский пакт западных держав как «единственное средство политического умиротворения Европы» [153] и призывали германское правительство «не затягивать вступления в Лигу наций, так как это несовместимо с внешнеполитическими задачами Германии» [154]. Один из ведущих лидеров социал-демократии, возглавлявший внешнеполитическое руководство этой партии, Р. Брейтшейд, поддерживая идею западных держав, что «Лига наций не может делать для своих членов исключения», выступил за безоговорочное вступление Германии в эту организацию [155].

Лидеры социал-демократии занимали открыто антисоветские позиции, пропагандируя клеветнические измышления об «угрозе» для Германии со стороны Советского Союза, готовящего якобы войну против нее. Об этом, в частности, говорилось на съезде социал-демократической партии в Гейдельберге (в сентябре 1925 г.) [156]. В связи с этим руководство партии призывало к сближению с Англией, консервативное правительство которой в тот период проводило сугубо антисоветский курс, направленный на прямой разрыв дипломатических отношений с Советской страной. «Мы не можем... выбирать между Англией и Россией,— подчеркивалось в теоретическом журнале социал-демократической партии (9 ноября

---

[152] *Бертольд В.* «...Голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма. М., 1964, с. 51.
[153] «Vorwärts», 18.III 1925.
[154] «Vorwärts», 19.II 1925.
[155] «Vorwärts», 18.III 1925.
[156] Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll. Berlin, 1926, S. 240.

1925 г.).— Перед нами — только один выбор: Европа или гибель» [157].

Представители немецкой национальной народной партии, или, как их еще называют, националисты, или дейч-националы, призывали к активной борьбе против Версальского договора и одновременно против союза с бывшими противниками Германии в мировой войне — западными державами. На данном этапе, когда революция в Германии потерпела поражение и пока существуют версальские ограничения, националисты считали возможным «использовать» Советский Союз в интересах германской буржуазии. Внешнеполитическая программа этой партии была сформулирована одним из ее лидеров, графом Э. Ревентловым, следующим образом: «Проводить политику освобождения от Запада, сотрудничая по линии государственно-политической с Востоком, не подчиняясь ему и одновременно планомерно и беспощадно преодолевая и борясь с коммунизмом внутри страны для создания национал-социалистского государства» [158].

Ревентлов подчеркивал, что он «ни в коей мере не приверженец дружественной политики по отношению к России,— напротив. Но мы должны быть свободными и заниматься реальной политикой» [159].

Однако националисты вовсе не отвергали всякой возможности союза с западными державами. Следовало лишь, как подчеркивал орган этой партии «Кройццайтунг», позаботиться о том, чтобы «нас не втянули в англо-французский блок без вознаграждения» [160]. Та же газета во время Локарнской конференции писала, что «оба партнера», имея в виду Англию и СССР, «для Германии весьма ценны, если не необходимы. Наша обязанность продать наше партийное имя по высокой цене» [161]. Таким образом, политика германских националистов должна была, по их замыслу, служить «пугалом реванша» для Франции и Англии и облегчить тем самым освобождение Германии от версальских ограничений. То обстоятельство, что ревизионистские концепции внешнеполитического ру-

---

[157] «Sozialistische Monatshefte», 9.XI 1925, S. 693.
[158] *Reventlow E.* Nur durch Nein zum Ja.— «Europäische Gespräche», 1926, N 7, Juli, S. 359.
[159] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 387, S. 3451.
[160] «Kreuzzeitung», 31.VII 1925.
[161] Цит. по: «Rote Fahne», 10.X 1925.

ководства Германии в принципе не противоречили программе дейч-националов, нашло подтверждение в дальнейшем, в период фашистской диктатуры, когда Гитлер заявил, что не смог бы в эпоху Штреземана достичь бо́льшего, чем было достигнуто [162]. В некоторых исследованиях западных историков не отрицается приверженность Гитлера теоретическим ревизионистским концепциям 20-х годов, проявлявшаяся в практической деятельности правительства национал-социалистов [163].

Особую позицию среди сторонников так называемой восточной ориентации занимал возглавлявший рейхсвер генерал фон Сект. Он относился крайне враждебно к внешнеполитическому курсу, проводимому Штреземаном, и вообще к последнему. «Безобразная фигура в центре всей проблемы — это, конечно, господин Штр(еземан)...,— писал Сект в июле 1925 г.— Обычно не любят менять жокеев во время скачек, но остается вопрос, не важнее было бы в конце концов избавиться от этого человека и таким образом очистить путь для другой внешней политики» [164]. Сект был ярым противником участия Германии в Локарнском пакте. В неопубликованном архиве Штреземана имеется на этот счет любопытное свидетельство жены Секта, заявившей на обеде в присутствии Штреземана: «Из Локарно ничего не выйдет, мой муж не потерпит этого» [165]. Уже после подписания локарнских соглашений (в письме к сестре от 4 марта 1926 г.) Сект подчеркнул: «Мы должны были бы сохранить свободу действий на Востоке. Этого у нас больше нет» [166]. Группа Секта хотела с помощью политического и военного сотрудничества с Советским Союзом вести борьбу против держав-победительниц и Польши. Вынашивались бредовые планы использования русских солдат и ресурсов Советской страны против держав Антанты и Польши для осуществления реваншистских планов Германии [167]. Сект доказывал, что при «без-

---

[162] *Ruge W.* Stresemann, S. 222.

[163] *Wollstein G.* Von Weimar Revisionismus zu Hitler. Bonn — Bad Godesberg, 1973, S. 5.

[164] *Rabenau Fr.* Seeckt. Aus seinem Leben 1918—1936. Leipzig, 1940, S. 406—419.

[165] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Stresemann and the Rearmament of Germany. Baltimore, 1954, p. 37—38.

[166] *Rabenau Fr.* Op. cit., S. 430.

[167] *Seeckt H.* Wege deutscher Außenpolitik. Leipzig, 1931.

оружном состоянии Германии нельзя иметь врага в лице России» [168]: «наше положение между Францией и Польшей вынуждает нас поддерживать более длительный контакт... с Россией, чтобы не впасть в полную зависимость от Запада» [169].

Это были империалистические концепции, не имевшие ничего общего с действительным дружественным сотрудничеством между Германией и СССР и свидетельствовавшие о полном непонимании характера советской внешней политики. «Наряду с такими настойчивыми и реалистичными сторонниками хороших отношений между Германией и Советским Союзом, каким был граф фон Брокдорф-Ранцау,— подчеркивается в историографической работе В. Бертольда,— имелись и *прожектеры-авантюристы*, которые, *совершенно не понимая характера социалистического государства, надеялись использовать Советский Союз в целях развертывания новой империалистической агрессии* (выделено нами.— *С. Н.*). С такими нереальными проектами, как видно, носился шеф рейхсвера (1920—1926 гг.) генерал-полковник фон Сект» [170]. Сект и его единомышленники, по словам А. Нордена, не понимали, что «вместе с Советским Союзом вести реваншистскую политику нельзя, потому что это было во все времена несовместимо с самим характером советского строя» [171].

Националистические круги встретили заключение Локарнского пакта с бурным возмущением, квалифицируя его как своего рода «новый Версаль». Такую оценку пакта поддерживали и монархический рейхсвер, и не имевшая заработка военщина, и немецкая народная партия свободы («тевтонцы») во главе с Ревентловым, а также многочисленные фашистские группировки. Немалую роль здесь играло их стремление привлечь на свою сторону широкие мелкобуржуазные массы Германии. С этой целью была организована шумная демагогическая кампания о подтверждении германским правительством версальских границ и «предательстве братьев на Рейне». «Для правительства будет больше пользы,— заявил в рейхстаге один из лидеров националистов граф К. Вес-

[168] *Seeckt H.* Deutschland zwischen West und Ost. Hamburg, 1933, S. 430.
[169] *Seeckt H.* Wege deutscher Außenpolitik, S. 15—16.
[170] *Бертольд В.* Указ. соч., с. 60.
[171] *Норден А.* Указ. соч., с. 33.

тарп,— если за границей убедятся, что наша партия со своими шестью миллионами избирателей и стоящими за ней влиятельными кругами не подписала и не подпишет договора (Локарнского.— *С. Н.*) без действительного равноправия и выгод для Германии» [172]. Проявлением антилокарнских тенденций стал также уход в отставку трех министров-националистов в знак протеста против Локарнского пакта (25 октября 1925 г.). Правительство тем самым лишалось большинства в рейхстаге. В середине ноября 1925 г. съезд национальной партии единогласно принял резолюцию протеста против локарнских соглашений [173].

Коммунистическая партия Германии — единственная партия Веймарской республики, последовательно боровшаяся против сговора правительства с западными державами, дала верную оценку существа политики германских националистов. Оппозиционная линия национальной народной партии преследовала цель, «с одной стороны, обмануть массы, изображая немецких националистов непричастными к политике плана Дауэса, Локарно и Женевы», и, «с другой стороны, получить наивысшую плату за использование Германии в качестве ландскнехта против СССР» [174]. Основными задачами внешнеполитической программы КПГ были борьба за продолжение и развитие линии Рапалло в германо-советских отношениях, борьба против антисоветской политики правительства Германии и других империалистических держав, против фашистских и полуфашистских режимов в Европе; активная поддержка революционных и национально-освободительных движений. Первоочередной задачей, стоящей в тот момент перед германскими коммунистами, было завоевание большинства трудящихся на свою сторону. На повестку дня выдвигалась организация единого фронта трудящихся Германии и всего мира для активной борьбы против военных приготовлений германского империализма, против подготавливаемого сговора с западными державами в Локарно [175].

---

[172] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 387, S. 4505.
[173] См. «Правда», 18 ноября 1925.
[174] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 399, S. 7443.
[175] Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1963, S. 139; Zur Geschichte der KPD. Berlin, 1955, S. 157—160.

Уже в первые дни переговоров о гарантийном пакте с западными державами руководство КПГ расценило их как начало открыто антисоветского и антинационального курса во внешней политике правительства Германии [176]. Руководитель немецких коммунистов Э. Тельман на заседании ЦК КПГ в январе 1925 г. подчеркнул необходимость добиваться активной борьбы большинства трудящихся Германии против антисоветских планов германского империализма и западных держав [177]. Во время дебатов в рейхстаге в связи с избранием на пост канцлера Лютера 22 января 1925 г. Э. Шнеллер, депутат от КПГ, выступил против западной ориентации германской внешней политики и за развитие отношений с Советским Союзом [178]. В марте 1925 г. КПГ предупреждала: «капиталистический союз с участием Германии против Советского Союза принимает таким образом при активном участии правительства Лютера все более осязаемые формы. Сейчас, как никогда, требуется, чтобы рабочий класс осознал эту угрозу и занял бы ясную боевую позицию...» [179].

Ленинское ядро КПГ уже в марте—апреле 1925 г. сформулировало в общих чертах свою концепцию по отношению к проектируемому гарантийному пакту. 5 марта Э. Шнеллер охарактеризовал разногласия в лагере западных держав по вопросу о гарантийном пакте как дискуссии о лучших возможностях войны против Советского Союза. Эти соображения он уточнил и развил далее в инструкции, разосланной во все организации КПГ. Она разъясняла основное направление внешней политики Штреземана как политики, которая «втирается в доверие» к Западу, чтобы «иметь свободные руки для захватов на Востоке». Задачей КПГ является, говорилось в инструкции, ставить больше, чем до сих пор, на повестку дня партийной работы вопросы внешней политики, с тем чтобы завоевать на свою сторону пролетариат, а также мелкобуржуазные слои населения для борьбы против гарантийного пакта [180]. Коммунисты должны руководство-

---

[176] «Rote Fahne», 29.I 1925.
[177] *Madloch N.* Der Kampf der KPD 1925 gegen den Locarnopakt und für eine demokratische und friedliche deutsche Außenpolitik.— ZfG, Hf. 2, 1964, S. 236.
[178] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 384, S. 185 ff.
[179] «Rote Fahne», 3.III 1925.
[180] *Madloch N.* Op. cit., ZfG, Hf. 2. 1964, S. 240.

ваться в своей деятельности тем: 1) что настоящие интересы рабочего класса и эксплуатируемых мелкобуржуазных масс требуют союза с Россией; 2) что этот союз может быть осуществлен лишь в борьбе против буржуазии и ее договоров с империалистами западных держав. Итак, острая борьба против плана Дауэса, подготовляемого гарантийного пакта, против вступления в Лигу наций [181].

В. Пик в прусском ландтаге [182], а В. Штеккер перед пленумом рейхстага (19 марта 1925 г.) отметили, что поддержка внешней политики Штреземана всеми другими партиями наносит ущерб национальным интересам немецкого народа. Штеккер подчеркнул, что лишь КПГ воплощает истинно национальную оппозицию против подобной внешней политики [183]. Э. Тельман назвал предполагаемый гарантийный пакт антинациональным планом наступления мирового империализма на СССР [184]. «Никакого блока, никакого пакта против Советской России..» [185],— призывало воззвание КПГ в апреле, а германская коммунистическая печать подчеркивала: «Борьба против империализма Антанты возможна лишь на стороне Советской России» [186].

В последующие месяцы, когда ход гарантийных переговоров свидетельствовал, что все больше назревает угроза заключения пакта, германские коммунисты усилили и активизировали борьбу против него. 20 мая 1925 г. В. Штеккер выступил в рейхстаге с резкой критикой германского внешнеполитического курса и потребовал отставки Штреземана [187]. На состоявшемся в июле X съезде Компартии Германии большое место было уделено вопросу о подготавливаемом гарантийном пакте и вступлении Германии в Лигу наций [188]. В принятых на съезде тезисах о положении и задачах КПГ гарантийный пакт оценивался как «типичный военный договор», как военный

---

[181] Ibidem.
[182] *Pieck W.* Gesammelte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1959, S. 490.
[183] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 385, S. 1168 ff.
[184] «Rote Fahne», 19.IV 1925.
[185] Zur Geschichte der KPD. Berlin, 1955, S. 174.
[186] «Rote Fahne», 19.IV 1925.
[187] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 385, S. 1984.
[188] *Thälmann E.* Reden und Aufsätze. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I. Berlin, 1955, S. 170.

союз мирового империализма во главе с Англией [189]. Германские коммунисты в этот период борьбы против пакта проводили также нелегальную антимилитаристскую пропагандистскую деятельность в рейхсвере и полиции.

В августе—сентябре 1925 г., когда уже было ясно, что конференция для заключения пакта предстоит в ближайшее время, Политбюро КПГ приняло меры для усиления борьбы широких масс германского народа против подготавливаемых соглашений [190]. Во время антивоенной недели (26 июля — 2 августа 1925 г.) ленинское ядро КПГ сумело опровергнуть пессимистические взгляды ультралевых о невозможности борьбы против антисоветской внешней политики германского правительства. Кульминационным пунктом этой недели стали демонстрации в Лейпциге и Эссене, в которых участвовало 50 тыс. человек, под лозунгом сохранения мира и поддержания добрососедских отношений с Советским Союзом, и, наконец, в Берлине, где участвовало 100 тыс. человек [191].

Широкая разъяснительная работа германских коммунистов способствовала тому, что в период гарантийных переговоров и в социал-демократической партии появилась оппозиция правому руководству, поддерживавшему антисоветскую политику заключения пакта с западными державами. В обращениях к съезду СДП, проходившему с 13 по 18 сентября 1925 г. в Гейдельберге, социал-демократические организации Франкфурта-на-Майне, Мюнстера (Вестфалия) и других районов потребовали, чтобы СДП высказалась против внешней политики германского правительства [192].

После заключения гарантийного пакта в Берлине состоялось собрание трудящихся. В принятой им резолюции констатировалось: «Конференция в Локарно и предстоящее вступление Германии в Лигу наций открывает новый этап в политике капиталистических держав Запада и в первую очередь Англии против Советского Союза» [193]. Политбюро КПГ выступило с заявлением, где говорилось,

---

[189] Bericht über die Verhandlungen des X Parteitages der KPD. Berlin, 1926, S. 191, 214.
[190] *Madloch N.* Op. cit.,— ZfG, Hf. 2. 1964, S. 246.
[191] «Rote Fahne», 1.IX 1925; «Rote Fahne», 4.VIII 1925.
[192] «Vorwärts», 16.VIII 1925.
[193] «Rote Fahne», 17.X 1925.

что «в результате заключения локарнских договоров Германия вступила в боевой фронт против Советского Союза в качестве орудия западного империализма». Оно призвало бороться против Локарно путем массовой мобилизации германского пролетариата под лозунгом — за мир и союз с СССР [194].

С яркими речами, разоблачающими антисоветскую сущность локарнских соглашений, выступали с трибуны рейхстага руководители германских коммунистов. Выдающуюся роль в этой активной деятельности КПГ играл избранный в октябре 1925 г. председатель ЦК КПГ Э. Тельман. «...Мирное наступление господина Штреземана, предпринимаемое им при поддержке всей немецкой буржуазии и по поручению английской буржуазии,— говорил Тельман,— на самом деле является наступлением, начатым Англией при помощи дипломатических средств с целью создать в Европе антисоветский блок с участием Германии» [195]. Руководитель немецких коммунистов подчеркивал также решающую роль американского финансового капитала, стоящего за спиной непосредственных организаторов заключения гарантийного пакта.

Немецкая коммунистическая печать отмечала, что результаты голосования по вопросу о Локарнском пакте в рейхстаге противоречат воле пролетариата Германии. Своим голосованием вожди крупного капитала и промышленные магнаты попрали национальную независимость Германии, подчинившись указке английских правящих кругов. И вдруг «удушливую атмосферу дауэсовского рейхспарламента», по выражению «Роте фане ам монтаг», прорвала своей речью «всегда полная вдохновения, пламенная и не знающая устали» К. Цеткин, в голосе которой «отдается массовая поступь пролетарских батальонов немецкого рабочего класса» [196]. Подчеркнув, что в Германии не было ни одного массового митинга в поддержку Локарно, газета в ярких красках рисует демонстрацию протеста против пакта в Люстгартене: «Наступил ранний осенний вечер. Силуэты замка, собора и всадника на по-

---

[194] Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927 гг.). М., 1959, с. 142.

[195] *Тельман Э.* Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1957, с. 198—199.

[196] Из истории международной пролетарской солидарности, сб. III (1925—1927). М., 1959, с. 161, 162.

стаменте тяжело вздымались в вечерней тьме. Факелы красных фронтовиков пылали, указывая путь в ноябрьской мгле... Этот холодный и снежный день осени не испугал никого из пролетариев. И вот уже двинулись маршем из-за собора под мощные звуки «Интернационала». Через короткое мгновение Люстгартен уже переполнен людьми. А развевающиеся знамена, как кровь, горят в свете факелов» [197].

КПГ организовала целую серию открытых собраний под лозунгом «Локарно или Москва». По неполным данным, в этой кампании лишь в районе Халле-Мерзебург прошло 360 собраний, посвященных внешнеполитическим вопросам [198]. На митинге берлинских рабочих во Фридрихсгайне выступили В. Пик и Ф. Геккерт [199]. На I партийной конференции КПГ в Берлине (1 ноября 1925 г.) была принята резолюция с призывом к свержению существующего буржуазного правительства Лютера и борьбе против Локарнского пакта [200]. «Так называемый Локарнский пакт о мире,— говорилось в решении конференции представителей коммунистических парламентских фракций Бельгии, Германии, Англии, Франции, Голландии, Италии, Польши, Швейцарии и Чехословакии (Брюссель, ноябрь 1925 г.),— на самом деле — новый этап в проявляющейся все более ясно перегруппировке империалистических держав» [201].

Большое значение руководящие деятели КПГ придавали также борьбе против предстоящего вступления Германии в Лигу наций, разъясняли немецким трудящимся, что это вызовет серьезные затруднения для продолжения той линии во внешней политике Германии, которая была намечена в Рапалло. Выступая от имени коммунистической фракции в рейхстаге (4 февраля 1926 г.), В. Штеккер подчеркнул, что Германия в силу Устава Лиги наций обязуется не только принять участие в экономической блокаде Советского Союза, но и предоставить свою тер-

---

[197] Из истории международной пролетарской солидарности, сб. III, с. 162.

[198] *Madloch N.* Op. cit.— ZfG, Hf. 2, 1964, S. 251.

[199] Из истории международной пролетарской солидарности, сб. III, с. 163.

[200] Dokumente zur deutschen Geschichte 1924—1929. Berlin, 1975, S. 52.

[201] Ibid., S. 54.

риторию для прохождения войск в случае войны. Он охарактеризовал Лигу как антисоветское орудие империализма, прежде всего английского [202].

Линия, занятая КПГ в борьбе против гарантийного пакта и вступления Германии в Лигу наций, против антисоветской политики правительства, грозившей разрывом с политикой Рапалло, была, безусловно, правильной. Некоторые буржуазные исследователи пытаются доказать, что Компартия Германии неверно истолковывала локарнские соглашения и вообще внешнюю политику германского правительства. Так, западногерманский историк Х. Хёльтье обвиняет германских коммунистов, ссылаясь на речь Тельмана в рейхстаге, в том, что они «неверно» понимали «мирные» ревизионистские намерения германского правительства [203]. Правильно ответил на это утверждение в статье о борьбе КПГ против Локарнского пакта историк ГДР Н. Мадлох. Он отмечает, что «в своих решениях и внешнеполитических заявлениях КПГ несколько более заостренно изображала видимые тогда влияния плана Дауэса и Локарнского пакта на Германию, с тем чтобы для масс опасность такой внешней политики была более отчетливой. В общем установки КПГ были правильными и усиливали дух сопротивления масс» [204].

Разумеется, в условиях развернутой антикоммунистической и шовинистской пропагандистской кампании буржуазных партий, к услугам которых были и пресса и радио, а также разжигания национализма со стороны разного рода военных и полувоенных союзов и организаций борьба КПГ была крайне затруднена. Поэтому, хотя антинациональные цели германских правящих кругов противоречили интересам большинства народа, широкие массы полностью еще не осознавали этого. Для широких масс германского народа, как и других стран Европы, «реальное значение Локарно,— по справедливому замечанию английского историка Э. Ротштейна,— не раскрылось до тех пор, пока в Германии в январе 1933 года крупными монополистами не был поставлен у власти Гитлер, поднявшийся на волне демагогии, подкупов и организованных убийств...» [205]

---

[202] См. «Правда», 6 февраля 1926.
[203] *Höltje Ch.* Op. cit., S. 87.
[204] *Madloch N.* Op. cit.— ZfG, Hf. 2, 1964, S. 252.
[205] *Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор. М., 1959, с. 40.

Вместе с тем активная борьба, проводимая КПГ, была одной из причин, по которой германское правительство не отказалось в то время от линии Рапалло во внешней политике.

Характеризуя политику балансирования германской буржуазии, Э. Тельман говорил, что она «болтается, как маятник, не имея возможности проводить твердую внешнеполитическую линию» [206]. Это была в основе своей антисоветская политика, искусно маскируемая ловкой дипломатией Штреземана, пацифистскими высказываниями о необходимости для Германии «жить в мире» и с Западом и с Востоком. Внешнеполитическое руководство учитывало и требования более тесного сближения с Западом ввиду «опасности большевизации» Германии, и требования кругов, призывавших в силу различных причин к развитию отношений с Советским Союзом [207]. «Не существует ни восточной, ни западной политики,— писал Штреземан (23 сентября 1928 г),— а лишь внешняя политика германского государства, которая находится в руках министра иностранных дел» [208].

После лондонских соглашений о плане Дауэса и начала переговоров об участии Германии в западном гарантийном пакте и Лиге наций возникла реальная угроза, что германские правящие круги могут пойти на разрыв с политикой Рапалло. «Изоляция большевиков от Германии — самый насущный вопрос для Великобритании и Европы в данный момент...,— вполне откровенно говорилось в английской консервативной печати.— Если Локарно не уничтожит Рапалло,— мы не достигнем ничего...» [209].

Действительно, в этот период, когда германское правительство вело торг об условиях присоединения к западному блоку и вступления в Лигу наций, оно не было заинтересовано в том, чтобы западные державы думали, что Германия с Советским Союзом будут, как говорит немецкая пословица, «unter einer Decke spielen» (дудеть в одну дудку). По словам западногерманского историка Л. Циммермана, Германия не хотела уклониться от «долга на-

---

[206] *Тельман Э.* Боевые речи и статьи. М., 1935, с. 269.
[207] «Bergwerkszeitung», 21.X 1925.
[208] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1. Januar, S. 27.
[209] «Morning Post», 30.XI 1925.

звать Россию агрессором...». «Иначе,— говорилось в памятной записке о толковании статьи 16 Устава Лиги наций от 17 апреля 1925 г.,— Германия оказалась бы виновной перед лицом мирового общественного мнения, или по меньшей мере могла быть заподозрена в попустительстве» [210]. И заявление Штреземана в рейхстаге 24 ноября 1925 г., во время обсуждения локарнских соглашений, о том, что «России, со своей стороны, надлежало бы дать заверение, что она не нарушит мир Европы» [211], было вполне в духе наиболее реакционных политических деятелей. В этот период «действительно важнейшей целью Вильгельмштрассе,— правильно отмечает историк ГДР Г. Розенфельд,— стало продолжение политики Локарно» [212], а для империалистических держав Локарно являлось «генеральной атакой» против политики Рапалло [213].

Вместе с тем руководители германской внешней политики вполне трезво отдавали себе отчет в невозможности в данной ситуации придерживаться целиком западной ориентации. Проведение активной антисоветской политики означало бы для Германии, пока она не стала вновь достаточно сильной и равноправной империалистической державой, быть на поводу у держав-победительниц, главным образом, у Англии. Эту позицию германского правительства выразил Штреземан в знаменитом письме бывшему германскому кронпринцу 7 сентября 1925 г.: «Вопрос о выборе между Востоком и Западом не ставится на очередь. Выбирать можно, впрочем, лишь тогда, когда имеешь за собой военную мощь. Этого у нас, к сожалению, нет. Мы не можем сделаться континентальной шпагой Англии и точно так же не можем позволить себе германо-русский союз» [214].

Германские правящие круги не хотели оказаться втянутыми в борьбу против СССР тогда, когда они еще не имели возможности проводить вполне самостоятельную политику. Поэтому правительство Германии придерживалось двойственной линии. Об этом красноречиво свидетельствует ответ Штреземана на первой пресс-конферен-

---

[210] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Zimmermann L.* Op. cit., S. 286.
[211] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 388, S. 4535.
[212] «История СССР», 1963, № 6, с. 186.
[213] Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования. М., 1963, с. 130.
[214] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II. Berlin, 1932, S. 554.

ции в Локарно на вопрос об его беседе с Г. В. Чичериным незадолго перед этим. «Для нас,— заявил германский министр иностранных дел,— не существует никакого выбора между восточной и западной политикой. Мы хотим поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами» [215].

Продолжение линии Рапалло было вызвано *объективными жизненными интересами веймарской Германии*: неравноправным положением Германии, созданным Версальским договором; невозможностью для Германии из-за ее относительной слабости занимать в отношениях с СССР позицию равного партнера среди западных держав; экономической заинтересованностью в дальнейшем развитии советско-германских отношений. Именно этим и объяснялось дальнейшее развитие и углубление советско-германских отношений, вылившееся в заключение двух новых, принципиально важных для обеих стран договоров. Другое дело, что использовалась эта политика Рапалло германским правительством зачастую как средство давления на западные державы.

Такая линия во внешней политике в общем находила поддержку правящих кругов Германии. Так, одна из партий правительственного блока — демократическая — считала, что «Германия, заключив договор в Локарно, ни в коем случае не должна ослаблять Рапалльский договор» [216].

Руководящие деятели Германии считали чрезвычайно выгодным использовать «русскую карту» в дипломатической игре с Западом [217]. В период гарантийных переговоров с западными державами германское правительство прибегало и к намекам на угрозу советско-германского военного союза. Так, в беседе с английским послом д'Абернноном 5 марта 1925 г. Штреземан подчеркнул, что теперь нельзя проводить относительно Германии политику Пуанкаре, заявив, что это привело бы к объединению Германии и России, которые «смогли бы пройти по всей

---

[215] Цит. по: *Schmidt P.* Statist auf diplomatischer Bühne, 1923—45. Bonn, 1958, S. 76; см. также: Локарнская конференция 1925 г., с. 3.

[216] «Frankfurter Zeitung», 17.X 1925.

[217] *Gatzke H. W.* Von Rapallo nach Berlin.— VfZ, 1956, Hf. 1, S. 271; *Rheinbaben W. von.* Viermal Deutschland. Berlin, 1954, S. 243.

Европе» [218]. 12 мая 1925 г. Штреземан выступил в рейхстаге с призывом к западным державам поддержать Германию, подчеркнув при этом: «Во взаимоотношениях Германии решающим фактором все еще является Россия! С Россией у нас нет трений ни в одной политической плоскости!» [219] О том, как германское правительство стремилось выторговать, пользуясь «русским козырем», важные уступки со стороны стран-победительниц, свидетельствует также беседа д'Абернона со Штреземаном 10 июня 1925 г. Последний дал понять послу Англии, что Германия, вступив в Лигу наций, тем самым поставит на карту свои отношения с Советским государством. Поэтому германское правительство может согласиться на это лишь за «соответствующую компенсацию... например, в форме эвакуации Рейнской области, возвращения Эйпен—Мальмеди и колониального мандата» [220].

Все это свидетельствовало об острой необходимости для Германии продолжать линию Рапалло и было тем более показательно, если учесть крайне враждебное отношение Штреземана и других германских руководящих деятелей к социалистическому Советскому государству. Даже в реакционной историографии встречаются признания того обстоятельства, что «подчеркнутая западная ориентация Штреземана создавала трудности для германо-советских отношений, в особенности после Локарно, и вызывала их напряженность» [221]. «Во всех своих отношениях с Россией,— пишет американский исследователь Г. Гацке,— Штреземан проявлял намного меньше инициативы, чем при переговорах с западными державами ... При этом они (советские представители.— *С. Н.*) встречали со стороны Штреземана хотя и неизменную готовность, но никогда — энтузиазм. В отличие от Брокдорфа-Ранцау, его сердце никогда не было на Востоке. Его личная позиция по отношению к Советам колебалась между нейтралитетом и неприязнью, причем он, конечно, был слишком государственным деятелем, чтобы показать когда-

---

[218] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 146.
[219] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 385, S. 1871.
[220] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 102.
[221] Die Sowjetische Deutschlandpolitik 1917—1941. Duisdorf bei Bonn, 1962, S. 74.

либо открыто эту неприязнь или дать ей возможность повлиять на проводимую им политику» [222].

Поддерживавший очень близкие отношения с германским министром иностранных дел д'Абернон дал ему следующую характеристику: «Можно сказать, что в своей политике он решительно ориентировался на Запад, а не на Восток. Тем не менее, он полагал, что было бы глупо для Германии потерять связь с Москвой, если только за это не получить ощутимый и продолжительный выигрыш на Западе» [223].

Интересно в этом отношении также воспоминание одного из близких сотрудников Штреземана: «Россия и совершенно другой, восточный склад ума были чужды и неприятны Штреземану, но он был слишком государственный деятель, чтобы не понимать важности русского козыря в дипломатической игре Германии...» [224]. «Я не очень высоко ценю наши отношения с Советской Россией,— писал сам Штреземан в письме к П. Лебе незадолго до смерти.— Но все же она — козырь в нашей игре...» [225]

Важности «русского козыря» в отношениях Германии с западным державами не отрицал и такой трезвый и настойчивый пропагандист улучшения советско-германских отношений, как германский посол в СССР граф Брокдорф-Ранцау. «... Наибольшие опасения вызывает то,— писал он в секретной записке от 7 ноября 1925 г.,— что, если локарнские соглашения будут заключены, мы потеряем тот козырь, который мы имели со времени Рапалльского договора в отношении союзников, когда мы могли указать на возможность более тесной связи с Россией, не исключая даже возможности военного сотрудничества» [226]

Другой крупный германский дипломат, Г. фон Дирксен, уже позже, в 1930 г., отметил, что, по его мнению, стратегической целью Рапалльского договора было полу-

---

[222] *Gatzke H.* Von Rapallo nach Berlin.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 29.

[223] *D'Abernon Vincent.* Gustav Stresemann.— In: *Schmid C., Pleticha H.* Zeitgeschichte aus erster Hand. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen. Würzburg, 1967, S. 95.

[224] «Contemporary Review», 1950, N 1019, November, p. 281.

[225] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 27.

[226] Локарнская конференция 1925 г., с. 500—501.

чение Германией свободы действий или достижение ею полного равноправия с Англией и Францией. Тем самым, по его мнению, до этого дипломатически изолированная Германия становилась «ценным партнером» для заключения союзов с нею западными империалистическими державами, добивалась большей «устойчивости и ... маневренности и приобретала хорошие позиции для борьбы за ревизию Версаля» [227].

Германское правительство, продолжая политику Рапалло, исходило также из интересов широких деловых, промышленных кругов Германии, выступавших за дальнейшее развитие отношений с Советским Союзом. Еще в период гарантийных переговоров об опасности вовлечения Германии в антисоветскую группировку писали «Фоссише цайтунг» и даже обычно враждебно относящаяся к СССР «Франкфуртер цайтунг» [228]. Рейнско-вестфальские магнаты ссылались на интересы промышленности, острую нужду в увеличении экспорта Германии: если Запад закрывает «дверь у нас перед носом, мы должны искать новых путей на Востоке» [229]. «Дойче альгемайне цайтунг» считала, что вступление Германии в Лигу наций «ухудшит советско-германские отношения» [230]. Западные державы «стремятся разрушить германо-русские отношения», поэтому Германия, «исходя из своих экономических и национальных интересов, не должна допустить, чтобы ворота на Восток были закрыты» [231].

Учитывая интересы деловых кругов Германии, правительство не могло не считаться и с требованиями тех политических партий, которые, хотя и руководствуясь противоположными интересами, как мы уже видели, выступали за развитие отношений с Советской страной.

Важную роль в том, что германское правительство не пошло по пути односторонней ориентации на Запад и не порвало в то время с линией Рапалло, несмотря на участие в Локарнском пакте, сыграла ленинская внешняя политика, проводившаяся Советским правительством и Коммунистической партией СССР.

---

[227] ZStA Potsdam. Nachlass Herbert von Dirksen, N 5, Bl. 488, 489.— Цит. по: Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования, с. 93.
[228] «Vossische Zeitung», 17.V 1925; «Frankfurter Zeitung», 18.V 1925.
[229] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 14.IV 1925.
[230] Ibid., 11.V 1925.
[231] Ibid., 17.V 1925.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1924—1926 гг.)

Сложная международная обстановка и тяжелое экономическое положение Германии в результате первой мировой войны и Версальского мирного договора обусловили политику правящих кругов Веймарской республики по отношению к Советскому государству. Анализ внешней политики Германии, сделанный В. И. Лениным в 1918—1923 гг., свидетельствовал о том, что в эти годы международные интересы вынуждали империалистическую Германию стремиться к миру с Советской Россией. «При таком положении Германия,— указывал В. И. Ленин,— естественно, толкается на союз с Россией... Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания»[1]. Это ленинское положение оставалось в силе и в последующий период истории Веймарской республики.

Вместе с тем, хотя германо-советские отношения в первые годы после заключения Рапалльского договора развивались нормально, существовали и осложнения в отношениях между обеими странами. Наиболее серьезное осложнение произошло весной 1924 г., когда германские правящие круги пошли на резкое обострение отношений с нашей страной. 3 мая в Берлине был совершен полицейский налет на торгпредство СССР, которое пользовалось правом экстерриторпальности, под предлогом, что там якобы скрывается немецкий коммунист. Обыск, явившийся грубым нарушением экстерриториальности, не дал, разумеется, никаких результатов[2]. Это вынуждены

[1] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 42, с. 104—105.
[2] ДВП, т. VII. М., 1963, с. 232—240.

были признать и германские официальные лица. На совещании в министерстве иностранных дел говорилось, что «действительно, имели место недозволенные действия в отношении лиц, подлежащих статусу экстерриториальности». Поэтому германский МИД информировал посольство в Москве, что принимает на себя ответственность за действия, совершенные в нарушение экстерриториальности, и предлагает передать инцидент для разрешения в смешанную арбитражную комиссию (7 мая 1924 г.) [3].

Германский посол в Москве У. Брокдорф-Ранцау воспринял этот инцидент как личное оскорбление. Он не был вполне уверен, что обыск произведен без ведома германского МИД и политического руководства Германии. В письме к брату он назвал этот инцидент «огромным политическим свинством» [4]. Посол подчеркивал, что налет на советское торгпредство не обнаружил абсолютно ничего, что бы доказывало «поддержку» торгпредством Компартии Германии. Хорошие отношения с Россией, по его мнению, были подорваны безо всяких на то оснований [5].

Еще до майского инцидента Брокдорф-Ранцау неоднократно высказывался против всякого рода действий, которые могли бы повести к ухудшению отношений с Советской страной. В частности, в феврале 1924 г. посол, как об этом свидетельствуют материалы его неопубликованного архива, писал о необходимости «делать различие» между правительством СССР и Коминтерном и «отвергал всякую мысль» о разрыве отношений с Советским Союзом (в памятной записке от 4 февраля 1924 г.) [6].

Предостережениям Ранцау не было придано того серьезного значения, которого они, безусловно, заслуживали. И результат оказался именно такой, какой и предвидел посол. Правительство СССР дало указание: еще до окончания расследования возмутительного акта германской стороны закрыть торгпредство и свернуть торговые операции с Германией [7]. Это неизбежно вызвало временное охлаждение в советско-германских отношениях.

---

[3] *Rosenbaum K.* Community of Fate. German-Soviet Diplomatic Relations 1922—1928. Syracuse — New York, 1965, p. 91.
[4] Ibid., p. 91, 92.
[5] Ibid., p. 106, 107.
[6] Цит. по: Brockdorff-Rantzau Nachlass.— *Carr E.-H.* Socialism in One Country. 1924—1926, vol. 3, pt 1. New York, 1964, p. 54.
[7] ДВП, т. VII, с. 274.

Здесь следует отметить, что в буржуазной реакционной историографии и в настоящее время встречаются попытки оправдать провокационный инцидент в мае 1924 г. якобы «подрывными действиями» советской стороны, а законное требование СССР о праве полной экстерриториальности советского торгпредства в Берлине представить как «вмешательство во внутренние дела» и «посягательство» на суверенитет Германии [8].

Однако факты полностью опровергают подобные заключения. На самом деле отнюдь не «подрывная работа Коминтерна» [9], а антисоветская акция германских властей, а также подавление революционных выступлений немецкого рабочего класса стали причиной временного «охлаждения отношений между Берлином и Москвой». Это не могут не признавать и некоторые западногерманские исследователи [10].

После налета на торгпредство СССР Брокдорф-Рантцау буквально бомбардировал Штреземана письмами, в которых выражалось возмущение этим инцидентом, наносящим, по мнению посла, большой ущерб германо-советским отношениям [11]. Происшедший инцидент ущемлял торговые интересы Германии; поэтому деловые круги призывали к скорейшему урегулированию конфликта [12]. Это обстоятельство было специально отмечено наркомом иностранных дел СССР Г. В. Чичериным (в докладе на II сессии ЦИК СССР 18 октября 1924 г.), который подчеркивал, что «во время конфликта торгово-промышленные круги Германии по большей части проявляли сильное недовольство конфликтом и благоприятно относились к нашим основным требованиям» [13].

В Берлине состоялись германо-советские переговоры и был выработан проект протокола об урегулировании

[8] *Helbig H.* Die Moskauer Mission des Grafen Brockdorf-Rantzau.— In: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. II. Berlin — Wiesbaden, 1955, S. 318; *Gatzke H.* Von Rapallo nach Berlin.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 4, 5, 6.

[9] *Hartl H., Marx W.* Fünfzig Jahre sowjetischer Deutschlandpolitik. Boppard am Rhein, 1967, S. 101, 105; *Vogelsang Th.* Die Außenpolitik der Weimarer Republik 1818—1933. Uelzen — Hannover, 1959, S. 19.

[10] *Rasch H.* Fünfzig Jahre deutsch-sowjetischer Beziehungen.— «Blätter für deutsche und internationale Politik», Köln, 1967, N 9, S. 890.

[11] Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd II, 1955, S. 318.

[12] *Hilger G.* Wir und der Kreml. Frankfurt a/M., 1955, S. 178.

[13] Цит. по: ДВП, т. VII, с. 495.

инцидента, который, по мнению германской стороны, был «крайним пределом», на который она могла согласиться; советская же сторона считала его «возможной основой» для дальнейших переговоров [14].

Проект протокола об урегулировании берлинского инцидента, одобренный правительством Германии, был вручен Брокдорфом-Ранцау Г. В. Чичерину в Москве в июне 1924 г. Протокол, по мнению советской стороны, был неудовлетворительным, и его отклонили [15].

Окончательное соглашение об урегулировании берлинского инцидента было подписано в Берлине 9 июля 1924 г. Германская сторона согласилась почти со всеми требованиями советской стороны. Действия полиции по отношению к торгпредству СССР расценивались как произвольные и неоправданные. Правительство Германии выражало сожаление по поводу происшедшего, обязывалось наказать виновных и возместить материальный ущерб, причиненный налетом [16]. Определенная часть помещений торгпредства должна была пользоваться дипломатическими привилегиями и иммунитетом; остальная часть — быть субъектом немецких законов. Стороны заявляли также о своем намерении заключить регулярный торговый договор в течение года [17].

«Это не было простым совпадением,— признает английский историк Карр,— что соглашение (об урегулировании берлинского инцидента.— *С. Н.*) было достигнуто в тот момент, когда германская делегация во главе со Штреземаном собиралась выехать в Лондон для участия в конференции о принятии репарационного плана Дауэса. Прежде чем взять дальнейшие обязательства по отношению к Западу, Штреземан хотел упрочить позиции путем демонстрации своих дружественных отношений с Востоком». Этот прием, подчеркивает Карр, повторялся неоднократно в течение последующих двух лет [18].

Правительство СССР учитывало, что принятие Германией плана Дауэса неизбежно усилит зависимость последней от США и Англии, вызовет колебания внешнеполи-

---

[14] Brockdorff-Rantzau Nachlass.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 60.
[15] AA.— Ibid., p. 61.
[16] Das Politische Archiv des A. A. Büro Reichsminister.— См.: *Ахтамзян А.* Рапалльская политика. М., 1974, с. 124—125.
[17] См. ДВП, т. VII, с. 409—411; AA.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 62.
[18] *Carr E.-H.* Op. cit., p. 62.

тического курса германской буржуазии. «В настоящее время,— говорил Г. В. Чичерин на II сессии ЦИК СССР 18 октября 1924 г.,— в результате международного вмешательства во внешние и внутренние германские отношения в положении последней (Германии.— *С. Н.*) достигнута некоторая устойчивость, но ценой потери Германией полноты экономической, а отчасти и политической самостоятельности. Осуществляемый в форме так называемого плана Дауэса международный контроль над основными отраслями хозяйственной жизни Германии должен сильно отразиться и на самостоятельности ее внешней политики»[19]. Однако в этом же выступлении руководитель советской внешней политики подчеркнул дружественный характер существующих между Германией и СССР отношений, основанных на большой экономической заинтересованности друг в друге, а также на существовании общей угрозы для них со стороны главных империалистических держав [20].

С самого начала переговоров о западном пакте Советское правительство правильно расценило его как пакт, направленный в своей основе против СССР. Еще до вручения германского меморандума от 20 января 1925 г. «Правда» в передовой статье предупреждала, что правительство Германии «не прочь поиграть перспективой покупки снисхождения и поблажек Антанты услугами в борьбе против СССР. Совсем недавно проекты такого рода вновь начали встречать определенное сочувствие немецкой буржуазии» [21].

В тот период советская дипломатия приложила немало усилий, чтобы в возможно большей степени обезвредить подготавливаемый гарантийный пакт, притупить его антисоветское острие, используя противоречия между империалистическими группами и государствами. Наиболее существенными были противоречия между Германией и державами-победительницами, вызванные стремлением держав сохранить версальский статус-кво в Европе: именно в них — одна из основных причин того, что в то время не удалось окончательно вовлечь Германию в антисоветский фронт.

---

[19] ДВП, т. VII, с. 493.
[20] Там же, с. 494.
[21] «Правда», 7 января 1925.

Здесь следует отметить, что совершенно неверно встречающееся в буржуазной историографии утверждение, что «Москва неизменно выдвигала «дилемму», требуя от Германии односторонней связи, каковой германское правительство не могло и не хотело придерживаться» [22]. Советская сторона никогда не требовала от германского правительства односторонних отношений, но в обстановке, когда СССР был единственной социалистической страной, находящейся в капиталистическом окружении, ее руководство не могло не высказывать германским представителям вполне обоснованных опасений в связи с подписанием соглашения о плане Дауэса, присоединением Германии к Локарнскому пакту и вступлением в Лигу наций. Это признает и такой антисоветский историк, как Г. Гацке: «Опасения России в связи с возможностью безоговорочного вступления Германии в Лигу наций были... обоснованы» [23].

Огромной победой правительства СССР, значение которой трудно переоценить, было заключение в такой сложной международной обстановке,— в период Локарнской конференции и переговоров о вступлении Германии в Лигу наций,— двух важнейших договоров с Германией — торгово-экономических соглашений (12 октября 1925 г.) и советско-германского договора о нейтралитете и ненападении (24 апреля 1926 г.).

Обе страны — Советский Союз и Германия были заинтересованы в тесном экономическом сотрудничестве, в дальнейшем развитии взаимовыгодной торговли. О заинтересованности германских фирм в установлении и развитии экономических отношений с Советским Союзом сообщалось в письме торгпреда РСФСР в Германии Б. Стомонякова В. И. Ленину от 8 ноября 1922 г.[24] «...Обе страны — Советский Союз и Германия — как бы созданы друг для друга, созданы для постоянного экономического сотрудничества,— говорил нарком внешней торговли Л. Б. Красин (15 ноября 1924 г.).— Эта общность интересов объясняется прежде всего географическим положением обоих государств, их хозяйственной структурой

---

[22] *Hartl H., Marx W.* Op. cit., S. 107.
[23] *Gatzke H.* Op. cit., S. 11.
[24] ДВП, т. V. М., 1961, с. 663—666.

и до известной степени также исторически сложившимися отношениями обеих стран» [25].

Германская сторона также признавала выгоды экономического сотрудничества с Советским Союзом. Посол Германии в СССР Брокдорф-Ранцау еще 7 мая 1923 г. в письме германскому МИД писал: «При создавшемся положении германский рынок сбыта имел бы для России важное значение... По моему твердому мнению, мы потеряли в России важные экономические и политические преимущества, так как в надлежащий момент не распознали в полной мере имеющиеся возможности, а компетентные заинтересованные круги, во-первых, не были склонны, во-вторых, не проявили решимости к тому, чтобы уже раньше придать форму, и содержание нашим экономическим отношениям с Советской Россией» [26].

На большую заинтересованность «в дальнейшем расширении деловых отношений с Россией» [27] указывало (8 мая 1923 г.) также объединение германских промышленников. Осенью 1923 г. последовали и практические шаги в этом направлении: заключение советской стороной концессионного договора с немецким обществом «Молога» о лесной концессии, переговоры между представителями фирмы Стиннес, «АЭГ» и Немецкого банка и советскими представителями Л. Б. Красиным и Б. С. Стомоняковым об организации гарантийного консорциума для финансирования промышленных заказов СССР в Германии. Была также достигнута договоренность о предоставлении кредита на следующий год на основе соглашения по зерну [28]. Поэтому совершенно несостоятельными выглядят попытки некоторых буржуазных исследователей доказать, что заключение советско-германского торгового договора было вызвано лишь политическими причинами, а с экономической точки зрения не представляло для Германии никаких выгод [29].

---

[25] ДВП, т. VII, с. 541.

[26] ZStA Potsdam, Deutsche Botschaft Moskau N 293, Bl. 201 ff.— Цит. по: Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования. М., 1963, с. 127.

[27] ZStA Potsdam, Reischwirtschaftsministerium, N 8109, Bl. 151.— Там же, с. 125.

[28] Akten der Reichskanzlei. Das Kabinett Cuno (22. November 1922 bis 12. August 1923). Boppard am Rhein, 1968, S. 516.

[29] *Morgan R. P.* The Political Significance of German-Soviet Trade

Советское правительство никогда и не отрицало, что заключению торгового договора с Германией придается важное политическое значение. Так, в речи Г. В. Чичерина на III съезде Советов СССР (14 мая 1925 г.) говорилось, что советско-германский торговый договор «может явиться тоже серьезным фактором урегулирования международных политических отношений» [30]. Из этого, однако, отнюдь не следовало, что советско-германские экономические отношения были менее выгодны для Германии, чем для СССР.

Более того, выступая на XIII съезде РКП(б) (26 мая 1924 г.), Г. В. Чичерин подчеркнул, что «размер наших торговых операций с Германией был нами искусственно увеличен вследствие политических отношений, установившихся между нами в результате Рапалльского договора. У нас,— продолжал Г. В. Чичерин,— было определенное желание по-добрососедски помочь Германии, увеличив максимально наш торговый оборот с этой страной» [31]. Анализ советской внешней торговли предшествовавших лет показывал, что заинтересованность Германии в торговле с Советским Союзом была не только не меньшей, но даже большей, чем с советской стороны. Это объяснялось состоянием германской промышленности, не являвшейся в то время достаточно конкурентоспособной [32]. Германия, например, больше нуждалась в хлебе, импортируемом из нашей страны, чем Советское государство нуждалось в ней как в рынке для экспорта хлеба. Относительно другого важного советского экспортного товара — пушнины, функции Германии были главным образом посредническими. Не столь велика была наша зависимость от Германии и в области импорта [33]. Г. В. Чичерин особо подчеркивал: опыт показывает, что Советская страна может безболезненно воспользоваться рынками других го-

---

Negotiations, 1922—5.— «The Historical Journal», Cambridge, 1963, vol. 6, N 2, p. 253—271.

[30] ДВП, т. VIII. М., 1963, с. 300.

[31] Цит. по: ДВП, т. VII, с. 323.

[32] Буржуазные историки, доказывающие обратное, ссылаются на неверное утверждение бывшего советника посольства Германии в СССР Г. Хильгера, что «торговые отношения с Советским Союзом приобрели для Германии действительное значение лишь в годы мирового экономического кризиса» (*Hilger G.* Wir und der Kreml, S. 183).

[33] ДВП, т. VII, с. 322, 323.

сударств; «в охотниках занять место Германии в экономике СССР недостатка не было и не будет» [34].

Это прекрасно понимали и учитывали германские руководящие круги. Об этом свидетельствует, в частности, памятная записка экономического эксперта МИД Германии (от 11 сентября 1924 г.), где говорилось о настоятельной необходимости «не допустить того, чтобы Англия опередила Германию на советских рынках» [35].

Особое беспокойство германских деловых кругов вызывало развитие советско-американских экономических отношений. Как об этом свидетельствуют архивные документы МИД Германии, Немецкий банк был заинтересован, хотя и не мог этого сделать, в преодолении конкуренции американского капитала, успешно осуществлявшего деловые отношения с советскими финансовыми органами. Так, в октябре 1924 г. в Москве активно велись переговоры с представителями акционерного общества Гарриман. Но хотя переговоры были близки к завершению, советская сторона отложила окончательное подписание соглашения до 15 декабря, идя навстречу интересам Немецкого банка. Об этом поставил в известность Брокдорфа-Ранцау Г. В. Чичерин. «Советское правительство,— заявил послу Г. В. Чичерин,— предпочитает Немецкий банк Гарриману, но последний сделал такие выгодные предложения..., что Советское правительство не могло отказаться от его предложений» [36]. Серьезное беспокойство германской стороны вызывало также то обстоятельство, что США продают Советскому Союзу сельскохозяйственные машины «в относительно долгосрочный кредит», и эта страна — «самый серьезный конкурент для германского экспорта на данном рынке» [37] (сельскохозяйственных машин.— *С. Н.*).

Однако двойственная позиция германского правительства, проводившего политику балансирования между Западом и Востоком, вызывала затяжку переговоров о советско-германском торговом договоре. Еще в феврале 1923 г. советские руководящие деятели, в том числе Г. В. Чичерин и Л. Б. Красин, находясь в Берлине, за-

---

[34] ДВП, т. VII, с. 323.
[35] AA.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 253, прим. 2.
[36] AA.— Ibid., p. 484.
[37] AA.— Ibid., p. 481—482, прим. 7.

явили о желательности заключения «договора, который придал бы Рапалльскому договору кровь и плоть...» [38]. Но переговоры начались только в июне 1923 г.[39] и были вскоре прерваны по вине германской стороны (налет германской полиции на советское торгпредство в Берлине 3 мая 1924 г. и отказ правительства Германии предоставить право полной экстерриториальности торгпредству СССР, о чем уже говорилось подробно выше).

В октябре 1924 г. было решено возобновить переговоры о торговом договоре [40]. В беседе с Г. В. Чичериным (12 ноября) только что прибывший на открытие переговоров уполномоченный Германии фон Кёрнер, согласно записи наркома иностранных дел, «говорил о необходимости идти навстречу друг другу и о том, что заключение торгового договора имеет и серьезное политическое значение и что, наоборот, незаключение торгового договора отражается весьма неблагоприятно на политических отношениях этих государств» [41] (Германии и СССР.— *С. Н.*). Такова была точка зрения германского МИД'а, изложенная в записке его IV отдела (датированной ноябрем 1924 г.). «Начатая со времени Рапалльского договора политика,— говорилось в ней,— и сегодня все еще отвечает нашим жизненным политическим и хозяйственным интересам» [42].

Вместе с тем, в процессе начавшихся 15 ноября переговоров наметились (как отмечалось в сообщении советской печати 3 декабря 1924 г.) «значительные затруднения, вытекающие из существа обязательств», но вместе с тем с советской стороны выражалась уверенность, что при серьезных усилиях обеих сторон удастся преодолеть эти затруднения в интересах развития взаимовыгодных экономических отношений [43].

Как подтвердило исследование первоисточников, проведенное историками ГДР, ведя переговоры о торговом договоре, германские правящие круги преследовали цель

---

[38] ZStA Potsdam, Deutsche Botschaft Moskau, N 294, Bl. 235. Цит. по: Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования, с. 128.

[39] ДВП, т. VII, с. 711.

[40] Там же, с. 482—483.

[41] Там же, с. 538.

[42] Polit. Archiv. Abteilung IV.— Цит. по: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 129.

[43] ДВП, т. VII, с. 565.

реставрации капитализма в СССР, ликвидации монополии внешней торговли. Об этом прямо заявил фон Кёрнер на заседании в германском министерстве иностранных дел 15 октября 1924 г., сказав, что надо попытаться «пробить брешь в монополии внешней торговли». Стремление нарушить советскую монополию внешней торговли явствовало и из германского проекта договора [44].

Ясно, что по вопросу о монополии внешней торговли советская сторона не могла идти и не шла ни на какие уступки. Поэтому, когда к концу первой фазы переговоров, 16 декабря 1924 г., немецкая делегация вернулась в Берлин, фон Кёрнер в сообщении министерству иностранных дел отметил «далеко не единодушное отношение» советской и германской сторон к основным проблемам, но одновременно и некоторое сближение точек зрения по второстепенным вопросам [45]. Заключение же экспертов по экономическим и финансовым вопросам немецкой делегации звучало еще более пессимистически: заключение удовлетворительного для Германии договора невозможно [46]. В том же духе высказался и заведующий IV (восточным) отделом германского МИД В. Вальрот: Германии отношения с Советским Союзом, по его мнению, «с экономической точки зрения третьестепенные, а с политической — второстепенные» причиняют больше беспокойства, чем они того стоят вообще [47]. А представители трех немецких национальных организаций — промышленности, торговли и сельского хозяйства, в беседе со Штреземаном (16 февраля 1925 г.) подчеркнули, что «по единодушному мнению национальных экономических организаций, заключение договора с Россией может быть оправдано лишь в том случае, если будут удовлетворены основные требования. Представители промышленности вовсе не считают договор неотложной проблемой и пришли к единодушной точке зрения: «лучше вообще никакого договора, чем плохой, каким он только и может быть при теперешнем положении дел» [48].

---

[44] См.: Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования, с. 129.
[45] AA.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 263.
[46] AA. Handakten Wallroth.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 263.
[47] Ibidem.
[48] Ibid., p. 264.

Однако эти мнения и выводы не отражали действительного положения дел. Брокдорф-Ранцау в беседе с Г. В. Чичериным (26 декабря) сообщил ему о благоприятном отношении в Германии к перспективе заключения советско-германского торгового договора на выгодных условиях [49]. Это подтвердилось в упомянутой выше февральской беседе Штреземана с представителями немецких экономических организаций. Министр иностранных дел подчеркнул, что настоящий момент, пока СССР не пошел еще по пути интенсивного сближения с Францией или другими державами, следует максимально использовать для переговоров о советско-германском торговом договоре. В заключение Штреземан сказал: «То обстоятельство, что внимание западных держав все же поглощено опасностью русско-германского политического взаимопонимания,— очень ценный политический актив для Германии» [50].

В феврале 1925 г., после двухмесячных дискуссий в Берлине, германский кабинет решил, чтобы фон Кёрнер возвратился в Москву с меньшим числом сотрудников «для выяснения возможностей компромисса» [51]. Делегация вернулась в Советский Союз в конце февраля. Еще до возобновления переговоров германская сторона в обмене нотами выдвинула совершенно неприемлемые для советской стороны требования о регистрации немецких торговых фирм на Кавказе, об исключительных правах для немецких торговых обществ Каруто и Гельзенкирхен по эксплуатации чиатурского марганца и т. п.[52] В письме к генеральному консулу германского министерства иностранных дел М. Шлезингеру (от 8 января 1925 г.) Брокдорф-Ранцау резко критиковал стремление «некоторых инстанций» в Берлине добиваться от Советского правительства невыполнимых для него условий,— в частности получения концессий в СССР вместо заключения торгового договора [53].

Позиция советской стороны, не допускающая нарушения принципа монополии внешней торговли, была изложена председателем делегации СССР на этих перегово-

---

[49] ИДА, ф. 90, д. 37, л. 39.
[50] AA. Handakten Wallroth.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 264.
[51] Ibidem; *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 139.
[52] ДВП, т. VIII, с. 18—19; 146—149.
[53] *Helbig H.* Op. cit.— In: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. II, S. 318.

рах Я. Ганецким в беседе с Кёрнером 28 февраля [54]. В этой беседе с советской стороны было специально подчеркнуто, что многие заказы для СССР было бы выгоднее, ввиду лучших условий платежа, передать Англии и Франции, но из политических соображений решено увеличить товарооборот, прежде всего с Германией. В заключение советский представитель выразил надежду, что переговоры в недалеком будущем приведут к положительным результатам [55].

В конце марта 1925 г. часть германской делегации, которая вела переговоры в Москве, высказалась за возвращение в Берлин. Руководитель же делегации фон Кёрнер считал, что это могло бы повести к неблагоприятному исходу переговоров. Подобное положение вещей не устраивало германские руководящие круги, поскольку у советской стороны могло сложиться впечатление об отсутствии у Германии достаточно серьезной заинтересованности в развитии отношений с Советским Союзом и об ее внешнеполитической переориентации на Запад [56]. Об этом заявил Вальрот, подчеркнувший, что имеются «очень важные политические причины, которые, согласно мнению как посла в Москве, так и министра иностранных дел, говорят в пользу продолжения переговоров в Москве...» Ту же точку зрения о необходимости «избежать срыва переговоров» разделял и министр экономики [57].

К апрелю 1925 г. в советско-германских переговорах наметился определенный сдвиг: были выработаны тексты соглашений по ряду вопросов и подготовлены консульская конвенция и соглашение о правовой помощи в гражданских делах. 12 июня советская сторона с целью ускорить подписание договора согласилась на некоторые уступки германской стороне при условии немедленного подписания договора. Однако представители Германии не пошли на это. Германская делегация продолжала выдвигать абсолютно неприемлемые для советской стороны требования (о правовом положении торгпредства СССР, регистрации германских фирм в СССР и т. п.) [58]. Убе-

---

[54] ДВП, т. VIII, с. 169—173.
[55] См. там же, с. 171, 172.
[56] *Ruge W.* Zur Problematik und Entstehungsgeschichte des Berliner Vertrages von 1926.— ZfG, 1961, Hf. 4, S. 285.
[57] *Anderle A.* Die deutsche Rapallo-Politik. Berlin, 1962, S. 133.
[58] См. ДВП, т. VIII, с. 794.

дившись в ходе переговоров, что Советское правительство твердо придерживается своих основных требований, Кёрнер после сообщения в Берлин (13 июня), что переговоры зашли в тупик [59], попросил разрешения выехать за инструкциями. Об этой цели своего предполагаемого визита в Берлин он сообщил в беседе с Г. В. Чичериным [60].

Такое явное затягивание переговоров со стороны германского правительства было вызвано причинами как внутренними, так и внешнеполитическими. В самой Германии в некоторых кругах буржуазии продолжали раздаваться требования о «невыгодности» для Германии торгового договора с Советским Союзом ввиду монополии внешней торговли. 27 мая 1925 г. те же самые представители промышленных, торговых и сельскохозяйственных организаций, которые оказывали давление на Штреземана в феврале, в новом меморандуме единодушно выступили против возможности «компромисса» с советской монополией внешней торговли. На этот раз они аргументировали критикой, которой эта монополия подвергалась в самом Советском Союзе со стороны оппозиции ВКП(б), что, по их мнению, свидетельствовало об ее скорой отмене: «не в интересах Германии,— писали они,— поддерживать попытки сохранить монополию путем долгосрочного соглашения...» [61]

Отражался на переговорах о советско-германском торговом договоре и ход переговоров о гарантийном пакте с Англией и Францией. 10 июня 1925 г. Штреземан заявил советскому послу в Берлине, что он никогда не отказывался вести переговоры с нашей страной, но вместе с тем не склонен заключать договора с Россией до тех пор, пока, как он выразился, «не выяснится наше политическое положение в другом направлении» [62]. В беседе (13 июня) с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым, находившимся проездом в Берлине, Штреземан дал уклончивый ответ на «решающий вопрос, не зависят ли переговоры между Германией и Россией от

---

[59] АА.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 265.
[60] ДВП, т. VIII, с. 365; *Anderle A.* Op. cit., S. 138.
[61] ZfG, 1957, Hf. 5, S. 471.
[62] АА.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 266; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II. Berlin, 1932, S. 516.

предварительного соглашения о западном пакте» [63]. Однако после того как 16 июня 1925 г. был, наконец, получен ответ от Франции на германский меморандум о гарантийном пакте [64], содержание которого «предвещало успех переговоров с Западом..., Штреземан вздохнул с облегчением и мог теперь позволить себе повернуться в сторону Востока» [65].

В тот же день фон Кёрнер отправил в германский МИД перечень требований советской стороны с заключением, что невозможно подписать торговый договор на предложенной основе, обосновывая это заключение «тактической целесообразностью». Из Берлина последовала директива министра иностранных дел отклонить советские условия, но согласиться на частичное парафирование по тем пунктам, по которым удалось прийти к соглашению, с тем чтобы избежать срыва переговоров, а подписание перенести на осень [66]. Поэтому главе германской делегации предписывалось оставаться в Москве до приезда Брокдорфа-Ранцау, который привезет «политические предложения» с целью «разрядить обстановку» [67].

Таким образом, задачу ускорить затянувшиеся переговоры о торговом договоре, к которому была добавлена преамбула политического характера, предполагалось возложить на Брокдорфа-Ранцау. Посол, находившийся в Берлине уже в течение двух месяцев, был в крайне пессимистическом настроении в связи с неправильной, по его мнению, позицией, занятой германской стороной в переговорах с СССР. Он поссорился из-за этого со статс-секретарем Шубертом, придерживавшимся крайне прозападной ориентации; угрожал тем, что подаст просьбу об отставке рейхспрезиденту Гинденбургу и настаивал на возвращении в Москву в сопровождении фон Дирксена, отвечавшего за отношения с Советским Союзом в германском МИД [68]. Дирксен, по мнению Брокдорфа-Ранцау.

---

[63] АА.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 266.
[64] См. об этом в главе I.
[65] *Carr E.-H.* Op. cit., p. 266.
[66] Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— См. *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 146—147.
[67] АА.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 267.
[68] *Carr E.-H.* Op. cit., p. 266; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 518—519 (в сокращенном изложении).

мог бы взять на себя «неприятную задачу изложить официальную точку зрения» на гарантийный пакт с западными державами наркому иностранных дел, а также «влить свежую струю» в затянувшиеся переговоры о торговом договоре [69].

Штреземан в продолжительной беседе с германским послом попросил его вернуться в Москву с тем, чтобы «благодаря своему большому личному влиянию... изменить положение вещей» [70]. Брокдорф-Ранцау все же пытался возражать, выдвигая аргументы (о «бесполезности преамбулы» к проекту торгового договора и др.) [71], но в конце концов решил выехать в Москву, хотя (как об этом сообщил полпред СССР в Германии Г. В. Чичерину 25 июня), «был в довольно мрачном настроении, выражая сомнение насчет возможности скорого подписания торгового договора» [72]. Такое пессимистическое настроение посла объяснялось тем, что он понимал, что советская сторона не согласится с предложением Штреземана о подписании пока только отдельных соглашений», что уже было подтверждено Г. В. Чичериным (14 июня) [73]. По приезде в Москву в беседе с наркомом иностранных дел Брокдорф-Ранцау повторил свое мнение, что «некоторые разногласия еще весьма серьезны и потребуют еще продолжительного обсуждения». Г. В. Чичерин же указал послу, что, по его мнению, «в общем и целом соглашение очень близко» и следовало бы немедленно завершить переговоры [74].

11 июля советский полпред в Берлине беседовал со Штреземаном по поводу спорных вопросов по списку германской делегации. В этой беседе германский министр, объясняя причину затягивания переговоров, сослался на сопротивление некоторых германских ведомств советскому требованию о праве полной экстерриториальности для советских учреждений в Германии. Вопрос этот, по словам Штреземана, будет на днях обсуждаться кабинетом,

---

[69] *Carr E.-H.* Op. cit., p. 267; *Stresemann G.* Op. cit., p. 518—519.
[70] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 13; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 518.
[71] *Carr E.-H.* Op. cit., p. 267; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 519.
[72] ДВП, т. VIII, с. 389.
[73] См. там же, с. 389, 365.
[74] Там же, с. 399.

после чего Ранцау получит соответствующие инструкции и тогда можно прийти к соглашению. Штреземан, по словам советского полпреда, «не отрицал, что расхождение незначительно, и можно быстро кончить» [75].

Вместе с тем, как об этом свидетельствуют неопубликованные материалы германского МИД, в Берлине в это время серьезно обсуждался вопрос о возможности разрыва переговоров о торговом договоре с Советским Союзом. Считая такой разрыв нежелательным, Штреземан обратился к германскому кабинету с меморандумом (13 июля), где подчеркивал невозможность достичь соглашения на условиях, содержащихся в директивах торговой делегации, ведущей переговоры в Москве. Предложение германской стороны отложить дальнейшие переговоры до осени, по словам министра иностранных дел, сразу же вызвало «подозрение» советской стороны, что это связано с переговорами Германии с Западом. Если переговоры о торговом договоре все же будут отложены, советские руководители могут интерпретировать это как «попытку повернуть германскую политику от Советской России в сторону Запада» [76].

Более того, Штреземан полагал, что советско-германское торговое соглашение в высшей степени желательно и в связи с напряженным положением в экономических отношениях Германии с Францией и Польшей. В вышеупомянутом меморандуме настоятельно подчеркивалась необходимость для Германии заключения договора с Советским Союзом, как с политической, так и с экономической точки зрения. Поэтому, чтобы достичь соглашения, должны быть сделаны уступки по кардинальным вопросам. Вместе с тем Штреземан считал более целесообразным, не прерывая переговоров совсем, отложить подписание советско-германского торгового договора до тех пор, пока не будет достигнуто окончательное соглашение с западными державами [77]. Министр иностранных дел поставил на повестку дня ближайшего заседания германского кабинета вопрос о новых предложениях для переговоров с Советским Союзом о договоре, включая предо-

---

[75] ДВП, т. VIII, с. 428.
[76] AA.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 271.
[77] Ibid., p. 272.

ставление статуса экстерриториальности торгпредству СССР [78].

На следующий день, 14 июля, Брокдорф-Ранцау в Москве сообщил Г. В. Чичерину о позиции Штреземана в данном вопросе. Была достигнута договоренность о немедленном возобновлении советско-германских переговоров о торговом договоре.

Вопросы, поставленные в меморандуме германского министра иностранных дел, стали предметом горячей дискуссии на нескольких заседаниях кабинета в Берлине (с 14 по 25 июля) и были решены в соответствии с предложениями этого меморандума [79].

28 июля Штреземан сообщил в Москву Брокдофу-Ранцау, что германское правительство, возможно, согласится предоставить экстерриториальность всем помещениям торгпредства СССР в Берлине при условии отказа советской стороны от всех других требований, включая требование экстерриториальности для торгпредства в Гамбурге [80].

Германской делегации, ведущей переговоры о торговом договоре, была направлена из Берлина инструкция МИД, предписывавшая «обязательно остаться в Москве, чтобы, учитывая политические соображения, заключить с русскими какой бы то ни было договор» [81]. Столь категоричный тон инструкции МИД, сразу бросающийся в глаза при сравнении с предыдущими указаниями, объяснялся серьезным беспокойством германского правительства, вызванным подписанием 3 августа советско-польского соглашения о разрешении пограничных конфликтов [82]. Всякое улучшение отношений СССР с Польшей воспринималось руководящими кругами Германии в штыки [83]. Что касалось торгового договора с Советским Союзом, то, как об этом свидетельствуют архивные материалы, считалось возможным в случае надобности впоследствии помешать его ратификации [84].

---

[78] АА.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 161.
[79] АА.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 267.
[80] АА.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 272.
[81] *Anderle A.* Op. cit., S. 474.
[82] ДВП, т. VIII, с. 464—467.
[83] См. об этом подробнее ниже.
[84] *Ruge W.* Op. cit., S. 833.

По мнению Штреземана, возможность заключения торгового договора с Советским Союзом облегчалась тем, что последние советские предложения, хотя и с оговорками, представляют «удовлетворительную основу» для проекта договора [85].

Было решено, как сообщил Г. В. Чичерин 10 августа полпреду СССР в Германии, чтобы обе стороны пошли на возможные уступки, после чего будет либо подписано окончательное соглашение, либо констатирован разрыв или перерыв переговоров [86]. 14 августа германская делегация представила проект протокола, где фиксировались сделанные обеими сторонами уступки. После ознакомления с ним складывалось впечатление, что расчет германского правительства состоял в дальнейшем затягивании переговоров. Поэтому Г. В. Чичерин заявил Брокдорфу-Ранцау о «недоверчивом отношении» советской стороны к этому проекту и о желательности окончательно сформулировать весь текст договора [87].

Для такого заявления у советского наркома иностранных дел были веские основания, и не только в связи с самим проектом, Дело было также в той позиции, которую германская делегация, ведущая переговоры, занимала вплоть до конца августа. Она не выражала готовности идти ни на какие уступки по несогласованным вопросам, считая содержащееся в проекте договора «признание монополии внешней торговли и автономных советских законов» уже вполне достаточной «существенной уступкой», далее которой идти не следует [88]. Подобная позиция германской делегации, заявил заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов германскому послу (21 августа), создает «впечатление об отсутствии у немцев действительного желания подписать договор». М. М. Литвинов вновь указал на необходимость урегулировать в ближайшие дни оставшиеся спорные вопросы, с тем чтобы подписать договор немедленно [89].

С целью выторговать уступки с советской стороны Берлин затягивал решение вопроса о правительственной

---

[85] *Ruge W.* Op. cit., S. 833.
[86] ДВП, т. VIII, с. 484, 485.
[87] Там же, с. 491.
[88] *Ruge W.* Op. cit., S. 833.
[89] ДВП, т. VIII, с. 494, 495.

гарантии кредита Советскому Союзу (переговоры по данному вопросу велись параллельно с переговорами о торговом договоре). В немецкой печати появилось сообщение о «переносе германо-русских переговоров о торговом договоре» [90]. В ответ на запрос поверенного в делах СССР в Германии, сделанный германскому МИД, был получен ответ от Дирксена, что, «по его сведениям», переговоры находятся на грани срыва. Немецкий банк, с которым велись переговоры о кредите, получил одновременно указание затянуть предоставление кредита «по крайней мере на неделю» [91].

Более того, пытаясь оказать нажим на советскую сторону, германская делегация выехала из Москвы. Брокдорф-Ранцау в беседе с М. М. Литвиновым (1 сентября) объяснил это обстоятельство расхождениями по вопросу о применении принципа наибольшего благоприятствования и сообщил об отсрочке решения вопроса о кредите. Однако с советской стороны было твердо заявлено о необходимости завершить переговоры о торговом договоре, не связывая их с вопросом о кредите [92]. Вместе с тем для достижения прогресса в переговорах с нашей стороны пошли на некоторые уступки по вопросу о рыболовстве и патентном соглашении, чтобы достичь компромисса в вопросе о наибольшем благоприятствовании. Обе стороны договорились закончить согласование как можно скорее [93].

В это время, когда переговоры с западными державами уже близились к завершению и в скором времени предвиделось подписание гарантийного пакта, германское правительство сочло более целесообразным ускорить подписание договора с Советским Союзом. Штреземан в телеграмме Брокдорфу-Ранцау 19 сентября 1925 г. подчеркнул, что подписать торговый договор с Советским Союзом следовало бы, «по практическим соображениям и в интересах внешнеполитических», прежде чем ведущие германские деятели отправятся на конференцию в Локарно [94]. Вслед за этим было принято советское требование о пол-

---

[90] «Tägliche Rundschau», 1.IX 1925.
[91] Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— Цит. по: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 164.
[92] Ibidem.— См. *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 164.
[93] *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 164—165.
[94] AA.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 269; см. также ДВП, т. VIII, с. 508.

ной экстерриториальности торгпредства СССР в Берлине, а также заключено соглашение о кредите Советскому Союзу в 100 млн. марок, гарантированном германским правительством [95].

К 26 сентября был подготовлен окончательный проект договора. В датированном 28 сентября меморандуме Штреземан рекомендовал одобрить договор, одновременно отмечая, что экономические условия договора далеко не удовлетворительны [96]. Германская сторона рассчитывала добиться возможности «свободной» хозяйственной деятельности в СССР и поставить советский рынок в зависимость от германского (как об этом свидетельствует служебная записка Штреземана от 30 сентября). Но здесь ее постигла неудача: не удалось ни подорвать советскую законодательную систему (монополию внешней торговли.— *С. Н.*), ни ликвидировать право экстерриториальности советского торгпредства [97]. Однако германский министр иностранных дел (в меморандуме от 28 сентября) подчеркнул, что договор будет иметь решающее значение, с политической точки зрения, в особенности в настоящий момент, «когда... в Советской России имеются серьезные подозрения, что Германия начинает отворачиваться от России и от Рапалло» [98].

И после обсуждения отдельных деталей торгового договора во время пребывания Г. В. Чичерина в Берлине (30 сентября — 2 октября), наконец, 2 октября, в день отъезда Лютера и Штреземана в Локарно, германское правительство опубликовало сообщение об утверждении торгового договора, который «должен быть подписан на днях» [99]. Это решение германского правительства подтвердил рейхспрезидент Гинденбург, принимая Г. В. Чичерина 6 октября [100]. Штреземану в связи с этим, как отмечала немецкая пресса, пришлось по приезде в Локарно доказывать, что советско-германский торговый договор — это «договор возможностей», а не «ручная граната против Локарнской конференции» [101].

---

[95] ДВП, т. VIII, с. 533—534.
[96] *Morgan R. P.* Op. cit., p. 269—270.
[97] ИДА, ф. 393 А, д. 5, лл. 167, 173.
[98] *Morgan R. P.* Op. cit., p. 269, 270; *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 171.
[99] ДВП, т. VIII, с. 559.
[100] ИДА, ф. 393 А, д. 5, лл. 238, 239.
[101] «Vossische Zeitung», 6.X 1925.

Однако ни заверения Штреземана в Локарно, ни отношение правящих кругов Запада к заключению советско-германского договора ничего уже не меняли. Справедливо в связи с этим подчеркивала турецкая печать, что «факт поспешного подписания Германией советско-германского торгового договора показывает, что немцы демонстрируют нежелание участвовать в блоке против СССР даже в случае удачи конференции в Локарно и вхождения Германии в Лигу наций» [102].

12 октября, в самый разгар Локарнской конференции, в Москве были, наконец, подписаны советско-германские торгово-экономические соглашения, а также соглашения о консульской службе [103].

И это было сделано не случайно: германской стороне (по свидетельству Вальрота в письме к Брокдорфу-Ранцау от 16 октября) необходимо было «не только доказать русским, что мы придерживаемся линии Рапалло, но также не оставлять сомнений и у западных держав в том, что мы не расположены заменять рапалльскую политику локарнской. И действительно, это значительно укрепило позиции наших участников переговоров в Локарно» [104]. Короче говоря, как подчеркивалось в немецкой правительственной печати, подписание советско-германского торгового договора «было доказательством стремления германского правительства сохранить полную свободу действий в переменной игре между восточной и западной ориентациями» [105]. А видный германский дипломат Г. фон Дирксен впоследствии в своих мемуарах охарактеризовал этот договор как «маленький контр-Локарно пакт» [106].

О значении для Германии подписанных торгово-экономических соглашений с Советским Союзом свидетельствовало то единодушие, с каким они были встречены всеми партиями в рейхстаге. По мнению германского МИД, значительным было также «единодушие, в том, что всякое вмешательство во внутренние дела Советской

---

[102] См. «Известия», 7 октября 1925.
[103] ДВП, т. VIII, с. 582—617, 618—624, 624—627.
[104] AA. Handakten Wallroth.— In: *Morgan R. P.* Op. cit., p. 270—271.
[105] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 25.X 1925.
[106] *Dirsken H. von.* Moskau — Tokio — London. Erinnerungen. Stuttgart, 1949, S. 75.

России исключается. Русская экономическая система, а также монополия внешней торговли должны быть поэтому приняты как факты» [107].

* * *

Торгово-экономические и финансовые соглашения между Германией и СССР — важный этап в отношениях между обеими странами. Они подводили экономическую базу под заключенный в 1922 г. Рапалльский договор. Но в сложной международной обстановке, когда германское правительство, приняв план Дауэса, вступало на путь политических переговоров с западными державами, Советское правительство считало необходимым упрочить и развить те отношения с Германией, которые были заложены в Рапалло. Этой цели должен был послужить новый советско-германский договор о ненападении и нейтралитете.

Этот договор, получивший название Берлинского и заключенный в условиях существования Локарнского пакта и переговоров о вступлении Германии в Лигу наций, стал выдающимся и решающим успехом советской внешней политики.

В беседах с временным поверенным в делах Германии в СССР фон Радовицем еще в сентябре 1924 г. заместитель наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинов подчеркнул, что вхождение Германии в Лигу наций может повредить не только дружественным советско-германским отношениям, но и интересам самой Германии [108]. 17 октября М. М. Литвинов заявил фон Радовицу, что «Советское правительство готово заключить с германским правительством формальное соглашение, по которому ни одна сторона не имела бы права вступать в Лигу (наций. — *С. Н.*) без согласия другой» [109]. 24 октября временный поверенный в делах Германии в Москве передал М. М. Литвинову ответ Штреземана, в котором германское правительство уклонялось от каких-либо определенных обещаний относительно вступления в Лигу наций [110].

---

[107] Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— Цит. по: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 173.
[108] ДВП, т. VIII, с. 783—784, прим. 68.
[109] ДВП, т. VII, с. 489—490.
[110] ДВП, т. VIII, с. 784.

Подобная позиция МИД Германии вызвала серьезное беспокойство германского посла в СССР Брокдорфа-Ранцау, который дважды (4 и 6 ноября 1924 г.) обратился с просьбой послать из Берлина в Москву советника по делам Лиги наций Бюлова с целью детального уточнения позиции правительства в этом вопросе. Посол запрашивал статс-секретаря Мальцана, являются ли требования, вытекающие из статьи 16 Устава Лиги, обязательными условиями, на которых Германия должна вступить в Лигу, или желательными. Он выражал надежду, что Берлин будет настаивать на своих требованиях до присоединения Германии к Лиге наций [111].

Просьба Ранцау о посылке Бюлова в Москву не встретила благожелательного отношения Вильгельмштрассе. Штреземан решил выяснить мнение президента Ф. Эберта на этот счет. Рейхспрезидент высказался отрицательно, считая, что германский посол информирован в том, что касается отношения Германии к Лиге, а более подробные, чем информация, сведения не могут быть использованы в беседах в Москве. Кроме того, Эберт был убежден, что, в случае отказа Германии в ее запросе о приеме в Лигу и возможного пересмотра точки зрения правительства на необходимость вступления в Лигу наций, подобное решение смогут приписать какой-либо «таинственной сделке» между Чичериным и Бюловым [112].

Брокдорф-Ранцау повторил свое, уже набившее германским руководителям оскомину предостережение, что «успешная восточная политика станет невозможной» в тот момент, когда Германия присоединится к Лиге и будет тем самым «брошена на милость» Запада. Подобного положения, по мнению посла, можно избежать, приняв советское предложение об обмене мнениями по данному вопросу [113].

Не получив определенного ответа германского правительства на свое предложение от 17 октября, советская сторона сделала новое предложение о заключении политического соглашения в развитие Рапалльского договора. Об этом было заявлено Брокдорфу-Ранцау в декабре 1924 г. членом коллегии НКИД СССР В. Л. Коппом и

---

[111] АА.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 119—120.
[112] АА, заметки Ф. Эберта.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 121.
[113] АА.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 121.

наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным (в беседах 4, 20 и 25 декабря).

В ответ на сообщение Ранцау о первой беседе в декабре германский МИД (13 декабря) уполномочил посла вступить в переговоры с Г. В. Чичериным. Однако германская сторона (как об этом свидетельствуют неопубликованные материалы политического архива МИД Германии, на которые ссылаются советский историк А. А. Ахтамзян, а также зарубежные исследователи Э. Карр, З. Газиоровски и др.) предлагала сделать предметом переговоров не советское предложение об отношении к Лиге наций, а вопрос о Польше. Брокдорфу-Ранцау было указано на желательность предложить формулировку об «оттеснении Польши в ее этнографические границы» [114]. Карр считает заслуживающим внимания, что эта инструкция была подписана не Штреземаном, ввиду его «настоящей или мнимой забывчивости», а лишь Мальцаном [115]; но, как справедливо заключает тот же Карр, вряд ли эта инструкция могла быть послана без санкции министра иностранных дел [116].

Однако главное было не в этом. Так или иначе, предложение германской стороны отражало в корне неверное понимание существа советской внешней политики, которая в представлении германских руководящих деятелей могла содействовать ревизионистским планам веймарской Германии по отношению к Польше. Германское правительство исходило, по словам историка ГДР В. Руге, из «ошибочного представления, что Советское правительство будет проводить антипольскую внешнюю политику царской России и поддерживать прямо или косвенно захватнические планы Германии в том, что касалось коридора и польской Верхней Силезии» [117].

---

[114] Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— Цит. по: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 132—133; *Carr E.-H.* Op. cit., p. 254—255; *Gasiorowski Z. J.* The Russian Overture to Germany of December 1924.— «The Journal of Modern History», 1958, vol. XXX, p. 102; *Walsdorff M.* Westorientierung und Ostpolitik, Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. Bremen, 1971, S. 63—65.

[115] Во время беседы с Г. В. Чичериным в Берлине в начале октября 1925 г. Штреземан даже велел в доказательство принести документ, подписанный Мальцаном.

[116] *Carr E.-H.* Op. cit., p. 255.

[117] *Ruge W.* Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin, 1965, S. 167.

Характерным для германской внешней политики было также, что этой инструкции, посланной в Москву, предшествовала отправленная буквально на день раньше нота Германии генеральному секретарю Лиги наций с изложением условий, на которых Германия соглашалась вступить в эту организацию. «Выбор времени,— правильно замечает в связи с этим Карр,— стал характерным для дипломатии Штреземана: примирительный жест в сторону Запада немедленно должен был быть уравновешен соответственным жестом в сторону Востока» [118].

Ясно, что Советское правительство ни при каких условиях не могло и не собиралось потворствовать ревизионистским планам германского правительства. Поэтому, когда Ранцау 20 декабря довел предложение Мальцана до сведения наркома иностранных дел, последний возразил послу, что советская сторона предполагала обсудить общие политические вопросы, германская же стремится свести все обсуждение к вопросу о Польше [119]. Развернутое изложение советской позиции было сделано Г. В. Чичериным (25 декабря 1924 г.), предложившим Брокдорфу-Ранцау следующую формулу политического соглашения: «СССР и Германия берут на себя обязательство не вступать ни в политические, ни в экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны. СССР и Германия обязуются в дальнейшем координировать свои действия по вопросу о вступлении в Лигу наций или о посылке в Лигу наций наблюдателя» [120]. Когда посол сказал, что это похоже на так называемый русско-германский договор о тыловом страховании при Бисмарке, Г. В. Чичерин возразил ему, что это — совсем другое [121]: в том договоре речь шла о тыловом страховании «при наличии союза с другим государством, Германии с Австрией», а здесь — «просто о гарантии или обязательстве о невступлении во враждебные комбинации». «Как на примеры применения этого принципа,— за-

---

[118] *Carr E.-H.* Op. cit., p. 255, прим. 1.

[119] АА.— In: *Gasiorowski Z. J.* Op. cit., p. 102.

[120] ДВП, т. VIII, с. 785.

[121] Подобное истолкование Берлинского договора как «договора перестраховки» считают неверным и некоторые западные исследователи (например, *Dederke K.* Reich und Republik. Deutschland 1917—1933. Stuttgart, 1969, S. 169).

мечает Г. В. Чичерин в записи этой беседы, — я указал на то, что это значит, что, если Англия будет составлять единый фронт против СССР, Германия не вступит в такую коалицию, а, с другой стороны, мы не вступим в коалицию с Францией, Бельгией и т. д. против Германии» [122]. Далее нарком иностранных дел подчеркнул, что «мы всегда готовы заключить пакты о ненападении со всеми государствами и что логически представляется вполне возможным иметь *пакт о ненападении одновременно и с Германией и с Польшей,* и со всеми другими государствами» (выделено нами.— *С. Н.*) [123].

Это предложение не было тогда принято германским правительством. Оно, как мы уже видели, в тот момент как раз вело зондаж по поводу возможности вступления в переговоры с Англией о заключении гарантийного пакта. Подобную тактику затягивания ответа на советское предложение не одобрял германский посол в Москве. «Особенно неподходящим», по его мнению, было перемещение Мальцана, занимавшегося отношениями с Советским Союзом в германском МИД, на пост посла в Вашингтон и назначение на место статс-секретаря К. фон Шуберта (16 декабря 1924 г.). По мнению Ранцау, симпатии Шуберта были на стороне Запада, в особенности Англии [124].

В секретном письме Штреземану (23 декабря 1924 г.) посол писал, что полагает: до настоящего времени в интересах Германии было «поддерживать Советское правительство и пытаться действовать честно, — в той степени, в какой можно говорить о честности в политике, — по отношению к нему», поскольку он (Брокдорф-Ранцау) считает, что «всякое другое правительство в России будет стремиться к сотрудничеству с Антантой». Он просил министра иностранных дел довести эти соображения также до сведения президента Эберта [125].

В письме к Шуберту от 6 января 1925 г. Брокдорф-Ранцау подчеркнул настоятельную необходимость немедленно начать переговоры о договоре на основе советских

---

[122] ДВП, т. VIII, с. 785.
[123] Там же, с. 785—786.
[124] АА, письма Брокдорфа-Ранцау Мальцану от 5 и 12 декабря 1924 г.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 123—124.
[125] АА.— In: *Casiorowski Z. J.* Op. cit., p. 104.

декабрьских предложений. В ответ на это письмо посол получил через два дня телеграмму от Штреземана, который, ссылаясь на мнение президента Эберта, обещал обсудить эти предложения в ближайшем будущем и просил информировать советских руководителей, что отсрочка с ответом связана с формированием нового германского кабинета [126].

Поэтому в течение первой половины января 1925 г. Ранцау в переговорах с советскими представителями не мог предложить ничего конкретного и лишь заверял их в готовности Берлина начать обмен мнениями. Однако то обстоятельство, что Г. В. Чичерин не проявлял «особой настойчивости», а лишь «выразил сожаление, что до приезда французского посла Ж. Эрбетта в Москву не удалось создать «базис» для соглашения СССР и Германии» [127], вызвало еще большую обеспокоенность у германского посла. 10 января 1925 г. Брокдорф-Ранцау в письме Штреземану вновь подчеркнул, что поскольку Англия стремится к отрыву России от Германии, необходимость продолжения переговоров Берлина с Москвой диктуется все более настоятельно. Он призывал министра иностранных дел не упустить такого благоприятного для германского правительства момента [128]. Но вместо ответа, учитывая возможное беспокойство посла ввиду начала переговоров о гарантийном пакте, Шуберт (22 января) стремился заверить Брокдорфа-Ранцау, что хотя он, Шуберт, отдает себе отчет в том, что предложение Германии о пакте «может в известном смысле рассматриваться как препятствующее..., германо-русским отношениям», оно служит лишь «оборонительной мерой со стороны Германии против... французской экспансионистской политики» и не может «в какой-либо степени затронуть германо-русские отношения» [129]. На самом же деле позиция германского правительства (как это явствует из сообщения Шуберта о его беседе с президентом Эбертом 16 февраля) заключалась в тот момент в следующем: не давать ответа на предложение Советского правительства, прежде чем

---

[126] АА.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 127—128.
[127] Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— Цит. по: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 137.
[128] АА.— In: *Gasiorowski Z. J.* Op. cit., p. 107.
[129] Ibidem.

не станет ясным отношение Запада к германскому проекту гарантийного пакта; иначе Германии может грозить «опасность оказаться между двумя стульями» [130].

Ввиду отсутствия ответа на советские предложения Брокдорф-Ранцау счел необходимым в феврале 1925 г. вновь написать Штреземану, что он был бы чрезвычайно благодарен, если бы мог как можно скорее узнать позицию правительства по вопросу о советском предложении заключить договор о нейтралитете, поскольку молчание Берлина вызывает в Москве беспокойство [131].

В ответ посол получил новое заверение от Шуберта (в письме от 23 февраля), что отсрочка вызвана не отсутствием интереса к советскому предложению. Он (Шуберт) неоднократно обсуждал этот вопрос со Штреземаном и оба они пришли к полному согласию о его значении. Проблема состоит, по словам Шуберта, не в том, какую политику следует проводить по отношению к России, а в том, как ее совместить «с общей политикой». Это — «чрезвычайно трудная» проблема. Шуберт полагал, что до сих пор решение этой проблемы было крайне неудовлетворительным [132]. В письме к Ранцау (от 26 февраля) статс-секретарь сообщил, что английским представителям было ясно дано понять, что «мы не собираемся пожертвовать нашими отношениями с Россией ради Лиги наций» [133].

6 марта Штреземан (в инструктивной телеграмме Брокдорфу-Ранцау) просил его проинформировать Советское правительство о германском предложении Лондону и Парижу и объяснить ему необходимость урегулирования общих вопросов о безопасности. Германский посол должен был заверить Правительство СССР, что шаг Берлина означал «простую оборонительную меру против французской экспансионистской политики на Рейне», а потому не может быть и речи о том, что чаша весов в политике Германии перевешивает в пользу Запада [134]. Поскольку Г. В. Чичерин в это время отсутствовал, Ранцау изложил эти объяснения Штреземана заместителю наркома М. М. Литвинову (9 марта 1925 г.).

---

[130] AA.— In: *Gasiorowski Z. J.* Op. cit, p. 107.
[131] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 9.
[132] AA.— In: *Gasiorowski Z. J.* Op. cit., p. 107.
[133] Ibid., p. 109—110.
[134] Ibid., p. 110.

Вслед за этим, 10 марта, Штреземан встретился с советским полпредом в Берлине, которому он объяснил, что задержка с ответом на советское предложение связана не с переговорами с западными державами, а со смертью президента Эберта, а также с намерением самого Штреземана вести личные переговоры с Брокдорфом-Ранцау о советско-германском договоре. Одновременно министр иностранных дел вновь подчеркнул настоятельную необходимость для Германии гарантийного пакта с Западом [135]. Он признал, что правительство испытывает нажим со стороны Англии и Франции, настаивающих на безоговорочном вступлении Германии в Лигу наций, но он «не думает, что германское правительство может это сделать и сделает» [136].

На самом же деле германское правительство ждало в это время ответа Франции на предложение о пакте, а также ответа на свою ноту от 12 декабря, адресованную генеральному секретарю Лиги наций. Оно получило этот ответ 13 марта 1925 г. Ответ гласил, что Германия может быть принята в Лигу наций лишь при условии соблюдения всех статей Устава Лиги [137]. Антисоветская направленность подобного условия не подлежала сомнению. Тем же духом были проникнуты советы ряда руководящих германских деятелей. Так, советник германского посольства в Лондоне Дюфур-Феронсе (16 марта) предостерегал против какого бы то ни было договора — открытого или тайного — с Советским Союзом как грозящего потерей поддержки Германии со стороны США и Англии [138].

Подобное положение дел, сложившееся в результате переговоров Германии о гарантийном пакте и вступлении в Лигу наций, не могло не настораживать Советское правительство. Большое внимание вопросу советско-германских отношений в связи с антисоветской политикой заключения западного пакта было уделено на III сессии ЦИК СССР в марте и на III съезде Советов в мае 1925 г. В мартовском докладе Г. В. Чичерина выражалась уве-

---

[135] Ibidem; *Stresemann.* Vermächtnis, Bd. II, S. 412 — сокращенный вариант.

[136] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 9; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd II, S. 512 (сокращенный вариант).

[137] «League of Nations. Official Journal», April 1925, p. 490.

[138] AA.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 135.

ренность, что, несмотря на соглашение с западными державами, германское правительство сохранит политику дружественных отношений с Советским Союзом [139]. Вместе с тем речь содержала предупреждение германскому правительству, что «если будет проведена в жизнь та политика гарантийного договора с западными державами,... если произойдет вступление Германии в Лигу наций, то вопреки желанию германского правительства силою вещей оно окажется в таком положении, которое вряд ли сделает возможным продолжение по крайней мере в той же степени, как раньше, создавшихся между нами отношений» [140]. В связи с попытками Англии использовать Германию как исполнителя ее планов на европейском континенте напоминалось, что еще Бисмарк тщательно избегал нарушений комбинаций своей континентальной дипломатии ради прекрасных глаз островной империи. Чичерин подчеркивал, что исполнителей своих предначертаний на континенте Англия то и дело меняет и выбрасывает, как «выжатый лимон» [141].

Серьезность создавшегося положения хорошо понимал имевший неоднократные беседы с советскими руководителями Брокдорф-Ранцау. Посол продолжал настаивать, чтобы переговоры с Советским Союзом проводились параллельно с переговорами о гарантийном пакте с Западом, подчеркивая, что политика Германии по отношению к России служит основой, на которой «должна строиться вся германская политика». Советско-германские переговоры, по мнению Ранцау, должны, по крайней мере внешне, «афишировать интимные отношения с Советским правительством, что заставит наших врагов держаться настороже» [142]. Обращаясь к Штреземану (27 марта), посол подчеркнул, что считает аргументацию министра иностранных дел в письме к нему от 19 марта звучащей для Советского правительства не как ответ на его декабрьское предложение, а как «косвенный отказ» [143].

---

[139] См. *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 345, 346.

[140] См. там же, с. 388.

[141] Там же, с. 393, 394.

[142] AA, Rantzau to Schubert, March 21, 1925.— In: *Gasiorowski Z. J* Op. cit., p. 112.

[143] Ibid., p. 112—113; Письмо Штреземана от 19 марта см. в сб. Локарнская конференция 1925 г. М., 1959, с. 53—65. Оно повторяло

7 апреля 1925 г. в беседе с М. М. Литвиновым, заменявшим заболевшего тогда Г. В. Чичерина, Брокдорф-Ранцау сказал, что ему было поручено изложить точку зрения германского правительства на основании письма Штреземана от 19 марта, но он отказался исполнить поручение. Вместо этого он получил разрешение полностью зачитать М. М. Литвинову письмо Штреземана [144], что он и сделал. В ответ на зачитанное письмо заместитель наркома подчеркнул, что предпринимаемые Германией шаги ведут к «превращению ее в послушное орудие британской дипломатии». «У Германии,— сказал М. М. Литвинов,— в Лиге друзей нет, она вынуждена будет опираться на одну Англию, которая заставит, конечно, дорого платить за свою мнимую поддержку». Сам Штреземан признает в записке (так М. М. Литвинов называет письмо от 19 марта.— *С. Н.*), что главная цель Англии — «предотвращение германо-советского сближения» [145]. В заключении М. М. Литвинов заявил Ранцау, что было бы желательно получить от германского правительства конкретный проект соглашения на основе либо советского декабрьского предложения, либо какой-нибудь другой.

На следующий день состоялась встреча Г. В. Чичерина с германским послом, который собирался выехать в Берлин для личных переговоров с правительством. Нарком иностранных дел также указал послу, что «поспешный маневр Германии и Англии сознательно направлен на изолирование СССР», но Англия вместе с тем «готова будет за поблажку на Востоке поддержать Францию на Западе против Германии». Г. В. Чичерин подчеркнул, что «если, по мнению Штреземана, нынешние новые комбинации не означают отрыва Германии от СССР, то пусть он это покажет принятием нашего предложения о неучастии во враждебных комбинациях» [146].

В то утро, когда Брокдорф-Ранцау прибыл в Берлин, Штреземан принял советского полпреда, которому он заявил, что Германия не может заключить договор с Советским Союзом, пока не будут закончены переговоры о гарантийном пакте с западными державами, ибо это вызо-

---

прежние высказывания Штреземана о позиции Германии по вопросу о Лиге наций и советско-германских отношениях.

[144] ДВП, т. VIII, с. 781.

[145] Там же, с. 782.

[146] Там же, с. 211.

вет недоверие к германскому правительству со стороны последних [147]. 22 апреля в беседе с советским полпредом рейхсканцлер Лютер сказал, что германское правительство рассматривает соглашение с Англией и Францией как способ получить некоторую передышку, но это не исключает объективной необходимости для Германии сближения и с Советским Союзом [148]. На следующий день беседа была продолжена, и Лютер просил полпреда, уезжавшего в Москву, передать правительству СССР, что Германия не вступит в Лигу наций без оговорок [149]. 25 апреля Шуберт вручил советскому полпреду меморандум германского правительства, составленный на основе письма Штреземана Брокдорфу-Ранцау от 19 марта [150]. В тот же день в беседе со Штреземаном полпред СССР подчеркнул, что в связи с намечающимся вступлением Германии в Лигу наций необходимость обсуждения советского декабрьского предложения делается все более настоятельной, а в германском меморандуме нет никаких конструктивных предложений по этому поводу [151].

В начале мая в беседе с журналистами в германском МИД Штреземан заявил со всей категоричностью, что Германия не вступит в Лигу наций без оговорок относительно статьи 16. Министр иностранных дел рассказал о своем разговоре с послом «одной западной державы», во время которого посол будто бы сказал Штреземану, что недостойно великой державы требовать себе исключения из общих правил при вступлении в Лигу. На это Штреземан ответил, что если Германия — великая держава, то позвольте ей содержать соответствующую великой державе армию, иметь тяжелую артиллерию и т. д. На возражение одного из журналистов, что Лига ни для кого не делает исключения, Штреземан резко ответил, что это — неправда, такие исключения были сделаны для Швейцарии, и при доброй воле со стороны великих держав, при демонстрации действительного желания не втягивать Германию в трения с СССР можно обойти статью 16 [152].

---

[147] АА.— In: *Gasiorowski Z. J.* Op. cit., p. 113—114; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 513—514; ИДА, ф. 90, д. 37, л. 157.
[148] См. ДВП, т. VIII, с. 788.
[149] См. там же, с. 243.
[150] См. там же, с. 249—254.
[151] См. там же, с. 247.
[152] АВП, ф. 082, п. 18, д. 5, л. 5.

Тогда же, в связи с требованием Англии о безоговорочном вступлении Германии в Лигу наций, «Дейче альгемайне цайтунг» подчеркнула, что Антанта «хочет испортить взаимоотношения между Германией и Россией и натравить обе страны друг на друга» [153].

28 мая Г. В. Чичерину был вручен меморандум германского правительства. Нарком иностранных дел заявил при этом, что ответ на него будет дан после обсуждения его коллегией Наркоминдела. Пока же, сказал нарком, в некоторые вопросы следует внести ясность. Правительство Германии хочет, чтобы несмотря на его переговоры о пакте с Западом, мы бы ему доверяли и не вели разговоров на эту тему. Почему, вполне законно интересовался Г. В. Чичерин, в то время как другие государственные деятели обсуждают предложенный проект пакта, лишь советский представитель один должен хранить молчание? Советская сторона, по словам наркома, не сомневается в искренности Германии, но не думает, что «ее благие намерения» могут осуществиться, поскольку западные державы и главным образом Англия хотят изолировать СССР путем отрыва от него Германии и присоединения ее к Лиге наций [154].

2 июня германскому правительству был вручен ответный меморандум Советского правительства [155]. В нем указывалось, что, ведя переговоры о подписании гарантийного пакта с Англией и Францией, правительство Германии по отношению к СССР «ограничивается устными дружелюбными заверениями» и не начинает переговоров о советском предложении заключить договор о нейтралитете [156].

Содержание этого меморандума, в котором выражалось серьезное беспокойство правительства СССР в связи с затягиванием германской стороной начала переговоров с Советским Союзом, побудило Ранцау вновь обратиться к Штреземану. Посол доводил до его сведения свои секретные заметки (8 июня). Брокдорф-Ранцау считал совершенно недопустимым для дальнейшего развития германо-советских отношений безоговорочное вступление Германии в Лигу наций. Это, по его мнению, еще более

[153] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 17.V 1925.
[154] АА.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 141—142.
[155] ДВП, т. VIII, с. 350—355.
[156] Там же, с. 354.

усугубит неблагоприятное впечатление, сложившееся вследствие молчания германского правительства по поводу советского предложения о политическом договоре. Если «еще можно вообще достичь взаимопонимания» с правительством СССР, подчеркивал посол, следует как можно скорее дать советской стороне положительный ответ. Ранцау писал о необходимости «найти способ убедить Советское правительство в твердом намерении германского правительства, несмотря на неизбежные, видимо, соглашения с западными державами (в первую очередь, в связи со вступлением в Лигу наций), ни при каких обстоятельствах не жертвовать отношениями с Советской Россией». Посол подчеркивал, что правительство СССР не удовлетворят лишь устные обещания со стороны Германии [157].

Справедливость опасений Брокдорфа-Ранцау еще раз подтвердилась буквально вслед за этим обращением посла к германскому министру иностранных дел. 10 июня советский полпред в беседе со Штреземаном указал, что у советской стороны создается впечатление, что германское правительство выжидает ответа от западных держав, чтобы в зависимости от его содержания ответить на советские предложения. Штреземан и не отрицал этого, сказав, что сейчас вырабатывается контрпредложение Советскому Союзу, которое будет обсуждаться после получения ответа от союзных держав. Он считает, что тогда для Германии будет тактически удобнее приступить к детальным переговорам с Советской страной [158].

В июне 1925 г. М. М. Литвинов, находясь проездом в Берлине, заявил Штреземану, что Советское правительство «чрезвычайно обеспокоено состоянием русско-германских отношений». Он подчеркнул, в особенности, опасность вовлечения Германии в антисоветскую политику Англии. «Усиление Германии,— по словам Литвинова,— противоречит интересам Англии не в меньшей степени, чем усиление Франции, а незначительная поддержка Англии будет покупаться ценою подчинения ее указке». Германский министр заверил М. М. Литвинова, что «Германия не имеет намерения позволить использовать ее как средство в каких-либо действиях, направленных

---

[157] ZfG, 1961, Hf. 4, S. 825.
[158] ДВП, т. VIII, с. 363, 364.

против России», а также сказал, что Лига не представляет собой монолитного блока, и потому Германия сможет проводить политику, отвечающую ее интересам. Штреземан обещал прислать в Москву с Брокдорфом-Ранцау формулу соглашения [159].

В июне 1925 г. в германском МИД были составлены «Директивы для продолжения политических переговоров с Россией». Германское правительство, говорилось в этом документе, не может допустить, чтобы «вопрос о вступлении (в Лигу наций. — *С. Н.*) решался в данном случае по свободному усмотрению. После тщательного рассмотрения значения статьи 16 оно пришло к убеждению, что со стороны этой статьи вреда германо-русским отношениям... нечего опасаться даже в том случае, если оговорка со стороны Германии по статье 16 не будет формально признана союзными державами. Германия сможет всегда и без формального признания своей оговорки в практически осуществимых случаях не только отклонить свое участие в санкциях Лиги против России, а вообще сделать такие санкции Лиги невозможными». Если не удастся добиться формального освобождения от обязательств по статье 16, Советскому Союзу могли бы быть даны устные заверения. В качестве же осуществления советского предложения о политическом договоре «Директивы» считали достаточным включение в текст предполагаемого экономического и торгового договора преамбулы соответствующего содержания [160]. «Опасения России, — признает в связи с этим американский исследователь Г. Гацке,— что Германия, возможно, безоговорочно вступит в Лигу наций, были таким образом обоснованы» [161].

Кроме того, по мнению Штреземана, в данный момент, когда германское правительство еще не считало своевременным заключать политический договор с Советским Союзом, Германии было бы выгодно добиться согласия СССР на принятие преамбулы к торговому договору. Опубликование преамбулы в подходящий момент показало бы западным державам, что Германия сохраняет сво-

---

[159] См. ДВП, т. VIII, с. 366, 367, а также *Gasiorowski Z. J.* Op. cit., p. 114—115 (AA); *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 516—518 — сокращенный вариант.

[160] VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 11; см. также *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 147.

[161] Ibidem.

боду действий, и облегчило бы получение уступок в вопросе об эвакуации Рейнской области [162].

Во время берлинской беседы со Штреземаном в июне 1925 г. Брокдорф-Ранцау высказал отрицательное отношение к преамбуле как «бесполезной», так как советская сторона, по его мнению, не сочтет эту преамбулу достаточной гарантией, если Германия присоединится к Лиге наций безоговорочно [163]. Но Штреземану удалось успокоить Ранцау по поводу этих опасений, и 25 июня посол в сопровождении фон Дирксена выехал в Москву [164]. У германского посла была совершенно секретная инструкция Штреземана (от 21 июня 1925 г.) продолжать устные переговоры, не давая пока в письменной форме ответа на советский меморандум от 2 июня 1925 г.[165] Брокдорф-Ранцау неодобрительно относился к этой инструкции, о чем свидетельствуют его замечания на полях. Американский историк Л. Кохан справедливо отмечает, что германский проект договора «скорее соответствовал взглядам Штреземана, чем Брокдорфа» [166].

Проект соглашения германского правительства, составленный в форме преамбулы к торговому договору, был передан фон Дирксеном Г. В. Чичерину 1 июля [167]. В состоявшейся тогда же беседе Дирксен подчеркнул, что, «по мнению германского правительства, необходимо согласовать позиции обеих сторон по отношению к Лиге наций и что германское предложение, которое он передает, указывает путь к этой цели» [168]. На самом же деле сущность германского предложения состояла в следующем: не заключая политического соглашения в форме договора с Советским Союзом, ограничиться преамбулой к торговому договору об основных принципах дружественного сотрудничества обеих стран в духе Рапалльского договора. Нарком иностранных дел отозвался о преамбу-

---

[162] АА.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 161.

[163] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H.* Op. cit.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 13, 14; сокращенный вариант — *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 518.

[164] *Dirksen H. von.* Op. cit., S. 67 ff.

[165] ИДА, ф. 90, д. 37, л. 235; см. также *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 148.

[166] *Kochan L.* Russia and the Weimar Republic. Cambridge, 1954, p. 106.

[167] ДВП, т. VIII, с. 431—432; АА.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 269.

[168] ДВП, т. VIII, с. 796.

ле как о «пустой банальности» и с иронией заметил Дирксену, что «ее можно использовать в качестве преамбулы к ветеринарному соглашению» [169]. По главному же вопросу — о вступлении Германии в Лигу наций — германское правительство предлагало представить лишь устное заявление, ни к чему фактически его не обязывающее.

Советская сторона не могла согласиться с этим, и 13 июля предложила германским представителям свою формулировку политического соглашения о ненападении, неучастии сторон во враждебных комбинациях друг против друга и их обязательстве координировать свои действия в вопросе о Лиге наций [170]. Брокдорф-Ранцау (в сообщении от 20 июля) предостерегал Штреземана против слишком резкого отказа от советской формулировки, чтобы не усиливать подозрений в намерении Германии игнорировать декабрьское предложение правительства СССР [171].

Однако германское правительство, целиком поглощенное гарантийными переговорами с Англией и Францией, не торопилось давать ответа на советские предложения и форсировать заключение политического соглашения. «Как раз в это время,— вспоминает Дирксен,— наступила новая полоса в германо-советских отношениях. Вследствие неожиданного поворота в наших отношениях с западными державами, они (советско-германские отношения.— *С. Н.*) подверглись серьезному испытанию. На горизонте возникла политика Локарно и должна была в скором времени вступить в соревнование с политикой Рапалло» [172]. Поэтому, когда Дирксен вернулся в Берлин в июле 1925 г., по его выражению, «ни с чем», т. е. не получив согласия Советского правительства на германское предложение о преамбуле, «разочарование в Берлине,— по его словам,— в связи с неудачей моей миссии было не слишком большим» [173], ибо «все внимание было направлено на проводившиеся ускоренными темпами переговоры с Западом» [174].

---

[169] АА.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 271.
[170] ДВП, т. VIII, с. 430—431.
[171] АА.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 163.
[172] *Dirksen H. von.* Op. cit., S. 64.
[173] Ibid., S. 70.
[174] Ibid., S. 69.

И действительно, в начале августа появилась статья Штреземана под псевдонимом «д-р Ганс Шумман», озаглавленная «Гарантийный пакт, Лига наций и восточные вопросы». В ней германский министр предостерегал против переоценки значения для Германии союза с Россией, от которого, по его словам, нельзя ожидать, что он приведет к освобождению от версальских пут [175]. «Окончательное решение насущных спорных вопросов, которое укрепило бы германо-русские отношения в будущем,— отмечала тогда же германская печать,— вряд ли будет иметь место, пока не закончились переговоры Германии с Парижем, Лондоном и Женевой» [176].

Германское правительство было, по словам находившегося в то время в Берлине М. М. Литвинова, раздражено «частыми указаниями» с советской стороны на то, что «гарантийный пакт означает переориентацию Германии» [177]. В связи с этим Г. В. Чичерин отмечал (в письме советскому полпреду в Берлине 10 августа), что раздражение Штреземана свидетельствовало о том, что «мы попали в точку». Поэтому необходимо и далее указывать германскому правительству, что его участие в гарантийном пакте и в Лиге наций имеет тот самый смысл, о котором говорят советские представители [178].

В беседе с М. М. Литвиновым в Берлине Штреземан выразил пожелание ограничиться предложенной германской стороной преамбулой, считая, что советское «контрпредложение идет слишком далеко...» На это германский министр получил ответ, что преамбула должна быть лишь вступлением к соглашению, а все заверения Германии зафиксированы письменно. Учитывая опасения Германии, что подписание советско-германского политического договора произведет неблагоприятное впечатление в Англии и Франции, советская сторона согласилась не сразу опубликовать этот договор [179].

Германское правительство, продолжая политику затягивания подписания договора с Советским Союзом, составило подробный письменный анализ советского предло-

---

[175] «Deutsche Stimmen», 5.VIII 1925; VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 12, 13
[176] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 8.VIII 1925.
[177] ДВП, т. VIII, с. 485.
[178] См. там же.
[179] Там же, с. 494.

жения от 13 июля. По мнению Ранцау, высказанному им в беседе с М. М. Литвиновым (21 августа), ответ Берлина для советской стороны был малоудовлетворителен [180].

Вслед за этим Штреземан прислал послу телеграмму, из которой следовало, что германское правительство оставляло за собой право решения вопроса о своем вступлении в Лигу наций без согласования с Советским Союзом. Правительству СССР предлагалось принять германское предложение о политической преамбуле по желанию советской стороны в ее редакции. Германское правительство вновь отказывалось зафиксировать в письменном виде свои оговорки относительно статей Устава Лиги. Советская сторона отвергла эти предложения, но выразила готовность продолжать переговоры [181].

После этого до конца сентября переговоры о советско-германском политическом договоре фактически замерли: на горизонте была Локарнская конференция. Однако в конце сентября — начале октября 1925 г., во время сыгравшей чрезвычайно важную роль поездки Г. В Чичерина в Берлин через Варшаву, переговоры были продолжены. Польское правительство из тактических соображений в отношении Англии и Германии накануне Локарнской конференции [182] всячески раздувало значение визита Г. В. Чичерина. Польский депутат С. Стронский в беседе с чехословацким посланником в Варшаве сказал, что «сам факт визита (Чичерина в Варшаву накануне Локарнской конференции.— *С. Н.*) должен служить для Англии предупреждением и напоминанием, что Польша может обеспечить себя и без Англии, которая хочет путем Рейнского пакта оторвать Германию от России, а Россию изолировать» [183].

Германское правительство было крайне недовольно и обеспокоено визитом советского наркома в Варшаву и возможной перспективой улучшения советско-польских отношений. По прибытии в Берлин Г. В. Чичерин, выступая на пресс-конференции, привел ряд доказательств, опровергающих мирный якобы характер подготавливаемого

---

[180] См. там же.
[181] См. там же, с. 508.
[182] См. главу I.
[183] Архив МИД Чехословакии, 30.IX 1925.— Цит. по: Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг. М., 1959, с. 191.

гарантийного пакта и безоговорочного вступления Германии в Лигу наций. Он подчеркнул, «насколько жгучим при этих обстоятельствах является вопрос о непризнании Германией ст. 16 Устава Лиги наций. Отклонение Германией ст. 16 является фактором всеобщего мира. В таком же смысле, т. е. в качестве фактора мира, будет служить стабилизация дружественных отношений между Советским Союзом и Польшей, преследующая исключительно мирные цели» [184].

Об опасной для Германии политике, втягивающей ее в орбиту Запада, советский нарком говорил 2 октября в беседе с рейхсканцлером Лютером [185]. Рейхсканцлер заверил наркома, что Германия не вступит в Лигу без оговорок в отношении статьи 16. В первой беседе с Г. В. Чичериным Штреземан в связи с вопросом о гарантийном пакте и вступлении Германии в Лигу наций всячески отрицал его антисоветскую направленность. Советский нарком, отвечая ему, критиковал германскую тактику затягивания переговоров о советско-германском политическом договоре [186]. В следующей беседе, состоявшейся 2 октября, Штреземан сказал Г. В. Чичерину, что на этой стадии новый договор с Советским Союзом не может быть заключен [187], и обещал лишь после возвращения из Локарно представить переработанный текст соглашения для подписания обоими правительствами. Германский министр, давая Г. В. Чичерину заверение в том, что «Германия не пойдет ни в коем случае безоговорочно в Лигу наций», вместе с тем признал, что «освобождение Германии от ст. 16 может выразиться, по его мнению, *в форме заверений союзников вместо формального освобождения*» [188] (выделено нами.— *С. Н.*). Западногерманский исследователь А. Тимме в своей работе, посвященной Штреземану, признавая, что одной из причин затягивания подписания договора с Советским Союзом со стороны Германии было опасение, что это помешает заключению соглашений с западными державами, пишет: «Он (Штреземан.— *С. Н.*) хотел, когда отправлялся в Локар-

---

[184] ДВП, т. VIII, с. 561.
[185] Там же, с. 558.
[186] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 526; ИДА, ф. 90, д. 37, лл. 264, 265.
[187] Там же, л. 275—276.
[188] ДВП, т. VIII, с. 572.

но, иметь возможность ответить «нет» на вопрос, есть ли у Германии союз с Россией» [189].

Английские руководящие деятели проявляли большое неудовольствие и беспокойство в связи с пребыванием и переговорами Г. В. Чичерина в Берлине [190]. Особенно их волновало то обстоятельство, что накануне Локарнской конференции Г. В. Чичерин получил «вербальное заверение от Штреземана в том, что германская политика безопасности не означает разрыва дружбы с Россией» [191]. Штреземан же, находясь в Локарно, отнюдь не был недоволен задержкой наркома иностранных дел в Берлине. «Чичерин в Берлине,— пишет западногерманский историк Э. Айк,— действовал на западные державы как предупреждение, постоянно напоминавшее им о том, что Германия могла бы протянуть руку также другой стороне» [192]. Более того, по прибытии в Локарно германский министр иностранных дел не замедлил использовать «русскую карту» в политической игре с западными державами. Во время пресс-конференции он сообщил представителям печати, что «крайне огорчен» требованиями советских представителей, стремящихся «заставить германское правительство парафировать русско-германский торговый договор с эффектной преамбулой, которая должна вновь подтвердить Рапалльский договор» [193].

После возвращения из Локарно в Берлин Штреземан уклонялся от встречи с советским послом, имея в виду предварительно побеседовать с Брокдорфом-Ранцау, прибытие которого из Москвы ожидалось со дня на день [194]. Наконец, послу СССР удалось все же (29 октября) встретиться с германским министром иностранных дел. Посол осведомился, найдет ли министр теперь время для беседы о советских предложениях. Штреземан воздержался от

---

[189] *Thimme A.* Gustav Stresemann. Eine politische Biographie zur Geschichte der Weimarer Republik. Hannover — Frankfurt a/M., 1957, S. 103.

[190] *D'Abernon Viscount.* Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. III. Leipzig, 1930, S. 235.

[191] «Times», 3.X 1925.

[192] *Eyck E.* Neues Licht auf Stresemanns Politik.— «Deutsche Rundschau», 1955, N 2, Baden-Baden, S. 119.

[193] «The New York Times», 5.X 1925.

[194] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 19; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 528.

прямого ответа на поставленный ему вопрос, сославшись на «неустойчивость» политического положения [195].

Что касалось Брокдорфа-Ранцау, приезда которого ожидал Штреземан, то посол приехал в Берлин 4 ноября и сразу высказался в отрицательном смысле по поводу Локарнского пакта [196]. В секретной записке (от 7 ноября 1925 г.) о результатах Локарнской конференции Брокдорф-Ранцау подчеркивал, что тесная связь гарантийного пакта с Лигой наций «может иметь такое значение для германо-русских отношений, которое мы сейчас еще не можем полностью оценить..; вследствие нашего вступления в Лигу наций свобода действия Германии в области внешней политики не увеличится, а сократится» [197]. Ибо, считал посол, если Германия, вступив в Лигу, будет рассматривать ее Устав как простой клочок бумаги, то она тем самым поставит «во второй раз свое существование на карту и на этот раз окончательно» [198]. Получив аудиенцию у Гинденбурга, посол попросил об отставке, сославшись на то, что не был информирован по всем вопросам, связанным с западным пактом. Но рейхспрезидент отговорил Ранцау, подчеркнув, что этот шаг будет расценен Советским правительством как намерение изменить германскую политику в отношении СССР [199].

После заключения Локарнских соглашений, в результате которых Германия становилась участником западного пакта, обеспокоенность советских руководителей по поводу дальнейшего хода советско-германских отношений была вполне объяснимой и основательной. 7 ноября в беседе с рейхсканцлером Лютером в Берлине Г. В. Чичерин указал на недостаточность германской оговорки к шестнадцатой статье Устава Лиги в том виде, в каком она фиксировалась в ноте, приложенной к локарнским соглашениям: там не говорилось, что Германия не должна участвовать в санкциях, а определялась степень ее участия. Советский нарком подчеркнул также, что по вопросу о пропуске войск через территорию Германии для эк-

---

[195] *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 188; Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— См. *Ахтамзян А.* Указ. соч., 179.

[196] *Helbig H.* Op. cit.— In: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. II; *Hilger G.* Op. cit., S. 137.

[197] Локарнская конференция 1925 г. М., 1959, с. 499.

[198] Там же, с. 501.

[199] Там же, с. 502, 505, 506.

зекуций Совет Лиги, возглавляемый Англией, «может уполномочить другие государства пробить себе дорогу силой через Германию» [200].

21 ноября, по окончании берлинских переговоров наркома иностранных дел СССР, правительству Германии был вручен новый, уточненный текст проекта советско-германского политического соглашения с учетом уже данного Германией согласия на вступление в Лигу наций [201]. Одновременно советская сторона отвергла распространявшиеся английской и германской прессой слухи об изменении позиции СССР по отношению к Лиге наций,— что Советский Союз теперь якобы готов войти в нее [202]. В состоявшейся тогда же беседе с советским полпредом в Берлине Шуберт прямо заявил: «Вы понимаете, что сейчас, вступая в Лигу наций, мы не сможем немедленно заключить такой договор, который противоречил бы статуту Лиги наций и который Лига наций отказалась бы зарегистрировать» [203]. «Штреземан явно оттягивает переговоры и заключение соглашения,— телеграфирует М. М. Литвинов полпреду СССР в Германии 23 ноября 1925 г.,— до получения в Лондоне благословения Бриана и Чемберлена» [204].

В связи с новым советским проектом договора германский МИД приступил к выработке формулировки, которая «смягчила» бы этот проект. На совещании у рейхсканцлера Лютера с участием Дирксена, Вальрота, Гауса и Шуберта последний заявил, что представленный проект является «более резкой формулировкой», по сравнению с июльской преамбулой, и посоветовал отклонить его. Однако для всех было очевидно одно: необходимо выработать определенную линию в вопросе о советско-германском договоре до отъезда рейхсканцлера в Лондон для подписания Локарнского пакта. После взвешивания разного рода вариантов Дирксен высказался за обязательное предложение Советскому Союзу какого-либо из них; иначе, по его мнению, Локарно можно считать лишь «наполовину успешным». Лютер согласился с тем, чтобы

---

[200] ДВП, т. VIII, с. 657, 658.
[201] Там же, с. 674—675.
[202] Там же, с. 687—688.
[203] Там же, с. 680.
[204] Там же, с. 678.

советскому послу сказали, что в данное время не может быть дано определенного ответа из-за болезни Штреземана, к которому нельзя попасть [205].

Находясь в Лондоне, Шуберт (в беседе с У. Тирреллом) подчеркивал, что ввиду «тесной близости» Германии и СССР германскому правительству приходится быть «очень осторожным в своем отношении к России». Однако оно надеется, что подобное отношение не будет ложно понято западными державами. Германия, по словам Шуберта, хочет относиться к России «справедливо и корректно», отчасти для того, чтобы «не дать пищи немецким коммунистам в их русской пропаганде», а отчасти потому, что не хочет антагонистических отношений с таким могущественным соседом [206].

Германские руководящие деятели, подписав в Лондоне Локарнские соглашения и пообещав в ближайшее время подать апелляцию о вступлении в Лигу наций, в свою очередь стремились теперь получить максимум уступок со стороны Англии и Франции. В этом и состояла главная причина отказа правительства Германии заключить в то время договор о нейтралитете с Советским Союзом. Самое большее, на что оно могло пойти,— это вариант преамбулы, не связывающий Германию определенными обязательствами, который, по выражению К. Розенбаума, не склонил бы «чашу весов определенно в сторону Востока» [207].

Эта позиция германских руководящих деятелей со всей очевидностью выявилась по их возвращении из Лондона во время обсуждения последнего советского проекта договора, когда они высказали опасение по поводу несовместимости договора с обязательствами Германии как будущего члена Лиги наций [208]. Советский посол, напротив, полагал, что участие Германии в гарантийном пакте держав и ее согласие на вступление в Лигу наций создали такую обстановку, когда необходимость договора о безопасности между Германией и СССР становится еще более настоятельной. В связи с отъездом в Москву посол просил уточнить, согласно ли германское правительство в принципе на формулировку о нейтралитете. Штре-

---

[205] AA.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 191.
[206] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 187—188.
[207] *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 199.
[208] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, Göttingen, 1967, S. 14, 15.

земан уклонился от определенного ответа, аргументируя тем, что переговоры о гарантийном пакте заняли продолжительное время и было бы неразумно спешить с германо-советским договором. Но после того как посол СССР отметил, что переговоры между СССР и Германией длятся уже в течение года, германский министр иностранных дел ответил, что он в принципе за договор, но предпочел бы подождать сформирования нового кабинета [209] (кризис, начавшийся отставкой кабинета 5 декабря, не был разрешен до образования второго правительства Лютера 14 января 1926 г.).

Во время беседы наркома иностранных дел СССР с германскими деятелями в Берлине (19—22 декабря) [210] они вновь ссылались на невозможность в данный момент заключить с Советским Союзом договор ввиду того, что правительство вышло в отставку. Штреземан, по свидетельству Г. В. Чичерина, «приводил обычные аргументы, что разоруженная Германия не может в договорах говорить о войне и поэтому не может говорить о нейтралитете» [211]. Германская сторона составила новый проект протокола о политическом соглашении с Советским Союзом, датированный 21 декабря [212]. Однако, хотя следующая беседа Штреземана с Г. В. Чичериным состоялась на следующий день, этот проект еще не был представлен советским представителям. В тот же день, 22 декабря, германский министр иностранных дел беседовал с советником французского посольства в Берлине, которого он поставил в известность о содержании своей беседы с Г. В. Чичериным [213].

Германский проект протокола обсуждался 24 декабря у рейхсканцлера Лютера [214]. «Штреземан и его сотрудники,— пишет в связи с этим К. Розенбаум,— решили в тот момент избежать заключения договора путем представления Советскому Союзу протокола, включавшего в себя целый ряд советских предложений, но не содержавшего связывающего (Германию.— *С. Н.*) договорного обязательства» [215]. Было решено выяснить дополнительно

[209] Ibid., S. 22.
[210] ДВП, т. VIII, с. 746—751; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 38—45, 51—56.
[211] ДВП, т. VIII, с. 750.
[212] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 48—51.
[213] Ibid., S. 57—58.
[214] Ibid., S. 59—61.
[215] *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 196.

мнение трех министров по поводу протокола, после чего передать его Г. В. Чичерину [216].

30 декабря германская сторона вручила свой проект соглашения [217]. В письме на имя Г. В. Чичерина (от 29 декабря), приложенном к проекту соглашения, Штреземан отмечал, что это — еще не официальное предложение, а соображения «для частной информации» [218]. Отвечая Штреземану (12 января 1926 г.), советский нарком (также в неофициальном порядке) прежде всего подчеркнул, что германо-советскому договору не следует придавать форму протокола: протокол должен скорее дополнять и разъяснять заключаемый договор. Текст предложенного протокола, по мнению Г. В. Чичерина, недостаточно точен и не содержит никаких обязательств. Изложив свои замечания, советский нарком указал на желательность скорейшего достижения договоренности по данному вопросу [219].

Серьезное беспокойство в связи с задержкой в переговорах Г. В. Чичерин выразил в беседе с германским послом в Москве (1 февраля). «Он (Г. В. Чичерин.— *С. Н.*) не оперировал пустыми угрозами,— писал Брокдорф-Ранцау в Берлин, передавая содержание этой беседы.— Это в высшей степени было ему чуждо; но благоприятное решение данного вопроса... имело бы для него огромное значение для определения будущего германо-русских отношений» [220].

Тактика затягивания переговоров о договоре с Советским Союзом, в процессе которых делались бесконечные попытки вынудить советскую сторону согласиться с германским вариантом протокола, лишний раз свидетельствовала о двойственной позиции правительства Германии. Понимая выгоды советско-германского политического договора, оно одновременно не хотело обострять отношения с западными державами накануне мартовской сессии Лиги наций. А донесения послов Германии из Парижа и Лондона свидетельствовали о возможности такого обострения. Так, германский посол в Париже Геш считал «опасным»

---

[216] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 60, 61.
[217] Ibid., S. 74—76; ДВП, т. VIII, с. 759.
[218] ДВП, т. VIII, с. 746—751; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 65—66.
[219] ДВП, т. IX, с. 21, 22; ADAP, Ser. B, Bd. II/1. S. 102, 103.
[220] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 159.

обещать Советскому Союзу определенные гарантии по поводу интерпретации статьи 16 Устава Лиги наций. Локарнский договор, считал посол, не нуждается в «уравновешивании» путем заключения договора с Советской страной, правительство которой намеревается «помешать основанным на доверии отношениям», начавшимся между Германией и западными державами, и возбудить у последних недоверие к Германии [221]. Ответное письмо Шуберта [222] (от 20 января) не рассеяло сомнений Геша. 23 января он вновь обратился с письмом в германский МИД, предлагая пойти навстречу советской стороне в том, что касается формы предполагаемого соглашения (протокола), но взамен сделать некоторые ограничения по содержанию [223].

Аналогичные опасения относительно предполагаемого договора с Советским Союзом были высказаны германскими представителями в Англии. В письме от 20 января советник посольства Германии в Лондоне Дюфур-Феронсе выражал серьезное беспокойство по поводу новой редакции протокола, который может рассматриваться как соглашение о нейтралитете, а потому не получит одобрения английского правительства [224]. Германский посол в Лондоне Штамер (в письме от 23 января) отметил, что, когда в Англии у власти консервативное правительство, надо «учитывать» его антибольшевистскую политику, и подчеркнул: заключение договора о нейтралитете с Советским Союзом опять оживило бы «рапалльскую шумиху» и угрожало бы тем «симпатиям», которые Германии удалось завоевать в Локарно [225].

Учитывая отрицательное отношение западных держав к формулировке о нейтралитете в планируемом советско-германском договоре, руководящие деятели Германии в переговорах с представителями СССР продолжали настаивать на своем предложении о протоколе. 1 февраля в беседе с советским полпредом в Берлине Шуберт вновь подчеркнул, что именно протокол, по мнению германской стороны, лучшее из возможных решений, тогда как до-

---

[221] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 81—84.
[222] Ibid., S. 120—126.
[223] Ibid., S. 138—141.
[224] Ibid., S. 126—128.
[225] Ibid., S. 136—138.

говор о нейтралитете, аналогичный советско-турецкому, для нее невозможен. Различие между ними состоит в том, что в последнем предусматривается нейтралитет, отказ от агрессии, неучастие в союзах против другой стороны. В протоколе же — лишь отказ от участия в финансовых и экономических соглашениях, направленных против одной из сторон. Советский представитель вновь подчеркнул, что этот вариант протокола не удовлетворителен с точки зрения правительства СССР [226].

Таким образом, германские руководящие деятели оказались вынужденными считаться с отказом представителей СССР идти на какие-бы то ни было уступки принципиального характера в вопросе о содержании политического договора. Одновременно правительство Германии не могло не учитывать и те отрицательные моменты, которыми было чревато дальнейшее затягивание переговоров с Советским Союзом. Так, Дирксен, принимавший большое участие в составлении проекта протокола, высказывал опасения в связи с «растущей активностью» в советско-французских отношениях в противоположность «прохладным» германо-русским отношениям. Он настаивал на скорейшем «прояснении» политических отношений Германии с Советским Союзом, поскольку отношения между обеими странами были, по его мнению, «все равно что мертвыми» [227].

И действительно, переговоры как будто остановились на точке замерзания. Так продолжалось до 20-х чисел февраля 1926 г. 11 февраля, перед предстоящим обменом ратификационными грамотами советско-германского торгового договора, посол СССР в Берлине поинтересовался у Шуберта, когда предполагается возобновить переговоры о политическом договоре с Советским Союзом [228]. Не получив определенного ответа, он через восемь дней повторил тот же вопрос Штреземану. Последний ответил, что достигнута договоренность о новой формулировке, и можно будет через несколько дней возобновить переговоры [229].

24 февраля германский министр иностранных дел на заседании кабинета потребовал предоставления ему полномочий для заключения договора с Советским Сою-

[226] AA.— In: *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 203.
[227] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 143—145.
[228] Ibid., S. 171.
[229] Ibid., S. 175.

зом [230], а на следующий день Шуберт вручил советскому полпреду в Берлине германские проекты договора и протокола к нему [231]. Тогда же состоялась беседа между германскими и советскими официальными лицами, во время которой статс-секретарь изложил содержание представленных документов. Советский посол отметил, что проект аналогичен прежнему протоколу [232], и вряд ли в Москве эти тексты будут признаны удовлетворительными [233]. Полпред СССР сообщил в Москву, что на основании своих многократных бесед с германскими руководящими деятелями он пришел к убеждению, что «теперешнее немецкое предложение представляет их последнее слово». Он полагал, что, возможно, германская сторона и примет еще некоторые несущественные поправки советской стороны, но в основном вопросе — о нейтралитете — на бóльшие уступки не пойдет. Вместе с тем полпред считал, что с политической точки зрения следует все же заключить новый договор в развитие линии Рапалло [234]. Советская сторона выразила пожелание подписать договор до отъезда германской делегации на мартовскую сессию Совета Лиги наций, где должен был решаться вопрос о приеме Германии, и предложила некоторые поправки к германскому проекту [235].

Однако правительство Германии сочло более целесообразным не подписывать политического соглашения с Советским Союзом до мартовской сессии. В инструктивном письме Брокдорфу-Ранцау по этому поводу (26 февраля) Штреземан подчеркивал, что «договор (с Советским Союзом.— *С. Н.*) может быть подписан лишь тогда, когда предстоящее заседание Лиги наций в Женеве вынесет окончательное решение о нашем вхождении или невхождении». Заключение договора до мартовской сессии вызвало бы, считал Штреземан, «предубеждение» у Запада [236].

В беседе с Ранцау 18 марта Литвинов поинтересовался, как отразится неудача с приемом в Лигу на судьбе со-

---

[230] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 22.
[231] См. ДВП, т. IX, с. 130, 137—139; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 179—182.
[232] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 183—186.
[233] См. ДВП, т. IX, с. 130.
[234] Там же, с. 131, 132.
[235] Там же, с. 148—149.
[236] ИДА, ф. 90, д. 37, л. 381, 382; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 186—188; *Ruge W.* Op. cit., S. 843.

ветско-германского договора, «считает ли Штреземан целесообразным — в качестве ответа на женевскую пощечину — немедленно подписать соглашение со всеми нашими поправками или же он теперь будет бояться больше прежнего раздражать Чемберлена» [237]. На это германский посол ответил, что опубликование советско-германского договора будет расценено как вызов Англии и Франции, на что вряд ли сможет пойти германское правительство в обстановке, когда еще не решен вопрос о приеме Германии в Лигу наций [238].

И в дальнейшем, вплоть до самого момента подписания договора с Советским Союзом, германские представители проводили тактику затягивания переговоров. В беседе с советским полпредом 25 марта Штреземан уклонился от прямого ответа по поводу поправок советской стороны к проекту договора [239]. Главной причиной этого являлось, как говорилось в письме министра иностранных дел Брокдорфу-Ранцау 27 марта, прежнее опасение германского правительства, что советский проект договора свяжет Германию «безусловным нейтралитетом». Штреземан предлагал пока лишь парафировать договор, а формальное подписание отложить до тех пор, пока Германия не станет членом Лиги наций [240]. То же самое наблюдалось и во время следующего советско-германского обсуждения проекта, 30 марта [241].

Однако советская сторона не шла и не могла идти на уступки в таком вопросе, как включение в текст договора германской стороной оговорки о нейтралитете Германии в случае «неспровоцированного нападения». Г. В. Чичерин в беседе с Брокдорфом-Ранцау 7 апреля, несмотря на заявление посла, что германская сторона не пойдет далее навстречу в вопросе о формулировках, настаивал на предлагаемых советской стороной изменениях [242].

Вопрос о так называемом безусловном нейтралитете имел для советской стороны принципиальное значение. Правительство СССР не могло согласиться, чтобы, как

---

[237] ДВП, т. IX, с. 166.
[238] Там же.
[239] См. там же, с. 174; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 229—232.
[240] AA.— In: *Carr E.-H.* Op. cit., p. 436; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 235—237.
[241] ДВП, т. IX, с. 192—193.
[242] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 317.

предлагала германская сторона, в статье 2 договора была бы оговорка для Германии на случай провокации. «Для нас,— писал полпред СССР в Германии на имя замнаркома (13 апреля),— этот вопрос имеет не только тактическое значение. Пресса Антанты обвиняет нас в красном империализме, подготовке войны. О том же говорят часто и государственные деятели Антанты. Если в нашем договоре с Германией будет оговорка о провокации, то наши враги смогут сказать, что даже дружественная нам Германия вынуждена считаться с возможностью военной провокации с нашей стороны» [243]. Советские руководители считали приложенную к локарнским соглашениям ноту, в которой оговаривалось участие Германии в санкциях по статье 16, ненадежной гарантией, поскольку международный суд в Гааге всегда смог бы истолковать эту оговорку против СССР [244].

13 апреля М. М. Литвинов заявил германскому послу в Москве, что советская сторона считает нецелесообразным дальнейшее затягивание переговоров в связи с отклонением германскими представителями советской поправки по второму пункту договора (о возможности в случае провокации нападения СССР на Германию) [245]. Информировать западные державы о советско-германских переговорах о договоре советские руководящие деятели считали преждевременным. Об этом М. М. Литвинов заявил германскому послу 16 апреля. Заместитель наркома вновь подчеркнул в этой беседе, что правительство СССР считает необходимым изъять из текста договора германскую оговорку о «неспровоцированном нападении» [246].

Аргументация советской стороны относительно данной оговорки была подробно изложена полпредом СССР в беседе с Шубертом и сопровождавшими его официальными лицами 19 апреля. Германское правительство, выдвигая свою оговорку, ссылалось на союзные договоры, предусматривающие военную помощь в случае именно неспровоцированных нападений. Другое дело, когда речь идет лишь о нейтралитете. В качестве примера приводился советско-чехословацкий договор о нейтралитете 1922 г.

---

[243] ДВП, т. IX, с. 224.
[244] См. там же; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 323.
[245] См. ДВП, т. IX, с. 215—216; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 342—343.
[246] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 355—358.

«Раз Чехословакия могла себе позволить заключить с нами договор о нейтралитете,— говорилось в докладе полпреда СССР в НКИД,— и четыре года не представлять его на регистрацию в Лигу наций, то тем более это допустимо для Германии, роль которой в Лиге наций будет, несомненно, более значительной» [247]. Советская сторона и так пошла на серьезные уступки Германии, согласившись, чтобы в договоре говорилось не о неограниченном нейтралитете, а лишь о взаимном нейтралитете на случай нападения. Кроме того, было выражено согласие на третейское и примирительное разбирательства. Однако, как подчеркивал советский полпред в беседе с германскими представителями, правительство СССР никогда бы не допустило, чтобы в договоре говорилось о возможном провоцировании Советским Союзом нападения какой-либо страны [248].

В состоявшейся вслед за предыдущей беседой встрече посла СССР со Штреземаном последний подчеркнул, что, зная мнение канцлера и других членов правительства, он не надеется, что советская поправка может быть принята германским кабинетом [249]. Материалы неопубликованного архива Штреземана (Nachlass), по утверждению изучавшего их Г. Гацке, также свидетельствуют, что правительство Германии до последних дней затягивало подписание договора. «Штреземан,— пишет он,— придерживался мнения, что завоеванная Германией независимость от статьи 16 делает особый договор с Россией излишним и потому, что никогда нельзя знать, как будут реагировать западные державы на подобный договор» [250].

Лишь 21 апреля германское правительство пошло на компромисс: в новой редакции статьи 2 договора отвергнутая советской стороной формулировка «неспровоцированное нападение» заменялась другой [251]. И, наконец, 24 апреля 1926 г. был подписан договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией (Берлинский

---

[247] ДВП, т. IX, с. 238.
[248] Там же, с. 238, 239.
[249] См. там же, с. 244; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 379—380.
[250] *Gatzke H. W.* Op. cit.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 22.
[251] ДВП, т. IX, с. 247; ADAP, Ser. B, Bd. II/1. S. 383. Формулировку о «неспровоцированном нападении» изменили так: «Если одна из договаривающихся сторон, *несмотря на миролюбивый образ действий*» (выделенное нами заменяло прежний текст.— *С. Н.*).

договор) [252]. В статье 1 указывалось, что основой взаимоотношений между Германией и Советским Союзом остается Рапалльский договор и что обе страны будут поддерживать дружественный контакт с целью согласования всех вопросов. Статья 2 обязывала каждую договаривающуюся сторону соблюдать дружественный нейтралитет в случае, если другая договаривающаяся сторона подвергнется нападению третьей державы или группы держав. Статья 3 предусматривала, что, если между державами будет образована коалиция с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, другая сторона к такой коалиции примыкать не будет. Важное значение при заключении договора имел обмен нотами по вопросу о позиции Германии в Лиге наций. Вопрос об участии Германии в санкциях, предусмотренных статьями 16 и 17 Устава Лиги, надлежало решать самой Германии, а не Лиге наций.

Берлинский договор развивал и дополнял Рапалльский договор. Он не был военным союзом и не содержал, как и Рапалльский договор, никаких секретных статей, о которых немало писали в буржуазной прессе того времени, да и теперь пишут некоторые буржуазные историки на Западе. По поводу подобных заявлений относительно Рапалльского договора заместитель председателя советской делегации на Генуэзской конференции Г. В. Чичерин писал председателю делегации Франции Барту 29 апреля 1922 г.: «Российская делегация заявляет самым категорическим образом, что Рапалльский договор не содержит в себе ни одной секретной статьи, военной или политической, и не сопровождается никакой подобного рода статьей и что Российское Правительство не принимает участия ни в каком акте, действие которого направлено против интересов французской или какой-либо другой нации» [253].

По поводу советско-германского договора 1926 г. член коллегии НКИД СССР Ф. А. Ротштейн писал в телеграмме послу СССР в Польше П. Л. Войкову накануне его подписания: «Нужно указать — это не союз, и договор (советско-германский.— *С. Н.*) не направлен против третьих держав, он является *лишь обеспечением безопасности.* Это сейчас наш типовой договор, который мы предлагаем прибалтийским странам и отдельно от них Польше; мы

[252] ДВП, т. IX, с. 250—254.
[253] ДВП, т. V, с. 278—279.

также готовы заключить подобный договор со всеми другими странами» [254] (выделено нами.— *С. Н.*).

Мы располагаем теперь и свидетельствами самой германской стороны об отсутствии военного союза между Германией и СССР. В письме Брокдорфу-Ранцау (19 марта 1925 г.) Штреземан прямо указывал, что «открытый или секретный германо-русский военный союз... не может входить в наши политические расчеты на ближайшее будущее» [255]. И в неопубликованном архиве Штреземана, по свидетельству Г. Гацке, нет подтверждений распространившемуся в буржуазной печати и впоследствии в литературе мнению о якобы существовавших секретных статьях Берлинского договора 1926 г.[256] В первой беседе с избранным тогда германским президентом Гинденбургом 19 мая 1925 г. Штреземан подтвердил, что у Германии нет союза с Россией, который выходил бы за рамки Рапалльского договора [257]. Аналогичное свидетельство мы находим и у Брокдорфа-Ранцау. «После того как с германской стороны перед переговорами в Локарно, а также во время них постоянно весьма настойчиво подчеркивалось, что никаких секретных соглашений с Советским правительством не имеется,— писал он 7 ноября 1925 г.,— в настоящее время правильность этого заявления торжественно подтверждается нашим вступлением в Лигу наций» [258].

Советско-германский договор о ненападении и нейтралитете стал большой победой проводившейся правительством СССР и Коммунистической партией политики мира, значение которой в существовавшей международной обстановке трудно переоценить. В телеграмме министру иностранных дел Германии 25 апреля 1926 г. в связи с успешным завершением советско-германских переговоров Г. В. Чичерин писал: «Мы рассматриваем наш договор как инструмент мира, который должен способствовать укреплению мира во всем мире. Дух Рапалло продолжает жить в этом договоре и оказывает благотворное влияние на общую обстановку» [259].

---

[254] ДВП, т. IX, с. 249.
[255] Локарнская конференция 1925 г., с. 73.
[256] *Gatzke H. W.* Op. cit.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 29.
[257] *Thimme A.* Gustav Stresemann, S. 73.
[258] Локарнская конференция 1925 г., с. 501.
[259] ДВП, т. IX, с. 254—255.

Советско-германские договоры 1925 г. и 1926 г. послужили серьезным препятствием проведению правящими кругами западных держав антисоветской политики единого фронта. Договоры в значительной степени притупляли антисоветское острие локарнской системы.

Берлинский договор, который в Германии был гораздо более популярным, чем Локарнский пакт, вызвал серьезное беспокойство и разочарование в лагере западных держав [260]. Об этом свидетельствовали донесения германских дипломатических представителей из Лондона и Парижа, уже упомянутые выше. «Доминирующей проблемой в следующем году,— писал бельгийский посол во Франции де Гэфье (25 сентября 1925 г.),— станет прояснение вопроса, останется ли Германия верной России или повернется лицом к Западу» [261]. Особое беспокойство проявлял английский посол в Берлине д'Абернон. В его письме от 5 февраля 1926 г., адресованном Чемберлену, подчеркивалось, что окончательное намерение Германии вступить в Лигу наций является «фактом неоценимой важности для будущего Европы. Это будет решающим обстоятельством в том, что касается опасности германо-русской комбинации» [262].

После неудачного для Германии завершения мартовской сессии Лиги наций, на которой не состоялся прием Германии в эту организацию, в германском МИД была выработана словесная инструкция для информации Англии, Франции и других держав по поводу германо-советских переговоров о новом договоре. Автором ее был Дирксен [263].

Тактика германского правительства была теперь иной, чем после Рапалло: тогда ничего не предпринималось, чтобы противодействовать разного рода догадкам и предположениям о действительном содержании договора. Теперь всем германским представителям в европейских столицах, за исключением Люксембурга, Португалии, Албании, Данцига и Мемеля, были посланы копии договора и инструкции об его разъяснении после опубликования. Рекомендовалось подчеркивать, что этот договор служит

---

[260] *Stresemann G.* Nachlass.— VfZ, 1956, Hf. 1, Januar, S. 24.
[261] DDB, vol. 2, N 109, 1925—1931. Bruxelles (1964), p. 225.
[262] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 402.
[263] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 226—227.

дополнением, но отнюдь не изменением локарнских соглашений, и не связан с отказом в приеме Германии в Лигу наций. Германским представителям советовали ни преувеличивать значение договора как означающего «тесную политическую связь» между Берлином и Москвой, ни преуменьшать его ценности, изображая его в виде «бессодержательной и пустой формулы». Следовало придерживаться средней линии между этими двумя крайностями [264].

Еще до окончания переговоров с Советским Союзом о заключении нового политического договора, германское правительство посвятило правительства западных держав в ход этих переговоров. Это имело целью подготовить руководящие круги Запада к предстоящему подписанию советско-германского договора, заверить их в том, что он не противоречит обязательствам Германии по Локарнскому пакту. В какой-то степени эта тактика была успешной.

31 марта 1926 г. статс-секретарь Шуберт сообщил д'Абернону «совершенно секретные и конфиденциальные сведения о ходе советско-германских переговоров о политическом договоре» [265], дав ему суммарное изложение его содержания. Германский представитель предупредил посла, что пока по данному вопросу никакой другой державе не было ничего сообщено. Шуберт, сказал, что окончательное соглашение еще не достигнуто, так как имеются некоторые дискуссионные пункты. Германский МИД, по его словам, имел в виду подождать с заключением договора до вынесения решения о приеме Германии в Лигу наций на следующей сессии Совета, но убедился, что это может привести к разрыву с Советским Союзом, чем Германия не хочет рисковать. Статс-секретарь заверил английского посла, что германское правительство не подпишет ничего противоречащего Уставу Лиги наций или обязательствам Германии по Локарнскому договору [266].

Д'Абернон заявил Шуберту, что подписание подобного договора может произвести неблагоприятное впечатление в Европе и рассматриваться как отход от политики Локарно. Опасность подобной интерпретации усугубляется, если учесть последние события в Женеве; договор Гер-

---

[264] *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 213.
[265] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 565, 566.
[266] Ibid., p. 567; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 249—252.

мании с Советским Союзом смогут истолковать как ответ на поражение Германии в вопросе о приеме ее в Лигу наций. Статс-секретарь согласился с этим, однако возразил, что в данном случае здесь вина не германского правительства, которое готово было вступить в Лигу [267].

Вслед за этим д'Абернон, сообщив все вышеизложенное английскому министру иностранных дел, вручил через несколько дней на Вильгельмштрассе ответный меморандум Чемберлена (датированный 7 апреля). Посол при этом специально отметил «спокойную и великодушную» позицию министра иностранных дел Англии [268], который, поблагодарив Штреземана за информацию о «сущности» предполагаемого советско-германского договора, выразил надежду на соответствие договора Уставу Лиги наций. Вместе с тем меморандум Чемберлена предостерегал германское правительство относительно комментирования или интерпретации в договоре обязательств Германии по статьям 16 и 17 Устава Лиги. Штреземан, подчеркивалось в меморандуме, не должен забывать, что требование германским правительством безусловного нейтралитета для Германии было категорически отклонено западными державами в Локарно «как несоответствующее Уставу». Шуберт заверил д'Абернона, что высказанные опасения не имеют оснований: в договоре не будет комментария по поводу письма о степени участия Германии в санкциях Лиги наций, приложенного к Локарнскому договору [269]. Судя по реакции английской стороны, она считала, что в данной ситуации была бы ошибочной «всякая прямая попытка препятствовать советско-германскому договору: следовало воспринимать его как «свершившийся факт» («fait accompli»), продолжая поощрять Германию смотреть «на Запад, а не на Восток» [270], демонстрировать германскому правительству надежность «локарнского убежища», в котором оно может «укрыться» и в тесном взаимодействии с Западом добиваться приема в Лигу наций.

Эта тактика английского правительства была изложена Чемберленом в письме послу в Париже лорду Крю (10 апреля). Есть два возможных варианта, писал ми-

[267] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 567; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 252, 253.
[268] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 255.
[269] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 295, 296; DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 576, 577, 588.
[270] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 568.

нистр иностранных дел. Первый — оказать на Берлин давление, с тем чтобы воспрепятствовать подписанию договора, и второй — «faire bonne mina à mauvais jeu» [271]. Если следовать первому варианту, считал Чемберлен, то почти наверняка не удастся помешать подписанию договора. Если же правительства Англии и Франции воспримут договор как «свершившийся факт» и станет известно, что они удовлетворены заверениями Берлина по поводу характера советско-германского договора, тогда, по словам английского министра, Берлину будет легче осознать, что его интересам в большей степени «отвечает сотрудничество с Западом, чем с Востоком» [272].

Когда в английской газете «Таймс» 14 апреля появилось сообщение, что германское правительство информировало Англию и Францию о предстоящем подписании договора с Советским Союзом, называя его «договором перестраховки», который «никоим образом не противоречит духу и букве Локарнского договора» [273], это вызвало большое неудовольствие в германских руководящих кругах. Статс-секретарь Шуберт в тот же день заявил об этом английскому поверенному в делах Инграму, отметив, что подобная откровенность может серьезно затруднить еще не закончившиеся германо-советские переговоры о договоре. Поверенный в делах выразил сожаление по этому поводу и обещал попросить разъяснений у Форин оффис [274].

В состоявшейся вслед за этим (16 апреля) беседе с Чемберленом германский посол в Лондоне Штамер подчеркнул, что Берлин оказался в крайне неудобном положении в связи с преждевременным опубликованием сведений о переговорах в английской прессе, так как имеется договоренность с правительством СССР сохранять секретность ведущихся переговоров. Поскольку советская сторона соблюдает это обязательство, германскому правительству может быть придется пойти на уступки СССР [275].

Обеспокоенное преждевременно появившимися сооб-

---

[271] «Сделать хорошую мину при плохой игре» (*франц.*).
[272] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 595, 596
[273] «Times», 14.IV 1926.
[274] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 331, 332.
[275] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 626.

щениями за границей правительство Германии сочло необходимым проинструктировать представителей германской прессы. На состоявшейся пресс-конференции в рейхсканцелярии (14 апреля) Шуберт заявил, что предполагаемый советско-германский договор не содержит ничего противоречащего условиям локарнских соглашений. Канцлер Лютер, выступая на пресс-конференции, попросил корреспондентов, с одной стороны, не писать о советско-германском договоре как о союзе, поскольку это произведет отрицательное впечатление на англосаксонские державы. С другой стороны, не следует, по словам канцлера, трактовать данный договор как носящий второстепенный характер. Можно указать, что Германия не намеревается делать «выбор между Востоком и Западом» [276]. На следующий день в немецкой печати появилась заметка, где специально подчеркивалось: «Нет ни одного пункта в этих переговорах (советско-германских.— *С. Н*), о котором локарнские государства не были бы лояльно информированы» [277].

Как мы уже видели, внешне реакция английских руководящих кругов на предполагаемый советско-германский договор была сдержанной и спокойной. На самом же деле английские руководящие деятели прекрасно отдавали себе отчет в явно антилокарнской направленности предполагаемого советско-германского договора. «Теперь, когда Германия все еще находится вне Лиги наций, полагают, что подписание договора о нейтралитете с Россией слишком склонит чашу весов в сторону Востока..,— записывал в дневнике д'Абернон 22 марта.— То, что произошло однажды, может повториться вновь. Германия имеет обыкновение, разочаровавшись в Западе, искать утешения и помощи на Востоке» [278]. Однако в беседах с германскими руководителями, как уже говорилось выше, английские государственные деятели занимали гораздо более лояльную позицию, стремясь не ухудшать и без того не блестящие отношения между Англией и Германией после мартовской сессии Лиги наций. Буквально накануне подписания советско-германского договора о нейтра-

---

[276] *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 216.
[277] «Vossische Zeitung», 15.IV 1926.
[278] *D'Abernon Viscount.* Op. cit., Bd. III, S. 279, 280.

литете (22 апреля 1926 г.) в беседе с послом Германии в Лондоне Штамером английские руководящие деятели, неодобрительно высказавшись по поводу «сближения» между Германией и СССР, подчеркивали, что заключение в скором времени советско-германского договора, «в то время как прием Германии в Лигу наций в сентябре еще стоит под вопросом, отсрочит вступление в силу Локарнского договора, безусловно рассчитанного на предотвращение сближения между Германией и Россией» [279].

Позиция французских руководящих кругов была иной. Особенно бурно на сообщение о предполагаемом договоре между Германией и СССР реагировала французская пресса.

Французское правительство было информировано о договоре в официальном порядке одновременно с английским. 1 апреля 1926 г. Шуберт направил германскому послу в Париже Гешу копию проектов советско-германского договора и обмена нотами. Возможно, писал статс-секретарь послу, заключение договора с Советским Союзом вскоре после неудачи Германии на сессии Лиги наций будут интерпретировать как соответствующую реакцию германского правительства. Это совершенно не соответствует действительности, так же как и интерпретация договора в качестве «эпохального или сенсационного политического события» [280]. Шуберт просил посла строго конфиденциально проинформировать лично Бриана или Бертело о развитии и состоянии германо-советских переговоров о договоре [281].

Последовавшее за этим сообщение Геша в Берлин свидетельствовало, что французские руководящие деятели отнеслись к сообщению о договоре с «серьезными опасениями». Генеральный секретарь МИД Франции Бертело заметил послу, что столь быстрое подписание договора вслед за мартовской сессией Лиги наций привлечет внимание и вызовет превратные толкования. Особое беспокойство вызывал у него вопрос о нейтралитете договора, а именно, не будет ли он препятствовать участию Германии в санкциях Лиги наций против СССР. Германский посол отрицал подобное толкование статьи 2,

---

[279] ADAP, Ser. B, Bd. II/2, Göttingen, 1967, S. 277 (прим. 7).
[280] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 255.
[281] Ibid., S. 258.

сделав акцент на слове «неспровоцированная» (агрессия) [282].

Аналогичные возражения против ряда пунктов предполагаемого советско-германского договора высказал в беседе с Шубертом французский посол в Берлине де Маржери 6 апреля [283]. Статс-секретарь всячески заверял посла, что у Франции нет оснований для беспокойства. Германского же посла в Париже он в тот же день проинструктировал относительно дальнейшего разъяснения характера договора с Советским Союзом. Бертело следовало указать, что его беспокойство основывается на недоразумении: договор не содержит признания Германией формулы «неограниченного нейтралитета» [284]. Шуберт высказывал также серьезное недовольство тем, что французская сторона вступила в переговоры по поводу советско-германского договора с английскими руководящими деятелями. Гешу поэтому предписывалось вновь напомнить французским руководителям о строго конфиденциальном характере германской информации [285].

Наиболее отрицательную реакцию предполагаемый договор вызвал у французского премьер-министра и министра иностранных дел Бриана. По свидетельству Бертело, он был крайне ошеломлен полученной информацией о советско-германском договоре, сравнив ее с «холодным душем», в отличие от самого генерального секретаря, который оценивал ситуацию не столь трагически. В беседах с германским послом Бриан говорил о нежелательности для французского правительства договора между Германией и СССР и просил по возможности оттянуть его подписание до роспуска французского парламента на летний период. До этого времени он постарается «успокоить общественное мнение» во Франции [286]. Вместе с тем в беседе с английским послом в Париже лордом Крю он согласился с последним, что протест со стороны Англии и Франции против подписания договора был бы неэффективным [287].

---

[282] ADAP. Ser. B, Bd. II/1, S. 266; DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 588, 589.
[283] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 270—271.
[284] Ibid., S. 275—277.
[285] Ibid., S. 278—279.
[286] Ibid., S. 285, 302, 387.
[287] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 606, 607.

Недовольство французского правительства в связи с советско-германским договором побудило Чемберлена (в беседе со Штамером 16 апреля) посоветовать германским руководителям найти предлог «для демонстрации их мирных и добрых намерений относительно Франции и Польши...» Однако германское правительство считало, что оно достаточно полно разъяснило существо своей политики по отношению к Востоку и по отношению к Западу и не считало нужным выдвигать особые доказательства в беседах с представителями Франции и тем более Польши [288].

Серьезные опасения в связи с советско-германским договором, расценив его как отход Германии от Запада и локарнской политики [289], высказали министры иностранных дел Чехословакии и Польши Э. Бенеш и А. Скшиньский. Скшиньский попросил польского посланника в Англии (12 апреля) довести до сведения Форин оффис, что, по мнению правительства Польши, предполагаемое соглашение усиливает Рапалльский договор, позволяя нечленам Лиги наций (СССР) по-своему интерпретировать обязательства, вытекающие из ее Устава [290]. В связи с этим предлагалось направить Германии коллективный меморандум по поводу советско-германского договора. Но поскольку это противоречило той тактике в вопросе о договоре, которая была намечена английским правительством, Чемберлен счел нужным отклонить предложение Польши о коллективном демарше Германии [291]. Встретившись с таким противодействием со стороны Англии, польский министр иностранных дел вынужден был отступить и дать указание представителям Польши за границей отрицать, что польское правительство имело когда-либо в виду предпринять коллективный демарш в Берлине с целью предотвратить заключение советско-германского договора. Согласно новой версии Скшиньского, Польша лишь стремилась «прояснить» положение дел и убедиться в том,

---

[288] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 628; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 307.
[289] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 617—618.
[290] Архив МИД Польши (далее — AMSZ).— In: *Riekhoff H. von.* German-Polish Relations, 1918—1933. Baltimore — London, 1971, p. 124.
[291] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 628—629.

что предполагаемый договор не нарушает Устава Лиги наций [292].

Аналогичную позицию в вопросе о советско-германском договоре занимало правительство Чехословакии. В беседе с германским посланником в Праге Кохом (17 апреля) министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш выразил сомнения по поводу «совместимости» предполагаемого советско-германского договора с Уставом Лиги наций [293]. Бенеш составил меморандум «об опасности для мира» в связи с предполагаемым договором [294] и необходимости решительного противодействия ему со стороны Англии, США и других держав [295]. Это вызвало возмущение руководящих деятелей Германии, которые расценили это заявление и меморандум Бенеша как вмешательство в переговоры между Германией и СССР и вообще во внутренние дела Германии. Штреземан в беседе с чехословацким посланником в Берлине попросил его поскорее связаться с Бенешем по вопросу о меморандуме [296]. Вместе с тем, как это явствует из архивных документов, меморандум Бенеша был составлен на основании просьбы того же Чемберлена, пожелавшего получить от чехословацкого министра изложение «более обстоятельно и подробно и в письменном виде» его «сомнения» по поводу договора между СССР и Германией. Об этом сообщил Шуберту посланник Чехословакии в Берлине Крофта (22 апреля) [297].

В тот же день Шуберт направил идентичные телеграммы в посольства Германии в Лондоне, Париже и Риме, а также в миссию Германии в Брюсселе. В них подчеркивалось, что, несмотря на результаты мартовской сессии Лиги наций для Германии, германское правительство «не нуждается ни в каких демаршах господина Бенеша» для напоминания об ответственности Германии перед Лигой наций. Шуберт советовал послам в их беседах «в осторожной форме» дать понять, что у германского

---

[292] AMSZ (телеграмма Скшиньского польским миссиям в Париже, Лондоне и Риме от 19 апреля 1926 г.) — In: *Riekhoff H. von.* Op. cit., p. 125.
[293] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 391, прим. 1.
[294] Ibid., S. 381—382.
[295] Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг., с. 199, 200.
[296] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 382.
[297] Ibid., S. 393.

правительства, к сожалению, складывается впечатление, что «Бенешу не было бы неприятно, если бы сорвалось наше вступление в Лигу наций и вхождение в силу локарнских договоров, и что он пытается также использовать наши переговоры с Советским правительством в этом смысле» [298].

Английский министр иностранных дел, видя, какой оборот приняло дело с меморандумом, дал указание послу в Праге Клерку оказать воздействие на Бенеша, чтобы тот отказался от демарша в связи с советско-германским договором [299]. «В вопросе о германо-русском соглашении,— записал в своем дневнике д'Абернон,— Чемберлен держится спокойно и разумно. *Он не одобряет этого шага Германии, но понимает, что оппозиция ему обострит зло, вместо того, чтобы смягчить его*» [300] (выделено нами.— *С. Н.*).

Создавалась полная иллюзия, что со стороны западных держав реальных возражений договору между Германией и СССР не последует, подтверждаемая к тому же соответственным отношением госдепартамента США. Получив информацию о договоре через германского посла Мальцана и американского посла в Берлине Шурмана (6 и 7 апреля 1926 г.) [301], госдепартамент воспринял эту новость «без всякого удивления», равно как и «с полным пониманием» [302].

Однако накануне подписания советско-германского договора д'Абернон заявил Шуберту, что, учитывая впечатление, которое произведет заключение договора, Германии следовало бы «продемонстрировать путем какого-либо сильного жеста» свою приверженность локарнской политике. Лучшим доказательством этого, по мнению английского посла, было бы заявление германского правительства, что оно при всех случаях обеспечит вступление в силу пакта о безопасности, независимо от вопроса о вхождении Германии в Лигу наций [303]. Подобное заявление д'Абернона свидетельствовало о крайне настороженном отношении к советско-германскому договору

---

[298] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 393.
[299] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 443.
[300] *D'Abernon Viscount.* Op. cit., Bd. III, S. 291.
[301] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 279, 280, 287.
[302] Ibid., S. 333.
[303] Ibid., S. 399, 400.

со стороны, в частности, Англии, несмотря на внешне спокойную реакцию.

Это подтвердилось и сразу же после подписания Берлинского договора о нейтралитете между Германией и СССР. В день его опубликования, 27 апреля, германский посол в Лондоне Штамер имел беседу с заведующим отделом Форин оффис М. Лэмпсоном, выразившим неудовольствие английской стороны по поводу текста и времени подписания договора. Лэмпсон, согласно записи германского посла, пытался также оспаривать такие «очевидные истины», как «невиновность» Германии в неудаче на мартовской сессии Лиги наций и «неоспоримое право» Берлина упорядочить отношения с Советским Союзом. Германия, по мнению английского представителя, значительно ухудшила политическое положение. В результате беседы у Штамера создалось впечатление, что правительство Англии «видит в новом договоре усиление позиции Германии, которое для него нежелательно» [304].

Чемберлен (в письме послу в Париже лорду Крю от 28 апреля) отметил, что не может еще дать окончательного заключения относительно советско-германского договора, так как не имел пока времени «для тщательного изучения его текста». Однако первым впечатлением английского министра было «разочарование»: в договоре, по его словам, нет «той ясности», какую можно было ожидать после заверений германских руководящих деятелей. Чемберлен подчеркнул, что договор вовсе не устраняет возникших в некоторых кругах подозрений; напротив, создается впечатление, что в нем уделено больше внимания тому, чтобы успокоить подозрения Советского правительства, чем партнеров Германии по Локарнскому пакту [305]. В тот же день английский министр дал указание д'Абернону информировать Штреземана о неблагоприятном первом впечатлении от текста Берлинского договора. Он предлагал германскому правительству сделать публичное заявление о своей приверженности политике Локарно и Лиге наций и о том, что договор не содержит ничего противоречащего этой политике [306].

---

[304] Ibid., S. 422.
[305] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 683, 684.
[306] Ibid., p. 686—689; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 444—445.

Выражая недовольство по поводу советско-германского договора, английское правительство тем не менее не было заинтересовано в отрицательной реакции на него других государств-участников локарнских соглашений. Поэтому в телеграмме послу в Праге Клерку (от 29 апреля) английский министр иностранных дел подчеркивал, что, хотя в тексте договора содержатся «неуклюжие формулировки», на самом деле в нем нет ничего, что было бы несовместимым с локарнской политикой и Уставом Лиги наций. Чемберлен выражал надежду, что правительство Чехословакии сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить «преждевременное или преувеличенное выражение» каких бы то ни было сомнений, которые могут возникнуть после ознакомления с текстом договора у общественного мнения или даже у самого правительства Чехословакии [307]. Одновременно в телеграмме д'Абернону в Берлин английский министр указывал, что содержание вышеупомянутой телеграммы Клерку вовсе не опровергает уже ранее высказанное им мнение о неудовлетворительном содержании советско-германского договора. Однако на данной стадии правительство Англии не считает нужным сообщать другим локарнским державам о своих опасениях [308].

В этой связи первостепенное значение имела позиция Франции. После подписания Берлинского договора, в беседе с германским послом Гешем (1 мая), генеральный секретарь МИД Франции Бертело подчеркнул, что хотя французское правительство «не намерено усложнять положение», но желало бы получить некоторые официальные разъяснения [309]. Чемберлен, зная об отрицательном отношении Бриана к советско-германскому договору, просил английского посла в Париже Крю воздействовать на него, с тем чтобы правительство Франции не предпринимало никаких сепаратных, не согласованных с Англией действий [310]. Сразу же вслед за этим Форин оффис получил ноту от французского посла в Лондоне Флерио с предложением после соответствующей договоренности между Францией, Англией, Бельгией и Италией попросить германское правительство дать некоторые разъясне-

[307] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 690.
[308] Ibidem.
[309] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 439.
[310] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 702—703.

ния в связи с советско-германским договором (3 мая) [311]. В тот же день английский министр иностранных дел направил в Париж, Брюссель, Рим, Прагу и Варшаву идентичные письма с изложением оценки Берлинского договора и заключением, что он не противоречит Локарнскому пакту и Уставу Лиги наций. Английские представители в этих государствах должны были довести это мнение до сведения правительств стран, где они аккредитованы, и предупредить их об «опасности» противодействия договору, что приведет к «еще большему сближению» между Германией и СССР [312].

Германскому послу в Лондоне Штамеру было заявлено английской стороной, что она не будет поощрять французское правительство в его желании потребовать от Германии разъяснений по поводу Берлинского договора [313].

Английский посол в Париже лорд Крю из беседы с Брианом (25 мая) выяснил, что хотя тот согласен с Чемберленом по поводу бесполезности и рискованности формального протеста против советско-германского договора, тем не менее считает необходимым получить официальное заявление Берлина о его намерениях в том, что касается статей 16 и 17 Устава Лиги наций. Французский министр иностранных дел хотел бы, по словам Крю, чтобы германское правительство сделало это добровольно, поскольку можно быть уверенным, что после принятия Германии в Лигу наций такого заявления от нее потребуют Польша, Чехословакия и Румыния. Вместе с тем Бриан признал, что некоторые разъяснения германских руководящих деятелей и главным образом интервью Штреземана от 1 мая значительно улучшили положение дел [314].

Действительно, германская сторона после подписания Берлинского договора вновь дала разъяснения и заверения в приверженности Западу. В беседе с д'Аберноном (30 апреля) Штреземан категорически отверг высказанное представителями западных держав сомнение в отходе от политики Локарно [315]. На следующий день немец-

[311] Ibid., p. 709—711.
[312] Ibid., p. 704—707.
[313] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 451.
[314] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 714.
[315] Ibid., p. 693; ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 437—438.

кая печать опубликовала интервью со Штреземаном по поводу советско-германского договора, рассчитанное на то, чтобы успокоить правительства западных держав [316].

Как мы видели из заявления Бриана лорду Крю, тактика германских руководящих деятелей была небезуспешной. Германский посол в Лондоне получил заверения Форин оффис, что опасения английского правительства устранены [317]. В ноте, переданной французскому послу в Лондоне (10 мая), Чемберлен, изложив точку зрения правительства Англии на отдельные пункты Берлинского договора, подчеркнул, что оно не считает договор несовместимым с Уставом Лиги наций. Министр иностранных дел выразил одобрение по поводу согласия Бриана относительно нежелательности посылать протест германскому правительству [318].

Вместе с тем нельзя было не учитывать недовольство и опасения, которые выражали руководящие круги Польши и Чехословакии в связи с подписанием Берлинского договора. Министр иностранных дел Польши Скшиньский (в беседе с английским послом в Варшаве) заявил, что, по его мнению, многие из государств — членов Лиги наций, прежде чем голосовать за прием Германии в Лигу, потребуют от германского правительства определенных заверений или во всяком случае убедительных объяснений относительно действительного значения Берлинского договора. «Скшиньский согласен с Вами,— писал посол Чемберлену,— что мы должны избегать действий, которые могут бросить Германию в объятия России...» При этом польский министр предлагал перед приемом Германии в Лигу потребовать от нее в той форме, в какой это будет «наиболее политично», категорических и удовлетворительных заверений касательно точного значения Берлинского договора и интерпретации германским правительством ноты по поводу статьи 16 Устава Лиги, приложенной к локарнским соглашениям [319].

Аналогичной позиции придерживался и министр иностранных дел Чехословакии Бенеш. В беседе с английским послом в Праге Клерком он, по свидетельству последнего, в общем согласился с принятым другими дер-

[316] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 703.
[317] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 450.
[318] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 741—743.
[319] Ibid., p. 722.

жавами курсом политики по отношению к Берлинскому договору, однако выразил неодобрение в связи с «русской» политикой правительства Германии [320].

Высказанное руководящими деятелями ряда государств требование о «добровольном заявлении» германского правительства по поводу интерпретации им статей 16 и 17 Устава Лиги наций нашло поддержку со стороны английского правительства. Чемберлен заявил, что находит подобное требование естественным и полностью разделяет его. «Если это будет сделано в ясной форме и искренне,— пишет министр д'Абернону (8 мая),— это во многом облегчит положение». Чемберлен считал, что Штреземан мог бы выступить с требуемыми разъяснениями в рейхстаге. Взамен на то, что он (Чемберлен), используя свое влияние, обеспечил «правильное и даже дружественное понимание» в других странах германской политики по отношению к СССР, Штреземан должен в своей речи в рейхстаге обратиться «с заверениями» к общественному мнению этих стран [321].

Тем не менее, несмотря на новые заверения германского министра иностранных дел в решимости продолжать политику Локарно [322], в руководящих кругах многих государств продолжали выражать беспокойство в связи с советско-германским договором. Что касалось Франции, то Штреземану не ранее июня 1926 г., после интенсивных переговоров с французским послом в Берлине де Маржери, удалось убедить Кэ д'Орсей, что у правительства Германии нет намерения игнорировать свои обязательства по Локарнскому пакту и Уставу Лиги наций. Бриан заявил об этом во французском сенате 4 июня. Отправив доверительное письмо послу Франции для передачи Бриану Штреземан счел дискуссию о Берлинском договоре завершенной [323].

Правительство Польши вслед за этим также сделало официальное заявление о своем отношении к советско-германскому договору. 21 июля преемник Скшиньского, новый министр иностранных дел А. Залесский сообщил в комиссии иностранных дел сейма, что пришел к убеждению в «мирном характере» Берлинского договора и в

[320] Ibid., p. 733—734.
[321] Ibid., p. 737.
[322] Ibid., p. 740; ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 512—513.
[323] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 505—506.

его совместимости с Уставом Лиги наций и Локарно. Однако в неофициальных беседах польские руководящие деятели отзывались о договоре не столь положительно [324].

Но все попытки помешать заключению советско-германского договора и ослабить его значение, предпринимавшиеся правящими кругами западных держав, потерпели полное фиаско. Берлинский договор о нейтралитете и ненападении, наряду с советско-германскими торгово-экономическими соглашениями 1925 г., явился серьезной победой мирной политики правительства СССР. Эти договоры обусловили то обстоятельство, что, вступая в Лигу наций, германское правительство сделало оговорку относительно применения статьи 16 Устава. Этот вопрос должен был решаться не Лигой, а самим правительством Германии. Нельзя переоценивать значение оговорки, ибо при изменении международной обстановки она могла быть сброшена со счетов, однако это было определенным успехом советской внешней политики.

Хотя Локарнский пакт и вступление Германии в Лигу наций в некоторой степени затрудняли советско-германские отношения, тем не менее они сохранились, поскольку, как подчеркивал видный советский историк В. М. Хвостов, «тогдашние руководители Германии, блокируясь с западными державами и получая от них займы, с помощью которых они восстанавливали свою военную промышленность, не желали в то же время терять возможности вести независимую от Запада политику» [325].

В английских правительственных кругах с нескрываемым неудовольствием говорилось о том, что «Локарно не привело к ожидаемому результату — полной западной ориентации Германии» [326]. Германское правительство, как мы увидим из дальнейшего, в основном продолжало, хотя и с известными отклонениями и оговорками, политику поддержания советско-германских отношений. Главной основой их сохранения в течение всего веймарского периода стали заключенные в 1925—1926 гг. договоры между Германией и СССР, развивавшие отношения, заложенные между ними в Рапалло.

---

[324] AMSZ (запись беседы Бриана с польским послом в Париже 21 августа 1926 г.) — In: *Riekhoff H. von.* Op. cit., p. 125.
[325] *Хвостов В. М.* 40 лет борьбы за мир. М., 1958, с. 35.
[326] «Times», 19.IV 1926.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ БЕРЛИНСКОГО ДОГОВОРА (1926—1929 гг.)

Заключенные в 1925—1926 гг. торгово-экономические соглашения и договор о нейтралитете и ненападении между Германией и СССР стали важнейшим положительным фактором, определившим отношения между обеими странами на ближайшие годы. Это отмечали обе стороны — как советская, так и германская. Выступая во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей (на вечере в честь приезда гостей из Германии 11 октября 1926 г.), заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов констатировал, что «взаимное понимание в области политической, хозяйственной и культурной все укрепляется и обогащается», а «координация усилий Германии и СССР и лояльное продолжение линии, намеченной заключенными между ними соглашениями, являются совершенно незаменимой гарантией ненарушения мира вообще и на востоке Европы в особенности» [1].

Подписание этих договоров положительно оценивалось многими германскими руководящими деятелями. Однако до сих пор были известны лишь публичные высказывания. Теперь же, после выхода в свет документов внешней политики веймарской Германии, стала известна и оценка германо-советских отношений, которая содержалась в документах, не подлежавших публикации. В этой связи наибольший интерес представляет проект секретного письма Брокдорфа-Ранцау германскому президенту Гинденбургу (от 8 июля 1926 г.). «Благодаря договору от 24 апреля,— пишет германский посол,— создана основа для новых отношений Германии к России; он в действительном смысле является инструментом мира, рас-

[1] ДВП, т. IX. М., 1964, с. 495, 496.

считанным одновременно на достижение Германией вновь того положения в мире, которое ей подобает». Оценивая данный договор как «позитивный результат для германской политики», Ранцау подчеркивал также, что, «разумеется, главное зависит от его интерпретации и лояльного осуществления» [2]. Однако одновременно в этом документе нашла отражение классовая, с позиций буржуазии, оценка германо-советских отношений. «Наши отношения к Советскому Союзу,— говорилось в письме,— постоянно остаются, как я уже писал несколько лет назад, браком по принуждению; о браке по любви не может быть и речи. Утопические надежды, которые связываются определенными кругами с германо-русскими отношениями, поэтому ошибочны и опасны» [3]. Ранцау подчеркивал, что «мы будем поэтому, как и до сих пор, выступать против всякой попытки со стороны большевиков вмешиваться во внутриполитические отношения Германии...» [4] Отношения Германии к Советскому Союзу всегда будут, как полагал Ранцау со времени своего назначения на пост посла, «до известной степени основываться на блефе, т. е. придется за границей перед нашими так называемыми бывшими врагами создавать впечатление большей, чем в действительности, интимности с Россией» [5]. Германский посол отмечал в этой связи, что «апрельский договор означает бесспорно большой успех для Германии», будучи «действенным противовесом (Korrelat) рассматриваемому здесь (в СССР.— *С. Н.*) с большим опасением Локарнскому договору» [6]. Таким образом, заключал Ранцау, несмотря на вышесказанное, «хорошие отношения к России остаются, по моему убеждению, единственным средством для нас добиться для немецкого народа того значения в мире, которое ему подобает, и сделать возможной самостоятельную внешнюю политику» [7].

Этот вопрос о проведении германским правительством независимой внешней политики встал особенно остро как раз в период 1926—1927 гг., который ознаменовался рез-

---

[2] ADAP, Ser. B, Bd. II/2, Göttingen 1967, S. 101.
[3] Ibid., S. 98.
[4] Ibid., S. 99.
[5] Ibidem.
[6] Ibidem.
[7] Ibid., S. 99—100.

ким обострением отношений Англии с Советским Союзом. Английское консервативное правительство, проводившее с самого начала своего прихода к власти (осенью 1924 г.) открыто антисоветский курс, который вылился в разрыв дипломатических отношений с нашей страной в 1927 г., стремилось вовлечь в антисоветскую политику и другие западные державы. Наибольшее значение оно придавало позиции Германии, правительство которой, руководствуясь своими интересами, осуществляло политику сближения с Советским Союзом.

Однако в руководящих кругах Лондона трезво отдавали себе отчет в том, что в существующей обстановке германское правительство, с внутриполитической и с внешнеполитической точек зрения, не пойдет на разрыв с политикой Рапалло. Тем не менее в дипломатических переговорах и беседах неуклонно, хотя и довольно осторожно, проводилась линия на отрыв Германии от политики Рапалльского и Берлинского договоров.

Накануне и после подписания советско-германского договора о нейтралитете, в беседах с послом Германии в Лондоне, а также через другие дипломатические каналы английские руководящие деятели высказывались неодобрительно по поводу «сближения» с СССР до решения вопроса о приеме Германии в Лигу наций [8].

Особенно участились попытки со стороны Лондона ухудшить германо-советские отношения с осени 1926 г., после приема Германии в Лигу наций. В этом смысле характерна беседа постоянного заместителя Чемберлена У. Тиррела с германским послом Штамером 16 сентября. Отметив, что он уже с 1917 г. считал победу большевизма «величайшей» угрозой существованию «европейской цивилизации», Тиррел заявил, что вхождение Германии в Лигу и вступление в силу локарнских соглашений, которые, безусловно, «не понравятся Советскому правительству», он рассматривает как решение Берлина «действительно объединиться с западными державами и не углублять своих отношений с Советским правительством» [9]. Штамер, по его словам, счел нужным заявить Тиррелу, что «германское правительство, само собой разумеется, хочет способствовать путем вступления в

---

[8] См. главу III.

[9] ADAP, Ser. B, Bd. II/2, S. 275.

Лигу наций и участия в Локарнском пакте преодолению пропасти, возникшей между Германией и государствами — ее прежними противниками, но в то же время Германия,— по его мнению,— должна считать своей исторической миссией служить связующим звеном между Западом и Востоком Европы и, конечно, не может думать о том, чтобы предпринять шаг, который мог бы каким-то образом ухудшить ее отношения с Россией» [10].

В тот же день германский посол имел встречу с другим руководящим деятелем Форин оффис, Дж. Грегори, стоявшим, по мнению посла, в отличие от «дайхардовца» Тиррела, на позициях умеренного крыла консервативной партии. Грегори также говорил о «русском вопросе», который, как считал Штамер, был его «коньком». В отличие от предыдущего собеседника германского посла, Грегори, хотя и не высказавшись столь определенно, все же дал понять, что «Форин оффис, по всей видимости, надеется посредством Локарнского договора ослабить германо-русские отношения и тем самым позицию России» [11].

Учитывая активную и все возрастающую антисоветскую политику правящих кругов Англии, правительство СССР рассматривало дальнейшее развитие и углубление отношений с Германией как одну из важнейших задач советской внешней политики. В вышеупомянутом выступлении заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова (11 октября 1926 г.) особо отмечалось, что «возможности экономического сотрудничества между Германией и СССР еще далеко не исчерпаны и ставят перед германским промышленным и финансовым миром все новые задачи, отвечающие интересам обеих стран». Заместитель наркома указал на необходимость параллельного развития и укрепления также политических отношений между Германией и Советским Союзом [12]. В декабре 1926 г. направлявшийся для лечения в Германию Г. В. Чичерин, мужественно преодолевая тяжелый недуг, продолжал работу и провел важные переговоры в Берлине [13].

---

[10] ADAP, Ser. B, Bd. II/2, S. 275.
[11] Ibid., S. 277.
[12] ДВП, т. IX, с. 495.
[13] Примечательно высказывание по этому поводу Брокдорфа-Ранцау: «Эта категория фанатиков обладает, однако, такой энергией, что они, как и умерший Красин, напрягая все свои остав-

В беседах со Штреземаном и Шубертом (2—3 декабря) нарком, еще раз подчеркнув важное значение вновь заключенных советско-германских договоров и в особенности Берлинского, выдвинул перед руководящими лицами Германии новые проблемы, решение которых могло бы способствовать дальнейшему расширению и упрочению отношений между обеими странами. В частности, Г. В. Чичерин поставил вопрос о долгосрочном займе. После исчерпания сумм, полученных в результате заключенного летом 1926 г. соглашения о кредитах [14], указывал нарком в беседе со Штреземаном, «необходима будет дальнейшая форма развития наших экономических отношений, столь важных для обеих сторон» [15].

Хотя в германских руководящих кругах заключение договоров с Советским Союзом рассматривалось как «ограниченное выравнивание политических интересов» после локарнских соглашений, они тем не менее отдавали себе отчет в том, что в СССР «экономика и политика представляют единое целое» [16], а потому дальнейшее развитие советско-германских политических отношений невозможно в отрыве от экономических отношений. Но поскольку не были еще окончательно урегулированы вопросы, связанные с планом Дауэса, и приходилось учитывать позиции «конкурирующих промышленных государств» [17], Штреземан в переговорах с советским наркомом иностранных дел предложил отложить вопрос о займе Советскому Союзу. Германский министр иностранных дел даже специально попросил не поднимать вопроса о займе в данный момент, чтобы это не попало в печать. Иначе, по его словам, у западных держав может создаться представление, что финансовое положение Германии позволяет ей предоставлять займы другим государствам и «ей навяжут худшие условия для урегулирования плана Дауэса» [18].

Находясь в Берлине, нарком иностранных дел СССР сделал 6 декабря важное заявление представителям

шиеся физические силы, способны начать переговоры, имеющие решающее политическое значение» (ADAP, Ser. B, Bd. II/2, S. 361).

[14] ДВП, т. IX, с. 324—325, 650.
[15] Там же, с. 561, 562.
[16] ADAP, Ser. B, Bd. II/2, S. 175.
[17] Ibid., S. 371.
[18] Ibid., S. 386.

печати, в котором затронул наиболее остро стоявшие международные проблемы вообще и те, которые непосредственно касались советско-германских отношений, в частности. Особый упор Г. В. Чичерин сделал на идее английского правительства об организации единого фронта европейских государств против Советского Союза. В только что появившемся декабрьском номере английского журнала «Фортнайтли ревью» [19], в статье, вышедшей из-под пера пресловутого журналиста-белоэмигранта Авгура (Владимира Полякова), которым Форин оффис пользовался как своим рупором, выдвигался план единого европейского фронта до западной границы СССР, включавшего Англию, Францию, Германию, а также пограничную с Советским Союзом Польшу, лидером которого была бы Англия. «Если бы эта программа нашла отклик на континенте,— подчеркивалось в заявлении наркома иностранных дел,— то это явно представило бы собой величайшую угрозу дальнейшему мирному политическому развитию» [20]. Советский нарком выразил надежду, что правительство и общественное мнение Германии, «надо полагать, будут решительно противиться активному влиянию на германскую политику определенных действующих сил в капиталистическом мире» и «германское правительство не пойдет на участие в таких комбинациях, которые подорвали бы существующие между нами дружественные отношения» [21]. Об этом красноречиво свидетельствуют укрепившиеся по сравнению, например, с прошлым годом, отношения между Германией и СССР [22]. По развитию экономических отношений с Советским Союзом Германия стоит впереди других европейских государств [23]. Как подчеркивал нарком иностранных дел, создалась «прочная база» для развития советско-германских отношений: «Берлинский договор вполне определенно регулирует наши политические отношения, в то время как кредиты означают широкие и прочные экономические связи» [24].

---

[19] «Fortnightly Review», N 720, London, 1926, December 1.
[20] ДВП, т. IX, с. 564, 565.
[21] Там же, с. 566, 569.
[22] Там же, с. 566, 567.
[23] Там же, с. 569.
[24] Там же, с. 567.

Проблема сохранения рапалльской линии во внешней политике Германии со всей остротой встала в 1927 г., когда особенно резко обострилось международное положение в связи главным образом с антисоветской политикой английских правящих кругов, которые пошли на разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. Империалистические государства пытались экономически изолировать СССР, «готовили почву для вооруженного нападения на него». «Опасность контрреволюционной войны против СССР,— говорилось в резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (9 августа 1927 г.),— есть самая острая проблема текущего периода. Обострение противоречий между СССР и его капиталистическим окружением является главной тенденцией настоящего периода, что, разумеется, не исключает той или другой полосы некоторого улучшения отношений на том или другом фронте борьбы» [25].

В этот момент империалистические круги Англии, а также других держав, и реакционные, агрессивные силы в самой Германии начали оказывать все большее влияние на внешнеполитический курс германского правительства, толкая его на путь обострения отношений с Советским государством.

Тем не менее в то время, ввиду внутреннего и внешнеполитического положения Германии, большинство германских руководящих деятелей считало, хотя иногда и с некоторыми оговорками, наиболее правильной для страны позицию строгого нейтралитета. Генеральный консул Шлезингер (15 января 1927 г.) напоминал статс-секретарю Шуберту, что еще летом 1926 г. он обращал внимание на те «трудности», которые возникнут для Германии в результате обострения англо-русских противоречий [26], направив тогда в МИД развернутый меморандум по данному вопросу [27]. Нельзя допустить, подчеркивалось в письме генконсула Шуберту, чтобы «изоляция Советского Союза, которой Германия не может воспрепятствовать собственными силами, стала угрозой его существованию. Германии следует в своих интересах воспользоваться дипломатическими средствами, чтобы

[25] ДВП, т. X. М., 1965, с. 5—6.
[26] ADAP, Ser. B, Bd. IV. Göttingen, 1970, S. 71.
[27] ADAP, Ser. B, Bd. II/2, S. 77—82.

не допустить подготавливаемого англо-русского конфликта» [28].

Чрезвычайно обеспокоен возможными последствиями обострения англо-советских отношений был германский посол в СССР Брокдорф-Ранцау. «Германское правительство,— писал он в МИД (19 января 1927 г.),— против его воли неизбежно было бы вынуждено с момента, когда планируемая Англией коалиция предпримет меры против Советского Союза, участвовать в ней» [29].

Точку зрения посла разделяли в германском МИД. Так, вскоре после этого письма он получил подтверждение от заведующего IV отделом МИД Дирксена (10 февраля), подчеркивавшего, что Германия, несомненно, заинтересована в том, чтобы препятствовать обострению англо-советских противоречий, однако пока не было предпосылок для германского посредничества в данном конфликте [30].

Тем не менее в руководящих кругах Берлина вполне отдавали себе отчет, насколько будет реально возможен нейтралитет со стороны Германии, учитывая ее обязательства как члена Совета Лиги наций и участника Локарнского пакта. «Если дело дойдет до открытого конфликта между обеими странами (Англией и СССР.— *С. Н.*),— говорилось в письме статс-секретаря Шуберта в посольство в Москве (19 февраля),— то мы вряд ли избежим фатальной необходимости открыто высказаться в пользу либо одной, либо другой стороны. Это окажется действительным, само собой разумеется, в том случае, если конфликт будет решаться с английской стороны не военными, а только экономическими средствами» [31].

Одновременно Шуберт подчеркнул, что из вышесказанного, конечно, не следует, что германское правительство должно ослабить отношения с Советской страной и в большей степени ориентироваться на Англию. «Но как раз потому, что мы этого не можем и не хотим, нам и следует отдавать себе отчет в том, в какие опасности вовлечет нас Советское правительство, если оно позволит

---

[28] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 71—72.
[29] Ibid., S. 101.
[30] Ibid., S. 274—277.
[31] Ibid., S. 361—362.

все дальше втягивать себя в конфликт с Англией». Поэтому, считал Шуберт, следует подумать о том, не указать ли правительству СССР на опасности, которые угрожают и ему, и Германии в случае обострения со стороны Англии отношений с Советским Союзом, и склонить его к примирительной позиции [32].

То обстоятельство, что, занимая отрицательную позицию относительно возможного англо-советского конфликта, германское правительство руководствовалось собственными, сугубо классовыми, империалистическими интересами, особенно ясно подтвердилось в беседе статс-секретаря Шуберта с послом Англии Р. Линдсеем в Берлине.

В записи этой беседы, сделанной Шубертом 22 февраля, он заявил Линдсею, проявившему, по словам статс-секретаря, «понимание беспокойства Германии по поводу англо-советского конфликта» [33].

И в самом английском правительстве и в консервативной партии не было единодушного мнения о разрыве отношений с Советским Союзом по многим причинам [34], из которых мы здесь, по понятным соображениям, коснемся лишь относящихся к Германии. Так, Чемберлен (в меморандуме членам английского кабинета 14 февраля 1927 г.) указывал, что, по мнению Форин оффис, в данное время разрыв англо-советских отношений не целесообразен. Одно из главных оснований в том, что этот шаг грозит гибельными последствиями для «духа Локарно» и дальнейшим сближением Германии с Советской страной. Было решено направить правительству СССР ноту с угрозой разрыва дипломатических отношений, если СССР не откажется от «коммунистической пропаганды» в других странах. Во время обсуждения проекта ноты на заседании английского кабинета (16 февраля) мнения раскололись: «твердолобые» консерваторы (У. Черчилль, Джойнсон-Хикс, Ф. Биркенхед) настаивали на немедленном разрыве отношений с Советским Союзом; Болдуин и Чемберлен — возражали [35].

---

[32] Ibid., S. 363.

[33] Ibid., S. 383—384.

[34] См. об этом подробно: *Никонова С. В.* Антисоветская внешняя политика английских консерваторов 1924—1927. М., 1963, с. 167—174.

[35] См. там же, с. 169.

23 февраля 1927 г., в день, когда правительству СССР была послана английская нота с угрозой разрыва отношений, состоялось заседание комиссии рейхстага по иностранным делам. Все выступавшие сходились в одном: Германия не должна ухудшать отношения с Советской страной, даже если это поможет ей добиться территориальных уступок со стороны Польши. Так, депутат Вирт подчеркивал, что всякое ухудшение отношений между Германией и Россией представляется для Германии роковым. Германия не сможет вести никакой европейской политики, если она порвет нити, связывающие ее с Россией [36]. В своем резюме обсуждения германо-советских отношений на этом заседании баварский посланник в Берлине пишет: «Отказ Польши от коридора без получения компенсации был бы возможен лишь под очень сильным давлением Англии и Франции. Это давление, пожалуй, оказали бы, если Германия за это взяла бы на себя связывающее обязательство стать на стороне Антанты в борьбе против России. Следует ли Германии взять такое обязательство? Многое говорит за это, еще больше — против. Перспектива освободить Восточную Пруссию от ее островного положения, а Западную Пруссию вновь отвоевать для Германии, а, может быть, и восточную Верхнюю Силезию — заманчива. С другой стороны, участию Германии в войне с Россией препятствует договор о дружбе с Россией, во всяком случае, если последняя не станет агрессором... Такой представляется и точка зрения правительства рейха» [37].

Германская печать с неодобрением писала, что Англия пытается найти другие страны, которые согласились бы за английские субсидии взять на себя главное бремя борьбы против СССР [38].

Выражая в дипломатических беседах «понимание» решения германского правительства о соблюдении нейтралитета в англо-советском конфликте, руководящие круги Лондона вместе с тем всячески стремились к ослаблению сотрудничества между Германией и СССР. Близкая к Форин оффис газета «Дейли телеграф» вслед за февраль-

[36] Bayerische Gesandschaft in Berlin, Nr 680. Politische Berichte 1927.— In: *Höltje Ch.* Die Weimarer Republik und das Ostlocarno-Problem. 1919—1934. Würzburg, 1958, S. 249.
[37] Ibid., S. 241.
[38] «Deutsche Tageszeitung», 23.II 1927.

ской нотой английского правительства Советскому правительству утверждала: «...нота побудит некоторые державы, которые в последнее время склонялись к примирению с СССР, воздержаться от осуществления этого намерения. Другое, столь же здоровое последствие ноты будет заключаться в том, что большинство немцев поймет, сколь мало может способствовать англо-германскому соглашению излишне тесное дипломатическое сотрудничество Берлина с Москвой» [39].

Февральская нота встретила в Германии поддержку правых лидеров социал-демократической партии. Тем не менее, даже орган этой партии, газета «Форвертс» подчеркивала, что «Германия не может присоединиться ни к России, ни к Англии, если не хочет, чтобы ее использовали в чуждых ей интересах» [40].

В германских руководящих кругах выражали крайнюю озабоченность по поводу развития англо-советских отношений после февральской ноты правительству СССР. В беседе с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым через два дня после февральской ноты германский посол попросил поставить его в известность, с подробностями и по порядку, о состоянии англо-советских отношений [41].

Из Берлина 28 февраля последовало распоряжение МИД за подписью статс-секретаря Шуберта, гласившее: «Следует считаться с постоянством англо-советских противоречий и с тем, что всегда может быть обострение в связи с отдельными инцидентами. Германия с радостью приветствовала бы любую возможность компромисса» [42].

Однако Брокдорф-Ранцау считал нежелательным какое-либо посредничество или обращение к правительству СССР по поводу англо-советского конфликта. Германии, по его мнению, следовало бы не ориентироваться на Англию, а, напротив, не уменьшать сотрудничества с Советским Союзом. Иначе, она была бы «выдана на произвол западных держав и потеряла бы Восток, не завоевав на свою сторону Запад» [43]. Но из Берлина пришли инструк-

---

[39] «Daily Telegraph», 27.II 1927.
[40] «Vorwärts», 24.II 1927.
[41] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 417—418.
[42] Ibid., S. 427.
[43] Ibid., S. 470—473.

ции (10 марта) о необходимости переговоров с заместителем наркома М. М. Литвиновым по данному вопросу. Германскому послу давались указания заявить, что германское правительство готово выступить посредником в англо-советском конфликте [44].

Советско-германские отношения, однако, в известной степени осложнились из-за появившегося в западной прессе (в марте 1927 г.) сообщения о беседе французского корреспондента со статс-секретарем Шубертом, согласно которому Шуберт, говоря о Локарнском договоре, дал понять, что германское правительство в Локарно согласилось на беспрепятственный пропуск французских войск для оказания помощи Польше и Чехословакии. Кроме того, статс-секретарь отметил, что «имеются такие уступки, на которые согласилось немецкое общественное мнение, но о которых оно не любит, чтобы ему напоминали, в особенности, когда момент неподходящий» [45].

Руководящие деятели Германии в беседах с советскими представителями вместо разъяснения по существу либо отмалчивались, либо отделывались ничего не объясняющими ссылками на недостоверность передачи слов статс-секретаря. Советские же руководители ставили вопрос совсем в иной плоскости: их интересовал прежде всего и главным образом вопрос о взятых Германией обязательствах на Локарнской конференции, а вовсе не то, что и как говорил Шуберт. Поэтому, когда в беседе с М. М. Литвиновым (14 марта) германский посол зачитал ему телеграмму из Берлина по поводу заявления статс-секретаря, заместитель наркома отметил, что там говорится «о характере интервью», но не опровергается его существо. А советскую сторону «интересует не этика журналистов, а вопрос о секретных дополнительных обязательствах, принятых на себя германским правительством в Локарно...» [46]. В тот же день М. М. Литвинов направил телеграмму полпреду СССР в Берлине с предписанием получить от правительства Германии опровержение заявления Шуберта по существу. Пока оно лишь ведет глубокомысленные переговоры о том, «имело ли

---

[44] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 520—524.
[45] ДВП, т. X, с. 629, прим. 24.
[46] Там же, с. 102; ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 551—552.

место интервью или приватный разговор и имели ли право журналисты опубликовывать заявление» [47].

В ответ на запрос советского посла 16 марта Штреземан заявил ему, что «Германия никогда не признавала и не признает права прохода французских войск через Германию, Польшу, Чехословакию и что, наоборот, в Локарно она категорически заявила, что считает такой проход недопустимым, и это ее заявление не было никогда никем оспорено и не оспаривается до сих пор». По свидетельству полпреда СССР, министра иностранных дел крайне взволновало требование с советской стороны официального правительственного заявления по данному вопросу и он расценил его как «личное недоверие к нему» [48].

Советская же сторона по-прежнему считала, что заявление, приписываемое Шуберту, «до сих пор не только не дементировано, но даже подтверждено, со ссылками на некорректность журналистов». Заместитель наркома полагал, что если германское правительство не считает возможным самому дементировать заявление от имени Шуберта, то ему следовало бы разрешить советской стороне публично заявить, что германское правительство отрицает существование каких бы то ни было секретных обязательств относительно пропуска французских войск [49].

Серьезное беспокойство советских руководящих деятелей в связи с данным вопросом было вполне обосновано. Сам Шуберт после происшедшего разъяснил, что приписываемое ему заявление — не интервью, а лишь приватная беседа с французским журналистом, который предал ее гласности и к тому же с искажениями. То же самое было публично заявлено германской делегацией на мартовской сессии Лиги наций в Женеве. Опять ни словом не опровергался по существу сам факт о секретных дополнительных обязательствах Германии в Локарно [50]. Таким образом опасения Советского правительства основывались на очень важных фактах. Германский посол сообщил в Берлин, что сильное беспокойство правительства СССР в связи с вопросом о пропуске войск вовсе не «маневр» с его стороны [51].

---

[47] ДВП, т. X, с. 104.
[48] Там же, с. 108.
[49] Там же, с. 116.
[50] Там же, с. 118.
[51] ADAP, Ser. B, Bd. V. Göttingen, 1972, S. 16.

Непримиримая позиция советской стороны в данном вопросе вынудила, наконец, германское правительство дать официальное опровержение. Это было сделано в выступлении Штреземана в рейхстаге 22 марта [52]. Министр иностранных дел заявил о «мнимости» интервью Шуберта, который, «само собой разумеется, ничего подобного не говорил и не мог говорить». Германия, по свидетельству Штреземана, никаких секретных соглашений в Локарно не заключала. По вопросу о том, должна ли Германия в случае конфликта между восточными государствами пропустить войска западных держав, министр заявил, что здесь «имеет значение исключительно статья 16 статута Лиги наций. После разъясняющей этот вопрос ноты, с которой державы, подписавшие Локарнский договор, обратились к Германии относительно объема распространения этой статьи на Германию, дальнейших соглашений нет» [53].

Советская сторона сочла эти разъяснения удовлетворительными, однако было высказано пожелание (в беседе М. М. Литвинова с германским послом 31 марта), чтобы германская сторона разрешила опубликовать в советской печати заметку, разъясняющую широкой общественности вопрос о пресловутом интервью [54].

Крайне настороженное отношение Советского правительства к вопросу о возможности существования дополнительных обязательств Германии, принятых в Локарно, в значительной степени объяснялось серьезным обострением по вине правительства Англии советско-английских отношений. В условиях осложнения международной обстановки решающее значение приобретала позиция германского правительства.

Вопрос этот обсуждался в беседе между Штреземаном и Чемберленом на очередной сессии Совета Лиги наций в Женеве, проходившей с 7 по 12 марта 1927 г. Полпреду СССР в Берлине германский министр иностранных дел заявил (16 марта), что в Женеве Чемберлен не предлагал правительству Германии войти в антисоветский блок и говорил, что английское правительство считается

---

[52] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 392, S. 9812—15.
[53] Цит. по: Локарнская конференция 1925 г. М., 1959, с. 484.
[54] ДВП, т. X, с. 109; ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 109—110.

с тем, что Германия сохранит с Советским Союзом прежние отношения [55].

Более подробное содержание беседы Чемберлена со Штреземаном приведено в дневнике Штреземана и в недавно опубликованных документах германской внешней политики [56]. В секретном меморандуме в германский МИД (18 марта) министр иностранных дел сообщал, что Чемберлен заявил ему, что «больше не сможет воспрепятствовать разрыву дипломатических и экономико-политических отношений» с Советским Союзом, если «Россия не докажет на деле, что хочет изменить свою политику» [57]. Стремясь заручиться поддержкой своей точки зрения о несвоевременности разрыва [58] в английском кабинете и консервативной партии, Чемберлен, по словам Штреземана, аргументировал главным образом тем, что «в результате разрыва англо-русских отношений Германия окажется в затруднительном положении» [59]. В ответ на это германский министр изложил позицию своего правительства по отношению к СССР, с учетом Берлинского договора и сделанных германскими представителями на Локарнской конференции разъяснений. При этом Штреземан вновь отметил, что «опасность большевизма удалось бы преодолеть лучше всего, если попытаться по возможности связать Россию с остальными державами и тем самым способствовать эволюции советской системы» [60]. Такой же позиции, по свидетельству германского министра иностранных дел, придерживалось французское правительство. Чемберлен «высказал полное понимание» точки зрения правительства Германии и повторил, что «далек от мысли втягивать Германию в антирусскую коалицию» [61].

В действительности правительство Англии, делая устами министра иностранных дел подобные заявления, исходило из реально существующей расстановки сил, при которой априори было ясно, что Германия не будет рис-

---

[55] ДВП, т. X, с. 109.
[56] *Stresemann G.* His Diaries, Letters and Papers, vol. III. London, 1940, p. 121; ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 5—6.
[57] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 5; *Stresemann G.* Op. cit., p. 121.
[58] См. выше, а также ДВП, т. X, с. 302.
[59] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 5.
[60] Ibid., S. 6.
[61] Ibidem.

ковать выгодными для нее по различным причинам и соображениям отношениями с Советским Союзом. В беседе с Дирксеном полпред СССР в Берлине (23 марта) сказал, что вполне представляет себе, что Чемберлен не пытался оказывать давление на Германию с целью вовлечения ее в антисоветский фронт. «Я считают господина Чемберлена,— говорил полпред,— слишком умным, чтобы преследовать свои цели столь прямолинейным путем. Зато нельзя недооценивать, что косвенным путем с английской стороны будет сделан сильный нажим на общественность». Об этом свидетельствуют, в частности, различные высказывания политических деятелей и печати в Германии [62]. В качестве примеров полпред привел отдельные выдержки из выступлений депутатов рейхстага Кааса [63] и Рейнбабена [64].

Немаловажную роль играла и позиция Франции. В беседе с германским министром иностранных дел на мартовской сессии Лиги наций Бриан заявил, что «он несколько прохладней, чем Чемберлен, относится к русскому вопросу. Отношения Франции к Советскому правительству корректны, и он не видит никакой причины для более сильного вмешательства в англо-русскую борьбу мнений» [65].

16—18 мая 1927 г. в связи с официальным визитом французских руководящих деятелей — президента Франции Г. Думерга и А. Бриана в Лондон, где они вели переговоры с королем Георгом V и английским министром иностранных дел, в прессе появились сообщения, что Чемберлен обещал поддержать Францию в вопросе об эвакуации Рейнской области взамен за согласие Бриана поддержать Англию в «русском вопросе» [66]. Это вынудило Штреземана обратиться за разъяснениями к английскому послу Р. Линдсею [67]. А после сообщения Штамера из Лондона, что вопросы о Рейнской области и Советском Союзе, по всей вероятности, были основными

---

[62] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 52.
[63] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 392, S. 9831—40.
[64] Ibid., S. 9840—50.
[65] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 5.
[66] AA. 17, 20, 22.V 1927.— In: *Jacobson J.* Locarno Diplomacy. Germany and the West 1925—1929. Princeton (N. J.), 1972, p. 120; «Times», 17, 19.V 1927; «New York Times», 19.V 1927.
[67] FO, 15.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 121.

темами бесед между Чемберленом и Брианом, Вильгельмштрассе по телефону запросило германское посольство в Лондоне о дополнительной информации, подчеркнув, что любые англо-французские переговоры о вышеупомянутых вопросах имеют для Берлина огромное значение [68].

Однако, как Форин оффис, так и Кэ д'Орсэй проявили чрезвычайную осторожность относительно того, чтобы скрыть содержание переговоров Бриана — Чемберлена от 18 мая; оба министра ограничились просто отрицанием слухов, что обсуждались вопросы об эвакуации Рейнской области и англо-советских отношениях [69]. Английский министр иностранных дел специально уполномочил Р. Линдсея сообщить Штреземану, что сторонами не было принято никаких новых обязательств, а Штамеру заявил, что «русский вопрос» вообще якобы «едва упоминался» [70].

Как свидетельствует памятная записка Чемберлена (от 21 мая 1927 г.), англо-французские переговоры «не были ни столь невинными, как он утверждал, ни столь зловещими, как этого опасались немцы» [71]. Разумеется, вопроса об отношениях с Советским Союзом и об эвакуации Рейнской области в то время, когда был осуществлен налет на советские учреждения в Лондоне и готовилась нота Правительству СССР о разрыве отношений, не только «коснулись» в беседах с французскими государственными деятелями. Этим проблемам было уделено значительно большее внимание, чем сообщил Чемберлен Штамеру для сведения германского правительства. Английский министр иностранных дел, осведомив Бриана во всех подробностях об отношениях Англии с Советским Союзом и Китаем и заявив, что они «угрожают» интересам Англии и Британской империи, заверил французскую сторону в полной поддержке ее политики в германском вопросе.

Однако, как свидетельствуют документы, Чемберлен не предложил Бриану присоединиться к английской политике по отношению к СССР взамен за оказываемую

---

[68] AA, 19, 20.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 121.
[69] AA, 20.V 1927; FO, 27.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 121.
[70] FO, 24.V 1927; AA, 25.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 121.
[71] AC, 21.V 1927.— In *Jacobson J.* Op. cit., p. 122.

Лондоном поддержку французской политики в вопросе о Германии. Это объяснялось опасением английской стороны еще большего сближения германского правительства с Советским Союзом. Английский министр заявил в связи с этим Бриану 18 мая: «Мы боремся с Советской Россией за душу Германии. Мы добились успеха в Локарно. Мы подтвердили это вступлением Германии в Лигу (наций.— *С. Н.*); но чем более сложными становятся наши отношения с Россией, тем более важно прочно связать Германию с западными державами» [72].

У германского посла Штамера в результате беседы с У. Тиррелом еще до вышеупомянутого заявления Чемберлена Бриану сложилось мнение, что английские руководящие деятели заинтересованы путем определенного давления на Германию сделать ее «более уступчивой в том, что касается английской антирусской политики» [73].

После разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом, решение о котором английский кабинет принял 23 мая 1927 г., в руководящих кругах Германии стали проявлять еще более настороженное внимание к этому вопросу. Соответствующий зондаж проводился в Берлине, Лондоне, Париже и Москве. Уже на следующий день после решения английского кабинета о разрыве, когда еще не была отправлена нота с уведомлением об этом в Москву, Штамер сообщил полученные им от «близкостоящего к Форин оффис лица» конфиденциальные сведения, что «правительство Англии вслед за разрывом рассчитывает начать усиленную «моральную блокаду» против России... Позиция Германии имеет огромное значение; вопрос ее участия в «моральной блокаде» будет осторожно затронут на следующей сессии Совета (Лиги наций.— *С. Н.*) в Женеве» [74].

25 мая германский посол передал в Берлин содержание беседы советника германского посольства Г. Дикхоффа с одним из ведущих деятелей Форин оффис Грегори. Отметив, что никто, конечно, не обязан следовать английскому примеру, последний вместе с тем утверждал, что «установленные в Рапалло отношения тогда, возможно, были оправданы, но теперь ввиду Локарно больше не

---

[72] AC, 21.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 123.
[73] AA, 20.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 122.
[74] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 405.

имеют права на существование» [75]. Тогда, в 1922 г., Германии, находящейся в окружении версальских держав, нужно было «маленькое окно» на Восток, теперь же, когда стены, отделявшие ее от Запада, полностью разрушены благодаря Локарнскому договору, «окно на Восток не необходимо». Кроме того, подчеркивал английский представитель, в последние годы все более укрепляется понимание «общности судьбы западноевропейских народов, в то время как большевистский режим в России содержит в себе нечто азиатское» [76].

Германский посол в Англии Штамер сообщал также о заслуживающей, с его точки зрения, внимания беседе (16 июня) об англо-советском разрыве с английским королем Георгом V, давшим понять послу, что Германия могла бы присоединиться к выступлению правительства Англии против СССР. Сообщая содержание этой беседы в германский МИД, а также Штреземану, находившемуся в Женеве, Штамер писал: «Я счел поэтому, что он (король.— *С. Н.*) преднамеренно заговорил на тему о России, чтобы воздействовать на меня в том, что касается германской политики, в смысле присоединения Германии к Англии» [77].

Из подобных заявлений английских руководящих кругов совершенно очевидно вытекала серьезная заинтересованность их в отрыве, пусть медленном и постепенном, Германии от политики, заложенной в Рапалло. Разрыв германо-советских отношений был, конечно, нереален, и лишь потому о нем не говорилось. Что же касается участия в «моральной блокаде», т. е., иначе говоря, антисоветском фронте, то чем, как ни предложением Германии присоединиться к нему, было приведенное выше заявление Грегори в беседе с Дикхоффом.

Это вынужден признать автор книги о германо-советских отношениях К. Розенбаум, поскольку использованные им (тогда еще неопубликованные) архивные документы служат, как мы имели возможность убедиться, неопровержимым свидетельством. «В момент англо-советского разрыва,— отмечает К. Розенбаум,— английская

[75] Ibid., S. 405.
[76] Ibid., S. 406; DBFP, Ser. 1A, vol. 3, doc. N 225; см. также: *Рыжиков В. А.* О чем свидетельствуют документы главного государственного архива Англии— «Вопросы истории», 1968, № 12, с. 82.
[77] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 551.

сторона постаралась дать понять германским представителям, что Англия нуждается в поддержке Германии» [78].

Соответствующий зондаж в связи с англо-советским разрывом проводился со стороны Германии и в Москве. Советник германского посольства Хэй интересовался в беседе с М. М. Литвиновым (27 мая), как расценивает советская сторона положение, создавшееся в результате разрыва отношений между Англией и СССР. Литвинов ответил на это, что, согласно заверениям Пуанкаре и Бриана, отношение Франции к Советскому Союзу остается прежним. Не ожидается изменения и в отношениях между СССР и Италией, которая будет стремиться, по словам заместителя наркома, получить часть советских заказов, предназначавшихся для Англии [79].

И хотя после англо-советского разрыва на Вильгельмштрассе обсуждали вопрос о возможности присоединения к антисоветской политике Англии взамен получения с помощью Лондона уступок со стороны Франции [80], эта точка зрения не получила поддержки. Дирксен изложил свое мнение об этой перспективе следующим образом: «Принцип Англии, состоящий в сближении с нами лишь настолько, насколько это возможно, не затрагивая англо-французские отношения, проходил красной нитью через нашу внешнюю политику нескольких последних лет». По мнению германского посла в Советском Союзе Брокдорфа-Ранцау, ослабление связей с Россией будет означать «потерять Восток, не приобретя Запад» [81].

Германские дипломатические представительства заграницей получили инструкцию Штреземана (от 25 мая). Хотя англо-советский конфликт вряд ли перерастет в военный, говорилось в этом документе, «нельзя все же пока предугадать, будет ли Англия пытаться и каким путем объединить другие державы» в экономический и моральный фронт, направленный к блокированию Советского Союза. «Германия,— подчеркивал министр иностранных дел,— может в результате открытой вспышки конфликта попасть в тяжелое положение... Отношением гер-

---

[78] *Rosenbaum K.* Community of Fate. German-Soviet Diplomatic Relations 1922—1928. Syracuse — New York, 1965, p. 247.
[79] ДВП, т. X, с. 244.
[80] *Dyck H. L.* German-Soviet Relations and the Anglo-Soviet Break 1927.— In: «Slavic Review», 1966, N 25, p. 81—82.
[81] Ibid., p. 82—83.

манского правительства может быть лишь строгий нейтралитет, как это само собой вытекает из существования двух краеугольных камней германской внешней политики — Локарно и Берлинского договора» [82]. Штреземан заверил советскую сторону, что в случае организованного Англией нападения Польши на СССР, германское правительство не допустит прохода транспорта союзных войск через территорию Германии [83]. Брокдорф-Ранцау, находившийся в это время в своем поместье в Шлезвиге, посоветовал в свою очередь (в телефонном разговоре с германским МИД) меньше делать упор на «нейтралитет», чем на обязательства по Берлинскому договору; иначе у Польши может создаться представление, что германское правительство получает «свободные руки» на Востоке [84].

Когда советская сторона через полпреда СССР в Берлине (27 мая) обратилась к германскому правительству с просьбой взять на себя защиту интересов советских подданных и посольского архива в Лондоне, оно ответило на это согласием. Вместе с тем германский МИД просил уведомить о данном решении персонально английского министра иностранных дел, подчеркнув при этом, что позиция Германии останется прежней — нейтралитет в рамках существующих основ германской внешней политики — Локарно и Берлинского договора [85].

Позиция правительства Германии в связи с разрывом англо-советских отношений была подробно аргументирована Штреземаном на заседании кабинета министров 30 мая. Отметив, что пока можно говорить об изоляции скорее Англии в результате разрыва, поскольку ее шаг не встретил поддержки в большинстве стран [86], министр иностранных дел еще раз подчеркнул абсолютную необходимость нейтралитета для Германии. «Выбор какой-либо стороны не представляется ни целесообразным, ни возможным,— говорилось в сообщении Штреземана.— Россия слишком слаба, чтобы ее принимать в расчет в качестве союзника. С другой стороны, мысль о вознаграж-

---

[82] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 407.
[83] *Dyck H. L.* Op. cit., p. 75—76; *Ulam A.* Expansion and Coexistence; the History of Soviet Foreign Policy, 1917—67. New York, 1968, p. 154, 165—166.
[84] *Rosenbaum K.* Op. cit., p. 247.
[85] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 412, 413.
[86] Ibid., S. 418,

дении от Англии, если мы выскажемся в ее пользу, нереальна, потому что Англия совершенно не в состоянии предоставить Германии значительные выгоды». Речь может идти, по словам германского министра иностранных дел, в лучшем случае о «неопределенных обещаниях» относительно интересующих Германию районов в Польше, Данциге и коридоре [87].

Еще более подробное обоснование германской внешней политики по этому вопросу содержалось в пространной памятной записке, составленной Дирксеном (от 3 июня). «Германская политика относительно большевистской России,— констатировалось в этом документе,— состояла и состоит в стремлении путем установления и постоянного увеличения политических, экономических и культурных отношений с Советской Россией постепенно обезвредить революционные и разрушительные тенденции Советского правительства и вновь приблизить его к Западу... Эта политика мирной и постепенной «дебольшевизации» России и приближения ее к Западу оказалась в результате английского разрыва перечеркнутой и становится, видимо, невозможной надолго. Существует опасность из-за английской акции возврата к опасной и до сих пор безрезультатной политике насильственной интервенции» [88]. Борьба с распространением «большевистских идей» должна вестись, по мнению Дирксена, совершенно иными средствами: во внешнеполитической области — путем дипломатических шагов в Москве, во внутриполитической — путем полицейских мероприятий [89]. Что касается посредничества в англо-советском конфликте, то в ближайшее время оно полностью исключается, поскольку советская сторона не согласится ради восстановления отношений с Англией «выбросить за борт необходимый для этого балласт революционных принципов»; английская же сторона также не захочет сразу восстановить отношения, ибо это в значительной степени дезавуирует ее собственную политику. Вместе с тем, подчеркивалось в памятной записке, следует внимательно наблюдать за развитием конфликта, чтобы не упустить возможности «посреднического вмешательства» [90].

[87] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 149.
[88] Ibid., S. 454—455.
[89] Ibid., S. 455.
[90] Ibid., S. 456—457.

Некоторые дополнения и коррективы к памятной записке Дирксена сделал заведующий IV отделом германского МИД Вальрот (8 июня). Он видел в «дебольшевизации» не цель, а, самое большее, «сопутствующее явление» германской политики по отношению к СССР, поскольку, по его мнению, наряду с полезными следствиями, с внешнеполитической точки зрения, она может принести несомненный вред, привести к обесцениванию германо-советских отношений. Вальрот считал также, что Германии не следует участвовать в антисоветской экономической блокаде не только из-за существующего Берлинского договора о нейтралитете, а потому, что это поведет к усилению «радикализма» в самом Советском Союзе и к «роковой радикализации» рабочего класса в Германии и других западных государствах. Кроме того, экономическая блокада СССР создала бы угрозу для германских кредитов. С другой стороны, следует, по его мнению, ограничить и одностороннее усиление германо-советских отношений «естественными границами». Как далеко должны простираться эти границы, зависит в конечном счете от того, какие ощутимые и реальные выгоды будут предоставлены Германии [91]. Все упомянутые документы были составлены к предстоящей сессии Совета Лиги наций в Женеве, которая должна была происходить с 13 по 17 июня.

Советское правительство придавало очень большое значение позиции Германии в крайне осложнившейся международной обстановке из-за разрыва англо-советских отношений, а также убийства (7 июня) посла СССР в Варшаве П. Л. Войкова. 7—9 июня в Баден-Бадене состоялись беседы наркома иностранных дел Г. В. Чичерина со Штреземаном. В первой беседе, 7 июня, германский министр иностранных дел заверил Г. В. Чичерина, что «отношение Германии к СССР останется неизменным» [92]. Он подчеркнул также, что «невозможность... обязать Германию по ст. 16 пропускать войска бесспорна»; единственно спорным, по его словам, остается «только пункт о финансовом бойкоте...» [93].

---

[91] Ibid., S. 474—475.
[92] ДВП, т. X, с. 303.
[93] Там же, с. 304.

Во время переговоров представителей западных держав на июньской сессии Совета Лиги наций Штреземан вновь заявил о принятом германским правительством решении придерживаться позиции нейтралитета. Эту точку зрения германский министр сформулировал следующим образом: «Всякую мысль о крестовом походе против России я считаю глупой и бессмысленной. Он только сплотит Россию и ослабит Европу. Мы вели с Россией переговоры о кредитах и осуществляем регулярный товарообмен с ней. И не только потому, что мы в нем нуждаемся, а потому, что я придерживаюсь мнения о необходимости настолько тесно связать экономику России с капиталистической системой западноевропейских держав, чтобы таким образом подготовить почву для эволюции в России, которая, по моему убеждению, и даст возможность сделать государство и экономику Советской России такими, с которыми можно ужиться» [94]. В этом высказывании с исчерпывающей полнотой отразилась антисоветская, классовая сущность политики германских правящих кругов, которые в вопросе об англо-советском разрыве руководствовались прежде всего своими империалистическими интересами.

И хотя в период резкого обострения англо-советского конфликта, особенно после разрыва дипломатических отношений, в руководящих кругах Германии имелись различные мнения по этому вопросу [95], в целом преобладала позиция, базировавшаяся на учете реального соотношения сил,— сохранение нейтралитета. Немецкая буржуазная печать в основном поддерживала правительственную точку зрения [96]. «Даже величайшее обострение положения, которое теоретически и академически можно предположить,— писал орган промышленных кругов «Дейче

---

[94] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 538.

[95] За обострение отношений с Советским Союзом выступали националистические реваншистские круги Германии: «Der Stahlhelm», 5.VI 1927; «Deutschland», 24.V 1927; «Kreuzzeitung», 22.VI 1927. А будущий канцлер Ф. фон Папен считал «неотложнейшей задачей европейской политики устранение большевистского пожара», полагая принципиально неверным «рассматривать эту задачу как дело Англии...» — Цит. по: Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975, S. 230, 231.

[96] «Berliner Tageblatt», 24.V 1927; «Tägliche Rundschau», 24.V 1927.

альгемайне цайтунг»,— не дает Германии повода изменить ее позицию спокойного выжидания в той или иной форме» [97].

«Настроение Германии в связи с разрывом Англии с нами,— сообщал советский полпред из Берлина в Наркоминдел (15 июня),— определилось в общем в благоприятную для нас сторону, и правительство, и все сколько-нибудь значащие слои населения за соблюдение строжайшего нейтралитета в споре между нами и Англией... Общественное мнение Германии было целиком на нашей стороне». Во время прощального визита Г. В. Чичерина германскому канцлеру В. Марксу последний подтвердил единодушное мнение правительства и общественности Германии о необходимости сохранять прежние отношения с Советским Союзом. Канцлер подчеркнул также, что если для Германии встанет вопрос о выборе между Западом и СССР, она сможет сохранить нейтралитет [98].

Серьезное влияние на позицию германского правительства оказали активные действия широких масс в Германии против антисоветской политики. В апреле 1927 г. Коммунистическая партия Германии выступила с протестом против готовящейся в поддержку антисоветской политики английских консерваторов демонстрации фашистского «Стального шлема» [99]. 16 мая состоялась мощная демонстрация протеста против налета полиции на советские учреждения в Лондоне, организованная КПГ. На митинге 5 июня вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман призвал рабочий класс защищать Советский Союз — отечество всех пролетариев [100]. Союз красных фронтовиков организовал всегерманскую пролетарскую конференцию против войны и фашизма, в защиту СССР [101]. Выступления широких масс немецкого народа против участия Германии в антисоветском фронте послужили серьезным предупреждением для правящих кругов Германии [102].

---

[97] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 26.V 1927.
[98] История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 488; АВП, ф. 082, оп. 10, п. 28, д. 5, л. 85.
[99] См. *Никонова С. В.* Указ. соч., с. 217.
[100] «Rote Fahne», 17.V 1927.
[101] «Правда», 7 июля 1927.
[102] Probleme des proletarischen Internazionalismis, Berlin, 1959, S. 20.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) летом 1927 г. подчеркивалось, что «Германия прямо заинтересована в оттяжке событий, ибо динамика развития ведет к несомненному абсолютному и относительному росту экономического и политического веса Германии. В то же время Германия больше других стран заинтересована в развитии экономических связей с СССР» [103].

Эта оценка полностью подтвердилась. В той же беседе со Штреземаном, в Баден-Бадене 7 июня, Г. В. Чичерин специально отметил, что данный момент, когда Советский Союз достиг довоенного уровня производства, которое будет расширяться, а торговый поток вместо Англии направлен в другие страны, очень своевременен для упрочения Германией экономических позиций в нашей стране. По словам наркома, «уже есть признаки, указывающие на стремление английских кругов парализовать нашу торговлю с другими странами», поэтому перспективы кредитования торговли СССР с Германией актуальны [104].

Безусловно, для германского капитала англо-советский разрыв представлялся выгодным с точки зрения захвата новых экономических позиций. Это обстоятельство было специально отмечено в письме наркома иностранных дел полпреду СССР (от 8 июля). «Германское правительство еще не раскрыло всех своих замыслов,— писал он.— Но уже ясно, что его основная цель заключается в том, чтобы использовать англо-советский конфликт для завоевания у нас гораздо более могущественных экономических позиций» [105].

На IV конгрессе Международной торговой палаты (МТП), проходившем в Стокгольме в июне — июле 1927 г.[106], представители Германии стремились запугать американских дельцов трудностями торговли с Советским Союзом. Ссылаясь на свое хорошее знание условий в СССР, германские деловые круги хотели выступить посредниками в торговле между США и Советским Союзом с целью захватить наиболее выгодные экономические позиции в СССР. В беседе с Г. В. Чичериным (9 июля) секретарь Американо-Русской торговой палаты Ч. Смит,

[103] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 3. М., 1970, с. 467.
[104] ДВП, т. X, с. 305; ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 466, 469, 470.
[105] ДВП, т. X, с. 333.
[106] Там же, с. 642.

приехавший с конгресса, подчеркивал, что подобная позиция «весьма характерна для нынешних тенденций немецких деловых кругов» [107].

Задачей советских внешнеторговых организаций было использовать стремление германских промышленников в интересах расширения взаимовыгодной торговли между СССР и Германией и вместе с тем противодействовать всякого рода попыткам нарушения монополии внешней торговли. Советское правительство, учитывая особенности внутриполитического развития и внешнеполитических позиций Германии, существовавших межимпериалистических противоречий, в экономических отношениях с германской стороной исходило из тех взаимных выгод, которые открывало экономическое сотрудничество для обеих сторон. Как отмечалось в заявлении торгпреда СССР в Берлине сотруднику ТАСС (11 ноября 1927 г.), «германская промышленность, приучая наших инженеров, техников и рабочих к употреблению германских машин, инструментов и т. п., получает твердую базу для дальнейшего расширения работы с СССР» [108]. Германские фирмы и инженеры оказывали помощь при строительстве новых заводов в СССР, помогая монтировать оборудование. В Германии по особым договорам немецкие и другие иностранные фирмы принимали инженеров из Советского Союза на работу с целью изучения опыта и техники для последующего использования на советских предприятиях.

На основе кредита 1926 г. Советский Союз закупил в Германии различного оборудования и техники на сумму 643 млн. руб. В течение трех лет действия договора от 12 октября 1925 г. росли и ширились из года в год торговля и экономическое сотрудничество между Германией и СССР [109]. Об этом весьма убедительно свидетельствуют статистические данные, опубликованные в Германии [110] и в СССР [111]. Они подтверждают, что в течение пяти лет, с 1925/26 и по 1929/30 г., Германия являлась

---

[107] Там же, с. 334.
[108] Там же, с. 483.
[109] Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1938, с. 136.
[110] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1930. Berlin, 1931, S. 72.
[111] Торговые отношения СССР с капиталистическими странами, с. 128.

одной из основных стран, куда шел советский экспорт. Она занимала первое место в советском экспорте; на ее долю приходилась почти одна пятая его. Со времени подписания торгово-экономических соглашений в 1925 г. в СССР стали осуществлять торговые операции 46 немецких фирм, 12 из которых получили концессии. В 1926 г. было произведено 700 новых торговых операций [112]. В упомянутом выше заявлении советский торгпред в Берлине выражал надежду, что и в дальнейшем Германия и Советский Союз пойдут «вместе по уже проверенному пути в деле развития деловых взаимоотношений... и полной ликвидации еще частично сохранившихся предрассудков, мешающих работе обеих стран» [113].

Однако в период после разрыва англо-советских отношений, хотя германское правительство в общем, как об этом свидетельствуют документы, «не поддалось панике и продолжало по-прежнему считать СССР вполне платежеспособным и надежным контрагентом», банковские круги Германии изменили свою позицию относительно СССР, сократив кредиты. Здесь имела значение общая атмосфера, накалившаяся в результате открыто антисоветских действий английского консервативного правительства. Видимо, не обошлось и без прямого давления со стороны английских финансовых и деловых кругов [114], которое, как явствует из документов, наблюдалось уже с апреля 1926 года [115].

Начав в конце 1926 г. подготовку к переговорам о таможенном соглашении с Советским Союзом, германская сторона пыталась найти способы обойти советскую монополию внешней торговли и систему таможенных тарифов [116].

Борьба германских деловых кругов против монополии внешней торговли особенно усилилась к концу 1927 г., в период, когда Германия, используя многомиллиардные иностранные, прежде всего американские, а также английские кредиты и займы, добилась стабилизации эконо-

---

[112] *Kuczinski J., Wittkowski G.* Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren. Berlin, 1947, S. 58.
[113] ДВП, т. X, с. 484.
[114] ДВП, т. XI. М., 1966, с. 63.
[115] ADAP, Ser. B, Bd. II/1, S. 293—294, 386.
[116] Polit. Archiv. Abt. IV, Russland.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 223.

мики: провела коренную реконструкцию промышленности, внедрила капиталистическую рационализацию путем усиления эксплуатации рабочего класса и превратилась во вторую промышленную державу капиталистического мира, обогнав Англию и Францию. С 1925 по 1929 г. включительно промышленное производство Германии росло одинаково с народным доходом: ежегодно на 9%. Прирост промышленной продукции с 1924 по 1929 г. составил 45% [117].

Восстановление экономической мощи германского империализма привело к определенному росту его экспансионистских тенденций. Антисоветские устремления монополистических кругов во главе с «И. Г. Фарбениндустри», концернами Стиннес, Маннесман и других определяли позицию германского правительства в области торгово-экономических отношений с Советским Союзом. Этим объяснялся отказ предоставить кредиты для финансирования советских заказов в Германии, который маскировали ссылками на «разочарование» немецких деловых кругов, «невозможность» работать в СССР из-за существующей в нем монополии внешней торговли, «огромный риск» и «малые прибыли». Имперский союз германской промышленности представил в августе 1927 г. в МИД и министерство экономики подробно разработанный список претензий к советским внешнеторговым органам. Это письмо Имперского союза обсуждалось на совещании в МИД 18 октября [118].

Документы подтверждают, что германские деловые круги не ограничивались тем, что выражали свое недовольство. Они предпринимали определенные действия, чтобы помешать Советскому Союзу в осуществлении плана первой пятилетки, главной задачей которой была социалистическая индустриализация. Советскому Союзу отказывали в новых кредитах, без которых нельзя было в широких масштабах закупать в Германии машины и оборудование для строящихся советских заводов; пытались использовать острую нужду СССР в иностранной технике, необходимой для оборудования заводов, и принудить Советский Союз платить дороже; выставлялись требования

---

[117] Vierteljahrshefte zur Konjukturforschung. Sonderheft 31... 1860—1932. Berlin, 1933, S. 96.

[118] Polit. Archiv.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 224.

ослабления и отмены монополии внешней торговли в СССР. Высокоразвитая германская промышленность надеялась таким образом овладеть внутренним советским рынком и подорвать советскую промышленность.

Советник германского посольства в Москве по экономическим вопросам Г. Хильгер (занимавший этот пост с 1922 по 1941 г.), отмечает в своих воспоминаниях, что деловые круги Германии выступали против индустриализации СССР, считая, что лучше, если Советская страна останется аграрной и будет поставлять Германии сырье и покупать у нее промышленные изделия. Хильгер пишет, что до начала мирового экономического кризиса (который дал о себе знать в германской экономике в конце 1929 г.) «деловые круги с некоторой тревогой следили за усилиями России в деле индустриализации: как покупатель готовой промышленной продукции и поставщик сырья и продовольствия Россия могла бы быть идеальным целевым партнером Германии, ибо экономика обеих стран дополняла друг друга. Но более самостоятельная индустриальная Россия, производящая свои собственные промышленные изделия, могла стать конкурентом» [119]. Недовольство и тревогу германских деловых кругов в связи с индустриализацией СССР разделяли и крупнейшие банки Германии, в частности Немецкий банк. Вместе с тем, как свидетельствуют документы, они рассчитывали на провал социалистической индустриализации, полагая, что «индустриализация России, как она проводится нынешними властителями, абсурдна, ибо Россия — это аграрное государство» [120]. Именно уверенностью германских монополий в провале индустриализации СССР объяснялся их отказ с начала первой пятилетки от многих выгодных для них деловых связей и предложений; впоследствии, по их мнению, они наверстают упущенные возможности и закрепят свою монополию на русском рынке.

Вместе с тем в условиях возникновения кризисных явлений в экономике Германии германские руководящие круги решили, ссылаясь на спорные вопросы в ходе осуществления советско-германских торгово-экономических соглашений 1925 г., начать новый обмен мнениями по

---

[119] ***Hilger G.*** **Wir und der Kreml. Berlin, 1955, S. 147.**

[120] **Polit. Archiv. Abt. IV. Russland.**— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 223.

экономическим вопросам. Вначале предполагалось ограничиться просто «молчаливым» продлением торгово-экономических соглашений, но затем пришли к решению официально предложить советской стороне провести обмен мнениями о выполнении соглашений в связи с истечением первого срока их действия. Посольство СССР было уведомлено об этом нотой от 21 сентября 1927 г.[121]

Само собой разумеется, что за два года действия германо-советских соглашений от 12 октября 1925 г. некоторые их пункты нуждались в уточнениях, дополнениях и разъяснениях. Советская сторона не имела возражений, чтобы за столом переговоров обсудить претензии немецкой стороны, а также другие важные и назревшие вопросы, считая, что проведение таких переговоров полностью соответствует постановлениям статьи 1 экономического соглашения, которая обязывала обе стороны стремиться содействовать развитию торговых сношений, достигнуть устойчивости товарообмена и по мере успехов хозяйственного восстановления довести участие обеих стран во взаимном ввозе и вывозе до довоенного уровня [122].

Поэтому советские руководящие деятели были готовы обсудить возможности устранения препятствий для дальнейшего расширения делового сотрудничества с Германией. Правительство СССР считало также, что, основываясь на духе и смысле названной статьи соглашения, и в обоюдных интересах следовало обсудить вопрос о предоставлении нового кредита для финансирования вновь размещенных в Германии больших заказов в целях ускорения промышленного строительства, предусмотренного планом первой пятилетки [123].

Но германское правительство не проявляло желания обсудить этот вопрос [124]. В своих действиях оно руководствовалось требованиями германских деловых кругов о пересмотре торгово-экономических соглашений 1925 г., которые они считали необеспечивающими в должной мере интересы Германии.

21 января 1928 г. в беседе с полпредом СССР в Берлине статс-секретарь МИД Шуберт, сообщив, что подго-

---

[121] Polit. Archiv.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 224.
[122] ДВП, т. VIII. М., 1964, с. 589.
[123] ДВП, т. XI, с. 59—60.
[124] Там же, с. 65.

товка к переговорам по экономическим вопросам завершена, подчеркнул, что совещание представителей промышленности и экономических кругов Германии «показало, что напряженность и разочарованность продолжают существовать» [125]. Полпреду было передано экспозе с перечнем статей торгового договора, которые германская сторона считала нужным обсудить [126].

Обмен мнениями по экономическим вопросам начался в Берлине в феврале 1928 г. С германской стороны в нем участвовали Штреземан, Ю. Курциус, Вальрот и другие официальные лица. Вальрот доказывал, что Германия якобы оказалась в неравном положении в товарообороте, поскольку принцип наибольшего благоприятствования в советско-германской торговле действует в интересах одной стороны — СССР, облегчая советский экспорт в Германию. Что же касается германского экспорта в Советский Союз, то здесь принцип наибольшего благоприятствования нейтрализует советская монополия внешней торговли [127]. Настаивая на серьезных изменениях монополии внешней торговли в СССР, германский представитель говорил: «Ваш принцип в сущности не является настолько неэластичным, чтобы он не допускал кое-каких уступок, способных смягчить его жесткость в размерах, терпимых для обеих сторон» [128]. Вслед за этим Вальрот выдвинул необоснованное обвинение в том, что германский экспорт в СССР будто бы имеет тенденцию к сокращению. (Данное утверждение было абсолютно голословным. С 1925 по 1927 г. одна четверть экспорта Советского Союза покрывалась импортом из Германии. В 1928 г. вывоз из Германии составил 30% от всего советского импорта. Германия продолжала удерживать первое место в торговле с Советским Союзом [129].)

Основываясь на этом совершенно необоснованном утверждении, германский представитель обвинил СССР в нарушении статьи 1 экономического соглашения, которая обязывала обе стороны содействовать развитию германо-советской торговли. В заключение он предложил перейти

---

[125] ДВП, т. XI, с. 35.
[126] Там же, с. 36.
[127] Там же, с. 61, 699; Polit. Archiv. Abt. IV.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., т. 226.
[128] ДВП, т. XI, с. 699.
[129] См. *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1948, с. 95.

к обсуждению перечня статей договора от 12 октября 1925 г., который был передан советской стороне в виде памятной записки от 13 февраля 1928 г., совпадавшей с аналогичным списком, врученным полпреду СССР 20 января [130].

Председатель советской делегации И. О. Шлейфер категорически отклонил возможность отказа от принципа наибольшего благоприятствования, так как это было бы грубым нарушением Рапалльского и Берлинского договоров, а также торгово-экономических соглашений 1925 г. и фактически означало бы «не признание равноправия двух систем, на чем основан торговый договор, а перенесение в наше хозяйство частнокапиталистических хозяйственных форм и, таким образом, создание специального режима для иностранцев, что отбрасывало бы в области договорного урегулирования торговых отношений, по крайней мере, на 100 лет назад», так как главное назначение принципа наибольшего благоприятствования и состоит в том, чтобы «гарантировать для договаривающейся стороны одинаковый режим по сравнению с другими странами-контрагентами» [131]. Советский представитель убедительно доказал полную несостоятельность утверждения германской стороны о неравенстве Германии и СССР, заявив при этом, что советская делегация не считает возможным вступать в дискуссию по вопросу о политических взаимоотношениях и давать оценку заключенным между обоими государствами договорам. Задача переговоров — обсудить «конкретные вопросы практики исполнения договора, обсудить те отдельные неясности, которые при исполнении договора определились, и совместными усилиями найти способы к их устранению» [132]. Советская сторона предложила обсудить те статьи договора от 12 октября 1925 г., практика применения которых вызвала неясности и различное толкование, и предложила свой перечень этих статей [133].

В ходе дальнейших переговоров выявилось, что германская сторона продолжает настаивать на своих совершенно не приемлемых требованиях и вместе с тем не

---

[130] ДВП, т. XI, с. 37—38.
[131] Там же, с. 700.
[132] Там же, с. 699.
[133] Там же, с. 700.

проявляет желания обсудить советское предложение о размещении в Германии новых больших заказов на 600 млн. марок при условии получения приемлемого долгосрочного кредита [134]. В случае согласия на это предложение советская сторона обещала употребить этот кредит не только на заказ оборудования, но и на покупку некоторой части полуфабрикатов для легкой промышленности и предметов потребления. Штреземан ограничился неопределенным ответом, что германское правительство обсудит этот вопрос в ходе переговоров по экономическим вопросам [135].

Некоторые немецкие газеты подняли шумиху вокруг вопроса о кредите для СССР (хотя это советское предложение было сделано в доверительной форме), настаивая, чтобы правительство потребовало в качестве компенсации согласия СССР на ослабление монополии внешней торговли [136].

Уже первые дни переговоров показали, что вряд ли можно ожидать от них положительных результатов. Однако глава советской делегации на переговорах Шлейфер, а также полпред и торгпред не сделали должных выводов из этого и предложили продолжить переговоры, хотя немецкая сторона даже не проявляла желания искать взаимоприемлемые решения ни по одному из вопросов, предложенных советской стороной. Более того, германские представители явно вели дело к разрыву переговоров и поэтому всячески затягивали их с целью подыскать подходящий предлог для их прекращения. В качестве такого предлога германское правительство использовало сообщение советской печати, опубликованное и в Германии, об аресте нескольких немецких инженеров по шахтинскому делу о вредительстве в Донбассе, и 15 марта демонстративно прервало переговоры.

14 марта Штреземан заявил советскому полпреду, что германское правительство, учитывая настроения промышленников, считает невозможным продолжать конференцию [137].

В памятной записке министр иностранных дел, изла-

---

[134] ДВП, т. XI, с. 59—66.
[135] См. там же, с. 60, 65.
[136] «Vossische Zeitung», 18.III 1928; «Berliner Tageblatt», 16.II 1928; «Frankfurter Zeitung», 27.II, 3.III 1928.
[137] ДВП, т. XI, с. 161, 162, 707.

гая подробно историю ареста немецких инженеров в Донбассе и отвергнутое Советским правительством требование их немедленного освобождения еще до начала процесса, писал: «При подобных обстоятельствах мы не можем вести далее переговоры по экономическим вопросам... Отсюда вытекает, что программа сотрудничества между Советской Россией и Германией вообще неосуществима, если возможны подобные явления...» [138]. В подобном же духе высказался Вальрот в представленном им в МИД докладе о переговорах, в котором советская сторона обвинялась в нежелании устранить препятствия для расширения советско-германской торговли [139].

На самом же деле арест немецких служащих был лишь удобным предлогом для прекращения переговоров, а, главное, «морального давления» на советскую сторону с целью добиться согласия на уступки во внешнеторговых отношениях. «Мы имеем из вполне достоверных источников,— сообщает нарком иностраннных дел полпреду СССР (23 марта),— указания на то, что до возникновения шахтинского дела германское правительство уже решило прервать наши хозяйственные переговоры и отослать домой нашу делегацию» [140].

Действительно, никакого юридического нарушения не было. Еще 6 марта Брокдорф-Ранцау был уведомлен Г. В. Чичериным о предъявленных немецким гражданам обвинениях. Дополнительные сведения по этому вопросу германский посол получил 9 марта [141].

17 марта советская печать опубликовала сообщение ТАСС в связи с разрывом советско-германских переговоров, в котором подчеркивалась «неубедительность факта ареста нескольких немецких инженеров как мотива для перерыва переговоров». Немецкие инженеры обвинялись «в участии в экономической контрреволюции» и были арестованы по предписанию советских судебно-следственных органов на основе точного соблюдения законодательства СССР, распространяющегося также на всех иностранцев, проживающих в пределах Советского государства. «Всякие попытки оказать давление на советский

---

[138] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III. Berlin, 1933, S. 343—346.
[139] DZA Merseburg.— В кн.: *Иоффе А. Е.* Внешняя политика Советского Союза 1928—1932 гг. М., 1968, с. 79.
[140] ДВП, т. XI, с. 231.
[141] Там же, с. 707—708, 164.

суд,— говорилось в сообщении ТАСС,— заранее обречены на неудачу» [142].

В советских руководящих кругах в связи с этим складывалось мнение, что срыв германским правительством переговоров, «напоминающий скорее бойкот, объяснялся более глубокими причинами: переменой ориентации, давлением извне и т. д.» [143]. Справедливость этого предположения подкреплялась, в частности, антисоветской кампанией французской печати, развернувшейся во время заседаний Подготовительной комиссии конференции по разоружению в конце марта. Французские газеты открыто писали о разочаровании в связи с неоправдавшимися надеждами на обострение и даже возможность разрыва советско-германских отношений после ареста инженеров [144].

Известные надежды аналогичного порядка питали и английские руководящие круги. В этом плане можно рассматривать визит в Берлин видного деятеля правого крыла английской консервативной партии, министра по делам Индии Ф. Биркенхеда. Хотя с германской стороны были сделаны заверения, в частности со стороны Дирксена, об отсутствии каких-либо официальных переговоров с Биркенхедом, вместе с тем состоялись его встречи в деловых и финансовых кругах Германии, во время которых речь шла о совместной деятельности Англии и Германии против СССР [145].

Не случайной была и сопровождавшая срыв советско-германских переговоров по экономическим вопросам антисоветская кампания буржуазной прессы в самой Германии. Эта кампания, поводом для которой послужил шахтинский процесс, проходила в период, когда в Советском Союзе начали проводиться в жизнь решения XV съезда ВКП(б) о построении социалистической экономики в СССР на базе социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, ликвидации капиталистических элементов города и деревни. Это подрывало расчеты германских правящих кругов на реставрацию капитализма в нашей стране [146]. После разрыва немецкой

[142] ДВП, т. XI, с. 167.
[143] Там же, с. 258.
[144] Там же, с. 242; «Journal de Débat», 22.III 1928.
[145] См. ДВП, т. XI, с. 284.
[146] Jahrbuch für auswärtige Politik. Berlin, 1930, S. 27.

стороной переговоров в Берлине небезызвестный корреспондент «Берлинер тагеблатт» П. Шефер обвинил СССР в «саботаже немецко-русских отношений», заявив, что Советское правительство «несет ответственность за ухудшение отношений с Германией» [147]. Аналогичным образом высказывался и М. Фишер, корреспондент в Москве другой влиятельной немецкой газеты, «Дейче альгемайне цайтунг» [148]. «Вопрос о германских корреспондентах,— писал Г. В. Чичерин полпреду СССР в Берлин (15 июня 1928 г.),— превратился в большой и больной политический вопрос. Между германским общественным мнением и нами оказывается посредник в лице этих корреспондентов. Они необычайно последовательно, систематически и самым гнусным образом вводят в заблуждение Германию путем непрерывной лжи и тенденциозной информации. Они поставили себе целью дискредитировать наше правосудие, в частности, по отношению к данному делу» [149].

В советских руководящих кругах было сочтено необходимым официально осудить недостойное поведение представителей германской печати, ставившее под угрозу добрососедские отношения между СССР и Германией. Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин, выступая на Всесоюзном съезде представителей колхозов (1 июня 1928 г.) с ответами на вопросы, заявил: «Я думаю, что нет и не было оснований для нервного возбуждения германской прессы. На самом деле, разве можно измерять отношения между двумя большими государствами, имеющими сравнительно большую культурную и экономическую связь, государствами, торговля между которыми все более и более растет, можно ли думать, что отношения между этими государствами могут измениться на основании ареста нескольких человек немцев у нас или, скажем, граждан нашего Союза в Германии? Нет, наши отношения не могут базироваться на таких случайных фактах. Поэтому я думаю, что германская пресса взяла неверный тон» [150]. М. И. Калинин опроверг также домыслы германской печати, что СССР, привлекая к ответствен-

---

[147] «Berliner Tageblatt», 20.III 1928.
[148] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 6.IV 1928.
[149] ДВП, т. XI, с. 390.
[150] Там же, с. 360.

ности специалистов из Германии, якобы хочет опорочить всю германскую промышленность и германские фирмы, назвав это смехотворным. «Мы очень высоко ценим германскую промышленность...,— подчеркнул председатель ЦИК СССР.— Речь не идет о подозрениях во вредительстве руководителей германской промышленности или германской промышленности в целом. Привлечены к ответственности лишь несколько человек. Поэтому нельзя говорить о том, что ставится под сомнение значение технической помощи, получаемой Советским Союзом от Германии. Напротив, после возникновения шахтинского дела, число немецких инженеров и техников в СССР не только не сократилось, а, напротив, даже возросло» [151].

Брокдорф-Ранцау (в беседе с членом коллегии НКИД Б. Стомоняковым 11 июня) отметил, что речь М. И. Калинина «произвела на него громадное впечатление», и хотя он еще не имеет официальных сведений из Берлина, но в частном порядке получил сообщение, что она вызвала там «перелом в настроении» [152].

Советское правительство продолжало принимать меры к ослаблению напряженности в отношениях с Германией, к дальнейшему развитию политических и экономических отношений с ней. И хотя в рассматриваемый момент советско-германские отношения в известной степени обострились, вместе с тем это не привело к перемене курса германской внешней политики.

Для пришедшего к власти (в результате выборов в рейхстаг 20 мая 1928 г.) социал-демократического правительства Г. Мюллера отношения с Советским Союзом ввиду стоящих перед ним внешнеполитических задач и предстоящих в связи с этим серьезных переговоров с западными державами приобретали немаловажное значение. Это обстоятельство волей-неволей пришлось учитывать представителям социал-демократической партии, правые лидеры которой, как уже говорилось выше, требовали проведения открыто антисоветской политики.

Однако советские руководящие деятели, не питая иллюзий относительно улучшения советско-германских отношений в связи с приходом к власти нового правительства в Германии, считали необходимым вновь продумать

---

[151] ДВП, т. XI, с. 361.
[152] Там же, с. 382.

вопрос о возможности улучшения и расширения в какой-то форме отношений между СССР и Германией. Г. В. Чичерин просил полпреда СССР в Берлине (14 июня) позондировать вопрос, «нельзя ли заключить дополнительный пакт, расширяющий прежний или вообще какое-либо политическое соглашение, закрепляющее наши отношения, или же экономическое соглашение, облегчающее дальнейшее сотрудничество» [153]. Советский полпред ответил, что в данное время считает маловероятной возможность осуществления какого-либо из упоминаемых предложений, однако полагал, что со временем, «при наличии некоторых предпосылок, такая возможность будет не исключена» [154].

В связи с приходом к власти нового правительства в Германии в передовой статье газеты «Известия» подчеркивалось, что, по мнению правительственных и общественных кругов СССР, существующие советско-германские договоры являются «необходимыми, но не достаточными для нового этапа германо-советских отношений». Социал-демократическая партия, говорилось в передовой, «изображает себя сторонницей мира, расширения международных экономических связей и т. п. Мы не имеем оснований питать какие-либо иллюзии на этот счет. Однако, само собой разумеется, что правительство СССР пошло бы навстречу всякому действительному шагу, который мог бы способствовать укреплению мира и развитию экономических отношений между Германией и СССР» [155].

Правительство Мюллера заняло выжидательную позицию, не предпринимая никаких шагов к оздоровлению германо-советских отношений. Единственным положительным фактом в этой области была достигнутая между Германией и СССР договоренность о проведении в начале июля 1928 г. в Берлине Недели советских историков, которая прошла с большим успехом. Советские историки М. Н. Покровский, С. Ф. Платонов, А. М. Адоратский, В. И. Пичета и другие выступили с докладами, получившими значительный отклик. С германской стороны в этой «Неделе» участвовали О. Гетч, ректор берлинского университета Норден и др. В связи с окончанием недели

---

[153] ДВП, т. XI, с. 386.
[154] Там же, с. 730.
[155] Там же.

полпред СССР в Германии (14 июля) устроил прием, на котором присутствовали рейхсканцлер Г. Мюллер, министры, а также видные представители немецкой науки. С советской стороны был член Коллегии НКИД Б. С. Стомоняков [156]. Тем самым проведение этой недели получило определенное политическое звучание,— особенно в связи с тем, что глава нового германского правительства посетил советское полпредство и присутствовал на приеме [157].

О большом интересе в Германии к СССР, его науке, литературе и культуре свидетельствовал и такой факт: 13 июля в Берлине члены Кружка русской литературы устроили вечер в честь советских писателей К. Федина и Н. Никитина, которые прочитали на нем отрывки из своих произведений. На этом вечере присутствовали многие представители творческой интеллигенции, весьма дружественно встретившие советских писателей [158]. Большой интерес был также проявлен к советскому книжному павильону на международной выставке печати в Кельне, открывшейся 12 мая 1928 г. [159]

Летом 1928 г. состоялся обмен мнениями по вопросу о пакте Бриана — Келлога. В июле 1928 г. Брокдорф-Ранцау обратился к Советскому правительству с запросом об отношении СССР к этому пакту. В беседе с Шубертом в присутствии Ранцау в Берлине (29 июля) М. М. Литвинов разъяснил советскую позицию относительно этого пакта [160].

Но в общем новое германское правительство не предпринимало никаких действий для урегулирования нерешенных проблем германо-советских отношений. Однако серьезное ухудшение экономического положения и растущая напряженность во внутреннем положении Германии вынудило германское правительство, несмотря на крайне враждебную, антисоветскую позицию социал-демократических лидеров, так или иначе заняться налаживанием экономических отношений с Советским Союзом.

Относительная стабилизация германского капитализма

---

[156] «Известия», 15 июля 1928; подробнее об этом см.— Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit. Berlin, 1966; Die Große Sozialistische Oktoberrevolution, Bd. 1, 2. Berlin, 1967.
[157] «Известия», 15 июля 1928.
[158] «Известия», 19 июля 1928.
[159] «Известия», 14 мая 1928.
[160] ДВП, т. XI, с. 454—455.

оказалась весьма непрочной не только потому, что она в значительной мере зависела от получения новых американских займов и кредитов, но еще и потому, что развитие германской промышленности сдерживалось узким внутренним рынком. В то же время серьезно осложнилось положение со сбытом промышленной продукции и на внешних рынках, где Германия сталкивалась со все усиливающейся конкуренцией Англии и других стран. И неудивительно поэтому, что уже в конце лета 1928 г. в германской промышленности появились симптомы экономической депрессии. Рост безработицы привел к обострению социальных антагонизмов в Германии, усилению борьбы классов [161]. Об этом достаточно красноречиво свидетельствовал объявленный предпринимателями локаут против 210 тыс. немецких металлистов Рейнско-Вестфальской области.

Правительство Мюллера не торопилось предпринимать шаги с целью нормализации германо-советских отношений еще и потому, что в первые же месяцы своей деятельности оно начало предварительные переговоры с западными державами по вопросам об освобождении оккупированных областей Германии, пересмотре плана Дауэса и др. [162]

Определенное неблагоприятное влияние на развитие германо-советских отношений оказала также болезнь и смерть германского посла в Москве фон Брокдорфа-Ранцау (8 сентября 1928 г.). Исполнявший обязанности наркома иностранных дел (в связи с болезнью Г. В. Чичерина) М. М. Литвинов направил Г. Штреземану телеграмму по случаю кончины посла, в которой говорилось: «В лице графа Брокдорфа-Ранцау мы потеряли одного из наиболее значительных борцов за развитие дружественных отношений между Германией и Советским Союзом». Этой задаче он посвятил все свои силы на посту германского посла в течение последних шести лет [163]. В ответной телеграмме Штреземан заверил, что германское правительство продолжит поддержание дружественных отношений с СССР: «Над выполнением задачи, кото-

[161] См. *Кульбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, с. 255—256, 263, 266—267.

[162] Reichstag. Verhandlungen. IV Wahlperiode 1928, Bd. 423, S. 38 (см. об этом в главе V).

[163] ДВП, т. XI, с. 511.

рой Брокдорф-Ранцау посвятил последние годы своей жизни и которая заключалась в создании и в дальнейшем развитии дружественных отношений между Германией и Советским правительством, германское правительство будет продолжать работать в том же духе» [164].

Германское правительство, так или иначе, было вынуждено подумать о мерах по улучшению отношений с СССР, важность которых подчеркнул еще раз Брокдорф-Ранцау в своем предсмертном письме (продиктованном им брату 8 сентября 1928 г.) [165]. Не решаясь предпринимать крупных акций в целях улучшения политических отношений с Советским Союзом, но в то же время учитывая потребности германской экономики, правительство Мюллера решило вернуться к вопросу о возобновлении германо-советских переговоров по всему комплексу экономических проблем. Решение о возобновлении этих переговоров правительство приняло на своем заседании 22 августа 1928 г. [166] В основу обсуждения на заседании кабинета была положена записка Штреземана от 20 августа 1928 г. на имя статс-секретаря имперской канцелярии. В ней констатировалось, что в соответствии с решением кабинета от 17 марта германо-советские экономические переговоры были прерваны. Министр иностранных дел предлагал, чтобы при возобновлении переговоров вопрос о предоставлении СССР кредитов не обсуждать до тех пор, пока Советское правительство не выплатит полностью 160 млн. марок, которые оно задолжало Германии по трехсотмиллионному кредиту 1926 г. Штреземан предлагал ограничиться в переговорах вопросами уточнения отдельных постановлений торгового договора от 12 октября 1925 г., а также требований ряда немецких концессионеров к советским хозяйственным организациям [167].

Сразу же после принятия кабинетом решения, т. е. 22 августа, Шлезингер (советник IV отдела германского МИД по экономическим вопросам) сообщил советскому полпреду о готовности Германии продолжить экономические переговоры [168]. 25 августа и. о. наркома М. М. Лит-

[164] ДВП, т. XI, с. 512.
[165] «Europäische Gespräche», 1929, N 1, S. 6—7.
[166] Akten der Reichkanzlei (далее — AR). Das Kabinet H. Müller II, Bd. 1. Boppard am Rhein, 1970, S. 75.
[167] ZStA Potsdam. Reichsministerium des Inneren. Abt. P, N 258 32/I.
[168] ДВП, т. XI, с. 738.

винов попросил полпреда заявить в Берлине, что Советское правительство «будет приветствовать предложение о возобновлении (экономических) переговоров, к которым оно готово приступить», но считает, однако, желательным перенесение переговоров в Москву [169].

Однако переговоры начались в Москве лишь 26 ноября 1928 г., поскольку с германской стороны произошли серьезные нарушения существующих советско-германских договоров. 4 сентября 1928 г. был создан Комитет германской экономики по русским делам. Этот комитет пытался присвоить монопольную функцию посредника между торговым представительством СССР и отдельными немецкими фирмами, чтобы таким образом устранить конкуренцию между немецкими фирмами в стремлении получить советские заказы. Основной его задачей стала борьба против советской монополии внешней торговли [170].

Германское правительство пыталось представить создание Русского комитета как меру в целях развития германо-советских торговых отношений и интенсификации экономического сотрудничества [171]. Однако практическая деятельность этого комитета, развернутая уже в начале 1929 г., свидетельствовала о другом: он противопоставил себя торгпредству СССР в Берлине, пытаясь разговаривать с ним от имени всех германских фирм и даже диктовать цены, ниже которых фирмам запрещалось принимать советские заказы.

Кроме того, группа ведущих банков Германии вступила в Международный комитет защиты кредиторов России, который ставил своей целью добиваться от СССР уплаты всех старых царских долгов [172]. Это было нарушением условий Рапалльского договора, поскольку все

---

[169] Там же, с. 483.

[170] См. там же, с. 746, 747. О действительных целях Русского комитета свидетельствовали также и те речи и заявления, с которыми выступал его председатель Кремер, являвшийся одновременно и членом президиума Имперского союза германской промышленности. В своей программной речи 6 декабря 1928 г. он заявил: «Восток должен стать сферой германской экономической экспансии, и он может стать ею». Кремер считал, что «экономический разум» одержит победу «над теми формами государственной экономики, которые в настоящее время применяются в России» (ДВП, т. XI, с. 747).

[171] Там же, с. 575—576.

[172] Там же, с. 542; «Известия», 21 октября 1928.

имущественные претензии между СССР и Германией считались урегулированными (т. е. аннулированными на основе взаимности). Тем самым банки Германии продемонстрировали свое «единство» с международным капиталом.

Международный комитет защиты кредиторов России был образован по инициативе крупнейших английских и французских держателей русских ценных бумаг времен царского режима в начале октября 1928 г. В него вошли английские объединения — Совет держателей иностранных займов и Комитет держателей русских займов. Франция была представлена Генеральной комиссией защиты интересов французов в России, Германия — Постоянной комиссией защиты интересов германских держателей иностранных ценных бумаг. В состав комитета входили также Голландия, Бельгия, Швейцария [173]. Об истинных целях вновь созданного международного консорциума и его антисоветской направленности писала английская газета «Дейли телеграф»: «Комитет представляет внушительные финансовые интересы в Европе и достаточно силен, чтобы защищать позицию держателей займов перед любым русским правительством, которое захотело бы получить новые займы без предварительного рассмотрения прав держателей существующих облигаций» [174].

Официальное присоединение Германии к Международному комитету защиты интересов держателей русских займов 23 октября 1928 г. было результатом длительной кампании по привлечению Германии к участию в антисоветском западном фронте. Английская консервативная печать утверждала, что «отказ германского правительства от претензий к России ни в коей мере не касается претензий германских граждан в качестве держателей русских займов» [175], поощряя тем самым германские банки принять участие в «лобовой атаке Рапалльского договора», по которому Германия и СССР взаимно отказывались от уплаты довоенных долгов [176].

Советская сторона еще до открытия советско-германских переговоров по экономическим вопросам заявила представителям Германии о своем отношении к шагу гер-

---

[173] Отдел рукописных фондов (ОРФ) АН СССР, 1928, д. 3, № 21, информация ТАСС из Лондона от 24.X 1928.
[174] «Daily Telegraph», 24.X 1928.
[175] «Morning Post», 24.X 1928.
[176] *Норден А.* Фальсификаторы. М., 1959, с. 159.

манских банков. Заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов, получив сообщение об этом от временного поверенного в делах Германии в СССР Хэя (16 октября), заявил последнему, что если германский МИД «публично на заявит о своей позиции» по данному вопросу, «создастся впечатление о его солидарности с действиями консорциума (для защиты интересов русских кредиторов в Германии.— *С. Н.*), об отказе от Рапалло и изменении всей германской политики» [177].

Германское правительство, понимая серьезность выдвинутых советской стороной обвинений и желая избежать осложнений в отношениях с Советским Союзом, попыталось отмежеваться от шага банкиров. Уже в вышеупомянутой беседе с М. М. Литвиновым Хэй сообщил, что германский МИД якобы возражал против этой акции консорциума, но не смог на него повлиять [178]. Было опубликовано также сообщение агентства Вольфа в германских газетах (20 октября), в котором говорилось о непричастности правительства Германии к решению банкиров о вступлении в Международное объединение кредиторов [179].

Однако советская сторона сочла содержание этого сообщения неудовлетворительным, поскольку в нем отсутствовало ясное порицание акции банкиров. Это обстоятельство подчеркнул в беседе с заведующим II отделом германского МИД Г. Кёпке полпред СССР (31 октября), отметив, что в коммюнике «не говорится о том, что германское правительство пыталось, хотя и безуспешно, помешать этому шагу. Такое содержание коммюнике, не говоря уже об его полуофициальном характере, произвело в Москве впечатление некоторого ослабления того заявления, которое было сделано Хэем». Поэтому НКИД вынужден настаивать на письменных разъяснениях правительства Германии по данному вопросу [180]. Кёпке вручил советскому полпреду заявление германского МИД, которое, повторяя в общем сказанное в опубликованном коммюнике, указывало, что акция банкиров не означает изменения позиции правительства [181].

---

[177] ДВП, т. XI, с. 542—543.
[178] Там же, с. 542.
[179] Там же, с. 567; см. также «Известия», 21 октября 1928.
[180] ДВП, т. XI, с. 568.
[181] Там же, с. 569—570; Polit. Archiv. Abt. IV.— В кн.: *Ахтамазян А.* Указ. соч., с. 231.

Немецкая буржуазная пресса с одобрением встретила действия банкиров. В особенности это относилось к органу социал-демократической партии «Форвертс», которая приветствовала их «решительных шаг» [182].

«Берлинер тагеблатт» прямо повторяла доводы внешнеполитического ведомства, что поскольку комитет создан «без участия правительства», не может быть речи о противоречии акции банкиров Рапалльскому договору [183].

Единственной партией Германии, которая дала надлежащую оценку этой акции, была КПГ. 20 ноября 1928 г. представитель ее фракции заявил в рейхстаге, что до присоединения банка Мендельсона к консорциуму велись переговоры и состоялся обмен письмами между министерством иностранных дел и банком Мендельсона: «Каждый знает, что если бы германское правительство действительно захотело удержать банк Мендельсона от присоединения к антирусскому блоку в Лондоне, то для этого было бы достаточно легкого нажима... МИД и правительство не сделали ни малейшей попытки предотвратить усиление антирусского блока в международном комитете кредиторов в результате присоединения к нему немецких банков» [184].

Советское правительство сочло поэтому необходимым поставить на переговорах по экономическим проблемам вопрос о нарушении Рапалльского договора группой немецких банков, которые присоединились к международной ассоциации бывших кредиторов России. Переговоры между СССР и Германией начались 26 ноября 1928 г. в Москве. Советскую делегацию возглавлял член коллегии НКИД Б. С. Стомоняков [185].

Первоначально германские представители пытались уклониться от обсуждения вопроса о том, что, вступив в Международную ассоциацию кредиторов, германские банки тем самым нарушили постановление статьи 4 Рапалльского договора, выдвигая прежнюю аргументацию, что присоединение нескольких немецких банков к этому объединению — их частное дело, за которое германское правительство якобы не может нести ответственности. Однако неубедительность их доводов была столь очевидна,

[182] «Vorwärts», 24.X 1928.
[183] «Berliner Tageblatt», 24.X 1928.
[184] Reichstag. Verhandlungen, 1928, Bd. 423, S. 448.
[185] ДВП, т. XI, с. 572—573.

что в конечном счете германские руководящие деятели оказались вынужденными согласиться обсудить этот вопрос. В ходе переговоров немецкая сторона признала, что допущено нарушение постановлений Рапалльского договора, в частности, статьи о взаимном аннулировании претензий.

В германо-советском протоколе, подписанном 21 декабря 1928 г., по этому вопросу было принято следующее постановление: «1. Делегация СССР подняла вопрос о присоединении группы германских банков к Международному комитету кредиторов России. Германская делегация заявила по этому поводу: Германское правительство с самого начала выступило энергично против вхождения группы германских банков в Международный комитет кредиторов России. Оно указывало как Посольству СССР в Германии, так и в официальном коммюнике, сообщенном германской прессе, на то, что возбуждение вновь вопросов о довоенных долгах в официальном порядке может иметь место лишь в соответствии с совершенно ясными постановлениями Рапалльского договора и что выступление германских банков не имеет ничего общего с установкой Германского правительства в отношении Рапалльского договора или в отношении общих политических отношений между Германией и СССР» [186].

Основная же задача переговоров заключалась в том, чтобы выработать единообразное толкование отдельных статей и постановлений советско-германских торгово-экономических соглашений от 12 октября 1925 г., равно как и внести необходимые разъяснения и уточнения в некоторые постановления этих соглашений с учетом трехлетнего периода их действия. Памятуя об опыте советско-германских переговоров в феврале и марте 1928 г., когда не удалось добиться пересмотра договорных юридических основ германо-советских торгово-экономических соглашений, германская сторона на этот раз согласилась по-деловому обсудить действительно назревшие в экономических отношениях вопросы с тем, чтобы ликвидировать препятствия, мешавшие их дальнейшему развитию.

Учитывая пожелание германских руководящих деятелей, советская сторона пошла на значительные уступки по вопросу о праве допуска для консулов Германии по-

[186] ДВП, т. XI, с. 625.

сещать арестованных и находящихся в советских тюрьмах германских граждан, согласившись на основах взаимности на такой допуск.

Большая настойчивость была проявлена с германской стороны в вопросе о предоставлении посольству в Москве права непосредственно обращаться в наркоматы с просьбами о получении некоторых сведений о развитии советской экономики (согласно советскому законодательству, подобные обращения иностранного посольства в советские учреждения могли быть расценены как «экономический шпионаж»). «Правительство СССР заявляет,— говорилось в этой связи в подписанном в результате переговоров протоколе,— что непосредственные устные и письменные сношения с информационными целями Экономического Отдела Германского Посольства в Москве со всеми народными комиссариатами СССР будут допущены» [187]. Предоставление германскому посольству этого права явилось убедительным доказательством желания Советского правительства облегчить для германской стороны установление контактов с советскими хозяйственными организациями и таким образом содействовать расширению экономических отношений между обеими странами. Это упрощало заключение договоров для германских фирм, поскольку прежде, чем заключить то или иное соглашение с торгпредством СССР в Германии, они получали возможность навести справки, запастись авторитетным заключением или советом экономического отдела германского посольства в Москве.

В ответ на пожелания германской стороны, Советское правительство изъявило «готовность еще раз обратить внимание надлежащих хозяйственных органов на то, что они обязаны точно и благожелательно проводить постановления статьи 17, в особенности в отношении беспрепятственного сбыта допущенными в Союз ССР германскими фирмами их товаров хозяйственным органам Союза ССР, а также в отношении закупки товаров у последних» [188].

Вышеуказанные постановления вошли в подписанный 21 декабря 1928 г. «Протокол, заключенный между СССР и Германией в разъяснение и развитие постановлений

---

[187] ДВП, т. XI, с. 625.
[188] Там же, с. 624.

Договора между СССР и Германией от 12 октября 1925 г.» и восемь приложений к нему [189]. Германо-советский протокол имел большое значение для дальнейшего развития товарообмена и расширения экономических связей между обеими странами. Протокол служил еще одним доказательством беспочвенности утверждений о невозможности плодотворного развития экономических отношений с Советским Союзом вследствие монополии внешней торговли.

Германское правительство, столкнувшись с начавшимся ухудшением экономической конъюнктуры внутри страны, а также с сопротивлением правительств Англии и Франции в вопросе об освобождении от оккупации Рейнской области и их отрицательным отношением к московским переговорам, решило предпринять дополнительные действия для некоторого улучшения политических отношений с Советским правительством.

Еще в период заключения Берлинского договора состоялся обмен нотами, согласно которым стороны «обязались приступить к переговорам о согласительной или арбитражной процедуре разрешения спорных вопросов». Воспользовавшись пребыванием германских представителей в Москве в связи с экономическими переговорами, представители СССР «во исполнение данного обязательства» начали соответствующие переговоры [190]. Германская делегация предложила учредить «постоянную согласительную комиссию для обсуждения спорных юридических вопросов, вытекающих из наших *экономических* соглашений,— сообщил полпред СССР Штреземану (5 декабря 1928 г.).— Наша сторона сделала контрпредложение распространить «круг ведения предлагаемой немцами согласительной комиссии на спорные юридические вопросы, вытекающие из всех *договоров СССР с Германией, в том числе и на договоры политические*» [191] (выделено нами.— *С. Н.*).

Данное предложение, выходящее по существу за рамки полномочий делегаций на экономических переговорах, М. М. Литвинов передал германскому поверенному в делах Хэю. При этом указывалось, что в случае положи-

---

[189] ДВП, т. XI, с. 623—626, 752.
[190] Там же, с. 615.
[191] Там же, с. 593.

тельного отношения, это соглашение могло быть подписано в ближайшее время одновременно с окончанием работы экономической конференции. В противном же случае советская сторона, видимо, не найдет возможным установить согласительную процедуру лишь для экономических вопросов. Министр иностранных дел, по свидетельству полпреда СССР, в общем не высказал возражений против советского предложения [192]. Оно было в конце концов принято, и конвенция о согласительном разбирательстве вскоре подписана (25 января 1929 г.). В задачу учреждаемой комиссии входили ежегодные заседания с целью выработки приемлемых для обеих сторон решений и предотвращения каких-либо разногласий в связи с этим [193].

Советско-германская конвенция о согласительной процедуре стала первой подобной конвенцией, заключенной между государствами с разным социальным строем, образцом лояльного и взаимовыгодного сотрудничества [194]. Она означала также новый шаг в развитие Берлинского договора о нейтралитете и должна была стать надежным инструментом, с помощью которого Германия и СССР обязывались улаживать все спорные вопросы и недоразумения, осложнявшие отношения между обоими государствами.

Германское правительство назначило, наконец, нового посла в СССР Г. фон Дирксена, вступление в должность которого было приурочено к открытию в Москве Недели германской техники (8 января 1929 г.) [195]. «Тот факт, что я вступил в ответственную должность германского посла в СССР,— заявил Дирксен в своем выступлении на открытии недели,— именно в тот момент, когда организацией недели еще более подчеркиваются и углубляются те тесные отношения, которые существуют между нашими обеими странами также и на научно-техническом поприще, доставляет мне особое удовлетворение...» [196]. Новый посол подчеркнул, что среди различных видов совместной деятельности между Германией и Советским Сою-

---

[192] ДВП, т. XI, с. 593—594.
[193] ДВП, т. XII. М., 1967, с. 44—46.
[194] См. «Известия», 30 января 1929.
[195] ДВП, т. XII, с. 14; Polit. Archiv. Abt. IV.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 236.
[196] Там же, с. 14—15.

зом именно «деятельность на поприще техники дала самые яркие результаты и принесла обоим народам наибольшую пользу» [197]. Открывший Неделю германской техники Б. С. Стомоняков отметил, что Германия занимает первое место не только в товарообмене с нашей страной, но и в обмене культурными ценностями [198]. Советское государство и общественность в особенности заинтересованы в использовании опыта и результатов тех отраслей науки и техники в Германии, которые «имеют решающее значение для индустриализации нашей страны и для реконструкции сельского хозяйства» [199].

Отношения между Германией и СССР складывались под воздействием самых противоречивых факторов. К концу периода относительной стабилизации был воссоздан военно-экономический потенциал и значительно укрепились позиции германского империализма, который все больше проявлял экспансионистские тенденции. Возрастал вывоз капитала за границу, развертывалась борьба за возвращение утерянных Германией в результате мировой войны позиций на международных рынках. Именно эти экспансионистские тенденции стали все явственнее проявляться во внешнеэкономической деятельности Германии с 1927 г., что приводило к обострению противоречий между Германией и западными державами.

В рассматриваемое время усилилась общая напряженность международной обстановки и угроза военного нападения на Советский Союз. Напряженность эта проявлялась прежде всего в резком обострении борьбы ведущих империалистических держав против Советского государства.

Положение капиталистического мира, который в те же годы медленно, но неуклонно вползал в полосу вначале застоя, а затем и глубочайшего экономического кризиса, было полной противоположностью достижениям Советской страны. Вера в процветающий капитализм среди широких трудовых масс пошатнулась, а симпатии к СССР резко возросли. Это вызывало тревогу у социал-демократических вождей европейских стран, в том числе и у ли-

---

[197] Там же, с. 15.
[198] Там же, с. 13. Более подробно о культурных связях см. там же, с. 731—732.
[199] Там же, с. 13.

деров СДПГ. Правая социал-демократия резко активизировала антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду, преследуя цель дискредитировать СССР и ослабить влияние коммунистических партий в капиталистических странах и в первую очередь в Германии.

Советско-германские отношения к концу периода относительной стабилизации капитализма и появления первых тенденций экономического кризиса все в большей степени стали осложняться враждебными антисоветскими действиями влиятельных групп в правительственных и деловых кругах Германии. Особенно заметно проявлялось в немецкой буржуазной печати и пропаганде то обстоятельство, что в правительстве Мюллера задавали тон лидеры социал-демократии, которые использовали любой повод для активизации антисоветской пропаганды, рассматривая ее как одно из важнейших средств борьбы против роста революционного движения в Германии и его ведущей силы — КПГ. Буржуазная немецкая печать, в особенности социал-демократическая, проводила антисоветские клеветнические кампании. Положительные итоги советско-германских отношений замалчивались, отрицательные моменты всячески раздувались. Так, реакция германской буржуазной печати на такое принципиально важное событие в отношениях между Германией и СССР как подписание согласительной конвенции была крайне слабой, ни в какой мере не отражавшей ее значение. «Дейче альгемайне цайтунг» 26 января поместила краткое сообщение о подписании конвенции, которая характеризовалась как чисто техническое [200], а не политическое соглашение.

Касаясь советской оценки конвенции, газеты пытались доказать ее ошибочность и принизить значение конвенции, чтобы не вызвать неблагоприятной реакции западных держав, с которыми в то время Германия вела переговоры по репарационному вопросу.

Несмотря на подписание германо-советского протокола от 21 декабря 1928 г., в Германии продолжалась кампания, имевшая своей целью воздействовать на тех представителей деловых кругов, которые считали возможным развивать экономическое сотрудничество с Советским Союзом на основе равноправия и взаимной выгоды, т. е.

---

[200] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 26.I 1929.

на тех условиях, которые были зафиксированы в существующих договорных отношениях. Именно с этой целью в Германии распространялись небылицы о том, что СССР стоит на грани финансового кризиса, не соблюдаются обязательства перед немецкими концессионерами и т. п. Одним из главных вдохновителей этой антисоветской кампании был гигант немецкой и мировой химической промышленности «И. Г. Фарбениндустри», который оказывал большое влияние на германскую печать, преследуя цель получения в Советском Союзе «такого же монопольного положения, каким он располагал в других странах» [201].

Отрицательно сказались на советском экспорте в Германию решения правительства Мюллера о введении монополии на продажу спичек в стране и о передаче шведскому концерну Крейгера этой монополии в обмен на предоставление Германии концерном Крейгера займа в сумме 75 млн. марок [202]. В результате из советского экспорта в Германию выпала такая статья, как вывоз спичек.

В то же время при встречах и беседах с советскими представителями в Берлине и в Москве германские руководящие деятели постоянно говорили о заинтересованности в развитии и расширении германо-советской торговли и углублении деловых связей. В частности, об этом пишет бывший министр экономики, а затем министр иностранных дел Ю. Курциус. В мемуарах он отмечает, что экономические отношения с Советским Союзом были для Германии полезными и взаимовыгодными и он лично выступал за расширение этих связей [203]. Германский посол в Москве Дирксен также неоднократно обращал внимание Берлина на то, что деловые круги недостаточно используют предоставляемые первой пятилеткой возможности для расширения германо-советского товарообмена и экспорта немецких машин и оборудования, необходимых для советской промышленности [204].

---

[201] Торговые отношения СССР с капиталистическими странами, с. 138.

[202] ДВП, т. XII, с. 561—562; *Норден А.* Фальсификаторы, с. 164.

[203] *Curtius J.* Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik. Heidelberg, 1948, S. 155, 243.

[204] Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II. Архив Дирксена. М., 1948, с. 236—237 (приложение № 1).

Вопрос о предоставлении кредитов для финансирования советских заказов в Германии оставался камнем преткновения, о который разбивалось стремление советской стороны расширить объем торговли и экономическое сотрудничество с Германией. Только в апреле 1929 г. германское правительство внесло предложение начать переговоры о предоставлении СССР кредитов, необходимых для финансирования советских заказов в Германии. Это было сделано Дирксеном в беседе с Б. С. Стомоняковым и наркомом внешней и внутренней торговли А. И. Микояном, состоявшейся 12 апреля 1929 г.[205]

С советской стороны подчеркивалось, что хотя в данное время «американские фирмы уже предлагают нашим хозяйственным органам более выгодные кредитные условия, чем их германские конкуренты», для Советского Союза «на первом плане стоит сотрудничество с дружественной нам Германией. Само собой, однако, разумеется, что это сотрудничество возможно только при предоставлении нам со стороны Германии достаточно выгодных цен и кредитных технических и иных условий»[206].

Более детально вопрос о кредитном соглашении обсуждался между Стомоняковым и советником по экономическим вопросам IV отдела МИД Германии Шлезингером 17 и 27 апреля 1929 г.[207] В беседах речь шла о предоставлении 500-миллионного кредита для финансирования советских заказов. В беседе Стомонякова со Шлезингером от 27 апреля обсуждались довольно детально размеры, условия и сроки этого кредита. В частности, советская сторона предложила перейти от товарного кредита, каким был 300-миллионный кредит, к 500-миллионному займу «под гарантию германского правительства и с нашим обязательством использовать заем для закупок в Германии». На что Шлезингер сразу же заявил: «Путь прямого займа невозможен»[208]. Мотивировал он это тем, что германское правительство вряд ли согласится пойти на внешнеполитические затруднения из-за этого займа, а банки, в особенности банк Мендельсона, объединившего держателей царских бумаг, наверняка откажут[209]. Шле-

[205] ДВП, т. XII, с. 140—147.
[206] Там же, с. 143.
[207] Там же, с. 191—200, 236—245.
[208] Там же, с. 236, 237.
[209] Там же, с. 242.

зингер также сказал (в беседе 17 апреля), что проект займа Советскому Союзу «встретил бы сильную оппозицию со стороны других государств», а некоторые державы даже «заявили бы в Берлине официальный протест». Германский представитель особо подчеркнул необходимость «учитывать репарационные затруднения Германии. При нынешнем положении и в случае неуспеха парижских переговоров Германия может встретить серьезные затруднения даже при проведении новой кредитной акции в пользу СССР» [210].

В письме полпреду СССР в Берлине от 27 апреля 1929 г. было сообщено, что Советское правительство признало необходимым выдвинуть требование займа в 200 млн. марок сроком на 10 лет и финансового кредита в 300—400 млн. марок также на 10 лет. Германское правительство должно дать гарантию на 75%, а советская сторона примет участие в обеспечении кредитов в размере 10%. Остающиеся 15% финансируются самими промышленниками или являются их долгосрочным кредитом торгпредству. Было решено также настаивать на скорейшем открытии официальных переговоров. По мнению Шлезингера, высказанному им Б. С. Стомонякову, такой заем будет для Германии «невозможным и даже нецелесообразным, с точки зрения ее интересов». Однако окончательный ответ должен быть дан в Берлине [211].

Но после первомайских событий в 1929 г., которые привели к обострению германо-советских отношений, германское правительство прекратило переговоры по вопросу о кредите с Советским Союзом.

Начало событиям положил расстрел первомайской демонстрации рабочих в Берлине по приказу полицай-президента Берлина социал-демократа К. Цергибеля.

В течение 1—4 мая 1929 г. в рабочих районах Берлина — Веддинге и Нёйкёльне было убито 16 и тяжело ранено 36 рабочих, несколько тысяч брошены в тюрьму [212]. Эти события были следствием провокационной политики правых лидеров германской социал-демократии, которая стремилась продемонстрировать свою решимость бороться самыми крайними методами против возросшей рево-

---

[210] Там же, с. 198.
[211] Там же, с. 245—246.
[212] Там же, с. 758.

люционной активности рабочего класса [213], возглавляемого Компартией Германии, а заодно вновь показать капиталистическому Западу «опасность большевизации Германии». Последнее обстоятельство приобретало для германских монополий тем большее значение, что в это время между представителями западных держав и Германией велись переговоры о новом урегулировании репарационной проблемы.

Реакционная германская пресса использовала майские события для разжигания антикоммунистической и антисоветской истерии под лозунгом «коммунисты действуют по приказу Москвы». В целях возбуждения антисоветских настроений в широких народных массах газета «Форвертс» провокационно утверждала, будто бы в «первомайской демонстрации в Берлине принимали участие советские подданные» [214]. Германский посол в Москве Дирксен сразу же запросил Берлин, чтобы ему прислали материалы, подтверждавшие такое серьезное обвинение по адресу СССР. Однако Берлин был вынужден ответить, что такого рода материалов нет. О том, что это была грязная инсинуация, свидетельствуют материалы западногерманской публикации документов (изданной в 1970 г.), где сообщается: «Берлинская полиция не располагает материалами об участии в первомайской демонстрации в Берлине русских подданных или сотрудников советских учреждений» [215].

4 мая 1929 г. влиятельная немецкая газета «Дейче альгемайне цайтунг» опубликовала информацию о первомайской демонстрации в Москве. В ней подчеркивалось, что в речи, произнесенной на Красной площади наркомом К. Е. Ворошиловым, содержались «антигерманские высказывания: о запрете первомайской демонстрации в Берлине и о том, что пролетариат Германии найдет возможность продемонстрировать свою классовую силу и солидарность». Как антигерманские толковались и некоторые транспаранты на демонстрации — изображение броненосца, украшенного трехцветным флагом Веймарской республики, цифра 80 млн. марок, затраченных на его строительство, и др. [216]

---

[213] См. *Тельман Э.* Статьи и речи. М., 1957, с. 28.
[214] «Vorwärts», 3.V 1929.
[215] AR, Kabinet Müller II, Bd. 1, Dok. N 197, S. 644, прим. 5.
[216] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 4.V 1929.

Все это германское правительство использовало для официального протеста, который был заявлен Дирксеном НКИД СССР 2 и 3 мая [217]. Демонстрация протеста против расстрела берлинских рабочих, состоявшаяся 8 мая в Ленинграде, когда часть демонстрантов прошла перед зданием немецкого генконсульства, послужила основанием для нового протеста со стороны Германии. Почти на протяжении двух месяцев происходили встречи и беседы по поводу майских событий. При этом германская сторона пыталась всячески углублять этот вопрос, явно ведя дело к обострению отношений. Однако в конце концов она вынуждена была признать, что ввиду отсутствия доказательств следует считать данный конфликт исчерпанным [218].

Тем не менее, когда в июле 1929 г. вновь встал вопрос о кредитном соглашении, Дирксен назвал как одну из причин отсрочки начала переговоров майские события. «Не то, чтобы эти события изменили мнение германского правительства о необходимости кредитной акции,— заявил Дирксен Б. С. Стомонякову (5 июля),— но они создали неблагоприятную атмосферу вокруг советско-германских отношений и тем самым ослабили заинтересованность германской общественности и в особенности германских хозяйственных кругов в новых мероприятиях для усиления германского экспорта в СССР» [219].

Основной же причиной отсрочки обсуждения вопроса о кредитах, по словам германского посла, стали затянувшиеся переговоры с западными державами по репарационному вопросу. Предоставление кредитов Советскому Союзу до их окончания могло бы осложнить позицию Германии на данных переговорах [220]. И, наконец, третьим обстоятельством, которое «понизило заинтересованность» германских промышленников в проведении новой кредитной акции по отношению к СССР, было значительное усиление экспорта Германии, превысившего за

---

[217] ДВП, т. XII, с. 758; Polit. Archiv. Abt. IV.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 243.
[218] Там же.
[219] ДВП, т. XII, с. 368.
[220] ДВП, т. XII, с. 368; Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 244.

последние 12 месяцев цифры предыдущего года на полтора миллиарда марок [221].

С советской стороны было заявлено об единоличной ответственности германского правительства за затяжку переговоров о кредитах. В советских руководящих кругах, как сообщил послу Б. С. Стомоняков, сложилось впечатление, что молчание германского правительства объясняется требованием влиятельных кругов в Германии оставить себе «возможно более свободные руки в отношении СССР для предстоящих политических переговоров с Антантой», поскольку в результате международной политической конференции для Германии не исключено получение новых возможностей также и относительно экспорта в Советский Союз [222]. Принимая во внимание, кроме того, закулисные переговоры бывшего статс-секретаря МИД Р. Кюльмана и видного промышленника А. Рехберга в период парижских заседаний комитета экспертов по репарационному вопросу (в феврале-июне 1929 г.) об участии Германии в антисоветском блоке держав [223], поведение германского правительства в вопросе о кредитных переговорах, инициатором которых было оно само, не могло не производить весьма неблагоприятного впечатления и расцениваться «как результат усиления антисоветских тенденций в Германии» [224]. Советская сторона решительно отвергла попытки германского правительства считать правительство СССР ответственным за действия Компартии Германии [225] . В заключение советский представитель еще раз подчеркнул, что «самым печальным является то, что с германской стороны склонны близоруким образом преувеличивать значение всяких временных неприятностей и ставить из-за них под вопрос самую основу наших отношений. Между тем в Берлине должны были бы понять, что при столь большом различии наших политических и экономических систем некоторое количество конфликтов, инцидентов и трений между обоими государствами является абсолютно неизбежным». Эти конфликты

---

[221] ДВП, т. XII, с. 369.
[222] Там же, с. 370.
[223] Там же, с. 758; «Известия», 22 мая 1929. Архивные дипломатические документы подтверждают это. (Polit. Archiv. Abt. IV.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 246).
[224] ДВП, т. XII, с. 370.
[225] Там же, с. 372.

и трения, говорил Б. С. Стомоняков, необходимо по возможности локализовать, не преувеличивать их значения и не допускать, чтобы из-за них страдали отношения между Германией и СССР. Нельзя допускать, чтобы из-за временных препятствий наши страны «теряли перспективу» [226]

Хотя германский посол в общем на словах согласился с доводами советской стороны, переговоры о кредитах так и не начинались. Вопрос о них, правда, вновь всплыл в конце 1929 г., когда уже можно было говорить о серьезных кризисных явлениях в Германии, сказавшихся и на ее финансовом положении.

Дирксен вернулся к вопросу о кредитных переговорах в беседе с А. И. Микояном 11 декабря 1929 г., сообщив о тяжелом положении германского денежного рынка. Дирксен утверждал также, что «переговоры о кредитах не завершились потому, что на предложение германского правительства о размерах и сроках кредита Советское правительство выставило свои требования о займе, на что германское правительство не могло пойти» [227]. Опровергая это утверждение, А. И. Микоян заявил, что вину за срыв этих переговоров несет исключительно Германия и, в частности, те ее экономические круги, которые враждебно относятся к индустриализации СССР. Он подчеркнул, что причина затруднений, о которых говорят промышленники и пресса, заключается в том, что «некоторые германские хозяйственные круги принципиально враждебны советской монополии внешней торговли, а некоторые из них просто настроены антисоветски» [228]. Ссылка же посла на то, что СССР по политическим соображениям перебрасывает заказы из Германии в Америку, совершенно несостоятельна. А. И. Микоян согласился с тем, что некоторые заказы действительно приходится перемещать в США, но «отнюдь не по политическим соображениям, а вследствие того, что продукция германской промышленности не всегда является последним словом техники» [229] Тем не менее, нарком внешней и внутренней торговли СССР заявил, что «верит в развитие советско-германской торговли», поскольку существует обоюдная заинтересо-

[226] Там же, с. 373.
[227] Там же, с. 645.
[228] Там же, с. 647.
[229] Там же, с. 648.

ванность в развитии экономических отношений [230]. Советская сторона приветствовала приезд в СССР германской делегации для установления личного контакта между германскими и советскими хозяйственниками [231].

Не по вине советской стороны кредитные переговоры зашли в тупик. Почти на каждом шагу чувствовалась скованность и осторожность в действиях правительства во главе с рейхсканцлером Мюллером. Исключительно большие возможности, которые открывались перед промышленностью Германии для развития и расширения всех форм делового сотрудничества и товарообмена с Советским Союзом в связи с осуществлением плана индустриализации, не были использованы германским правительством.

Отрицательно сказывалось на германо-советских отношениях и то обстоятельство, что при попустительстве германских властей Германия превратилась в один из центров подрывной антисоветской деятельности российских белоэмигрантов. 3 марта 1929 г. в Берлине была раскрыта белогвардейская «фабрика» (Орлов, Сумароков и др.) [232] по изготовлению антисоветских и антикоминтерновских фальшивок. Полпред СССР в Берлине получил указание из Москвы заявить, что Советское правительство заинтересовано в доскональном раскрытии всех нитей этого дела, в котором участвовали белогвардейцы, помогавшие мировой реакции осложнять международное положение СССР [233]. Представлялась несомненной связь белых эмигрантов с германским министерством внутренних дел. 10 мая советский полпред сделал представление в связи с этим статс-секретарю Шуберту. С 1 по 11 июля проходило слушание дела в берлинском суде. Несмотря на полную доказанность предъявленных Орлову и другим обвинений, суд тем не менее вынес недопустимо мягкий приговор: Орлов и Сумароков были приговорены к четырем месяцам заключения каждый с зачетом срока предварительного заключения, что практически означало их фактическое оправдание. Преступники были сразу же освобождены [234].

---

[230] ДВП, т. XII, с. 649.
[231] Там же, с. 650.
[232] Подробнее об этом см. *Норден А.* Фальсификаторы, с. 147.
[233] ДВП, т. XII, с. 120.
[234] Там же, с. 742.

«Известия» выступили с резкой статьей по поводу этого приговора, наносящего вред германо-советским отношениям [235]. Б. С. Стомоняков (в беседах с Дирксеном 13 и 15 июля) заявил, что имеет «поручение обратить через посредство посла внимание германского правительства на то тягостное впечатление, которое произвел на Советское правительство исход процесса Орлова», и указать на серьезное влияние, которое он может оказать на советско-германские отношения. Для устранения этой опасности советская сторона в неофициальном порядке предлагала следующие меры: 1) высылку всех замешанных в процессе эмигрантов; принятие действенных мер против дальнейшего сотрудничества германских властей с подобными эмигрантами; 2) заявление германского правительства о решительном осуждении сотрудничества властей с преступными элементами русской эмиграции и о принятии самых энергичных мер для искоренения такого сотрудничества [236].

22 июля 1929 г. Дирксен по поручению правительства сообщил Б. С. Стомонякову о мерах, принятых в связи с процессом Орлова [237]. Учитывая пожелания Советского правительства, правительство Германии поручило министру внутренних дел К. Зеверингу выступить с публичным заявлением на конференции министров внутренних дел германских земель. На этой конференции, выступая по первому пункту повестки дня, Зеверинг сообщил о вскрывшихся в связи с процессом Орлова недопустимых действиях ряда германских чиновников. Министр заявил, что осуждает такие действия, запретил всем своим подчиненным агентам подобное сотрудничество и не потерпит его в будущем. Что же касалось пожелания советской стороны о высылке Орлова и Сумарокова за пределы Германии, то в связи с поступлением от их имени апелляционных жалоб впредь до решения суда вопрос не мог быть решен, но МИД Германии будет содействовать в том направлении, чтобы высылка состоялась [238]. Выступление Зеверинга было опубликовано германской прессой.

Исходя из стремления не обострять отношений с Германией, 2 августа коллегия НКИД приняла постановле-

[235] «Известия», 13 июля 1929.
[236] ДВП, т. XII, с. 742—743.
[237] Там же, с. 400—403.
[238] «Berliner Tageblatt», 14.VII 1929; ДВП, т. XII, с. 401, 402.

ние: «Признать удовлетворительным объяснение германского правительства по делу Орлова и считать конфликт исчерпанным» [239].

Примерно в то же время состоялись враждебные выступления германской официозной [240] и правительственной [241] печати по поводу конфликта между СССР и Китаем на КВЖД. В телеграмме полпреду СССР в Берлине член коллегии НКИД СССР Б. С. Стомоняков (16 июля 1929 г.) просил немедленно заявить в Берлине о возмущении советской стороны враждебным поведением и нелепыми антисоветскими инсинуациями в связи с этим событием прессы Германии, превзошедшей прессу таких стран, как Япония и даже Англия [242].

18 июля представление по этому вопросу было сделано в Берлине статс-секретарю Шуберту советским полпредом, указавшим, что официоз МИД 15 июля не только стал на сторону Китая, захватившего КВЖД, но и как бы подсказывает китайскому правительству мотивировку насильственных действий против СССР. Открыто враждебную позицию занял также орган центрального комитета главной правительственной партии «Форвертс» [243].

Решение германского правительства принять на себя одновременно защиту интересов не только советских граждан в Китае, но и защиту интересов китайских граждан в СССР (18 июля) [244] вызвало законное недовольство советской стороны. Б. С. Стомоняков сообщил по этому поводу Дирксену, что решение правительства Германии защищать китайские интересы «после всех безобразий, допущенных с китайской стороны против СССР», не может быть понято широкими кругами в Советском Союзе [245].

Дальнейшее поведение германского правительства в связи с конфликтом на КВЖД также никак нельзя было квалифицировать как дружественное. Хотя оно согласилось взять на себя защиту интересов советских граждан в Ки-

---

[239] ДВП, т. XII, с. 743.
[240] Имеется в виду «Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz».
[241] «Vorwärts» — орган правительственной социал-демократической партии.
[242] ДВП, т. XII, с. 386—387.
[243] Там же, с. 392, 393.
[244] Там же, с. 397; Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 244.
[245] ДВП, т. XII, с. 405.

тае, а также заявило китайскому посланнику в Берлине, что «позиция Германии в данном конфликте определяется Берлинским договором, на основании которого Германия обязана соблюдать нейтралитет в случае неспровоцированного Советским Союзом нападения на него» [246], одновременно оно приняло участие в закулисных переговорах держав по инициативе государственного секретаря США Г. Стимсона с целью вмешательства в советско-китайский конфликт [247]. Советская сторона сделала по этому поводу представление послу Германии 5 августа 1929 г. Б. С. Стомоняков подчеркнул в беседе с Дирксеном, что участие германского правительства в акции Стимсона «произвело в наших правительственных кругах исключительно неблагоприятное впечатление. В нем усматривают новый серьезный симптом ухудшения отношения Германии к СССР, его ставят в связь с рядом других фактов, особенно с тем обстоятельством, что официальный орган министерства иностранных дел открыто занял позицию против нас в советско-китайском конфликте и, несмотря на обещание его, Дирксена, до сих пор эта позиция не была изменена» [248].

И хотя германское правительство заявило в Вашингтоне, что считает более целесообразным предоставить Советскому Союзу и Китаю договариваться непосредственно, без посредничества других держав [249], однако с советской стороны были основания расценивать его поведение как недружественное. В письме Б. С. Стомонякова в полпредство СССР в Берлине (10 августа) отмечалось, что «этот инцидент показывает, что Германия вообще может вести за нашей спиной переговоры с державами за наш счет, не сообщая нам ничего...». Советский представитель причислил поэтому это дело к разряду «неоплаченных векселей» Германии, которая, «несомненно, нарушила по духу Берлинский договор и дружественные отношения, существующие между нами» [250].

Отражением враждебных тенденций в руководящих кругах Германии были также уже упоминавшиеся выше

---

[246] ДВП, т. XII, с. 403.
[247] Там же, с. 760—761, 438; Polit. Archiv. Büro Reichsminister.— В кн.: *Ахтамзян А.* Указ. соч., с. 245.
[248] ДВП, т. XII, с. 440.
[249] Там же, с. 444, 445.
[250] Там же, с. 457.

переговоры в Париже магната калийной промышленности А. Рехберга по вопросу о франко-германском соглашении [251]. Незадолго перед этим тот же Рехберг выступил со статьей, призывавшей к созданию англо-франко-германского союза с явно антисоветской направленностью [252]. Аналогичную попытку предпринял президент рейхсбанка Я. Шахт, опубликовавший в бельгийской печати статью, в которой содержалось предложение основать единый фронт капиталистических держав против СССР в целях навязывания России кабальных экономических условий и борьбы против большевизма [253]. Советская печать совершенно верно расценила эти переговоры как проявление антисоветских устремлений определенных германских кругов.

Единственной партией в Германии, последовательно выступавшей за дружественные отношения и сотрудничество с Советским Союзом, была КПГ во главе с Э. Тельманом. Однако, как писал В. Ульбрихт, ей «все же не удалось сломить влияние антисоветской пропаганды на широкие слои народа, прежде всего на мелкую буржуазию» [254].

На усиление враждебных Советскому Союзу тенденций в германской политике, особенно после майских событий 1929 г., обратил внимание член коллегии НКИД СССР Б. С. Стомоняков при встрече 5 августа 1929 г. с послом Германии. Стомоняков посоветовал тогда Дирксену довести до сведения германского правительства, что «политика Германии в отношении СССР принимает все более и более сомнительное направление» [255]. Германский посол заверил, что «это абсолютно неверно, что политика Германии остается той же и что не было и не может быть речи о том, чтобы германское правительство вступило в какие бы то ни было сделки за счет СССР» [256]. Вместе с тем Дирксен обещал немедленно сообщить в Берлин о сделанном ему советской стороной заявлении.

Одним из примеров усиления враждебных тенденций в политике Германии по отношению к СССР была также

---

[251] «Vossische Zeitung», 28.V 1929.
[252] «Berliner Börsenkurier», 9.X 1928.
[253] «Международная жизнь», 1929, № 8, с. 36.
[254] «Правда», 31 октября 1951.
[255] ДВП, т. XII, с. 442.
[256] Там же, с. 443.

антисоветская кампания в немецкой печати по вопросу о «положении немецких колонистов» в Советском Союзе [257], начавшаяся во второй половине 1929 г., в период развернувшегося в СССР массового колхозного движения. Под воздействием этой антисоветской пропаганды и при прямом подстрекательстве атташе германского посольства в Москве по вопросам сельского хозяйства зажиточная прослойка немецких колонистов, подавляющая часть которых принадлежала к секте меннонитов, проживавших на юге России, отказалась вступить в колхозы, бросила свои хозяйства и в октябре 1929 г. двинулась с семьями в Московскую область. Всего прибыло около 6 тыс. семей, они разбили под Москвой лагерь, требуя разрешения советских властей на выезд в Германию [258]. Эти люди поверили пропагандистской кампании, проводившейся в Германии особым комитетом по сбору пожертвований для оказания помощи «братьям в нужде», почетным председателем которого являлся президент Гинденбург. В то время, когда в Германии было три миллиона безработных, Гинденбург обратился с «призывом» к немецкому народу оказать «помощь» немецким колонистам в СССР и объявил, что он лично жертвует 200 тыс. марок. Германское посольство активно подключилось к деятельности этого «комитета», пересылало полученные из Германии посылки и требовало от НКИД предоставления виз на выезд колонистов [259].

Во избежание ненужных осложнений в советско-германских отношениях и прекращения враждебной кампании в германской прессе НКИД СССР в порядке исключения выдал разрешения на выезд около 6 тыс. немецких колонистов, которые по приезде в Германию оказались без средств к существованию, без жилья и земельных наделов. Германское правительство постаралось отправить их в страны Латинской Америки [260]. После этого германская печать, разумеется, уже не касалась вопроса о судьбе «бедных колонистов» в СССР, и правительство также не возвращалось к этому вопросу.

---

[257] «Kölnische Zeitung», 20.X 1929; «Frankfurter Zeitung», 22.X 1929; «Vossische Zeitung», 27.X 1929; «Deutsche Allgemeine Zeitung», 28.X 1929.
[258] AR, Bd. 1, S. XXXI; Bd. 2, Dok. 344, S. 1131—1132.
[259] Schulthess Europäischer Geschichtskalender, Bd. 70, 1929, S. 93.
[260] AR, Bd. 1, S. XXXI.

Руководящие германские деятели уклонялись от публичных оценок отношений с Советским Союзом. Об этом, в частности, свидетельствует речь Штреземана, произнесенная в рейхстаге в декабре 1928 г., когда он вообще не коснулся состояния германо-советских отношений [261]. В ответ на запрос депутата от КПГ Мюнценберга о политике Германии по отношению к Советскому Союзу статс-секретарь МИД В. фон Рейнбабен заявил, что в позиции Германии относительно СССР не произошло никаких изменений [262].

На отношениях Германии к Советскому Союзу конца периода относительной стабилизации отражалась крайняя неустойчивость политического курса германского правительства Г. Мюллера. Однако оно не могло не учитывать жизненную важность сохранения германо-советских отношений. Выступая на заседании комиссии рейхстага по иностранным делам с докладом об итогах сессии Лиги наций в Лугано (25 января 1929 г.), Штреземан подчеркнул, что если оценивать общее направление германской внешней политики, нельзя говорить о длительном подчинении Германии державам Антанты. Примерно та же ситуация была после Локарно, когда Германия и СССР вскоре подписали Берлинский договор. Кроме того, министр иностранных дел отметил коренное улучшение за прошедший период германо-американских отношений. Заявив, что хотя «союз с Россией невозможен», он вместе с тем сказал, что отношениям с Советским Союзом «придает большое значение», поскольку если вновь встанет вопрос о войне в Европе, «такая война велась бы на территории Германии» [263].

За неполные два года пребывания у власти правительства Мюллера германо-советские отношения не претерпели существенных перемен в лучшую или худшую сторону, хотя атмосфера этих отношений стала менее дружественной.

Определенные круги германской буржуазии выступали за продолжение политики развития германо-советских деловых связей и поддержания добрососедских отноше-

---

[261] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 423, S. 414.
[262] Ibid., S. 447, 453.
[263] Материалы гос. архива Шверина, Мекленбург.— In: Die Große Sozialistische Oktoberrevolution und Deutschland. Berlin, 1967, S. 611.

ний. Для них СССР не потерял своего значения как рынок сбыта. К тому же серьезные противоречия между Германией и другими державами вынуждали германское правительство в целях укрепления своих международных позиций поддерживать с Советским Союзом добрососедские отношения и развивать торгово-экономические связи.

Добрососедские политические отношения между СССР и Германией были важнейшим фактором, влиявшим на международное положение Германии; антисоветская же политика неизбежно приводила к ослаблению ее международных позиций. Основу для длительных дружественных отношений между обеими странами составляли не преходящие факторы, а долговременные жизненные интересы германского и советского народов, их заинтересованность в сохранении мира и развитии экономического сотрудничества. Убедительным подтверждением этого было подписание германо-советского протокола от 21 декабря 1928 г. об уточнениях торгово-экономических соглашений от 12 октября 1925 г., заключение между Германией и СССР конвенции о согласительной процедуре, обмен мнениями между обеими странами по важным политическим вопросам. Это и было определяющим в германо-советских отношениях, построенных на принципах Рапалло.

Советское правительство оценивало существо германо-советских отношений, исходя из ленинских идей и установок. «Основные объективные условия,— говорилось на сессии ЦИК 4 декабря 1929 г.,— продиктовавшие в свое время Рапалльский договор и нашу многолетнюю дружбу, продолжают в общем действовать и поныне и должны определять взаимоотношения еще на долгое время» [264].

Это предвидение оказалось правильным. Советско-германские отношения, несмотря на ряд отрицательных моментов, продолжали сохраняться и развиваться на основе существующих между обеими странами договоров и соглашений на протяжении всего веймарского периода.

---

[264] ДВП, т. XII, с. 629.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ВЕРСАЛЬСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О РАЗОРУЖЕНИИ И ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЯХ

Период 1924—1929 гг. характеризовался усилением агрессивных тенденций западных держав по отношению к СССР, началом возрождения германского милитаризма. «Вся история Веймарской республики,— пишет видный историк и политический деятель ГДР А. Абуш,— это не что иное, как подготовка возрождения германского империализма, лишь маскировавшаяся различными формами» [1].

Постановления Версальского договора о разоружении и оккупированных областях Германии в значительной степени определяли отношения германского правительства с западноевропейскими державами в 20-е годы [2]. Сразу же после подписания в Версале мирного договора 1919 г. германские правящие круги начали борьбу за отмену ущемляющих империалистические и милитаристские интересы Германии постановлений.

Выступая с требованиями равноправия Германии с другими империалистическими державами, германские руководящие круги действовали вразрез с политикой французского правительства, которое стремилось осуществление этого равноправия по возможности оттянуть, если не совсем не допустить [3]. Английские же правящие круги, напротив, ведя борьбу против гегемонии Франции на европейском континенте, не были в той же мере заинтересованы в точном выполнении Германией ее версальских обязательств. И хотя английское правительство в 20-е годы официально и не поддерживало германские требования о ревизии Версальского договора, фактически оно шло им

[1] *Абуш А.* Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962, с. 208.

[2] *Fox J. P.* Britain and the Inter-Allied Military Commission of Control, 1925—26.— «The Journal of Contemporary History», vol. 4, N 2, London, 1969, April, p. 143.

[3] *Hesse F.* Das Spiel um Deutschland. München, 1953, S. 13.

навстречу. Система, установленная относительно германской армии и ее вооружений по Версальскому договору, говорилось на страницах близкого к английским руководящим кругам журнала «Раунд тейбл», «была абсолютно необходима сразу после войны. Возможно, что ее нужно сохранить еще некоторое время, пока Европа урегулирует свои проблемы более определенно, чем сейчас. Но она не может быть постоянной. Очевидно, невозможно держать Германию постоянно разоруженной, в то время как ее соседи остаются вооруженными до зубов» [4].

Эту позицию английских правящих кругов отмечал нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин. «Версальский договор,— писал он 4 августа 1925 г.,— открыто представляется как нечто незаконченное, и изменение Версальского договора выдвигается как одна из задач международной дипломатической работы, причем английское правительство берется само определить момент, когда к этой работе будет приступлено» [5].

Согласно постановлениям Версальского договора, численность германской армии (рейхсвера) не должна была превышать 100 тыс. человек на основе добровольного набора; Германии запрещалось иметь военно-морскую авиацию, дирижабли, танки, тяжелую артиллерию, подводные лодки и т. п. Эти постановления, а также учреждение, по статьям 203 и 213, Межсоюзной военной контрольной комиссии (МКК) на территории Германии с конца 1919 г. и инспектирования или контроля со стороны Лиги наций за их выполнением вызывали наиболее серьезные осложнения во взаимоотношениях Германии со странами Антанты [6].

Однако германское правительство в послеверсальский период, всячески уклоняясь от выполнения постановлений о разоружении, стремилось в обход им создавать армию, которая вынудила бы западные державы вновь считаться с Германией [7]. «Мы должны прежде всего...,— писал командующий рейхсвером генерал фон Сект,— добиться,

---

[4] «Round Table», 1925, June, p. 434.

[5] *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 433.

[6] *Fox J. P.* Op. cit., p. 143.

[7] *Smith A. J.* Le Général von Seeckt et l'armée allemande après la défaite (1919—1926).— «Revue d'histoire moderne et contemporaine», t. X, Paris, 1963, octobre — décembre, p. 271.

чтобы армия имела фасад, соответствующий договору, и в то же время была в состоянии вести ... войну» [8].

Путем различного рода нарушений удавалось увеличивать фактическую численность армии и постепенно втайне осуществлять незаконное перевооружение. Интересно в этом отношении свидетельство Шарля де Голля, тогда капитана французской армии, побывавшего в Германии в качестве офицера оккупационной армии и на основе своих личных впечатлений опубликовавшего в 1924 г. книгу по вопросу о германском военном и политическом руководстве, озаглавленную «Раздор в стане врага» [9]. В этой книге в противоположность военным руководителям Франции, восхищавшимся организацией германского генерального штаба, де Голль предостерегал против возможных опасных последствий его деятельности для национальных интересов Германии [10]. Даже во время кратковременной службы в штабе Рейнской оккупационной армии в Майнце для де Голля стало очевидным, что в Германии началось тщательно маскируемое возрождение военно-промышленного потенциала [11].

Правда, германское правительство капитулировало перед требованиями Франции о запрещении производства в Германии некоторых видов вооружений и обещало привлекать к ответственности виновных в этом. Однако попытки превысить численность германской армии встречали поддержку со стороны министра иностранных дел Штреземана, в частности формирование в обход версальским постановлениям так называемых гражданских войск (Einwohnerwehren) в Баварии [12]. Уже вскоре после демобилизации и возвращения немецких солдат с фронтов из их числа были сформированы «добровольческие корпусы», легальные и нелегальные военные и полувоенные организации. Для их организации Германский промышленный совет выделил сумму в 500 млн. марок [13].

---

[8] *Smith A. J.* Op. cit., vue d'histoire moderne et contemporaine», t. X, 1963, p. 273.

[9] *De Gaulle, le Capitaine.* La Discorde chez l'Ennemi. Paris, 1924.

[10] См. *Молчанов Н. Н.* Генерал де Голль. М., 1973, с. 63.

[11] См. *Антюхина-Московченко В. И.* Шарль де Голль.— «Новая и новейшая история», 1971, № 3, с. 83—84.

[12] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Stresemann and the Rearmament of Germany. Baltimore, 1954, p. 7—8.

[13] *Kuczinski J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. II. Berlin, 1950, S. 271.

Помимо этого, на границе Германии с Польшей была создана добровольческая пограничная охрана. Формировались разного рода солдатские союзы и землячества: «Стальной шлем», «Союз немецких офицеров», «Шлиффеновское общество», возглавляемое Гинденбургом, «Союз немецких фронтовых солдат» и т. п. Наиболее значительным из них, располагавшим вооруженными отрядами, был организованный в конце 1918 г. «Стальной шлем», сохранявший ведущую роль до 1929—1930 гг., когда она перешла к фашистским штурмовым отрядам СА. Последние появились уже в 1921 г., а к 1928 г. их численность достигла 90 тыс. человек [14]. Кроме обычной полиции («орднунгс-полицай»), составлявшей 92 тыс. человек, существовала еще «полиция безопасности» («зихерхайтс-полицай») — численностью в 60 тыс. человек [15]. Эта находившаяся на казарменном положении полиция, по свидетельству английского представителя в МКК генерала Моргана, располагала всеми видами вооружений и даже самолетами [16] и существовала в качестве дополнительной армии наряду с рейхсвером.

В рейхсвере сохранялись довоенные традиции монархизма и прусского милитаризма. Рейхсвер и другие военные и полувоенные организации разжигали националистическую пропаганду, шовинистический и реваншистский угар, выступая против версальских постановлений о разоружении и оккупированных германских территориях [17]. Они поддерживали национал-социалистскую демагогию, призывавшую к возрождению «величия немецкой нации».

Исключительное положение офицерского корпуса было сохранено в неприкосновенности. Во главе рейхсвера продолжал стоять генеральный штаб, который «и в Веймарской республике оставался той огромной, скрытой в полумраке силой, руководящая роль которой объясняет столь многое необъяснимое в правительственной политике этой весьма странной «демократии»» [18].

---

[14] *Castellan G.* Le réarmement clandestine du reich 1930—1935. Paris, 1954, p. 303, 343.

[15] См. *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М., 1945, с. 181.

[16] *Morgan J. H.* Assize of Arms, vol. II. London, 1946, p. 58.

[17] *Hermann C. H.* Deutsche Militärgeschichte. Frankfurt a/M., 1966, S. 349—350.

[18] *Абуш А.* Указ. соч., с. 204.

Небезынтересно в этой связи свидетельство У. Черчилля. В своих мемуарах он сообщает, что создание германской армии в полном составе планировалось секретно, начиная с 1921 г. Была использована любая возможность, чтобы обойти положение Версальского договора о сокращении офицерского корпуса с 34 тыс. до 4 тыс. человек. «Фактически,— писал Черчилль,— под предлогом существования департаментов реконструкции, исследования и культуры несколько тысяч штабных офицеров и их помощников работали все вместе в Берлине. Все генералы, старший офицерский состав и офицеры генерального штаба армии занимались... нововведениями в искусстве ведения войны и в ее многочисленных технических проблемах и притом в масштабах такой германской армии, которая, когда придет время, сможет поднять германскую нацию до прежнего уровня» [19].

Хотя рейхсвер, «Стальной шлем», нацистские СА и СС и нелегально созданный руководством рейхсвера «черный рейхсвер» в 20-е годы служили в первую очередь для внутриполитических целей, это не означало, что эти организации не носили агрессивного, милитаристского характера [20]. Рейхсвер вкупе с другими военными и полувоенными организациями лишь внешне соответствовал версальским условиям, а на деле был кадровой армией, приспособленной по существу к подготовке новых агрессий [21]. Это прекрасно понимало германское правительство. В конце 1923 г. Штреземан писал Брокдорфу-Ранцау: «Значительный упадок социализма плюс огромное усиление националистских организаций является гарантией того, что в ближайшем будущем мы обретем силу и вновь приобретем способность быть союзниками наших друзей и опасными для наших врагов» [22]. Вместе с тем, герман-

---

[19] *Churchill W. S.* The Second World War, vol. I. London, 1948, p. 36, 37.

[20] *Puchert B.* Der Wirtschaftskrieg des deutschen Imperialismus gegen Polen 1925—1934. Berlin, 1963, S. 9.

[21] В этой связи представляет интерес мнение военного атташе США в Берлине, полагавшего, что «современная германская армия в пределах 100 тыс. лучше германской армии 1914 г. и лучшая армия, какую когда-либо знал мир». (Department of State. National Archives (далее — State), 2.X 1926.— In: *Jacobson J.* Locarno Diplomacy. Princeton (N. J.), 1972, p. 111, прим. 24).

[22] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 18. В «Vermächtnis» (Bd. I, S. 260) эта часть опущена.

ский министр иностранных дел учитывал, что *на данном этапе* не могло еще быть речи о ревизии Версальского договора военным путем. «Я надеюсь и верю,—заявил он в июле 1924 г.,— что если до этого дойдет, а *я верю, что в конечном счете всегда эти великие вопросы решаются мечом*,— этот момент будет по возможности дальше оттянут. В этом я могу усматривать лишь гибель нашего народа *до тех пор, пока у нас нет для этого как раз меча*» (выделено нами.— *С. Н.*) [23].

Уже в 1921 г. министр обороны Гесслер поставил перед министерством иностранных дел вопрос об освобождении Германии от контроля Межсоюзной военной комиссии — «этого агентства угнетения» [24]. В последующий период именно Штреземан немало потрудился над этим «освобождением» [25], используя противоречия между Англией и Францией. Американский историк Дж. Уилер-Беннетт отмечает, что Штреземан создавал дипломатический фронт, позади которого «Сект закладывал военную основу для Великой Германии будущего» [26].

Английское правительство, связанное с французским общими обязательствами по Версальскому договору, вынуждено было в большинстве случаев выступать с ним совместно в вопросе о соблюдении германским правительством постановлений о разоружении и оккупированных областях.

Но в руководящих кругах Англии не было единого мнения относительно того, какой политики следует придерживаться в этом вопросе. В то время как английский посол в Берлине лорд д'Абернон не уставал твердить, что Германия полностью разоружена, а потому необходимость в существовании контрольной комиссии отпала, представитель Англии в МКК генерал Морган придерживался на этот счет иного мнения [27]. «Меня часто спрашивают,—

---

[23] *Zimmermann L.* Deutsche Außenpolitik in der Ära der Weimarer Republik. Göttingen, 1958, S. 267.

[24] *Rabenau F. von.* General von Seeckt. Aus seimen Leben. Leipzig, 1940, S. 451.

[25] Germany. Heeresarchiv Potsdam. Papers of General Hans von Seeckt. Microfilm in Widener Library. Harvard University, Cambridge (Mass.).— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 15.

[26] *Wheeler-Bennett J.* The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945. New York, 1954, p. 107.

[27] *Fox J. P.* Op. cit., p. 143, 144.

писал он в 1924 г.,— разоружена ли Германия, и моим ответом на этот вопрос является контрвопрос: что вы понимаете под разоружением? Мы уничтожили 35 тыс. немецких пушек, превратили в лом несколько миллионов винтовок, мы взорвали укрепления и фабрики по изготовлению пороха... Но существуют три вещи, которые мы не можем уничтожить: люди, промышленность и наука» [28]. В статье, озаглавленной «Разоружение Германии и что за этим последовало» [29], а впоследствии в первом томе своих мемуаров Морган подверг критике тех, кто на веру принимал представляемые германской стороной в качестве доказательства разоружения данные [30]. Еще в большей степени, по мнению английского исследователя Дж. Фокса, это критическое отношение Моргана явствует из материалов второго, неопубликованного тома его мемуаров [31].

О том, что суждение Моргана о бесчисленных нарушениях постановлений о разоружении со стороны Германии соответствовало действительному положению дел, свидетельствуют использованные многими исследователями материалы германских архивов. Так, по словам А. Дж. Смита, если, к примеру, члены МКК выражали желание познакомиться с какими-либо документами и т. п., представители Германии под предлогом отсутствия или потери данных документов отказывали им в этом. Зачастую германские власти просили отложить инспектирование военных установок, ссылаясь на то, что они не были предупреждены заранее, а потому не могут найти те или иные планы. Обычно им шли навстречу, а тем временем запрещенные военные материалы и оборудование вывозились. Был случай, когда ввиду «потери» ключей членам контрольной комиссии не удалось пройти на завод в Виттенау. Пока ключи «искали», запрещенную продукцию вывезли с территории завода. По части нарушений особенно отличались заводы фирмы Крупп, которая, как отмечалось в докладе МКК, «постоянно оказывала сопротивление и не подчинялась приказам комиссии» [32]. Однако

---

[28] Цит. по: *Lehman-Rüssbüldt O.* Die blutige Internationale der Rüstungsindustrie. Hamburg, 1929, S. 36.
[29] «The Quarterly Review», October, 1924.
[30] *Morgan J. H.* Assize of Arms, vol. I. London, 1945, p. 124.
[31] *Fox J. P.* Op. cit., p. 144.
[32] *Smith A. J.* Op. cit., p. 277—278.

бывали случаи, когда эта фирма не сопротивлялась уничтожению оборудования, согласно постановлению контрольной комиссии, поскольку руководители фирмы получали от германского правительства денежную компенсацию [33].

Следует специально отметить, что несмотря на то, что еще в рассматриваемые годы были очевидны факты нарушения Германией постановлений о разоружении, а в настоящее время, на основе архивных материалов, даже буржуазные исследователи пишут уже не просто о фактах, а о «*политике* перевооружения Германии» [34], находятся адвокаты такой политики германского правительства. Наиболее разительно это бросается в глаза в вышедшей в 1966 г. книге западногерманского исследователя М. Залевски «Разоружение и военный контроль в Германии, 1919—1927 гг.» [35] Тон книги задается уже в предисловии к ней известного реакционного историка В. Хубача, научного руководителя диссертации Залевски, на основе которой создана работа.

Стремление В. Хубача всячески преуменьшить нарушение Германией военных постановлений встретило резкое осуждение со стороны американского исследователя Г. Гацке — автора книги о перевооружении Германии, написанной на основе скрупулезного изучения неопубликованного архива Штреземана. «Если смотреть на нарушения Германией в области разоружения с удобной позиции атомного века,— справедливо замечает Гацке,— они не кажутся столь большими, как предшествовавшему поколению. Однако неверно преуменьшать эти нарушения, как поступает профессор Хубач...» [36] И хотя сам Залевски пытается быть более объективным, тем не менее на всем протяжении его книги заметно скорее стремление «простить» германскому правительству обструкционистскую политику по отношению к разоружению, чем понять оппозицию союзных держав германской политике нару-

---

[33] ZStA Potsdam. Reichswirtschaftsministerium.— In: *Hampel M.* Die imperialistische Außenpolitik Deutschlands beim Wiederaufleben der anglo-französischen Interventionstendenzen gegen die UdSSR (1925—1927). Dissertation. Humboldt-Universität zu Berlin, 1958, S. 34—35.

[34] *Gatzke H. W.* Op. cit.

[35] *Salewski M.* Entwaffnung und Militärkontrolle in Deutschland, 1919—1927. München, 1966.

[36] «The American Historical Review», N 2, December 1967, p. 522.

шений постановлений о разоружении. Имеющиеся свидетельства, по мнению Гацке, опровергают утверждение М. Залевски, что не может быть сомнения в «честном намерении» германского правительства придерживаться Версальского договора, как и несправедливо обвинять союзников не только в «желании сделать рейх полностью беззащитным», но и в призывах к его (рейха.— *С. Н.*) «враждебным соседям напасть на обессиленную Германию» [37]. Особенно «досталось» от Залевски в связи с его позицией «защитника» германского правительства «германоненавистнику» генералу Моргану, а также французским представителям.

Французское правительство, в отличие от английского, считало сохранение контрольной комиссии абсолютно необходимым условием для национальной безопасности Франции. Политика же правительства Англии в этом вопросе была, как метко охарактеризовал ее английский историк Дж. Фокс, неким средним между точкой зрения «апостола политики умиротворения» лорда д'Абернона, считавшего контрольную комиссию ненужным анахронизмом, и противоположной позицией генерала Моргана [38].

Исходя из основных целей политики Англии, английские руководящие деятели стали все больше склоняться к мнению, что сохранение МКК может стать препятствием к стабильному положению на европейском континенте. Компромисс между позицией Англии и Франции нашел отражение в ноте конференции послов [39] (6 марта 1924 г.), посланной Германии. В ней предлагалось установить промежуточную стадию между ликвидацией МКК и учреждением, согласно статье 213 Версальского договора, контроля за разоружением Германии со стороны Лиги наций. На этой промежуточной стадии должна была быть проведена инспекция с целью выяснения действительного состояния разоружения Германии [40]. Но в то время как французские руководящие деятели полагали, что контроль Лиги наций вряд ли будет достаточно эффективным, а по-

[37] «The American Historical Review», N 2, December 1967, p. 522.

[38] *Fox J. P.* Op. cit., p. 145; *Morgan J. H.* Assize of Arms, vol. II, p. 34.

[39] Организация, созданная в 1920 г., для решения вопросов, связанных с проведением в жизнь мирных договоров, в составе английского, итальянского и японского послов в Париже и представителя Бельгии. Председатель — представитель Франции

[40] *Fox J. P.* Op. cit., p. 147.

тому предлагали оставить военный контроль в Германии, английский премьер-министр Р. Макдональд заявил на заседании кабинета 18 июня, что считает основной целью ликвидацию Межсоюзной контрольной комиссии. Правда, он тут же оговорился, что решение этой задачи мыслит лишь «без разрыва с нашими союзниками» [41].

24 июня германскому правительству было направлено совместное англо-французское заявление за подписью Макдональда и Эррио, в котором констатировалось, что если союзные правительства будут удовлетворены результатами генерального инспектирования вооружений Германии, они согласятся заменить механизм МКК правом инспектирования Советом Лиги наций. Требование германского правительства признать, что генеральное инспектирование повлечет прекращение контроля, было отклонено [42]. Одновременно Макдональд и Эррио просили германскую сторону оказывать помощь «осуществлению законных требований военной контрольной комиссии» [43]. Причем английский премьер еще 1 июня рекомендовал Штреземану не возвращать обратно ноту союзников, поскольку она открывает путь к скорейшей ликвидации военного контроля над Германией [44]. Посол Англии в Берлине лорд д'Абернон также советовал германскому правительству ответить в благожелательном тоне, что, по его мнению, позволит «изменить всю атмосферу международных отношений...» [45] В течение лета 1924 г. Макдональд и Эррио неоднократно давали понять германской стороне, что эвакуация первой Рейнской зоны (Кёльнской), которая, согласно Версальскому договору, должна была произойти 10 января 1925 г., будет проведена в зависимости от выполнения Германией версальских постановлений о разоружении [46].

Генеральное инспектирование, которое началось 8 сентября, встретило крайне недоброжелательное отношение

---

[41] Ibidem.
[42] Ibid., p. 148.
[43] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 23.
[44] Ibid., p. 23—24.
[45] An Ambassador of Peace. Pages from the Diary of Viscount d'Abernon, vol. III. London, 1930, p. 76.
[46] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 28.

со стороны руководящих деятелей Германии. Статс-секретарь МИД фон Шуберт заявил д'Абернону, что если офицеры контрольной комиссии попытаются инспектировать военные сооружения, «это будет конец». Аналогичное предупреждение Штреземан сделал итальянскому послу в Германии Бодари [47]. В ноябре 1924 г. при попустительстве германских властей наблюдались не только недружелюбные, но и насильственные акты по отношению к офицерам МКК [48]. И хотя инспекция все же была произведена, генерал Сект при поддержке министерства иностранных дел принял все меры, чтобы остались вне контроля военные соединения вновь создаваемой армии, и наотрез отказался издать приказы, облегчающие работу контрольной комиссии [49]. Уже тогда в английской и французской прессе появились подкрепленные фактами сведения, что разоружение Германии осуществлено далеко не в такой степени, как это утверждало германское правительство [50].

Несмотря на затруднения, чинимые германскими властями работе МКК, ей удалось выполнить свою работу и выявить достаточно серьезные нарушения версальских постановлений о разоружении. Было установлено, что в течение 1924 г. в Германии проводилась в некоторых местах военная подготовка добровольцев, значительное число которых состояло в националистических организациях, например, «Ордене молодых германцев», а также студентов Марбурга, Тюбингена и др.[51]

Однако бесконечные препятствия со стороны германских властей настолько парализовали деятельность МКК, что вынудили ее в декабре 1924 г. прекратить расследование, не выявив до конца нарушения в области разоружения [52].

18 декабря 1924 г. английский министр колоний лорд Керзон сделал в палате лордов официальное заявление о том, что эвакуация Рейнской области, которую германское

---

[47] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 24.
[48] Ibid., p. 27.
[49] Ibid., p. 22.
[50] Ibid., p. 27—28.
[51] Bundesarchiv Koblenz. Nachlass Gessler.— In: *Carsten F. L.* Reichswehr und Politik 1918—1933. Köln — Berlin, 1964, S. 242.
[52] *Stresemann G.* Nachlass. Bericht N 45 über die Tätigkeit der IMK.— In: *Carsten F. L.* Op. cit., S. 243.

правительство считало решенной, может не состояться. Доклад межсоюзной комиссии из-за постоянной обструкции со стороны немцев откладывается, и лишь после того, как он будет получен и всесторонне изучен, может быть принято какое-либо решение относительно эвакуации [53].

Затем, 20 декабря, на заседании германского кабинета по этому вопросу Штреземан высказал мнение, что «теоретически борьба за эвакуацию к 10 января должна вестись со всей возможной энергией, хотя практически до мая отсрочка терпима, если будет эвакуирована Рурская область». Министр обороны Гесслер расценил английское заявление как «политический маневр Антанты», однако высказал опасение по поводу того, что «германское общественное мнение, поверив заявлению Керзона, может обрушиться на нас» [54].

После предварительного доклада межсоюзной комиссии конференция послов (28 декабря 1924 г.) приняла решение отложить эвакуацию.

На заседании германского кабинета 29 декабря 1924 г. Штреземан заявил, что если «будет по всей форме заявлено о невыводе войск из Германии, как об этом уже сообщили некоторые французские газеты, если... запланировано бессрочное продолжение оккупации, то это означает банкротство *лондонской политики*, и три ответственных за это германских министра, которые принимали участие в лондонских переговорах (о плане Дауэса.— *С. Н.*), должны тогда решить для себя вопрос, в состоянии ли они еще ввиду этого удара, нанесенного их политике, быть в составе кабинета и предстать в качестве министров перед парламентом» [55].

На следующий день, 30 декабря, министр иностранных дел выступил с речью перед своей любимой аудиторией, у которой он всегда имел наибольший успех,— перед иностранными корреспондентами. Он виртуозно развил свое понимание политики «верного выполнения». Штреземан назвал эту формулировку «не очень точной» и интерпретировал ее неопределенно и уклончиво. Не

---

[53] *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 28.
[54] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 29.
[55] *Thimme A.* Die Locarnopolitik im Lichte des Stresemann-Nachlasses.— «Zeitschrift für Politik», 1956, August, Hf. 1, S. 46—47.

могли же в этой формулировке, доказывал он, учитываться все мелочи, речь могла идти лишь о главном: разоружена Германия или нет. «Если же ее интерпретировать по-другому, то можно прийти к заключению, что уже установлено, что Германия имеет на одно орудие больше, чем разрешено, и поэтому войска еще остаются в Кёльнской зоне». И тут Штреземан апеллировал к «духу» лондонских соглашений о плане Дауэса: в Лондоне, по его словам, шла речь не только о разрешении репарационного вопроса, но и о начале в связи с этим периода «взаимопонимания» в мировой политике, чтобы создать основу для освобождения Германии от версальских ограничений. «Что означают 20 тыс. или 100 тыс. ружей,— говорил министр иностранных дел,— в обстановке, когда Германия полностью разоружена! Она не могла бы вести даже оборонительной войны» [56].

3 января 1925 г. Штреземан заявил в иностранной комиссии, что эвакуация Кёльнской зоны откладывается, о чем будет сообщено в ноте союзников. Он признал, что чисто формально отложить вывод войск с германской территории у держав есть основания, кроме обвинения в создании под другим названием в Германии генерального штаба [57].

В ответ на официальное уведомление Англии и Франции о том, что эвакуация откладывается, последовала нота протеста германского правительства, в которой союзники обвинялись в «нелояльном выполнении» договора. В письме от 7 января 1925 г., к Конраду Аденауэру, тогда обербургомистру Кёльна, германский министр иностранных дел писал, что «детальный доклад союзников упоминает целую серию так называемых нарушений, которые... не могут быть, видимо, просто отвергнуты. Поэтому я бы советовал не вступать в какие-либо дискуссии по поводу этих предполагаемых нарушений» [58].

К этому времени Форин оффис получил доклад контрольной комиссии о проведенном инспектировании. Этот доклад, свидетельствовавший о существенных нарушениях постановлений о разоружении Германией и препят-

---

[56] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Thimme A.* Op. cit., S. 47; ср. *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. I. Berlin, 1932, S. 619 ff.

[57] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Thimme A.* Op. cit., S. 48; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II. Berlin, 1932, S. 12 ff.

[58] *Smith A. J.* Op. cit., p. 277.

ствиях, чинившихся германскими властями работе комиссии, не был опубликован английским правительством не только тогда, но и впоследствии [59]. Английское военное министерство также сочло необходимым обратить внимание руководителей внешней политики на серьезность создавшегося положения в связи с невыполнением Германией постановлений о разоружении. Оно представило Форин оффис «Меморандум о настоящем и будущем военном положении в Германии». В этом документе развивалась мысль, что хотя Германия пока не представляет непосредственной военной угрозы, в будущем следует предвидеть такую опасность ввиду потенциальной мощи этого государства. Поэтому военное министерство рекомендовало союзным державам «занять совершенно ясную позицию в отношении того,— какой курс следует проводить с целью предотвратить всякую попытку со стороны Германии обрести ту силу, которую она потеряла в результате Версальского договора...» Генеральный штаб, подчеркивалось в меморандуме,— «не опасается Франции; он лишь опасается *за* Францию» [60].

В Форин оффис существовали различные точки зрения по поводу того, какой политики в германском вопросе нужно придерживаться: должна ли это быть «политика кулака» или отношение как к равноправной стороне, каким оно было на Лондонской конференции 1924 г. В основном господствовала «оптимистическая» точка зрения: считалось, что МКК провела достаточно тщательную работу и осталось сделать совсем немного [61]. Наиболее рьяным защитником подобной точки зрения был д'Абернон [62]. «Лично я,— записывает он в дневнике (12 января 1925 г.),—отнюдь не сомневался в том, что давно перестала существовать какая-либо опасность со стороны германских военных организаций. Время от времени я писал об этом донесения в Англию» [63].

Американский историк Гацке в своей книге «Штреземан и ремилитаризация Германии» приводит много фактов, свидетельствующих, что Англия очень спокойно (по

---

[59] См. *Турок В. М.* Локарно. М.— Л., 1949, с. 66.
[60] FO, vol. 10711, London,— In: *Fox J. P.* Op. cit., p. 149.
[61] Ibidem.
[62] D'Abernon's Papers, vol. 48928, British Museum, письмо д'Абернона Чемберлену, 21.I 1925.— In: *Fox J. P.* Op. cit., p. 149.
[63] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 120.

сравнению с Францией) относилась к нарушениям со стороны Германии ее обязательств о разоружении [64]. Тому есть и ряд других свидетельств, одно из которых, недавно впервые опубликованное, мы приведем. В неизданном архиве Штреземана имеется перевод частного, строго доверительного письма О. Чемберлена графине Зехерр Тосс (пронемецки настроенной дочери американского посла Генри Уайта) от 9 февраля 1925 г. В нем английский министр иностранных дел пишет о «слабо составленной» первой и «даже еще более глупой» второй ноте германского правительства: «Их вторая нота полна жалобами. Я удивляюсь, что даже в таком деле, как формулирование претензий союзников, им никогда не приходило в голову, что колебание может проистекать из желания со стороны тщательно исследовать военный доклад (Межсоюзной контрольной комиссии.— *С. Н.*) и провести различие между упущениями существенными, с которыми надо согласиться, и теми, которые не важны, а потому на них можно смотреть сквозь пальцы... Возможно, я не понимаю немецкого склада ума, но и немцы никогда не понимают склада ума других» [65].

Однако английское правительство не могло не считаться с выводами МКК и беспокойством, проявляемым Францией [66]. По мнению министра иностранных дел Чемберлена, нельзя добиться, не создав для Франции «ощущение безопасности», «улучшения ее отношений с Германией, какое должно быть основой всякого примирения враждебных отношений в Европе» [67]. «Ключ к решению» данной проблемы, говорилось в его письме английскому королю,— «успокоение» Франции, и «если мы не найдем средства сделать это, мы можем оказаться перед лицом полного провала нашей политики дружественных отношений с Францией и обострения ее отношений с Германией [68]. Поэтому английское правительство поддержало Францию в вопросе об отсрочке эвакуации Рейнской об-

---

[64] *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 31.
[65] *Thimme A.* Op. cit.— «Zeitschrift für Politik», 1956, August, Hf. 1, S. 50, 51.
[66] См. *Турок В. М.* Указ. соч., с. 66.
[67] *Johnson D.* Austen Chamberlain and the Locarno Agreement.— «University of Birmingham Historical Journal», 1961, 1, p. 71.
[68] *Gilbert M.* The Roots of Appeasement. London, 1966, p. 112—113.

ласти, что подтвердил новый обмен нотами 26—27 января 1925 г.[69]

Для германского правительства задача «успокоения» Франции была не менее важной, чем для Англии. Именно этой цели отвечал предложенный Германией проект гарантийного пакта[70]. «Злободневные в настоящее время вопросы разоружения и эвакуации,— говорилось в «строго секретном», неопубликованном меморандуме Штреземана,— часто рассматриваются во Франции с точки зрения безопасности ее перед лицом возможных германских планов агрессии. Они (вышеуказанные вопросы.— *С. Н.*) могли бы легко быть разрешены, если их увязать в общем соглашении, гарантирующем мир между Германией и Францией»[71].

Доклад Межсоюзной контрольной комиссии был по существу закончен к 15 февраля. Штреземан в беседе с итальянским послом Боздари дал понять, что ему известно его содержание (26 февраля 1925 г.)[72]. Но конференции послов потребовалось почти четыре месяца, чтобы прийти к соглашению по поводу текста ноты Германии. В течение этих месяцев в центре политических событий были переговоры о гарантийном пакте. В руководящих кругах Берлина видели даже известную выгоду в том, что (как говорилось в памятной записке посла во Франции фон Геша Штреземану 30 июня 1925 г.) переговоры о гарантийном пакте «ослабят», иначе говоря, отвлекут внимание держав от вопроса о разоружении Германии[73].

До Локарнской конференции стратегия Штреземана заключалась в следующем. Гарантийный пакт должен был послужить основой для далеко идущих уступок со стороны союзников в ответ на вступление Германии в Лигу наций и демонстрацию «доброй воли». Версальский договор требовал от Германии выполнения ее обязательств. В противном случае должны были быть применены военные и другие санкции и отложена предполагаемая эваку-

---

[69] Schulthess Europäischer Geschichtskalender, von *Schulthess H.* (далее — *Schulthess H.*), Bd. 66 (1925). München, 1929, S. 401—402; *Macartney C. A.* Survey of International Affairs, 1925 (II), p. 183—185.

[70] См. об этом в главе I.

[71] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 34.

[72] Ibid., p. 31.

[73] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Hampel M.* Op. cit., S. 36.

ация оккупированных территорий. План германского министра иностранных дел заключался в том, чтобы дать иную интерпретацию концепции выполнения. До тех пор, пока Германия выказывала готовность выполнять свои обязательства, и даже в том случае, если она не до конца осуществляла то, что от нее требовалось, у Англии и Франции тем не менее оставались основания считать, что условия договора в принципе выполняются [74]. Формулировка в статье 432: «если до истечения периода в 15 лет Германия будет выполнять все обязательства» вполне очевидно, по мнению Штреземана, относилась к «добрым намерениям» Германии подчиняться условиям договора. Поскольку же инициатива в вопросе заключения гарантийного пакта и принятие Германией плана Дауэса были достаточным свидетельством ее «добрых намерений», предполагаемая эвакуация должна была начаться уже сейчас.

Штреземан в беседе с журналистами в министерстве иностранных дел в начале мая 1925 г. подчеркнул, что «германское правительство готово продолжать дискуссию о пакте, но что оно ни в коем случае не подпишет такового до очищения Кёльнской зоны» [75]. В дополнение к этому основному требованию Штреземан настаивал на выполнении еще сорока менее значительных пунктов. Это были так называемые обратные действия (Rückwirkungen), т. е. действия, которые должны стать прямым следствием участия Германии в соглашении западных держав и в Лиге наций. Они касались уступок в вопросах об оккупации Рейнской области, военного расследования степени вооруженности Германии, сохранения главного командования в армии, обучения войск и строительства аэропортов в оккупированных районах Германии [76].

Нота союзных держав по вопросу о разоружении, составленная на основе доклада МКК, была вручена Германии 30 мая 1925 г. [77] Перечень бесчисленных нарушений германской стороной постановлений о разоружении, содержащийся в ноте, можно было с полным основанием

---

[74] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 201.
[75] АВП, ф. 082, п. 18, д. 5, л. 5.
[76] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 194.
[77] Great Britain. Foreign Office, Germany N 2 (1925). Note Presented to the German Government by the British, Italian, Japanese and Belgian Ambassadors at Berlin. Comm., Paper 2429.

заменить выводом, что «Германия вообще не выполняет своих обязательств по разоружению» [78]. Об этом свидетельствовали и развернутые отрывки из окончательного доклада МКК [79], которые были 8 июня опубликованы парижской прессой [80]: комиссии, несмотря на препоны германских властей, удалось обнаружить серьезнейшие нарушения постановлений о разоружении. Нота же держав, адресованная Германии, была составлена таким образом, что в массе не столь существенных подробностей тонула та основная опасность, которую представляла возрождаемая военная промышленность и рейхсвер в Германии [81]. Штреземан, тем не менее, назвал ноту союзников «садистской, особенно их требование уничтожения военных материалов» [82].

На заседании германского кабинета 5 июня он заявил: «В Версальском договоре нет ничего, свидетельствующего о том, что мы не можем в дальнейшем развивать наш рейхсвер в случае нападения». Гесслер добавил к этому, что если у Германии вновь будет «критическое» внутреннее положение, она должна, «как она уже дважды делала раньше, ловко и сознательно нарушить условия договора». Вел заседание президент Гинденбург, не принимавший сам участия в дебатах. В публичных же выступлениях Штреземан высмеивал «легенду об агрессивной Германии, бряцающей оружием» [83].

Германского министра иностранных дел особенно волновало требование о продолжении демонтажа германских предприятий. Еще в январе он расценил его как английский маневр с целью ликвидировать конкуренцию со стороны Германии. Штреземан заявил американскому и итальянскому послам в связи с этим, что уничтожение некоторого оборудования на заводах Круппа затруднит выпуск продукции на экспорт и тем самым затормозит выполнение Германией обязательств по плану Дауэса [84]. Те же доводы министр повторил на завтраке в присутствии некоторых членов МКК. На это английский генерал

[78] *Турок В. М.* Указ. соч., с. 66.
[79] Этот доклад не был официально доведен до сведения германского правительства.
[80] *Schulthess H.*, Bd. 66 (1925), S. 404—408.
[81] *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 33.
[82] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 34.
[83] Ibid., p. 36.
[84] Ibidem; а также *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 260—261.

Уочеп (Wauchope) ответил ему, что действительно в интересах союзных держав скорее произвести для видимости демонтаж оборудования, чем его уничтожить. Штреземан счел эту информацию ценной и потому немедленно сообщил об этом Круппу фон Болен [85].

Еще один пункт ноты союзников вызвал критику со стороны Штреземана: их возражение против возросшей численности германской полиции и концентрации полицейских сил в казармах. Министр иностранных дел считал, что полиция нужна для подавления «коммунистических восстаний», а в целях облегчения ее быстрой мобилизации она должна быть размещена в казармах [89]. Дискуссия по поводу отдельных пунктов ноты союзников завершилась предложением Штреземана придерживаться следующей установки: незначительные требования должны быть, по возможности, выполнены, более существенные, напротив, отклонены [87]. И германское правительство заявило о своем согласии урегулировать те претензии Англии и Франции, которые оно сочло «справедливыми» [88].

На самом же деле нарушения постановлений о разоружении не только не прекращались, а наоборот, продолжались в еще большем масштабе. Разрабатывались новые проекты усиления и расширения вермахта за пределы, разрешенные договором. Так, число пехотных дивизий было запланировано увеличить втрое. Намечалась также организация пограничных дивизий, военно-воздушных сил и частей противовоздушной обороны. При этом предполагалось, что в случае обострения политической обстановки или возникновения войны постановления Версальского договора отпадут [89]. Особо подчеркивалась со стороны высших германских военных властей необходимость соблюдать строжайшую конспирацию и в особенности избегать обсуждения данных вопросов в служебной переписке [90].

Германская сторона при этом учитывала, что занятая ею позиция не встретит особого сопротивления со сто-

[85] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 36.
[86] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 33.
[87] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Thimme A.* Op. cit., S. 51.
[88] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 265.
[89] Bundesarchiv Koblenz. Akten des Heereswaffenamtes, 19.V und 24.IX 1925.— In: *Carsten F. L.* Op. cit., S. 240.
[90] Militärgeschichtliches Forschungsamt Freiburg.— In: *Carsten F. L.* Op. cit., S. 242.

роны английских руководящих деятелей. «Англичане никогда не скрывали своего желания в кратчайший срок эвакуировать Кёльнскую зону,— писала французская правительственная печать в то время,— и, если судить по тону большинства газет, это желание побуждает их насколько возможно смягчать серьезные нарушения в вопросе разоружения со стороны Германии...» [91] Английский посол д'Абернон считал, что если действовать «с добрыми намерениями и умом, вопрос о разоружении (Германии.— *С. Н.*) мог бы быть урегулирован практически в течение шести недель» [92]. В английских руководящих кругах, кроме того, полагали, что продолжение оккупации германских территорий будет способствовать установлению более тесных отношений Германии с Советским Союзом [93].

«Германское правительство,— писал в августе 1925 г. нарком иностранных дел СССР,— в своих последовательных дипломатических выступлениях постоянно развивало мысль о тяжелом положении разоруженной Германии перед лицом вооруженной до зубов Франции и занятой военными приготовлениями Польши. Эта излюбленная мелодия германских дипломатических выступлений подхвачена теперь не только британскими официозными журналистами, но и самыми авторитетными представителями английского правительства» [94]. Г. В. Чичерин ссылался в связи с этим на заявление премьер-министра С. Болдуина (от 25 июля), где последний с пониманием говорил об «опасениях» Германии, которой угрожают опасности «как безоружной стране между вооруженными соседями...» [95]

Учитывая благожелательную позицию английских правящих кругов относительно своих ревизионистских стремлений, правительство Германии решило затянуть официальный ответ на ноту союзных держав от 5 июня до предстоящей конференции по заключению гарантийного пакта. Однако, чтобы не обострять отношений с Францией до окончания гарантийных переговоров, германская

---

[91] «Temps», 9.V 1925.
[92] FO, d'Abernon Papers, 26.VII 1925.— In: *Fox J. P.* Op. cit., p. 152.
[93] «Round Table», 1925, June, p. 439.
[94] *Чичерин Г. В.* Указ. соч., с. 436.
[95] Там же.

сторона предприняла некоторые меры в связи с нотой от 5 июня. В июне 1925 г. военный министр назначил специальную комиссию под председательством генерал-майора фон Павельца (Pawelsz) для сотрудничества с МКК в выполнении того, «что союзники имеют право требовать, согласно Версальскому договору» [96]. О том, какое мнение сложилось у генерала Павельца в результате переговоров с контрольной комиссией, пишет в своем дневнике референт рейхсканцелярии М. фон Штокгаузен (23 июня). В беседе с ним Павельц заявил: «Англичане сыты по горло вопросом о разоружении, он им надоел. Они бы хотели, чтобы немцы пошли навстречу требованиям ноты (союзников.— *С. Н.*) как можно скорее, с тем чтобы им избавиться от этой заботы. Французы, напротив, пытались путем обнаружения все новых ничтожных нарушений по возможности увековечить контроль, чтобы иметь причины остаться в Рейнской области» [97].

Учитывая требования со стороны главным образом Франции, германская комиссия пошла на отдельные уступки контрольной комиссии. Так, сообщили, что начался демонтаж оружейного завода Круппа.

Неслучайно незадолго до начала конференции в Локарно была опубликована статья Штреземана (под псевдонимом Ганс Шуманн), озаглавленная «Вокруг гарантийного пакта». В ней говорилось, что до тех пор, пока Германия не в теории, а на практике не станет великой державой, т. е. не будет иметь армии, гарантирующей ее мощь, «свобода» германской внешней политики — всего лишь «химера», а «независимость» Германии вне Лиги наций — не что иное, как прекрасная теория [98].

Германское правительство рассчитывало, помимо основной цели конференции в Локарно — заключения гарантийного пакта, по возможности добиться там получения уступок в вопросе об эвакуации Кёльнской зоны. Штреземан знал также, что в дискуссиях на конференции неизбежно встанет и вопрос о разоружении [99]. Однако одновременное обсуждение вопросов о пакте безо-

---

[96] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 157.
[97] *Stockhausen M. von.* Sechs Jahre Reichskanzlei. Von Rapallo bis Locarno. Erinnerungen und Tagebuchnotizen. 1922—1927. Bonn, 1954, S. 165.
[98] *Stresemann G.* Nachlass.— In: HZ, 1956, Bd. 181, Hf. 2, April, S. 332.
[99] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 39.

пасности и о разоружении не встретило поддержки других держав-участниц конференции, в особенности со стороны представителей Франции, усмотревших в этом попытку германской стороны узурпировать ее позиции [100].

Тем не менее Штреземан все же поставил вопрос об увеличении численности германской армии, явно недостаточной, по его мнению, учитывая внешне- и внутриполитические причины [101]. Согласно собственному свидетельству Штреземана, он «потребовал 35 тыс. полицейских, расквартированных в бараках, вместо 25 тыс., сохранения (существующего в настоящее время типа.— *С. Н.*) верховного командования в рейхсвере и беспрепятственных учений наших войск». Далее министр иностранных дел добавил: «Я не представляю, что ваши солдаты могут еще делать в оккупированной зоне (Рейнской.— *С. Н.*). Я не вижу причины для их пребывания там, поскольку им больше не нужно защищать безопасность Франции». Бриан при этих словах, как свидетельствует сам же Штреземан, чуть не упал с кресла и сказал, что с точки зрения Штреземана, по-видимому, «весь Версальский договор может с таким же успехом перестать существовать» [102]. Как показали дальнейшие события, французский министр иностранных дел был не так уж далек от истины.

Помимо вышеупомянутых заявлений Штреземана, во время Локарнской конференции состоялась беседа личного секретаря Чемберлена У. Селби со статс-секретарем германского МИД Шубертом, во время которой последний заявил о необходимости зафиксировать дату эвакуации Кёльнской зоны союзниками. Он также зондировал почву относительно возможности более ранней эвакуации оставшихся оккупированных областей и изменения режима в Рейнской области [103].

В Локарно германским представителям совершенно недвусмысленно дали понять, что дальнейшее развитие событий зависит целиком от них; что касается союзных держав, «то они с готовностью ответят на любое позитивное действие» со стороны Германии [104]. Более того, ма-

[100] *Fox J. P.* Op. cit., p. 152—153.
[101] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 192.
[102] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 41.
[103] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 23—26.
[104] *Fox J. P.* Op. cit., p. 153.

териалы архива рейхспрезидента свидетельствуют о том, что еще во время переговоров в Локарно были удовлетворены почти все германские требования, касающиеся снятия ограничений для развития гражданского воздушного флота. Это, по существу, означало, что Германия получала возможность выпускать самолеты практически любого типа и конструкции. Тем самым теряла значение статья 198 Версальского договора [105].

В результате Локарнского пакта ограничения относительно вооружения Германии стали все более ослабляться и игнорироваться [106]. Локарнские соглашения, по мнению Г. Никольсона, стали для Германии своего рода «щитом»: она получила гарантию от Англии против угрозы французского вторжения. А такая гарантия позволила Германии «создавать новую систему вооружений...» [107]

Современные буржуазные исследователи признают, что, помимо ослабления в результате Локарнского пакта напряженности в отношениях между Германией и западными державами — фактор сам по себе чрезвычайно благоприятный для секретной деятельности рейхсвера,— пакт давал Германии возможность сконцентрировать бо́льшую часть ее военных сил на восточных границах, где угроза столкновения с Польшей считалась вполне реальной [108]. «То, что Штреземан предпочитал называть «духом Локарно»,— пишет американский исследователь Г. Бреттон,— было в действительности концом санкций» [109] (против Германии.— *С. Н.*).

Сам германский министр иностранных дел говорил на заседании кабинета после Локарнской конференции, что соглашения были заключены не для того, чтобы «стаби-

---

[105] ZStA Potsdam. Büro des Reichspresidenten.— In: *Hampel M.* Op. cit., S. 88.

[106] Deutschland und England 1918—1933. Empfehlungen zur Behandlung der englisch-deutschen Beziehungen in der Zwischenkriegszeit. Ergebnisse der 4. und 5. englisch-deutschen Historikertagung. Oxford, März 1956 und Bamberg, März 1957. Braunschweig, 1957, S. 23.

[107] Germany and the Rhineland.— Special Supplement to «International Affairs», 1936, April, p. 9.

[108] *Rabenau F.* Op. cit., p. 423; *Görlitz W.* Der deutsche Generalstab. Frankfurt a/M., 1950, S. 358.

[109] *Bretton H. L.* Stresemann and the Revision of Versailles. Stanford, 1953, p. 152.

лизировать статус-кво», и что они не содержат никакого «отказа от прежних германских территорий» [110].

Небезынтересно и до некоторой степени парадоксально, что именно во время переговоров на Локарнской конференции было согласовано содержание дальнейших нот о разоружении Германии, причем Штреземан делал предложения по поводу того, что будет говорить германская сторона и как на это должны отвечать Англия и Франция. Бриан и Чемберлен не возражали против этой несколько необычной процедуры [111].

Германская нота была вручена 23 октября 1925 г. Ответы союзников последовали 6, 14 и 16 ноября [112]. В соответствии с заверениями Штреземана в Локарно в ноте утверждалось, что значительная часть пунктов ноты союзников от 5 июня к настоящему времени выполнена, а подавляющее большинство остальных требований, за некоторыми исключениями, будет урегулировано к 15 ноября. Правда, некоторые вопросы представляют, с точки зрения германского правительства, «особые трудности», а потому требуют дальнейшего обсуждения [113]. Это были следующие вопросы: 1) о полиции (звания для высших чинов, правила для персонала, казармы); 2) о высшем командовании; 3) о запрещении учений с определенными видами оружия; 4) об артиллерии в Кёнигсбергской крепости и др.[114]

Характер и тон ноты германского правительства объяснялся тем, что ему было прекрасно известно, что и по окончании Локарнской конференции союзные державы, в особенности Англия, продолжают политику уступок Германии относительно разоружения и оккупированных областей. Так, Чемберлен информировал английского посла в Париже лорда Крю (17 октября 1925 г.), что он разделяет желание Бриана о «смягчении условий» в Рейнской области и стремится сделать все возможное, чтобы «заложить совершенно новую основу отношений с Герма-

---

[110] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 114.
[111] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 201.
[112] Great Britain. Foreign Office. Correspondence between the Ambassadors Conference and the German Ambassador at Paris respecting German Disarmament, etc., Miscellaneous N 12 (1925), Command Paper 2527. London, 1925, p. 2—5.
[113] *Salewski M.* Op. cit., S. 318.
[114] *Jacobson J.* Op. cit., p. 63.

нией»[115]. В связи с этим были даны инструкции английскому представителю в межсоюзной рейнской комиссии «модифицировать, насколько возможно», оккупационный режим[116].

После посылки упомянутой выше ноты правительства Германии от 23 октября, в предвидение ответа союзных держав, германский посол в Париже Геш в беседе с английским послом лордом Крю (26 октября) специально подчеркнул, что «ничто не будет воспринято с бо́льшим одобрением общественным мнением в Германии, чем изменение функций межсоюзной рейнской верховной комиссии. Вмешательство ее членов в дела, подлежащие компетенции местных германских правительств (областей.— *С. Н.*), ощущается на оккупированной территории очень болезненно». По мнению германского посла, «все же могли бы быть сделаны кое-какие уступки, например, сокращена численность оккупационных войск»[117].

Однако, под предлогом отрицательного отношения германской национальной партии к Локарнскому договору и отставки в связи с этим трех министров—членов этой партии и вообще той резкой критики, которой договор подвергся в рейхстаге, западные державы отсрочили предоставление уступок Германии[118]. На состоявшемся 27 октября заседании конференции послов постановили направить германскую ноту от 23 октября МКК, которой и надлежит вынести окончательное решение[119].

Отрицательную позицию относительно германской ноты занял и английский генеральный штаб, направивший свои замечания по содержанию ноты в Форин оффис. Однако там придерживались несколько иной точки зрения, считая, что для того чтобы обеспечить выполнение данных Германии обещаний в Локарно, следует пойти на все возможные уступки германскому правительству, за исключением лишь «абсолютно невозможных», затрагивающих военную безопасность Англии[120].

Германские руководящие деятели пытались использовать позицию Форин оффис, чтобы добиться благоприят-

---

[115] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 18—19.
[116] Ibid., p. 19—20.
[117] Ibid., p. 53.
[118] Ibid., p. 54—55; 56.
[119] Ibid., p. 57—59.
[120] Ibid., p. 60—61.

ного ответа союзных держав на ноту Германии от 23 октября. В беседе с Чемберленом в Париже (28 октября) германский посол Геш заверил его, что путем досрочной эвакуации Кёльнской зоны и улучшения условий на оккупированных территориях, удастся добиться одобрения Локарнского договора рейхстагом [121]. Английские представители в межсоюзной комиссии сделали ряд уступок, смягчающих оккупационный режим в Рейнской области, и советовали Чемберлену поскорее уведомить об этом германскую общественность [122].

Что касалось Франции, то Бриан дал ясно понять Штреземану, что французское правительство не намерено допустить, чтобы германская сторона использовала переговоры о пакте или сам факт его подписания как «средство торга» для решения вопросов о разоружении или эвакуации Кёльнской зоны [123]. Кроме того, после консультации со своими политическими советниками Бриан заявил, что принять для вывода войск из Кёльнской зоны дату 1 декабря невозможно, так как она преждевременна. Английская же сторона, в лице посла в Париже лорда Крю, настаивала на этой дате. Для подкрепления своей позиции английский посол выдвинул аргумент о неблагоприятном воздействии на положение германского правительства продолжающейся неопределенности и о необходимости в связи с этим начать эвакуацию одновременно с подписанием Локарнских соглашений. Желая побудить французских руководящих деятелей пойти на уступки в этом вопросе, посол Англии в беседах с ними подчеркивал, что на самом деле начало эвакуации будет выглядеть, по всей вероятности, как вывод лишь первого батальона, т. е. по существу будет символическим. Однако, поскольку французская сторона продолжала настаивать на отсрочке эвакуации до 1 января 1926 г., лорд Крю предложил другую дату — 15 декабря в качестве возможного компромисса. Бриан согласен, сообщил, наконец, английский посол Чемберлену, со всеми деталями, связанными с эвакуацией, урегулированными между Рейнской комиссией и местными властями, но считает, что германскому правительству следовало бы сделать новые предложения по

---

[121] Ibid., p. 62.
[122] Ibid., p. 66, 67.
[123] Ibid., p. 95.

некоторым вопросам, связанным с разоружением,— например, о полиции и полувоенных организациях [124].

Германские же руководящие деятели, со своей стороны, ссылаясь на внутриполитические затруднения, просили союзников как можно раньше зафиксировать в качестве даты начала эвакуации Кёльнской зоны 15 ноября. Чемберлен сообщил английскому послу в Берлине, что делается все возможное, чтобы «скорее ощутились последствия Локарно»; однако в связи с тем, что не подготовлены «материальные предпосылки» для такой быстрой эвакуации, дата 15 ноября «нереальна». Английский министр также предостерегал германских руководителей от ошибки «просить невозможное»: скажем, заверений со стороны союзников о сокращении срока оккупации оставшихся зон или «пренебрежительного отношения к возможным уступкам с того момента, когда они предоставлены»; от создания неверного мнения в Германии, что никакие уступки не имеют цены, кроме тех, «в которых отказано» [125].

Наконец, английский посол лорд Крю сообщил из Парижа (6 ноября), что Бриан согласился с германскими предложениями по вопросу о разоружении и даже датой 1 декабря в качестве даты начала эвакуации Кёльнской зоны [126]. Тогда же, в ноябре, конференция послов одобрила ответ на ноту германского правительства о разоружении от 23 октября и предложила Рейнской комиссии рассмотреть с участием местных германских властей детали, связанные с эвакуацией Кёльнской зоны [127].

Ответ ноябрьской конференции послов в точности следовал линии, намеченной в Локарно. Союзные державы отмечали «усилия» германского правительства следовать требованиям, сделанным союзными правительствами в их ноте от 5 июня, и выражали надежду, что будет достигнут существенный прогресс и в урегулировании нерешенных вопросов. 8 ноября, по поручению Бриана, германских представителей поставили в известность о том, что эвакуация Рейнской области «при всех обстоятельствах» начнется 1 декабря [128].

---

[124] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 96.
[125] Ibid., p. 100; AC, 5.XI 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 67.
[126] DBFP, Ser. 1A, vol. I, p. 108.
[127] Ibid., p. 108—111.
[128] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 43.

В ответ на это руководящие деятели Германии заверили д'Абернона, что в проекте новой ноты по вопросу о разоружении они пойдут на все возможные уступки. Германское правительство, по словам английского посла в письме Чемберлену (9 ноября), чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы заявление о смягчении режима в Рейнской области сделали одновременно с объявлением о дате начала и окончания эвакуации Кёльнской зоны, а также достижением соглашения о разоружении [129]. Аналогичные пожелания, по указанию Штреземана, были выдвинуты германским послом в Париже 11 ноября [130].

Тем не менее, как об этом свидетельствовало содержание новой германской ноты (от 11 ноября) [131], германская сторона не согласилась ни с какими требованиями союзников, за исключением одного. Единственный пункт, по которому германское правительство пошло на уступки, был вопрос о верховном командовании: оно согласилось подчинить генерала Секта гражданскому лицу — министру обороны. Но эту уступку сама германская сторона расценивала как «простую формальность», а отнюдь не как существенное изменение [132]. Тогда же, в ноябре 1925 г., генерал Сект предпринял четырехдневную поездку в Рурскую область, где инспектировал промышленные предприятия и обсуждал вопросы вооружения со многими видными деятелями. Цель этого визита ни для кого, в том числе и для союзников, не была тайной [133].

Кроме того, как сообщал д'Абернон в Лондон (13 ноября), Лютер и Штреземан заявили, что требуют от союзных держав объявить о сроке завершения эвакуации Кёльнской зоны. Они полагали, что это должно быть самое позднее 15 или 20 января [134]. Германское посольство в Париже направило 13 ноября новую ноту по вопросу о разоружении с разъяснениями и предложениями по четы-

---

[129] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 117—118.

[130] Ibid., p. 129.

[131] *Macartney C. A.* Op. cit., p. 191—192. Симптоматично, что текст этой ноты отсутствует как в «Историческом календаре» Шультхесса, так и в официальных документах Форин оффис.

[132] *Rabenau F.* Op. cit., S. 421. Другого взгляда придерживается В. Гёрлиц (*Görlitz W.* Op. cit., S. 359).

[133] Germany, US Zone of Occupation, Military Tribunals, Trials of War Criminals, vol. X, p. 422 ff.; *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 37.

[134] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 139.

рем оставшимся неурегулированными вопросам (за исключением вопроса о полиции) [135].

В результате сильного нажима с германской стороны французский посол в Лондоне стал настаивать на том, чтобы эвакуация Кёльнской зоны была завершена к концу января 1926 г. Такое решение вопроса, как дал понять посол Германии в Париже, Штреземан счел бы приемлемым [136].

Несмотря на явно неудовлетворительный ответ Германии, 14 и 16 ноября конференция послов, учитывая возможность отставки германского кабинета, одобрила адресованную Германии ноту о смягчении условий в Рейнской области и устное сообщение по вопросу разоружения и эвакуации Кёльнской зоны. Участники конференции констатировали, что достигнуто «полное соглашение» в вопросах разоружения. Эвакуация Кёльнской зоны должна начаться 1 декабря 1925 г. и завершиться в течение января 1926 г. Выражалось пожелание, чтобы германское правительство в ответ на это «ускорило» осуществление «программы разоружения». Тогда будет незамедлительно значительно сокращено число членов МКК. А как только комиссия удовлетворительно завершит свою задачу, ее отзовут полностью [137].

Все это свидетельствует о том, что заявления английских и французских представителей о необходимости разоружения Германии были попросту отпиской, позой перед лицом общественного мнения своих стран [138].

Вопрос о дальнейших уступках Германии относительно разоружения и оккупации дебатировался вновь во время пребывания германских руководящих деятелей в Лондоне в начале декабря 1925 г. по случаю подписания локарнских соглашений. По мнению рейхспрезидента Гинденбурга (высказанному им в письме канцлеру Лютеру 4 декабря), германскому правительству следует теперь добиваться эвакуации второй и третьей зон оккупации, поскольку подобная оккупация потеряла после принятия плана Дауэса и Локарно «всякий смысл и цель». Гинденбург считал также, что должно быть прекращено

---

[135] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 146—148.
[136] Ibid., p. 149.
[137] Ibid., p. 151—154, 156—157.
[138] *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 43.

какое бы то ни было инспектирование со стороны Совета Лиги наций в отношении разоружения и германского воздушного флота [139].

Во время неофициальной беседы в Форин оффис (1 декабря) Штреземан поинтересовался, в какой срок намечено вывести из Германии МКК. На данный вопрос с английской стороны последовал ответ, что никакого решения об этом пока не принималось [140]. Обсуждались также вопросы о сроках сокращения и о численности оккупационных войск в Германии (в беседах Штреземана и статс-секретаря Шуберта с английскими руководящими деятелями) [141].

10 декабря конференция послов приняла решение о создании комиссии для переговоров с германскими авиационными экспертами о контроле над авиацией в Германии [142]. Еще до этого в Форин оффис был составлен специальный меморандум по данному вопросу (3 декабря). Английское министерство авиации рассматривало Германию как потенциально сильнейшую авиационную державу в мире. Оно отмечало, что ее технический аппарат для производства гражданских самолетов больше, чем в любой другой стране, а существенной разницы между производством гражданских и военных самолетов нет [143]. Что касалось Парижа, то 2 декабря состоялось заседание смешанной комиссии по вопросу о германской авиации, где обсуждались требования западных держав германским властям и осуществление будущего контроля Лиги наций согласно статье 213 Версальского договора [144]. Французские руководящие деятели высказывали серьезные опасения по поводу развития германской военной авиации [145]. Во время встречи союзных и германских авиационных экспертов 19 декабря стоял вопрос о гарантиях для Англии и Франции, предусмотренных в проекте ноты Германии. Германский представитель Фиш заявил, что его

---

[139] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 16—17.
[140] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 185.
[141] Ibid., p. 187.
[142] Ibid., p. 232—234.
[143] Ibid., p. 193. В германских руководящих кругах полностью отдавали себе отчет в том, что со временем «гражданская авиация может быть превращена в военную авиацию» (*Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 45).
[144] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 251—253.
[145] Ibid., p. 260—261.

правительство не может согласиться на какие бы то ни было ограничения как качественные, так и количественные по отношению к своим воздушным силам. Фишу было сказано, что правительство Германии не должно давать повода для беспокойства союзных держав относительно численности летчиков и высшего командного состава воздушных сил [146]. На ту же тему состоялся разговор д'Абернона со Штреземаном в Берлине (26 декабря). Английский посол отметил «неудовлетворительность» германских предложений по поводу авиации, и Штреземан пообещал заняться этим вопросом, чтобы добиться его удовлетворительного разрешения [147].

Однако германское правительство не предприняло никаких существенных шагов. В связи с этим Бриан просил французского посла в Берлине де Маржери довести до сведения германских руководящих лиц о недовольстве правительства Франции тем, что Германия, в частности, в переговорах о воздушном сообщении, действует вразрез с «духом Локарно» [148] (26 января 1926 г.). Нежелание германской стороны идти на какие-либо уступки в вопросе об авиации вновь проявилось на заседании конференции послов (3 февраля), в связи с чем дискуссия между представителями Германии и Англии о полном запрещении летных тренировок для членов рейхсвера зашла в тупик [149].

Одновременно германская сторона доказывала (беседа Шуберта с д'Абернноном 6 февраля), что правительство Германии не несет ответственности за то, что переговоры в Париже по этой проблеме затянулись. Основные разногласия, по его мнению, связаны с постоянным возникновением чисто технических вопросов. В настоящее же время переговоры приближаются к стадии завершения и заключение соглашения не за горами [150]. Аналогичное мнение статс-секретарь германского МИД высказал и в беседе с де Маржери (30 января) [151].

Уверенность германских руководящих лиц в возможности достижения договоренности по данному вопросу

---

[146] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 266—267.
[147] Ibid., p. 280.
[148] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 148—152.
[149] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 392.
[150] Ibid., p. 403; ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 156.
[151] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 176—178.

объяснялась не в последнюю очередь позицией английской стороны. Ярым поборником скорейшего решения вопросов, связанных с разоружением Германии, выступал, как всегда, посол Англии лорд д'Абернон. В письме Чемберлену (26 марта 1926 г.) он предлагал в целях еще большего упрочения «локарнской линии» в германской внешней политике ускорить сокращение оккупационных войск в Рейнской области, заключение конвенции о германской авиации и решить вопрос о разоружении. Д'Абернон считал, что ничто не могло бы в большей степени укрепить положение германского правительства и дать ему необходимые полномочия согласиться на разумный компромисс по вопросу о разоружении и авиации, чем быстрое решение вопроса о сокращении оккупационных войск [152].

31 марта английский министр иностранных дел просил посла в Париже лорда Крю убедить Бриана, учитывая «политические соображения», дать инструкции для завершения переговоров по вопросу об авиации с Германией [153]. И, наконец, 6 мая английский посол в Париже сообщил Чемберлену, что трудности в данном вопросе преодолены и 7 мая документы соглашения о германской авиации будут парафированы [154].

По этому соглашению гражданская авиация Германии освобождалась от большинства ограничений Версальского договора [155].

Что касалось оккупированных областей Германии, то первое подразделение английских войск покинуло Кёльн 30 ноября 1925 г., а эвакуация северной части Рейнской области была завершена точно в полночь 31 января 1926 г.

Эвакуация Кёльнской зоны стала своего рода прецедентом для дальнейшего «лояльного» нарушения германским правительством версальских постановлений о разоружении. К этому времени военная контрольная комиссия была урезана до минимума, а ее местные отделения, кроме находящихся в Мюнхене и Кёнигсберге, упразднены [156].

---

[152] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 552.
[153] Ibid., p. 559.
[154] Ibid., p. 720.
[155] *Schulthess H.*, Bd. 67 (1926), S. 444.
[156] *Macartney C. A.* Op. cit., p. 193.

Но основной задачей германского правительства оставалось окончательно освободить Германию от военного контроля союзников. Еще в процессе переговоров о гарантийном пакте Штреземан прилагал усилия к тому, чтобы заключение пакта повлекло за собой ликвидацию этого контроля [157]. А послелокарнский период начался согласием Англии и Франции эвакуировать Кёльнскую зону, не дожидаясь выполнения Германией всех ее обязательств по разоружению.

Германское правительство, пользуясь явным попустительством со стороны западных держав, стало добиваться новых уступок и окончательного прекращения контроля над рейхсвером и ремилитаризацией страны. В качестве удобного предлога для этого германская сторона неоднократно ссылалась на отказ других западных держав сократить их вооруженные силы. «Нет никаких признаков того, что в ближайшем будущем,— пишет германский посол фон Геш в Париже в Берлин (15 декабря 1925 г.),— другие государства разоружатся настолько, что по своему уровню приблизятся к уровню разоружения, существующему в Германии. Франция не хочет ставить на карту завоеванный престиж миролюбивой державы и разоружаться, как в том заинтересованы другие страны. О взаимопонимании Франции и Англии в вопросах разоружения не может быть и речи» [158].

19 января 1926 г. на совместном заседании представителей германского МИД и военных ведомств было решено, что ввиду существующего соотношения вооруженных сил целью Германии должно быть нивелирование общего уровня вооружений [159].

Выступая официально за разоружение других государств до уровня Германии, ее правящие круги, по справедливому замечанию западногерманского историка Р. Мутца, использовали разоружение «лишь в качестве рычага», чтобы с его помощью лишить Версальский договор одной «из его важнейших частей и таким путем подорвать соотношение сил и правовую основу, установленную в 1919 г.» [160].

---

[157] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 48.
[158] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 76—78.
[159] Ibid., S. 120—125.
[160] *Mutz R.* Die Abrüstungsfrage zwischen den Weltkriegen.— «Aus Politik und Zeitgeschichte», 1969, N 5, S. 19.

Руководство рейхсвера считало первоочередной целью политики Германии в вопросе о разоружении лишить Францию ее преобладающего военного могущества. Следующими по значимости назывались задачи добиваться разоружения Польши, Бельгии, Чехословакии и, наконец, Италии. Германское руководство полагало, что, поскольку добровольное разоружение в настоящее время не представляется осуществимым, следует попытаться провести разоружение европейских стран, используя финансовое и экономическое давление на эти страны со стороны США. Целью Германии должно быть сначала возвращение ее европейских позиций, и лишь затем она может вновь повести борьбу за свои мировые позиции. Проблему разоружения предлагалось рассматривать без оглядки на условия Версальского договора, «в духе полного равноправия». Подчеркивалось, что в санкциях по статье 16 Устава Лиги наций Германия может принять участие лишь после перевооружения вермахта [161].

Руководство германского морского флота в январе 1926 г. собиралось направить своего представителя капитана Гадова в Лондон и Вашингтон с целью довести до сведения соответствующих инстанций «пожелания» Германии о частичной отмене ограничений в отношении водоизмещения и вооружения германских военных судов [162].

В начале марта в германских правительственных кругах высказывались предположения, что на предстоящей конференции по разоружению удастся добиться сокращения вооружений Франции, Польши и Чехословакии, в то время как Германия, видимо, получит возможность «просить о скромной ремилитаризации». Для достижения этой цели в германском МИД считали желательным согласование тактики переговоров в Женеве между Германией и США [163].

Чтобы создать видимость выполнения своих обязательств по разоружению, германское правительство в феврале 1926 г. издало приказы о запрете военных учений многочисленных полувоенных организаций и даже распустило одну или две из самых незначительных [164].

---

[161] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 341—342.
[162] Ibid., S. 111—112.
[163] Ibid., S. 325—326.
[164] *Джордан В. М.* Указ. соч., с. 183.

Но все это практически не имело значения и служило превосходной ширмой для маскировки отношений между этими организациями и рейхсвером от своих и иностранных «критиков». С той же целью Штреземан попросил министра внутренних дел К. Зеверинга отменить предполагаемую в Люстгартене демонстрацию националистических организаций, о которых упоминалось в нотах Англии и Франции [165].

Другим источником для беспокойства со стороны Англии и Франции могли явиться происходившие в то время процессы (фемы) над членами «Черного рейхсвера», обвиняемыми в убийстве «предателей», сообщавших о нарушении Германией обязательств по разоружению [166]. В январе 1926 г. Гесслер попросил Штреземана помочь устроить закрытый процесс, чтобы избежать неблагоприятных последствий для внешнеполитических отношений Германии. Штреземан заявил также главе прусского правительства Отто Брауну, что в то время как ведется борьба за отмену межсоюзного военного контроля, открытый судебный процесс был бы чрезвычайно неудобен и мог бы даже поставить под угрозу отмену этого контроля вообще [167].

К этому времени германский министр иностранных дел располагал уже достаточно полной информацией о продолжающейся нелегальной военной деятельности: например, формирования «Черного рейхсвера» собирались в крепости Кюстрин, неподалеку от границы с Польшей, и в других местах. Зять Штреземана Клейфельд писал из Верхней Силезии об активизации местной пограничной охраны, в пользу которой он пожертвовал 5 тыс. марок [168]. Состоялись также сборища резервистов — офицеров и сержантов в Восточной Пруссии, во время которых их знакомили с «техническими новинками» офицеры рейхсвера. Небезызвестный майор В. Пабст (с 1925 г.— Петерс) — организатор убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург и участник капповского путча 1920 г.— находился в ссылке в Австрии, но после амнистии участников путча летом

---

[165] *Severing K.* Mein Lebensweg, Bd. II. Köln, 1950, S. 56; *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 49.

[166] *Braun O.* Von Weimar zu Hitler. New York, 1940, S. 208; *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 50.

[167] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 50.

[168] Ibidem.

1925 г., получая от Штреземана ежегодно 12 тыс. марок, стал выступать в роли своего рода специального агента в Австрии, исполняя «приказы и инструкции» Штреземана [169]. Главной задачей Пабста было, как это явствует из его переписки с германским министром иностранных дел, формирование общественного мнения в пользу аншлюса Австрии. Пабст служил как бы связующим звеном между Штреземаном и некоторыми австрийскими деятелями (главным образом, Зейпелем и Штайдле) и информировал министра о событиях внутри Австрии и в итальянском Южном Тироле [170]. В одном из писем Пабст в 1926 г. ссылается также на «инструкции с Бендлерштрассе» (т. е. от рейхсвера), давая информацию о военных мероприятиях в Южном Тироле [171]. Представитель рейхсвера майор фон Нойффер, возвратившись (в 1927 г.) из поездки в Тироль, сообщил генералу Секту о готовности местного командования отразить возможное нападение Италии и о том, что Пабст рассчитывает, что в этом случае германские военные подразделения смогут оказать поддержку Австрии. Пабст обсуждал этот вопрос со Штреземаном, и последний «не только согласился предоставить обещанную финансовую помощь в размере пяти миллионов марок, но никогда не отказывался и от обещания помочь людьми и материально тирольскому правительству» [172]. Доверенное лицо германского министра иностранных дел Эшериш был для него связующим звеном с австрийскими полувоенными организациями [173].

В течение почти всего 1926 г. продолжались дискуссии между Германией и западными державами по вопросам разоружения. 3 января 1926 г. в беседе с советником английского посольства в Берлине Дж. Аддисоном Штреземан заявил, что германское правительство возражает против замены МКК контролем Лиги наций [174]. 12 января германский министр обратился к послам в Лондоне, Париже и Риме, а также к посланнику Германии в Брюсселе с просьбой передать правительствам этих стран текст гер-

---

[169] Ibid., p. 51.
[170] Ibid., p. 51—52.
[171] Ibid., p. 51.
[172] Germany, Heeresarchiv Potsdam, Papers of General Hans von Seeckt, Roll 15 (January 1928).— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 52.
[173] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 53.
[174] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 92.

манской ноты генеральному секретариату Лиги наций и уведомить их о том, что, если Лига возьмет на себя полномочия контрольной комиссии, Германия откажется вступить в нее [175].

Такая постановка вопроса вызвала резко отрицательную реакцию со стороны французских руководящих деятелей. Генеральный секретарь МИД Франции Бертело счел необходимым дать германскому послу Гешу разъяснения по поводу того, что Германия сможет дискутировать по этой проблеме с остальными членами Совета Лиги наций лишь после вступления в организацию. Ни о каком предварительном обсуждении не может быть и речи [176].

В самой МКК, по свидетельству германского представителя генерал-лейтенанта фон Павельца (22 января), французские представители, в отличие от английских, создавали массу затруднений в работе комиссии и не шли на уступки Германии [177].

В конце января 1926 г. Межсоюзная контрольная комиссия вновь перечислила германскому правительству оставшиеся не выполненными Германией пункты соглашения о разоружении, касающиеся полиции, высшего командования, использования некоторых запрещенных видов оружия, крепостей на восточной границе и националистических ассоциаций [178].

Однако в германских руководящих кругах создавали видимость, что переговоры по данным вопросам продвигаются вполне успешно. Об этом, в частности, говорил (30 января) французскому послу в Берлине де Маржери статс-секретарь Шуберт, заметивший, что не разделяет пессимистического мнения Бриана [179]. То же самое было заявлено и английскому послу д'Абернону, который сообщил о недовольстве Чемберлена ходом переговоров о разоружении и авиации и тем, что германское правительство по многим вопросам действует вразрез с «духом Локарно». Шуберт же в свою очередь, всячески подчеркивая факт невыполнения союзниками до сих пор своих обязательств по сокращению оккупационных войск [180], сообщил,

[175] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 101—104.
[176] Ibid., S. 113—114.
[177] Ibid., S. 136—138.
[178] *Toynbee A. J.* Survey of International Affairs, 1927. London, 1928, p. 88.
[179] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 176—178.
[180] Ibid., S. 180—182.

что по некоторым пунктам германская сторона пошла на уступки: по вопросу о высшем командовании в той форме, в какой это требовала ноябрьская конференция послов, а также о железнодорожном сообщении — руководству железных дорог дано указание идти навстречу пожеланиям английских оккупационных властей. Однако последний пункт содержал оговорку, что оккупационные власти не могут отдавать приказаний германским железнодорожным властям, которые пользуются правом автономии по соглашению о плане Дауэса [181].

В английских руководящих кругах, однако, считали (как писал Чемберлен д'Абернону 7 февраля), что, поскольку союзники выполнили обещания, данные в Локарно, германскому правительству не следовало бы просить о дальнейших уступках, а выполнять соглашение, достигнутое на ноябрьской конференции послов [182]. Кроме того, согласно записи Шуберта 29 января, д'Абернон по поручению конференции послов заявил ему, что следует позаботиться, чтобы после вывода оккупационных войск из первой зоны не было никаких демонстраций [183].

Воспользовавшись неудачным для него исходом мартовской сессии Совета Лиги наций 1926 г., германское правительство стало еще более настойчиво требовать дальнейших уступок со стороны западных держав.

Германским руководящим кругам (в марте 1926 г.) стало известно, что Бриан намеревается пойти Германии навстречу по вопросу сокращения оккупационных войск после приема ее в Лигу наций [184]; на мартовской сессии Совета Лиги он выразил согласие заняться этим вопросом [185]. В беседах с английским послом в Париже лордом Крю Бриан (в конце марта — начале апреля 1926 г.) обещал сделать все возможное, чтобы обеспечить сокращение оккупационных войск [186].

2 апреля германский посол в Париже Геш сообщил, что французские руководящие деятели сожалеют о неудовлетворительном для Германии результате этой сессии. По свидетельству посла, Бриан в беседе с ним выразил уве-

---

[181] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 402, 403.
[182] Ibid., p. 404—405.
[183] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 173—174.
[184] Ibid., S. 401.
[185] Ibid., S. 428.
[186] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 571—572.

ренность, что совместные действия Германии и Франции, при условии тесного контакта между ними помогут добиться «оздоровления» Европы [187].

Серьезное беспокойство по поводу сохранения «локарнской линии» во внешней политике Германии в связи с провалом ее приема в Лигу проявлял английский посол лорд д'Абернон, считавший необходимым ускорить решение вопросов, связанных с оккупацией Рейнской области и разоружением Германии [188].

Однако именно эти проблемы вызывали серьезные разногласия между руководящими деятелями Англии и Франции. Стремясь пойти навстречу германской стороне в связи с предстоящей конференцией послов, английский министр иностранных дел просил посла в Париже Крю (31 марта) получить согласие Бриана на увеличение численности германской полиции на пять тысяч [189]. Но, как и следовало ожидать, с французской стороны по данному вопросу были высказаны серьезные возражения [190].

Это обстоятельство отразилось на решении конференции послов в апреле 1926 г., где был одобрен доклад союзной военной комиссии относительно организации германского высшего командования, но не удалось достигнуть договоренности об увеличении численности германской полиции [191]. В апреле 1926 г. Шуберт заявил д'Абернону, что считает «совершенно неслыханным», что за столь продолжительный срок, прошедший с момента заключения Локарнского пакта, все еще не сокращена численность оккупационных войск. Он подчеркнул при этом, что не может считать убедительной ссылку на договор между Германией и СССР как на причину, затрудняющую сокращение [192].

Руководящие деятели западных держав явно затягивали сокращение оккупационных войск, считая, что оно будет целесообразней после приема Германии в Лигу наций. Затягивание решения этого вопроса, по сло-

---

[187] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 452—455.
[188] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 552.
[189] Ibid., p. 558.
[190] Ibid., p. 571—572.
[191] Ibid., p. 611—613.
[192] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 469—470; D'Abernon Papers, 28.IV 1926.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 82.

вам Штреземана (в беседе с д'Аберноном 30 апреля), создавало «крайне неблагоприятную» атмосферу внутри Германии: в рейхстаге, по словам германского министра, высказываются в том смысле, что он был «обманут в Лондоне и одурачен в Локарно» [193].

Учитывая сложившуюся обстановку, Чемберлен просил лорда Крю поторопить Бриана в вопросе о сокращении оккупационных войск [194]. Однако предложенный послом Англии Крю Бриану (5 мая) вариант постепенного сокращения численности оккупационных войск не нашел одобрения у последнего [195].

К середине июля 1926 г. Межсоюзная контрольная комиссия вновь суммировала свои выводы, из которых явствовало, что численность германской полиции все еще превосходила установленный лимит в 150 тыс.; полицейские проходили полувоенную подготовку и 12-летнюю службу в армии.

Таким образом создавалась возможность иметь в запасе обученный резерв. Этой тактики в деле создания германской армии придерживался командующий рейхсвером генерал фон Сект. Он считал наиболее целесообразным готовить заблаговременно лишь офицерский состав для обеспечения в случае войны быстрой мобилизации, а также проводить исследовательскую работу в области новейших видов оружия и реконструкции соответствующих отраслей промышленности. Сект призывал готовить войну «в условиях тесного сотрудничества между военными кругами и представителями промышленности» [196]. Подобный замаскированный путь ремилитаризации Германии представлялся Секту менее опасным, так как уменьшал возможности обнаружения нарушений Германии, к которым особенно придиралось французское правительство. Сект считал, что участие Германии в Лиге наций создаст дополнительные трудности для ремилитаризации страны [197].

Контрольная комиссия отмечала и еще ряд нарушений: использование учебных танков, пулеметов в манев-

---

[193] DBFP, Ser. 1A, vol. 1, p. 694—695.
[194] Ibid., p. 689.
[195] Ibid., p. 731—732.
[196] *Вудман Д.* Германия вооружается. М., 1935, с. 116.
[197] *Rabenau F.* Op. cit., S. 421.

рах, подготовку авиационных офицеров, создание новых фортификационных укреплений в Кёнигсберге. Указывалось также на потенциальную военную опасность со стороны многочисленных националистических организаций [198].

Подобные требования вызывали резкое недовольство германского правительства, которое продолжало настаивать на сокращении оккупационных войск. Послы Германии в Париже и Лондоне сделали официальные демарши по данному вопросу 28 июля 1926 г. [199] Аналогичная нота была передана германским посланником в Брюсселе фон Келером бельгийскому министру иностранных дел Э. Вандервельде, который выразил согласие высказаться в Париже за сокращение оккупационных войск [200]. Ответ английского министра иностранных дел (по свидетельству германского посла Штамера 29 июля) гласил, что, как только Германия будет принята в Лигу наций, этот вопрос разрешится сам собой [201].

Однако во французских руководящих кругах оценивали создавшуюся ситуацию несколько иначе. Посол Франции в Берлине де Маржери, беседуя с Шубертом (31 июля), заявил, что, требуя сокращения оккупационных войск, германское правительство, со своей стороны, не препятствует разного рода нарушениям, в частности, деятельности националистических организаций, а также выходу разного рода публикаций антифранцузской направленности [202].

Вслед за этим Шуберт, проинформировав д'Абернона о содержании вышеупомянутой беседы с де Маржери, заявил английскому послу, что правительство Германии окажется в «неприятном положении», если сокращение войск не начнется до приема Германии в Лигу наций [203]. По словам статс-секретаря, с германской стороны будет сделано все, чтобы пойти навстречу требованиям Франции [204].

---

[198] *Toynbee A. J.* Op. cit., p. 89—91; *Schulthess H.* Bd. 67, (1926), S. 444—445.
[199] AC, 28.VII 1926.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 82.
[200] ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 676—677.
[201] Ibid., S. 683—685.
[202] Ibid., S. 696—702.
[203] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 10—12.
[204] Ibid., S. 85—86.

Не случайно основное внимание германские руководящие деятели придавали позиции французского правительства. Предстоящее вступление Германии в Лигу наций вызывало оппозицию со стороны немецких националистических организаций. Штреземан в связи с этим стремился успокоить французскую сторону. В начале августа 1926 г. он сообщил Бриану, что в Германии лишь две организации такого рода имеют значение: «Стальной шлем» и «Орден немецкой молодежи» [205] (Jungdeutscher Orden). Первый, по словам Штреземана, «находится в состоянии упадка ввиду отсутствия настоящих дел», а второй «активно работает» в пользу франко-германского союза против Советской России [206].

Упоминание Штреземана о франко-германском союзе было отнюдь не случайным. По мере того как германское правительство проводило свою тактику уступок союзным державам относительно частных, как правило несущественных, нарушений, английское и французское правительства стали выказывать известное желание принимать частичное выполнение обязательств Германии по разоружению как доказательство готовности выполнить все обязательства, в особенности потому, что это исходило от Штреземана. Предостережения военных экспертов о том, что разоружение Германии является далеко не полным, были сочтены чрезмерно паническими и к ним стали все менее серьезно прислушиваться. Причем это относилось не только к английским руководящим деятелям, но и к французским. Бриан все больше склонялся к мнению, что соглашения о разоружении Германии можно достичь путем конфиденциальных переговоров между ним и Штреземаном скорее, чем переговорами военных экспертов [207]. Это было симптоматичным признаком наметившегося к тому времени ослабления франко-германских противоречий, вылившегося в так называемую политику Туари.

Тенденции к сближению между Германией и Францией, несмотря на острые противоречия между ними по отдельным вопросам, проявлялись уже в период гарантий-

---

[205] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 464—465; *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 54.

[206] *Phelps R. H.* The Crisis of the German Republic 1930—1932. Cambridge, 1947, p. 328—329.

[207] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. II, S. 270.

ных переговоров. В проходившем зачастую в острых дебатах процессе освобождения Германии в течение 1924—1926 гг. от многих версальских ограничений, инициатором которого была, как правило, Англия, французское правительство, вынужденное идти на уступки, начинало все более склоняться к соглашению с Берлином. К этому его толкало, с одной стороны, усиление позиций германского империализма, с которым уже приходилось считаться как с реальной силой, и, с другой стороны, обострение отношений с Англией в послелокарнский период.

Что касалось германского правительства, то в течение всего 1925 г. (и до Локарнской конференции, и во время нее, а также после ее окончания) Штреземан и в официальных, и в неофициальных беседах с французскими и английскими представителями не раз ставил вопрос о досрочной эвакуации — один из основных вопросов, обсуждавшихся затем во время встречи в Туари. Но хотя и Бриан, и Чемберлен отказывались вступать в какие-либо официальные переговоры и воздерживались от всякого рода публичных заверений по данному вопросу, генеральный секретарь французского МИД Бертело, являвшийся активным поборником урегулирования франко-германских разногласий в духе взаимопонимания, уже с ноября 1925 г. начал высказываться в пользу досрочной эвакуации оккупационных войск из Германии в обмен на «финансовую компенсацию» (например, в виде досрочных репарационных платежей). Германский посол в Париже Геш сообщал об этом в Берлин 12 ноября. После этого Бертело стал настолько активно и явно защищать выдвинутое им предложение, что на Вильгельмштрассе оно стало именоваться «планом Бертело» [208]. В начале декабря 1925 г. Бриан, видимо, не без давления со стороны Бертело, но главным образом ввиду того, что он сам все больше стал склоняться к мнению, что продолжение оккупации германской территории не послужит надежным средством обеспечить военную безопасность для Франции, в частных беседах стал проявлять интерес к плану послелокарнской «франко-германской Антанты».

Тенденции к франко-германскому сближению усилились в особенности после провала вступления Германии

---

[208] AA, 12.XI 1925.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 85; ADAP, Ser. B, Bd. I/1, S. 2, 8, 41, 61, 67.

в Лигу наций, в чем сыграла известную роль двойственная политика Англии на мартовской сессии Лиги 1926 г.[209] Способствовали этому сближению также острые противоречия Франции с Англией, выявившиеся на майской сессии подготовительной комиссии по разоружению Лиги наций. Разногласия между ними возникли и по другим вопросам: о реорганизации Совета Лиги наций, об отмене отдельных пунктов Версальского договора в отношении Германии, о французском долге Англии и др.

Однако в английских руководящих кругах трезво оценивали возможные последствия ухудшения отношений с Францией, учитывая также намечающееся франко-германское сближение. Об этом откровенно говорилось в статье уже упоминавшегося Августа (В. Полякова) в мае 1926 г.: «Франция и Германия сближаются между собой, и за последние 12 месяцев это движение продолжалось с ускоряющейся быстротой...» [210] Объяснялось это тем, что англо-французская Антанта является чисто *политическим* союзом, а намечающаяся франко-германская Антанта строится на *экономическом* сотрудничестве. Германское правительство, говорилось в статье, уже представило план постепенной ликвидации таможенных барьеров в Европе и создания континентального таможенного союза. «Немцы непрерывно делают усилия, чтобы втянуть французскую политику в орбиту их влияния... Если франко-германская экономическая Антанта возникнет, она когда-нибудь повредит франко-британской Антанте... Франко-германская Антанта не должна иметь возможности развиваться вне орбиты британского влияния» [211].

Летом 1926 г. все в большей степени стали проявляться тенденции к франко-германскому сближению. После снятия межсоюзного контроля над германской авиацией [212] были заключены две конвенции по вопросам авиации между Германией и Францией, согласно одной из которых устанавливалось постоянное воздушное сообщение между Парижем и Берлином. В июне состоялось подписание франко-германского соглашения о репарационных

---

[209] См. главу II.

[210] Цит. по: «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5—6, с. 111.

[211] См. там же.

[212] См. об этом ниже.

поставках натурой. Вслед за этим ведущими деятелями концернов и банков, а также буржуазных партий Германии и Франции был создан Комитет информации для содействия взаимному экономическому сотрудничеству.

В июле 1926 г. стоимость франка упала до самой низкой точки довоенного времени [213], и иностранная финансовая помощь для Франции стала настоятельно необходимой. В это время Р. Пуанкаре (премьер-министр и министр финансов с 23 июля) проявил серьезный интерес к получению от Германии аванса в счет репарационных платежей в обмен на досрочную эвакуацию оккупационных войск. Новое французское правительство «национального союза» уполномочило Бриана провести соответствующие переговоры со Штреземаном [214].

3 августа Бриан заявил германскому послу Гешу, что придает чрезвычайно большое значение предстоящей возможности обсудить со Штреземаном в Женеве во время сентябрьской сессии Совета Лиги наций целый ряд важных вопросов [215]. Незадолго до открытия сентябрьской сессии (22 августа) германский министр иностранных дел в беседе с советником французского посольства де Лабулайе затронул наряду с другими проблемами вопрос о сотрудничестве промышленников Германии и Франции и о возможности франко-германского «взаимопонимания» [216].

Эти беседы и дипломатическая переписка того же содержания, происходившие с 3 августа по 11 сентября, имели целью подготовить предполагаемую франко-германскую встречу [217]. Германскому кабинету Штреземан заявил (2 сентября), что не будет подписывать соглашений в Туари. Кабинет уполномочил его провести всесторонние переговоры с Брианом [218]. Последний также проконсультировался со своими коллегами, и намерения его были аналогичными — не заключать соглашений, а добиваться

---

[213] *Schwartz E.* Monetary Experience of France, 1919 to 1939.— «World Affairs Quarterly», 1956, N 27, p. 59.

[214] DDB, T. II, p. 131; AA, памятная записка Шуберта.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 86.

[215] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 2—3.

[216] Ibid., S. 109—116.

[217] AA, 3, 26.VIII, 2.IX 1926; памятная записка Штреземана от 22 августа 1926 г.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 86.

[218] Cabinet Protokol, 2.IX 1926.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 87.

согласия германской стороны на проект, приемлемый для Пуанкаре [219].

Английское правительство не смогло помешать переговорам Франции с Германией. Более того, в прессу просочились сведения, что Чемберлен, находясь в Женеве на сентябрьской сессии Лиги наций, «дал свое благословение» на встречу Штреземана с Брианом [220]. Предложение о такой встрече с глазу на глаз было сделано последним Штреземану 11 сентября [221].

17 сентября 1926 г., в местечке Туари, близ Женевы, состоялось секретное совещание германского и французского министров иностранных дел. Основным требованием германской стороны было ликвидировать межсоюзнический военный контроль над Германией. По признанию самого Штреземана, содержащемуся в его неопубликованном архиве, бóльшую часть обсуждавшихся вопросов составляли военные, и это была отнюдь «не самая легкая часть» [222].

Штреземан вновь коснулся вопроса о выполнении Германией условий о разоружении, сказав: «Следовало бы изъять этот вопрос из компетенции чиновников-бюрократов и попросту покончить со всем этим делом». Бриан в очень мягкой форме дал понять германскому министру, что остаются незначительные вопросы, которые следовало бы урегулировать для пользы самой Германии. «Почему вы не следите, чтобы на них обращали внимание? — говорил он.— Если это будет сделано, я немедленно отдам распоряжение французскому представителю на конференции послов об удалении военной контрольной комиссии». Штреземан нарисовал Бриану идиллическую картину психологического стремления немцев «поиграть в войну»: любовь к военной музыке, военной форме и т. п., чем, по его мнению, и объясняется существование всех этих «патриотических» организаций. Бриан вполне удовлетворился таким объяснением германского министра. «Я также не придаю решающего значения этому (существованию националистических полувоенных организаций.— *С. Н.*),—

---

[219] AA, 11.IX 1926.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 87.

[220] *Stern-Rubarth E.* Three Men Tried... Austen Chamberlain, Stresemann, Briand and Their Fight for a New Europe. London, 1939, p. 122.

[221] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 180, прим. 4.

[222] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 56.

сказал французский министр иностранных дел.— Но, пожалуйста, постарайтесь устроить так, чтобы мои военные не имели бы оснований обращаться ко мне все время по этому поводу» [223]. Штреземан выдвинул еще некоторые требования, а именно, вернуть Германии право на колониальный мандат, возвратить Германии Саарскую область без плебисцита. С французской стороны была потребована уплата Германией крупных репарационных сумм. Тогда Штреземан стал настаивать на досрочной эвакуации Рейнской области (к 1927 г.) [224].

Предметом обсуждения стала также английская колониальная политика и «русский вопрос». Оба министра пришли к заключению о тяжелом экономическом положении Англии и опасности возникновения «большевизма» в связи с этим. «Бриан,— согласно записи Штреземана, сделанной уже после свидания в Туари,— не думает, что большевистский режим (в СССР.—*С. Н.*) продержится долго... Мы говорили еще о возможностях хозяйственной кооперации в строительстве России» [225].

Одной из основных целей переговоров в Туари было, таким образом, как отмечает действительный член Академии наук ГДР А. Майзель, достижение «за спиной Англии соглашения между Францией и Германией против Англии и против СССР...» [226]. Речь, собственно говоря, шла о совместной эксплуатации Германией и Францией экономических ресурсов СССР, хотя в беседе с советским послом в Берлине, состоявшейся после Туари, Штреземан пытался представить это как привлечение Советского Союза к участию в «хозяйственном оздоровлении» Европы» [227].

Однако, несмотря на обоюдное стремление договориться, соглашение по существу не состоялось. Штреземан сомневался в возможности досрочной выплаты крупных

---

[223] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 56.

[224] Подробно о дискуссиях по поводу Саарской области, разоружения, военного контроля и других вопросах см.: *Pabst K.* Eupen-Malmedy in der belgischen Regierungs- und Parteienpolitik, 1914—1940. Aachen, 1964, S. 453—481; *Zenner M.* Parteien und Politik im Saargebiet unter dem Völkerbundsregime, 1920—1935. Saarbrücken, 1966, S. 231—233; *Salewski M.* Op. cit., S. 332—343.

[225] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 202—210.

[226] Проблемы истории второй мировой войны. Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 г. М., 1959, с. 92.

[227] АВП СССР, ф. 082, оп. 9, п. 23, д. 8, л. 40.

сумм в счет репарационных платежей, а Бриан — в том, в какой срок можно будет удовлетворить требования германской стороны. Было решено, с санкции правительств обеих стран, продолжить переговоры в дальнейшем с тем, чтобы «технические детали» обсудили соответствующие эксперты, которые вынесут специальные рекомендации [228].

Хотя со стороны отдельных монополистических объединений, например, «Комите де Форж», раздавались требования достичь соглашения с Германией в целях скорейшего создания континентального Стального картеля [229], широкие влиятельные круги французской буржуазии решительно выступили против досрочной эвакуации Рейнской области. Бертело сообщил Гешу о той «критике», которой подвергся Бриан за данное в Туари обещание отозвать МКК до окончательного решения вопроса о разоружении Германии. Бриана обвиняли в том, что он согласился на по существу невыполнимые, обязывающие условия [230], а Пуанкаре поставил ему в вину «нарушение» полученных от кабинета инструкций во время переговоров в Туари [231].

Реакция английского правительства на франко-германское сближение проявилась в посылке германскому правительству ноты, в которой говорилось, что хотя «Англия и Италия дружелюбно относятся к намечающемуся сближению, они не хотели бы быть поставленными перед свершившимся фактом. Поэтому они просят держать их в курсе переговоров и привлечь английских и итальянских экспертов, поскольку будет идти речь о финансово-экономической стороне соглашения» [232]. В беседе с советским послом в Берлине Штреземан отметил, что «банковские круги, в частности Английский банк, против финансовой стороны соглашения между Францией и Германией» [233].

---

[228] *Jacobson J.* Op. cit., p. 87.

[229] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III. Berlin, 1933, S. 15.

[230] AA, 22.XII 1926, 13.I 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 102; FO, 20.I 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 102; *Geigenmüller E.* Botschafter von Hoesch und die Räumungsfrage.— «Historische Zeitschrift», 1965, Bd. 200, S. 611.

[231] AC, 4.I 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 102—103; AA, 13.I 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 102—103.

[232] АВП СССР, ф. 082, оп. 9, п. 23, д. 8, л. 64.

[233] Там же, л. 41.

Финансовые круги Лондона считали, что франко-германское финансовое соглашение должно быть увязано с пересмотром плана Дауэса. Чемберлен, не одобрявший это, заявил французскому послу в Лондоне Э. Флерио (14 октября 1926 г.) об отрицательном отношении Форин оффис к вышеупомянутому соглашению [234]: на данном этапе, по его мнению, целесообразней заняться урегулированием политических, а затем уже финансовых проблем между Германией и Францией.

Попытки английских правящих кругов после Туари нейтрализовать или хотя бы уравновесить результаты франко-германского сближения были не без интереса восприняты германским правительством ввиду непоследовательной позиции в выполнении намеченных в Туари мероприятий со стороны руководящих деятелей Франции под давлением приверженцев неукоснительного соблюдения версальских постановлений. По свидетельству Штреземана (в беседе с Р. Брейтшедом), отрицательно относился к «далеко идущим» планам Туари также президент Немецкого банка Я. Шахт [235].

Учитывая все вышесказанное, не удивительно, что Бриан вынужден был публично отказаться от своих обещаний в Туари [236].

Франко-германское сближение, кульминационным пунктом которого стали переговоры Бриана и Штреземана в Туари в сентябре 1926 г., было закономерным следствием развития международных отношений в послеверсальской Европе. «Подобно тому, как Англия строила свою политику на франко-германском антагонизме,— справедливо указывал в связи с этим в одном из своих исследований А. С. Ерусалимский,— Германия на определенной стадии своего восстановления получила возможность пользоваться англо-французским соперничеством» [237].

Сложное переплетение отношений западных держав вылилось наконец в предложение английского правительства о встрече представителей четырех держав — Англии,

---

[234] AC, 14.X 1926, 6.X 1926 (памятная записка Чемберлена).— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 88.

[235] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Zimmermann L.* Op. cit., S. 320.

[236] См.: *Кульбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, с. 32.

[237] *Ерусалимский А. С.* Германия, Антанта и СССР. М., 1928, с. 184.

Франции, Германии и Италии. Английское предложение было с одобрением встречено германскими руководящими деятелями. В беседе с английским послом в Берлине Р. Линдсеем (в конце ноября 1926 г.) Штреземан спросил его, не предвидится ли совещание четырех держав, и подчеркнул, что одобрительно относится к этому варианту [238].

Такое отношение германского правительства к проекту встречи четырех было вполне закономерным. Тем же «духом Локарно», о котором немало говорил Чемберлен, ловко пользовался и Штреземан: всякий раз, как возникали затруднения в освобождении Германии от версальских обязательств, германский министр (как в публичных выступлениях, так и в анонимных статьях) взывал к этому «духу». Разумеется, германское правительство интерпретировало этот «локарнский дух» применительно к своим главным интересам, а именно как сглаживание расхождений между державами в вопросе о ревизии версальских постановлений в отношении Германии. Это помогало германским правящим кругам продолжать незаконную ремилитаризацию Германии и обходить подводные камни на ее пути. Однако предложение о встрече четырех держав не было осуществлено, и германское правительство продолжило тактику использования англо-французских противоречий для достижения своих ревизионистских целей [239].

На сентябрьской сессии Лиги наций 1926 г. Штреземан в своей первой речи в качестве представителя Германии — члена Лиги наций, заявил, что невыгодная для Германии интерпретация Версальского договора может быть исправлена путем всеобщего сокращения вооружений до уровня Германии [240]. Выступая в рейхстаге, он подчеркнул, что должен быть как можно скорее прекращен союзный военный контроль над Германией ввиду «выраженного стремления» последней «выполнить свои международные обязательства» [241].

---

[238] *Stresemann G.* His Diaries, Letters and Papers. Ed. and transl. by E. Sutton, vol. III. London, 1940, p. 71; *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 47.

[239] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 47—48.

[240] League of Nations, Official Journal, Assembly (1926), Special Supplement N 44 (September), 1926, p. 52.

[241] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 391 (November 23, 1926), S. 8142—8143.

В течение сентября — ноября 1926 г. продолжались дискуссии по оставшимся неурегулированными вопросам о разоружении между Германией и западными державами. В германских руководящих кругах (в начале сентября) выражали уверенность, что в данном вопросе лишь по очень немногим пунктам остается договориться с конференцией послов [242]. Во время сентябрьской сессии Совета Лиги наций Шуберт обсуждал с генеральным секретарем конференции послов Р. Массильи в вопросе о разоружении и отзыве МКК. Массильи заявил при этом, что «Бриан может попасть в очень неприятное положение», если решение еще не урегулированных проблем, связанных с разоружением, будет затягиваться и дольше [243].

По возвращении в Берлин статс-секретарь имел беседу с генералом Павельцем о существующих возможностях для выполнения требований конференции послов по вопросам разоружения [244].

29 октября на совещании германских руководящих деятелей говорилось о различных военных мероприятиях близ Кюстрина, о деятельности националистической организации Вервольф и т. п. Участники совещания высказали мнение, что генерал Сект (который теперь был в отставке) [245] очень мало делал для устранения этих нарушений. Теперь же складывается иное положение [246].

1 ноября французский посол де Маржери попросил Штреземана представить ему сведения по вопросам разоружения Германии. Отвечая послу, германский министр резко поставил вопрос о необходимости ликвидации контроля МКК над разоружением Германии и пригрозил отказом от линии Туари [247]. Беседа с де Маржери побудила Штреземана направить в Париж директиву: Гешу необходимо поговорить с Брианом об отзыве МКК [248].

---

[242] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 169—171.
[243] Ibid., S. 192.
[244] Ibid., S. 292—293.
[245] Помимо других причин, Секту было очень трудно находить общий язык с президентом Гинденбургом. «Чувствительный, интеллектуальный Сект и «железный господин» (Гинденбург.— *С. Н.*),— пишет историк ФРГ М. Штюрмер,— мало что имели сказать друг другу».— «Neue politische Literatur», 1968, Hf. 3, S. 394.
[246] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 393—394.
[247] Ibid., S. 409—416.
[248] Ibid., S. 417—420.

Как раз в это же время (6 ноября) французскому послу был сделан демарш со стороны председателя конференции послов в Париже Ж. Камбона о неурегулированных вопросах разоружения Германии [249]. Тогда германский министр иностранных дел вновь встретился с де Маржери. Штреземан в этой беседе вернулся к переговорам в Туари, где, по его словам, Бриан не высказал возражений против требования о досрочном освобождении оккупированных областей. Он осведомился также у посла о пожеланиях правительства Франции по поводу так называемых патриотических ассоциаций. Германский министр доказывал французскому послу, что эти организации не ведут никакой военной деятельности, и в подтверждение процитировал декларацию «Стального шлема» [250]. Де Маржери сообщил Штреземану, что вывод МКК из Германии зависит от прекращения «патриотическими» ассоциациями какой бы то ни было военной деятельности [251].

В Париже тем временем германский посол добивался согласия французской стороны на устранение последних препятствий на пути к ликвидации военного контроля над Германией. Геш беседовал об этом с Брианом 10 ноября [252] и 24 ноября. Во время второй беседы Бриан, а также другие руководящие деятели Кэ д'Орсэй проявили вполне доброжелательное отношение в вопросах о разоружении Германии [253].

Одновременно проводились аналогичные переговоры с английскими представителями [254]. «Необходимо,— подчеркивал Штреземан в беседе с английским послом,— чтобы политические деятели положили конец нескончаемым переговорам Межсоюзной военной контрольной комиссии и военных экспертов» [255]. С военным контролем над Германией, заявил Шуберт Р. Линдсею, должно быть теперь окончательно покончено [256].

Но ясности в вопросе о сроках вывода МКК из Германии по-прежнему не было. Согласно сообщению германского посла из Лондона (1 декабря), немедленный

[249] Ibid., S. 435—437.
[250] Ibid., S. 439—441.
[251] Ibid., S. 471—473.
[252] Ibid., S. 441—445.
[253] Ibid., S. 485.
[254] Ibid., S. 449—450, 486—488.
[255] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 65—66.
[256] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 503.

вывод МКК не предвиделся, пока не будет найден компромисс между требованиями Германии и Франции [257]. Западные державы обсуждали в это время составленный английскими военными экспертами меморандум, в котором германскому правительству предлагалось: подчинить главное командование рейхсвера министру обороны, урегулировать вопросы о наборе в армию и о «патриотических» ассоциациях, организовать контроль за экспортом оружия и военного снаряжения, срыть новые фортификационные укрепления на восточной границе Германии [258].

1 декабря во время совещания в германском МИД подтвердились вышеприведенные и некоторые другие нарушения Германией в вопросах разоружения: набор в рейхсвер членов националистических организаций, маскировка этих организаций под спортивные клубы, их взаимоотношения с германским военным флотом, производство ядовитых газов и т. п. [259] Что касалось германского военного флота, то и здесь были нарушения: существовали тайные арсеналы, велась военная подготовка краткосрочников, использовались запрещенные виды вооружений и т. п. [260]

Менее чем через неделю, 6 декабря, на Совете Лиги наций должен был решаться вопрос о передаче военного контроля от конференции послов и ее контрольной комиссии — МКК Совету Лиги наций. Германский министр иностранных дел отправлялся в Женеву в решительном и боевом настроении в предвидении предстоящих серьезных дискуссий. Этого нельзя было сказать о Бриане, занявшем в общем не свойственную ему оборонительную позицию. Проведя две предварительные беседы 5 декабря (с Чемберленом и Брианом) накануне открытия сессии Совета [261], Штреземан сразу же потребовал вывода МКК и заявил, что, поскольку неурегулированными остаются лишь незначительные пункты, связанные с разоружением Германии, переговоры с конференцией послов в Париже

---

[257] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 515—516.
[258] *Schulthess H.*, Bd. 67 (1926), S. 447—448.
[259] *Kempner R. M. W.* Die Reichswehr und die Reichsregierung.— «Der Monat», 1949, März, S. 103—105.
[260] Germany, US Zone of Occupation, Military Tribunals, Trials of War Criminals, vol. X, «The Fight of the Navy against Versailles, 1919—1935», p. 433 ff.; *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 69.
[261] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 531—534; 540—544.

должны завершиться в самый короткий срок, а точная дата прекращения контроля зафиксирована уже в Женеве. Любые оставшиеся нерешенными вопросы, по его мнению, могут быть обсуждены через дипломатические каналы, а в дальнейшем всякого рода контроль станет функцией Лиги наций. Что же касается данного вопроса, то он требует обсуждения [262].

Германский министр иностранных дел с самого начала дал понять, что Совет Лиги наций не должен просто продолжать выполнение функций Межсоюзной контрольной комиссии. Он говорил об этом и в Туари, и тогда Бриан заверил его, что все это чисто формальная мера, а «на самом деле никто не думает осуществлять контроль над членом Лиги..., нужно только найти своего рода формулу, которая сохранит за Лигой право осуществлять известный контроль» [263].

Во время же обсуждений на декабрьской сессии Бриан, указывая, что хотя статья 213 Устава Лиги не предусматривает «особых форм» контроля, дал одновременно понять, что отнюдь не расположен рассматривать в данное время вопрос о каких-либо «существенных изменениях» в системе контроля со стороны Лиги наций. Что касается английского министра иностранных дел, то он заявил о необходимости договориться об определенной дате прекращения военного контроля над Германией. Одновременно Чемберлен заверил Штреземана, что решение о контроле над разоружением Германии со стороны Лиги наций может быть вынесено лишь в случае большинства голосов в Совете. Не вызывало сомнений, что Германии не составит особого труда блокировать подобное требование о контроле, поскольку она могла полагаться на благожелательное отношение Англии [264].

С 6 по 9 декабря дискуссии между участниками сессии Совета Лиги наций продолжались [265]. Их результатом было принятие большинства требований Германии. Только с согласия германской стороны мог теперь осуществляться контроль в какой бы то ни было форме в деми-

---

[262] *Fox J. P.* Op. cit., p. 161—162.
[263] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III, S. 23; *Toynbee A. J.* Op. cit., p. 20.
[264] *Fox J. P.* Op. cit., p. 162.
[265] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 544—551, 561—562.

литаризованной зоне западной Германии [266]. Оставались несогласованными лишь несколько пунктов. 10 декабря конференция послов сообщила, что германская сторона настаивает на пунктах об экспорте военных материалов и оборонительных сооружениях на восточных границах. «Затруднительное положение для нашей женевской делегации, которая борется за отмену военного контроля,— комментирует эти переговоры фон Штокгаузен,— Возражения Франции по поводу экспорта полуфабрикатов, которые будто бы могут служить для вооружения. Германия никоим образом не может экономически вынести радикальное сокращение экспорта...» [267]

В качестве выхода из положения английская сторона предложила назначить определенную дату для вывода МКК; германское же правительство должно продолжить переговоры по оставшимся неурегулированными вопросам с конференцией послов после прекращения деятельности МКК [268]. 11 декабря было принято решение о выводе Межсоюзной контрольной комиссии из Германии с 31 января 1927 г. [269] «Благоприятное завершение всего в Женеве,— записывает фон Штокгаузен,— Штреземан с видимым облегчением сообщает по телефону, что достигнуто соглашение... Однако конференция послов в Париже должна оставить за собой функцию контроля над срытием укреплений и производством военных материалов. Все же мы должны быть довольны результатом, завоеванным с таким трудом» [270].

Представленный Совету Лиги доклад комитета юристов давал следующую интерпретацию схемы контроля Лиги наций: контроль должен быть санкционирован большинством голосов Совета, специального же или постоянного контроля не предполагается [271].

Такое решение было безусловной победой политики германского правительства. «Добившись ликвидации межсоюзных контрольных органов и передачи полномочий по расследованию Совету Лиги наций,— пишет американ-

---

[266] *Toynbee A. J.* Op. cit., p. 97—98; *Schulthess H.,* Bd. 67 (1926), S. 495—498.
[267] *Stockhausen M. von.* Op. cit., S. 237.
[268] *Fox J. P.* Op. cit., p. 162—163.
[269] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 592—593.
[270] *Stockhausen M. von.* Op. cit., S. 237.
[271] *Fox J. P.* Op. cit., p. 163.

ский исследователь Г. Бреттон,— Штреземан успешно ревизовал если не букву, то сущность условий Версальского договора о разоружении» [272]. Германский министр имел все основания заявить, что соглашение означает признание, что процесс разоружения Германии завершен, в связи с чем устранена необходимость в контрольных органах [273].

14 декабря 1926 г., т. е. буквально вслед за окончанием сессии Совета Лиги, Штреземан заявил представителям прессы о своем намерении потребовать полной эвакуации оккупационных войск уже на следующей (мартовской) сессии 1927 г. Он лелеял мысль, что, если разрешится положительно экономическая сторона соглашения в Туари, ему это удастся сделать даже раньше [274]. Однако действительность опрокинула столь заманчивые для Берлина планы. На официальные переговоры о досрочной эвакуации державы согласились лишь в сентябре 1928 г.

В период с декабря 1926 г. и до марта 1927 г. во французских руководящих кругах все более отчетливо стала проявляться оппозиция относительно не только условий соглашения в Туари, но и самого принципа досрочной эвакуации [275]. Так, по признанию Бертело секретарю английского посольства Э. Фиппсу, эвакуация не сможет быть осуществлена еще в течение двух лет [276]. Бриан и так подвергался критике за обещание о выводе МКК до достижения окончательного соглашения по вопросу о разоружении Германии [277].

Тем временем переговоры по двум оставшимся неразрешенными пунктам о разоружении продолжались [278]. Но и к концу января конференция послов все еще не могла признать, что Германия их выполнила. Небезынтересно признание Штреземана в эти дни представителям немецкой национальной партии в том, что переговоры

---

[272] *Bretton H. L.* Op. cit., p. 144.
[273] «Frankfurter Zeitung», 21.XII 1926 (N 948).
[274] *Marx W.* Der Nachlass des Reichkanzlers Wilhelm Marx, Bd. I. Köln, 1968, S. 462.
[275] *Jacobson J.* Op. cit., p. 101.
[276] FO, 20.I 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 102.
[277] AA, 22.XII 1926, 13.I 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 102.
[278] ADAP, Ser. B, Bd. I/2, S. 626—627, 639—640, 650.

умышленно затягиваются Германией, чтобы обойтись меньшими уступками [279].

На заседании 6 января 1927 г. германский кабинет одобрил предложенную генералом Павельцем тактику на переговорах по еще неурегулированным вопросам разоружения — вопрос о фортификационных укреплениях и др. [280]

Германский посол Геш сообщал, что Париж придает переговорам по нерешенным вопросам разоружения чрезвычайно важное значение. По мнению посла, правительству Германии следует сделать все возможное, чтобы успешно завершить переговоры с конференцией послов до конца месяца [281].

Шуберт в беседе с английским послом (14 января) заверил его в стремлении правительства Германии достичь договоренности в вопросах разоружения до 31 января. Вместе с тем статс-секретарь намекнул, что и с другой стороны также должны продемонстрировать готовность идти навстречу [282].

Поскольку МКК отклонила предложения Германии по вопросу о фортификациях на восточных границах, генерал Павельц пришел к заключению, что необходимо в данном вопросе пойти навстречу контрольной комиссии [283]. 20 января Штреземан сообщил в германское посольство в Париже, что на представления французского посла дан ответ, что вопрос о восточных укреплениях будет решен удовлетворительно. Германский министр просил Геша обратить внимание на то, чтобы не было больше «никаких уверток и уловок». Штреземан считал недопустимым предоставить решающее слово в этом важном вопросе военным [284].

28 января германское посольство в Париже информировало Берлин, что в результате нелегких переговоров генерал Павельц договорился наконец о внутренних границах зоны укреплений. Германия получала полную свободу для строительства крепостных сооружений в огра-

---

[279] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 71.
[280] ADAP, Ser. B, Bd. IV. Göttingen, 1970, S. 15—16.
[281] Ibid., S. 43—44.
[282] Ibid., S. 61—62.
[283] Ibid., S. 90—91.
[284] Ibid., S. 101—103.

ниченной этой линией зоне [285]. Посол фон Геш считал, что следует согласиться с этим,— несогласие вызвало бы во Франции «сильнейшее разочарование и огромное возмущение». Еще хуже, по его мнению, будет, если данный вопрос передадут в Совет Лиги наций, где его наверняка единодушно провалят [286].

Ответ из Берлина (посланный 31 января) гласил, что, несмотря на «серьезные сомнения», германское правительство дает санкцию на дальнейшие уступки в вопросе о крепостных сооружениях. Вышеупомянутые «серьезные сомнения» объяснялись, очевидно, опасениями «морального воздействия» уступок в Восточной Пруссии [287]. В связи с этим Шуберт сделал заявление заведующему отделом печати французского посольства в Берлине О. Эснару, что, поскольку союзники «не выказали понимания» положения Германии, нельзя ручаться за исход переговоров [288].

Наконец был подписан текст соглашения между германским правительством и МКК по вопросу о системе долговременных укреплений на восточной и южной границах Германии [289]. Германский посол в Париже Геш расценил это соглашение как «наиболее благоприятное из возможных решений». А одновременное снятие военного контроля с Германии (поскольку МКК, как и было обещано, была ликвидирована 31 января 1927 г.) посол назвал «важнейшей вехой в истории освобождения Германии от чужеземного гнета» [290].

Гораздо менее восторженно это соглашение характеризовали в Берлине. Так, в предписании германскому посольству в Лондоне (от 3 февраля) довольно сухо констатировалось, что достигнутая с конференцией послов договоренность по поводу боевой техники и восточных укреплений «до некоторой степени учитывает интересы Германии». Видимо, было решено, что чересчур хвалебную оценку Геша не следует выносить за пределы дипломатической переписки, поскольку в вышеупомянутом предписании подчеркивалось, что «для внешнего мира» следует

---

[285] Ibid., S. 170—171.
[286] Ibid., S. 173—175.
[287] Ibid., S. 182—183, прим. 2.
[288] Ibid., S. 183.
[289] Ibid., S. 188—190.
[290] Ibid., S. 200—201.

изображать дело таким образом, что «Германия в интересах разрядки политической ситуации пошла на тяжелые жертвы во время парижских переговоров» [291].

Итак, правительства Англии и Франции вновь, не дождавшись выполнения Германией всех ее обязательств, пошли навстречу требованиям германских правящих кругов. В заключительном докладе контрольной комиссии констатировалось: «Германия никогда не разоружалась, никогда не имела намерения разоружиться и в течение семи лет делала все, что было в ее власти, для обмана и «перепроверки» комиссии, назначенной для контроля над ее разоружением». Но доклад этот «умышленно игнорировали и скрыли» [292]. Таков был этот, своего рода кульминационный момент «духа Локарно».

Добившись ликвидации всякого по существу контроля над разоружением Германии, германское правительство получило полное основание полагать, что можно осуществлять дальнейшее, в общем бесконтрольное вооружение. Руководящие деятели Берлина все более открыто стали провозглашать право Германии на равное вооружение.

Хотя для внешнего мира в 1927 г. и не стали заметны какие-либо существенные изменения в области перевооружения Германии, тем не менее год ознаменовался тем, что можно было назвать «похоронами без шума» прав контроля и расследования Англии и Франции в отношении версальских постановлений. Программа четвертого правительства В. Маркса, созданного 29 января 1927 г., предусматривала в общем плане активных военных приготовлений преимущественное строительство военно-морского флота, а также перевооружение сухопутной армии [293].

В январе 1927 г. министерство рейхсвера издало «совершенно секретный» меморандум, где выражалась «благодарность армии за ее прошлые усилия» в области перевооружения Германии, осуществляемого «союзом людей, которые сознательно и сообща нарушают закон...» В меморандуме выражалось восхищение тем, насколько успешно удавалось замазывать существенную разницу между законными задачами армии и нелегальными приготовлениями к мобилизации, которая «сама по себе была в

---

[291] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 210—211.
[292] *Wheeler-Bennett J.* Op. cit., p. 185, 186.
[293] См.: *Кульбакин В. Д.* Указ. соч., с. 250, 251.

своей основе незаконной». Меморандум признавал также ответственность политических деятелей Германии за незаконную ремилитаризацию страны. «Члены имперского правительства,— говорилось в этом документе,— участвующие в приготовлениях к мобилизации в вермахт, превышая санкционированное договором (Версальским.— *С. Н.*), тем самым становятся виновными в нарушении мирного договора, провозглашенного имперским законом» [294].

Меморандум еще раз убедительно свидетельствовал, что германские правящие круги понимали и учитывали в своей политике, что союзные правительства, в первую очередь английское, не будут чинить серьезных препятствий возрождению военной мощи Германии. Главную опасность они видели внутри страны, как со стороны оппозиционных буржуазных партий, так и в особенности со стороны германского рабочего класса и прогрессивной общественности.

Рейхсканцлер В. Маркс 3 февраля 1927 г. выступил в рейхстаге с заявлением, в котором заверял, что впредь будут пресекаться любые отношения между различными «патриотическими и полувоенными организациями и рейхсвером, а при новом наборе солдат отдаваться предпочтение относящимся лояльно к существующему режиму перед антиреспубликанскими элементами». «Правительство,—говорил рейхсканцлер,—будет специально оказывать внимание и армии. (Смех и возгласы слева)... Я хочу настойчиво подчеркнуть, что, провозглашая и проводя эту программу, я действую в полном согласии с министром рейхсвера и главнокомандующими армией и флотом. (Возгласы слева: «Это все объясняет!»)» [295].

В то время как рейхсканцлер публично, хотя и довольно безуспешно, пытался представить грехи рейхсвера как дело прошлого, министр иностранных дел в избранной аудитории говорил иное: «Я заявляю вам совершенно откровенно, что не упрекал бы в душе ни одного немца, если он не отдал оружие, которое у него есть дома». Говоря о Версальском договоре, Штреземан добавил: «Сделать его пустым изнутри, по-настоящему ревизовать его — такова суть дела» [296].

---

[294] Germany, US Zone of Occupation, Military Tribunals, Trials of War Criminals, vol. X, p. 428—431; *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 90.
[295] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 391, S. 8792.
[296] *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 91—92.

Итак, ремилитаризация Германии продолжалась полным ходом. 26 февраля 1927 г. кабинет обсудил отчет о военных приготовлениях на германских восточных границах и о тайных оружейных складах рейхсвера. Рейхсканцлер В. Маркс заявил, что подготовительные работы по вооружению должны при всех обстоятельствах продолжаться и впредь. То же самое, сказал он, относится и к военно-морскому флоту, где необходимо сделать все возможное в пределах, дозволенных финансами. Кабинет санкционировал эти предложения [297]. Министр рейхсвера О. Гесслер (12 марта) поставил перед Штреземаном вопрос о том, чтобы вновь учредить должности военного и военно-морского атташе при представительствах Германии за границей [298]. Летом 1927 г. министерство рейхсвера вновь поставило вопрос о военных атташе [299].

Серьезный конфликт между Германией и западными державами возник в марте 1927 г., когда во исполнение договоренности для наблюдения над выполнением постановлений конференции послов о разоружении были назначены технические эксперты. В беседе с итальянским послом А. Марескотти Шуберт выразил «удивление по поводу образа действий» итальянского технического эксперта Ацциарити, который, по словам Шуберта, потребовал контроля, подобного тому, какой проводила прежняя контрольная комиссия [300].

Английский посол в свою очередь заявил статс-секретарю о необходимости присутствия технических экспертов при срытии укреплений на восточной границе Германии. В ответ он получил категорический отказ германской стороны разрешить инспекцию на месте [301]. Однако, по мнению английского министра иностранных дел (сообщенному Штреземану 11 апреля), эксперты должны своими глазами убедиться в окончании работ по срытию, в противном случае этим придется заняться Лиге наций. Германский министр расценил это заявление как попытку продолжить военный контроль, о чем не может быть и речи [302]. Вместе с тем, желая каким-то образом избежать

---

[297] *Carsten F. L.* Op. cit., S. 289—290.
[298] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 533—535.
[299] ADAP, Ser. B, Bd. V. Göttingen, 1972, S. 575—578.
[300] Ibid., S. 46—48.
[301] Ibid., S. 62—63.
[302] Ibid., S. 167—169.

присутствия экспертов, германская сторона довела до сведения английского посла, что союзным державам будут посланы все материалы, знакомящие с ходом работ по срытию укреплений [303]. Тем не менее Р. Линдсей счел это недостаточным, подчеркнув, что для него непонятно, почему нельзя найти «выход из этой дилеммы». Ему представлялось, что германская сторона, согласно поговорке, «не может поймать птицу, потому что гонится за ее тенью». Под «птицей» здесь подразумевался весь комплекс вопросов о разоружении, а под «тенью» — контроль экспертов [304].

Позиция французского правительства по вопросу об экспертах также была превосходно известна германской стороне. Посол Франции де Маржери заявил, что если «не разрешить сейчас офицерам убедиться в срытии, то именно вопрос об укреплениях, который поднял огромный столб пыли вокруг, вызовет во Франции серьезное недоверие» [305].

Подобная непримиримая позиция союзных держав, в особенности Франции, привела к тому, что германская сторона стала склоняться к мнению, что придется разрешить «нейтральному офицеру» удостовериться в срытии укреплений [306]. Было поручено (9 мая) довести до сведения Бриана о готовности германской стороны после окончания работ по срытию укреплений «допустить одноразовый осмотр нейтральным лицом» при условии обещания Бриана о выводе в ближайшее, точно определенное время 10 тыс. солдат из Германии [307].

Штреземан попросил германского посла в США Мальцана предложить американскому правительству поддержать предложение о проверке работ по ликвидации укреплений американским военным атташе [308]. Германская сторона довела до сведения правительства Англии, что рассчитывает на его поддержку в том, чтобы убедить Париж в целесообразности такого компромиссного предложения [309].

---

[303] Ibid., S. 214—215.
[304] Ibid., S. 254.
[305] Ibid., S. 80.
[306] Ibid., S. 267—268.
[307] Ibid., S. 308—310.
[308] Ibid., S. 318—319.
[309] Ibid., S. 324—325.

Однако Бриан и Бертело высказались против инспектирования укреплений военным атташе нейтральной страны [310]. В случае несогласия с этим германского правительства необходимо провести инспектирование Лиги наций [311].

Понимая, что вопрос о допуске экспертов может завести в тупик решение вопроса о разоружении Германии в целом, в германских руководящих кругах пришли к заключению о необходимости согласиться с требованием держав при условии, что эксперт будет отозван до 1 июля и произведено сокращение войск [312].

В конце июля в рейхстаге был проведен законопроект о запрещении производства, экспорта и импорта некоторых видов военной продукции в Германии [313].

За исключением отдельных незначительных моментов, Англия и Франция имели теперь «законные» основания официально заявить об «окончательном выполнении» Германией условий по разоружению. 22 июля 1927 г. конференция послов направила свой заключительный доклад Совету Лиги наций, который впредь становился единственным органом с правом наблюдения за состоянием вооружения Германии [314].

Тем самым правительства западных держав ослабили и так не слишком бдительный контроль. В мае того же года генерал фон Сект вновь приступил к неофициальной службе в качестве советника президента и министра иностранных дел [315]. В начале лета 1927 г. возобновила свою деятельность пограничная охрана на германских восточных границах. В то время как Штреземан заверял в Женеве, что Германии «нечего скрывать», он уже располагал сведениями, что в восточной Пруссии предпринимаются «некоторые необходимые шаги для защиты страны ... в виде подготовки личного состава и материальной части на случай возможного вражеского вторжения». Более того, Штреземан был предупрежден, что до представителей западных держав каким-то образом дошли све-

---

[310] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 346.
[311] Ibid., S. 349—351.
[312] Ibid., S. 443—446.
[313] Germany. US Zone of Occupation, Military Tribunals, Trials of War Criminals, vol. IX, p. 256 ff.; *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 94.
[314] *Schulthess H.*, Bd. 68 (1927), S. 489.
[315] *Rabenau F. von.* Op. cit., S. 627.

дения о приготовлениях к мобилизации [316]. Однако, несмотря на это, не только с английской, но и с французской стороны не последовало никаких запросов [317].

Германский министр иностранных дел был превосходно осведомлен и со своей стороны одобрял тайное и незаконное перевооружение и он признавал его значение для усиления армии [318].

В декабре 1927 г. в министерстве рейхсвера состоялось обсуждение представителями армии и экспертами МИД «политической и военной обстановки и маневров», намечаемых на начало будущего года. В качестве предполагаемой военной ситуации имелось в виду вторжение Польши в Восточную Пруссию [319].

В январе 1928 г. вновь обсуждался вопрос о защите границ. К этому времени мероприятия в этой области проводились полным ходом в Восточной Пруссии и Верхней Силезии, а в Померании и Бранденбурге были уже почти завершены [320]. Через две недели рассматривался вопрос о приготовлениях к возможной мобилизации [321]. Если в 1925 г. военные расходы Германии составляли 490,9 млн. марок, то к 1928 г. они возросли до 827 млн. марок [322].

Вновь вернувшийся (в 1927 г.) в Германию Шарль де Голль — на этот раз в чине майора, командующего батальоном французских оккупационных войск в Рейнской области,— получил возможность в еще большей степени убедиться в бурном росте шовинизма и реваншизма [323]. «Ход событий,— пишет он в 1928 г. своему другу Л. Нашену,— силой обстоятельств разрушит все существующие в Европе... барьеры. Нельзя не видеть, что аншлюс близок; затем Германия силой или другим путем вернет все, что у нее было отторгнуто в пользу Польши. После этого от нас потребуют Эльзас. Мне кажется это ясным как божий день» [324]. Как отмечает западногерманский иссле-

[316] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 94.
[317] Ibidem.
[318] *Post G., Jr.* German Foreign Policy and Military Planning; the Polish Question, 1924—1929 (Diss.). Stanford, 1969, p. 228—229.
[319] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 101.
[320] AA, Büro des Staatssekretär, 23.I 1928.— In: *Carsten F. L.* Op. cit., S. 295.
[321] Ibid., S. 296.
[322] *Castellan G.* Op. cit., p. 157.
[323] См.: *Молчанов Н. Н.* Указ. соч., с. 70.
[324] *Lacouture J.* De Gaulle. Paris, 1969, p. 42.

дователь Э. Айк в своей «Истории Веймарской республики», «правительства тогдашних государств Антанты действовали ...с открытыми глазами», когда, вначале создав определенный военный контроль, постепенно «в конце концов его сняли». Айк вынужден констатировать, что тем самым правительства западных держав открыли руководителям рейхсвера путь для ремилитаризации страны [325].

Продолжая политику ремилитаризации, германские руководящие круги старались «для внешнего мира» афишировать «миролюбие» Германии и тем самым отвлекать внимание мировой общественности от истинных целей своей политики. Одним из характерных актов подобной политики явилось присоединение Германии к пакту Бриана — Келлога, подготовка к которому шла еще с 1927 г. [326]

Подписание пакта Бриана — Келлога 27 августа 1928 г. было с ликованием встречено буржуазной печатью. Церемония подписания этого пакта превозносилась как «празднование духовной свадьбы Бриана и мира» [327].

В подготовительной комиссии по разоружению германские представители с самого начала выступили с требованиями разоружения. Цель была вполне очевидной: поскольку сама Германия считалась разоруженной, речь могла идти только о разоружении держав-победительниц — Франции и Англии. Представители Германии в этой комиссии имели твердое предписание Берлина (от 30 марта 1927 г.) не упоминать в какой бы то ни было форме о перевооружении Германии [328]. Заместитель генерального секретаря Лиги наций, германский представитель Дюфур-Феронсе заявил в конце марта 1927 г. генеральному секретарю, что для Германии неприемлем существующий статус-кво в вооружениях [329]. Более того, рекомендовалось не только в подготовительной комиссии, но также и в беседах с представителями держав подчеркивать, что теперешнее положение Германии в области вооружений неравноправно и, если другие государства не

---

[325] *Eyck E.* Geschichte der Weimarer Republik, Bd. 2. Erlenbach — Zürich, 1955, S. 69, 70.

[326] Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Müller II, Bd. I. Boppard am Rhein, 1970, S. 18—19.

[327] Цит. по: *Молчанов Н. Н.* Указ. соч., с. 70.

[328] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 99.

[329] Ibid., S. 100—101.

снизят уровень своего вооружения, сохранится существующее «неравновесие» [330].

При этом германские руководящие деятели прекрасно отдавали себе отчет в том, что правительства Англии и Франции, разумеется, не пойдут на сокращение своих вооружений до уровня Германии, а скорее, при условии гибкого проведения ее тезиса «равенства вооружений», рано или поздно согласятся на довооружение Германии [331].

В начале 1928 г. германское правительство вновь выступило с призывом к сокращению вооружения всех держав до уровня, существующего в Германии [332].

Однако, как отмечала советская печать, «было бы ошибочным полагать, что представитель Германии защищал идею всеобщего разоружения в силу тех же соображений, что и советская делегация... Германская дипломатия стремится к тому, чтобы выявить нежелание победителей разоружиться, а тем самым доказать невыполнение ими условий Версальского договора, в которых разоружение Германии было оправдано как мера, направленная на сокращение вооружений и другими странами» [333].

Но в то время, как германское правительство в лице Штреземана заверяло Лигу наций и мировое общественное мнение в «мирных намерениях» Германии, которая якобы «полностью разоружена», перевооружение продолжалось.

Освободившись практически от всякого контроля, германское правительство в последние два года перед началом мирового экономического кризиса полным ходом проводило ремилитаризацию страны [334]. «В 1929 г.,— свидетельствует Р. Сэсюли,— 13 стран, в том числе Франция, Китай, Испания и Бельгия, сообщили Лиге наций, что Германия является для них главным поставщиком оружия и боеприпасов» [335].

В 1929 г. германский кабинет единодушно проголосовал за дальнейшее укрепление восточных границ и увеличение пограничной охраны до 30 тыс. человек [336].

---

[330] Ibid., S. 106—107.

[331] *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Bretton H. L.* Op. cit., p. 189.

[332] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 394, S. 12491 (30.I 1928); League of Nations, Official Journal, Assembly, vol. VIII (1928), p. 651.

[333] «Известия», 27 марта 1928.

[334] См. об этом: *Кульбакин В. Д.* Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М., 1954.

[335] *Сэсюли Р.* ИГ Фарбениндустри. М., 1948, с. 104.

[336] *Severing K.* Op. cit., Bd. II, S. 191—192; *Braun O.* Op. cit., S. 267.

Особое внимание германское правительство Г. Мюллера в 1928—1929 гг. уделяло строительству военно-морского флота. Англо-французское морское соглашение, заключенное в июле 1928 г., было недоброжелательно встречено в Германии [337]. 9 января 1929 г. английский журнал «Ревью оф ревьюс» опубликовал «секретный меморандум» германского военного министерства с конкретной программой строительства военно-морского флота в Германии [338]. В связи с меморандумом В. Гренера коммунистическая фракция в рейхстаге выступила с требованием вынести правительству Мюллера «вотум недоверия» [339]. Г. Мюллер в своем выступлении стремился представить меморандум как «оборонительный», имеющий целью лишь «защиту германских границ» [340]. Предложение коммунистической фракции было отвергнуто, и утверждено решение правительства об очередном взносе на строительство военно-морского флота.

Английские руководящие круги явно недооценивали размах военно-морского строительства в Германии, а также ту опасность, которую германский военно-морской флот может представить для западных держав, считая его годным лишь для береговой обороны, в частности в Балтийском море. Построенные в Германии новые типы военных кораблей, например линкоры «Дойчланд», «Адмирал Шеер», «Адмирал граф Шпее», специально предназначались для операций против английских и французских морских коммуникаций [341].

Одновременно с теми или иными аспектами проблемы разоружения шло обсуждение вопроса о сокращении оккупационных войск и освобождении оккупированных областей Германии. Германский посол в Париже Геш советовал в письме, адресованном на Вильгельмштрассе (2 февраля 1927 г.), не слишком заострять вопрос о целях, которые Германия преследует относительно освобождения Рейнской области и Саара, чтобы «не раздражать»

[337] См.: *Иванов Л. Н.* Морская политика и дипломатия империалистических держав (между первой и второй мировыми войнами).— В кн.: *Академик Л. Н. Иванов.* Избранные произведения. М., 1964, с. 109, 110.

[338] «Der Klassenkampf», 1929, N 3, S. 84—87 («Groeners vertrauliche Denkschrift»).

[339] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 323, S. 1279.

[340] Ibid., S. 1281.

[341] См.: *Иванов Л. Н.* Указ. соч., с. 367.

общественное мнение Франции и давать повод для чрезмерных контрпретензий со стороны Парижа [342]. Состоявшаяся через неделю беседа Геша с Брианом показала, что посол был прав, давая Берлину «советы умеренности» [343]. Когда германский представитель, наряду с другими пожеланиями, высказал пожелание своего правительства о досрочном освобождении Рейнской области, французский министр возразил, что в этой области следует «продвигаться осторожно» и, кроме того, подобное «продвижение» потребует известных «ответных услуг» со стороны Германии [344]. Более того, в беседе с германским послом (5 марта) Бриан дал понять, что об освобождении оккупированных областей в настоящее время не стоит говорить вообще. Это вынудило германскую сторону сообщить, что она не будет в официальном порядке ставить этот вопрос на мартовской сессии [345].

Данное обещание представители Германии сдержали. Штреземан на женевской сессии Лиги затронул вопрос о досрочной эвакуации лишь в частных беседах держав — участниц Локарно [346]. «Я указал Бриану,— говорится в записи одной из таких бесед, сделанной германским министром [347],— на то, что продолжение оккупации Рейнской области... несовместимо с духом Локарно. Дальнейшая оккупация не будет понята в Германии, особенно после его последней речи о Локарно» [348]. Штреземан указал Бриану на необходимость для французской стороны взять теперь на себя инициативу, с тем чтобы покончить с численным превосходством войск на оккупированной территории. Бриан ответил, что попытается сделать все возможное; однако «в вопросе об освобождении Рейнской области в настоящий момент он не смог бы достигнуть ничего» [349].

Что же касалось позиции английских руководящих деятелей, то в аналогичной личной беседе со Штрезема-

---

[342] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 201—202.
[343] AA, 9.II 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 103—104.
[344] Ibid., S. 264—266.
[345] AA, 5.III 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 103—104.
[346] AA, 6—12.III 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 114; AC, 15.III 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 114.
[347] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 463—465.
[348] Имелась в виду речь Бриана в иностранной комиссии сената от 3 февраля 1927 г. (ibid., S. 477, прим. 6).
[349] Ibid., S. 498.

ном Чемберлен заявил, что «жалобы» Германии «по поводу числа оккупационных войск вполне обоснованы». Английский министр обещал «повлиять» на Францию, чтобы побудить ее к «достаточно существенному» сокращению военных сил в Германии. Однако по отношению к выводу английских войск Чемберлен высказался отрицательно. Для Англии, по его словам, необходимо «участвовать в этой игре» [350], чтобы иметь возможность так или иначе намекать Франции об освобождении Рейнской области. Тем не менее, «если события будут разворачиваться чересчур быстро», Бриан может подвергнуться риску лишиться своего поста [351].

Оказавшись перед лицом англо-французской оппозиции, Штреземан вынужден был отступить. Он согласился отложить на неопределенное время вопрос о досрочной эвакуации Рейнской области. Было достигнуто неофициальное «соглашение трех» о том, чтобы этот вопрос отложить до того времени, когда его представится возможным обсудить с учетом «прав» Франции по Версальскому договору в отношении «безопасности и репараций» [352].

После мартовской сессии германские руководящие круги решили придерживаться следующей тактики: отложить всякие действия, связанные с досрочной эвакуацией, до тех пор, пока не будет произведено обещанное еще 14 ноября 1925 г. сокращение оккупационных войск. Когда Штреземан убедился, что французская сторона не собирается предпринимать в этом плане никаких действий и франко-германские взаимоотношения находятся на грани кризиса, он дал инструкции посольству в Париже (23 апреля) предпринять официальный демарш на Кэ д'Орсэй, потребовав сократить войска в качестве компенсации за отсрочку эвакуации оккупированных областей [353].

В английском правительстве придерживались мнения, что в интересах Великобритании, чтобы Рейнская область как можно дольше оставалась оккупированной; это будет служить препятствием к франко-германскому взаимопониманию. Подобная точка зрения, по мнению германской стороны, свидетельствовала, что Англия продолжает при-

---

[350] Немецкая поговорка — «die Hand im Spiele zu halten».
[351] ADAP, Ser. B, Bd. IV, S. 499.
[352] *Jacobson J.* Op. cit., p. 114, 115.
[353] AA, 1, 8, 23.IV 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 116—117; ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 220—222.

держиваться своей всегдашней излюбленной политики «разделяй и властвуй» [354]. И когда 28 апреля английский посол в Берлине Р. Линдсей передал Штреземану «критические замечания» Чемберлена по поводу германской политики в данном вопросе, министр иностранных дел заявил послу, что, если вопрос о сокращении войск не будет решен теперь, возникнет кризис во взаимоотношениях локарнских держав [355]. По мнению же германского посла Штамера (высказанном им 4 мая), в Лондоне понимали необходимость вывода войск из Рейнской области для «настоящего умиротворения» Европы, однако по различным причинам склонялись к тому, чтобы затягивать решение этого вопроса [356].

Когда германский представитель предпринял требуемый правительством демарш в Париже (5 мая), ему было указано на «многочисленные уступки», сделанные французской стороной Германии в послелокарнский период. Бриан, кроме того, несколько «обнадежил» германскую сторону относительно дальнейшего сокращения численности оккупационных войск [357].

Однако, как мы уже имели возможность убедиться, Бриан обусловливал дальнейшее сокращение оккупационных войск удовлетворительным, с точки зрения Франции, урегулированием вопроса о проверке работ по срытию укреплений на восточных границах Германии экспертами союзных держав [358]. Среди французской общественности в данном вопросе преобладало мнение не выказывать никакой готовности идти на уступки германскому правительству относительно эвакуации Рейнской области без соответствующего «вознаграждения» [359]. Вместе с тем Бриан, в предвидение франко-английской встречи в Лондоне в мае, заговорил о «необходимости урегулирования» вопроса об эвакуации оккупированных областей Германии. Он полагал, что немецкой прессе, ввиду намечающихся переговоров в Лондоне, следовало бы избегать острых выпадов в связи с этой проблемой [360].

---

[354] Ibid., S. 128—129.
[355] Ibid., S. 241—243.
[356] Ibid., S. 262.
[357] Ibid., S. 272—275.
[358] Ibid., S. 296—299.
[359] Ibid., S. 319—321.
[360] Ibid., S. 361.

16—18 мая 1927 г., в связи с официальным визитом французских руководящих деятелей — президента Франции Г. Думерга и А. Бриана — в Лондон, где они вели переговоры с королем Георгом V и английским министром иностранных дел, в прессе появились сообщения о том, что Чемберлен обещал поддержать Францию в вопросе об эвакуации Рейнской области взамен за согласие Бриана поддержать Англию в «русском вопросе» [361]. Это вынудило Штреземана обратиться за разъяснениями к английскому послу Р. Линдсею [362]. А после сообщения Штамера из Лондона, что вопросы о Рейнской области и Советском Союзе, по всей вероятности, были основными в беседах между Чемберленом и Брианом, МИД Германии по телефону запросило германское посольство в Лондоне о дополнительной информации, подчеркнув, что любые англо-французские переговоры о вышеупомянутых вопросах имеют для Берлина огромное значение [363].

Однако как Форин оффис, так и Кэ д'Орсэй проявили чрезвычайную осторожность с целью скрыть содержание переговоров Бриана — Чемберлена; оба министра ограничились просто отрицанием слухов, что обсуждались вопросы об эвакуации Рейнской области и англо-советских отношениях [364]. Английский министр специально уполномочил Р. Линдсея сообщить Штреземану, что стороны не приняли никаких новых обязательств, а Штамеру заявили, что «русский вопрос» вообще якобы «едва упоминался» [365].

Как свидетельствует меморандум Чемберлена (от 21 мая 1927 г.), англо-французские переговоры «не были ни столь невинными, как он утверждал, ни столь зловещими, как того опасались немцы» [366]. Разумеется, вопросов об отношениях с Советским Союзом и эвакуации Рейнской области в момент резкого обострения англо-советских отношений не только «коснулись» в беседах с французскими государственными деятелями. Этим вопро-

---

[361] AA, 17—22.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 119—120; «Times», 17, 19.V 1927; «New York Times», 19.V 1927; *Nicolson H.* King George the Fifth. London, 1952, p. 427.

[362] FO, 15.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 120—121.

[363] AA, 19, 20.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 121.

[364] AA, 20.V 1927; FO, 27.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 121.

[365] FO, 24.V 1927; AA, 25.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 121.

[366] AC, Memorandum by Chamberlain 21.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 122.

сам было уделено значительно более пристальное внимание, чем сообщил Чемберлен Штамеру, предназначая для сведения германского правительства. Английский министр, осведомив Бриана во всех подробностях об отношениях Англии с Советским Союзом, заверил французскую сторону в полной поддержке ее политики по отношению к Германии. Однако Чемберлен не предложил Бриану присоединиться к английской политике по отношению к СССР взамен за оказываемую Лондоном поддержку французской политики относительно Германии. Английский министр заявил (18 мая) в связи с этим Бриану: «Мы боремся с Советской Россией за душу Германии. Мы добились успеха в Локарно. Мы подтвердили это, приняв Германию в Лигу, но чем более сложными становятся наши отношения с Россией, тем более важным становится прочно связать Германию с западными державами». Чемберлен стремился удержать Берлин в западной орбите не путем принуждения самой Германии, как подчеркивает американский исследователь Й. Джекобсон, а оказывая давление на французскую сторону, с тем чтобы она предприняла действия по сокращению оккупационных войск в Германии [367].

Однако в данный момент обострения англо-советских отношений Бриан мог быть уверен, что Чемберлен не будет настаивать на эвакуации и сокращении оккупационных войск в Германии: французское правительство могло пока отложить уступки германской стороне, не рискуя хорошими отношениями с Лондоном и потерей его поддержки своей политики по отношению к Германии.

Опасения германских руководящих деятелей в связи с сообщениями прессы об англо-французском соглашении по вопросу об СССР и Рейнской области оказались таким образом неосновательными. По целому ряду причин Чемберлен шел на уступки Бриану, не требуя от него в ответ того же [368].

Во время июньской сессии Совета Лиги наций 1927 г. Чемберлен сообщил Штреземану, что при встрече с Брианом в Лондоне оказал на него сильное давление, чтобы

---

[367] *Jacobson J.* Op. cit., p. 123. По мнению Штамера, Форин оффис опасался еще более тесных германо-советских отношений, если не будут выполнены данные в Локарно Берлину обещания (AA, 20.V 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 122).

[368] *Jacobson J.* Op. cit., p. 128.

поддержать германское требование по вопросу о сокращении оккупационных войск [369]. Поймав его на слове, Шуберт предложил, чтобы Чемберлен вручил письменное заявление по этому поводу [370]. Уступая настояниям Штреземана, английский министр вынужден был согласиться сделать заявление по данному вопросу в палате общин [371]. Поскольку германское правительство заняло в «англо-советской холодной войне» 1927 г.[372] позицию нейтралитета, Берлину, естественно, ничего не было предложено в отношении Рейнской области, так же как и с его стороны не высказано никаких пожеланий. На июньской сессии представители Германии не имели намерений, понимая безрезультатность этого, поднимать вопрос об окончательной эвакуации войск. Они достаточно трезво отдавали себе отчет в том, что единственным результатом этой сессии может быть сокращение войск, и то ценой согласия германской стороны на инспекцию фортификаций в Кёнигсберге. По этому вопросу в Женеве был достигнут компромисс [373]. Германский министр сообщил Чемберлену в письменной форме о согласии на осмотр срытых укреплений одним или двумя техническими экспертами союзных держав [374]. На следующий день был выработан окончательный текст ответного письма английского министра, к которому присоединились также другие державы — участницы конференции послов [375].

На этой сессии Совета Лиги Штреземан заявил, что союзная конференция послов — «символ военной и послевоенной эры» — должна быть теперь упразднена. Услышав это, Бриан не мог не выразить восхищения стратегией своего германского коллеги. «Сначала,— сказал он,— господин Штреземан отправляет домой военный контроль, а теперь шаг за шагом распускает конференцию послов» [376].

---

[369] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 519.
[370] Ibid., S. 556—557.
[371] Ibid., S. 561.
[372] *Warth R. D.* The Arcos Raid and the Anglo-Soviet «Cold War» of the 1920's.— «World Affairs Quarterly», 1958, N 29, p. 115.
[373] FO, 16.VI 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 132—133; *Marx W.* Nachlass, Bd. II, S. 61—62, 65—67.
[374] ADAP, Ser. B, Bd. V, S. 549—550.
[375] Ibid., S. 557—558.
[376] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III, S. 147, 153—154; *Stresemann G.* Nachlass.— In: *Gatzke H. W.* Op. cit., p. 93.

Как и следовало ожидать, германский министр выиграл сражение и на этот раз. В начале июля 1927 г. эксперты Франции и Бельгии «под руководством» генерала Павельца провели инспектирование и сообщили, что «все сделано удовлетворительно» [377]. О впечатлениях генерала Павельца в связи с этой поездкой сообщает в дневнике М. фон Штокгаузен. «Генерал фон Павельц с докладом канцлеру о ходе инспекционной поездки союзных военных атташе в район срытых восточных укреплений,— записывает он 9 июля.— Были осмотрены Кёнигсберг, Кюстрин и Глогау. По требованию конференции послов вновь должны быть ликвидированы недавно сооруженные маленькие блиндажи. В качестве противопоставления этому мелочному образу действий Павельц превозносил широту натуры офицеров, осуществлявших контроль...» [378]

Что касалось обещанного сокращения войск, то споры о его размерах после июньской сессии продолжались вплоть до осени 1927 г.[379], когда на следующей сессии, в сентябре, Штреземан заявил Бриану, что германская сторона не удовлетворена окончательным предложением об уменьшении численности войск на 10 тыс. человек [380]. Для представителей Германии было очевидно также, что позиция французских руководителей по вопросу о Рейнской области стала еще более недоброжелательной. Бриан отказался на сентябрьской сессии вести какие-либо переговоры по этому поводу, мотивируя запрещением со стороны совета министров Франции. Чемберлен (в личной беседе с Брианом) сказал, что эвакуация Рейнской области в данное время «явно невозможна». Он, как и Бриан, не предвидел возможности полной эвакуации в ближайшем будущем [381].

---

[377] *Toynbee A. Y.* Op. cit., p. 100; *Jacobson J.* Op. cit., p. 134.

[378] *Stockhausen M. von.* Op. cit., S. 250.

[379] FO, 15, 30.VII 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 134—135; AC, 25.VIII 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 135; Bundesarchiv. Bericht des Reichskommissars für die besetzen rheinischen Gebiete (1927).— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 135.

[380] FO, 22.X 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 135, 136; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III, S. 218—219.

[381] FO, 14.IX 1927.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 138; AC, Memorandum by Chamberlain on a Conversation with Briand 7.X.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 138.

После того, как конференция послов (22 июля 1927 г.) заявила, что германское правительство удовлетворительно выполнило требования держав о разоружении, в Берлине стали в неофициальном порядке поговаривать, что можно считать официально признанным, что Германия выполнила условия Версальского договора, разоружившись и регулярно выплачивая репарационные платежи. Теперь настал черед союзных держав выполнить свои обязательства и эвакуировать Рейнскую область; иначе они окажутся в положении нарушителей версальских условий [382]. При помощи таких на первый взгляд логически верных выкладок, изображая Германию в качестве «невинной жертвы» Версаля, общественное мнение в Германии подготавливали к новому наступлению для достижения ревизионистских целей.

Придя к заключению, что откладывать вопрос о Рейнской области больше нельзя, учитывая возможность истолкования подобной позиции в Париже как согласия Германии на ожидание в течение неопределенного срока, а также недовольство внутри страны, Штреземан предпринял пропагандистскую кампанию за немедленную эвакуацию зимой 1928 г.[383]

30 января и 1 февраля 1928 г. германский министр с трибуны рейхстага заявил о необходимости как можно скорее положить конец оккупации [384]. Бриан дал ответ на требование германского правительства, выступая в сенате 2 февраля; английское и бельгийское правительства изложили свою позицию по этому вопросу также в феврале.

Ответ Франции был компромиссным: признавая, с одной стороны, саму идею о досрочной эвакуации и даже предлагая возможность ее осуществления не в столь отдаленном времени, Бриан, с другой стороны, настаивал взамен на обеспечении для Франции ее прав в отношении безопасности и получении репараций [385]. Аналогич-

---

[382] «Berliner Tageblatt», 10.VII 1927; *Wolff R.* (*ed.*). Unser Recht auf Räumung. Berlin, 1927.

[383] *Koch-Weser E.* Nachlass, 4.II 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 139; Cabinet Protocol, 20.XII 1927, AA, 9.II 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 139; *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III, S. 167—170, 195—198.

[384] *Jacobson J.* Op. cit., p. 143, 145.

[385] Sénat débats. Paris, 1928, p. 64—72.

ным был ответ Бельгии [386]. 9 февраля в палате общин английские руководящие деятели заявили, что приветствуют эвакуацию Рейнской области, однако отвергают идею об односторонней эвакуации, предпринятой лишь со стороны Англии [387]. Чемберлен знал, какова позиция Бриана в данном вопросе, и не хотел оказывать на него чересчур «сильное давление» [388].

Германская сторона не возражала в принципе против предложения Парижа о создании Комиссии по проверке [389] как одной из форм обеспечения безопасности Франции. Что касалось Берлина, то основным предметом разногласий была не проверка как таковая, а ее формы и продолжительность. Штреземан, поддерживаемый в рейхстаге большинством представителей немецких партий, был готов ускорить процесс эвакуации Рейнской области, согласившись на международный контроль на определенных условиях: наблюдательная комиссия должна состоять из гражданских лиц; Германия должна быть представлена в ней; комиссия не будет постоянной, а станет собираться только в случае, когда нужно разрешить тот или иной вопрос; она должна прекратить свое существование к 1935 г.[390] Пуанкаре признавал, что Версальский договор не предусматривал постоянного наблюдения за демилитаризованной зоной и возражал против этой идеи в частных беседах с германскими деятелями [391]. Из заявлений Бриана явствовало, что он еще не решил, как быть с вопросом о проверке [392].

В Берлине Шуберт, судя по докладам посольства в Париже, решил, что французы не станут выставлять постоянное наблюдение в качестве предварительного условия эвакуации [393]. Поэтому германские руководящие деятели были удивлены, когда в сентябре 1928 г. Бриан стал настаивать на создании постоянной международной инспекции Рейнской области.

---

[386] Sénat. Compte rendu analytique. Bruxelles, 1928, p. 189—195.
[387] PDHC, vol. 213. London, 1928, col. 262.
[388] AC, 15.V 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 151.
[389] Commission of Verification.
[390] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 394, S. 363, 371.
[391] AA, 12.I 1928, 23.II 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 153; *Marx W.* Nachlass, Bd. II. Köln, 1968, S. 61—62.
[392] AA, 1, 3, 4, 17.II 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 154.
[393] Cabinet Protocol, 28.II 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 154.

К середине 1928 г. стали очевидными трудности, стоящие на пути дальнейшего урегулирования отношений Германии с Западом. Французская сторона начала требовать финансовой компенсации как условия эвакуации. В этой ситуации Берлин стал перед лицом важного политического решения: стоит ли добиваться освобождения Рейнской области на условиях, которые увековечат план Дауэса. В июле 1928 г. германское правительство решило отложить требование полной эвакуации с тем, чтобы избежать нового репарационного соглашения [394], и ограничиться согласием на частичную эвакуацию — предварительную эвакуацию только зоны Кобленца.

Новое социал-демократическое правительство Г. Мюллера, пришедшее к власти в Германии в июле 1928 г., представило рейхстагу свою внешнеполитическую программу: досрочную эвакуацию Рейнской области, пересмотр репарационного плана, «равенство» вооружений, развитие торговли с другими странами с целью расширения экспортных возможностей германской промышленности, «содействие политической и экономической консолидации Европы», сотрудничество с Лигой наций [395].

В беседе с Пуанкаре 12 июля германский посол, представив декларацию нового правительства (от 3 июля), поддержал требование о безусловной эвакуации [396]. Пуанкаре же настаивал на эвакуации Рейнской области только после того, как будет установлен и выплачен репарационный долг Германии [397]. В этом случае французские войска будут постепенно выведены с германской территории.

В первой половине июля правительства союзных держав в ответах на внешнеполитическую декларацию Германии от 3 июля отвергли пункт о немедленной эвакуа-

---

[394] Мы не ставили целью рассмотрение всех аспектов, связанных с пересмотром плана Дауэса и заменой его планом Юнга, поскольку эти проблемы детально проанализированы в недавно опубликованном исследовании советского историка Л. И. Гинцберга («Пересмотр плана Дауэса и Парижская конференция экспертов 1929 г.» — «Ежегодник германской истории. 1973». М., 1974, с. 236—272).

[395] Reichstag. Verhandlungen, Bd. 423, S. 38, 39.

[396] AA, 12.VII 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 173.

[397] Посол убедился, что Франция сильно заинтересована в этом (см.: *Гинцберг Л. И.* Указ. соч., с. 247; *Geigenmüller E.* Op. cit., S. 618).

ции, подчеркнув, что ни одно германское правительство еще не требовало в официальном порядке прекратить оккупацию [398].

Первым внешнеполитическим актом нового германского правительства должно было стать подписание пакта Бриана — Келлога, одной из основных целей которого было успокоить военные круги во Франции. Послам Германии в союзных державах было дано указание поставить в известность правительства держав о том, что Штреземан проведет предварительные переговоры об эвакуации во время подписания этого пакта в Париже в августе [399].

Центральными на этих переговорах были вопросы о репарациях и эвакуации Рейнской области. «Штреземан,— пишет Л. И. Гинцберг,— рисуя в обычных безрадостных красках экономическое положение Германии, доказывал, что оккупация не может служить гарантией выплаты репарационных платежей» [400].

Результатом переговоров германского министра с Пуанкаре был отказ французской стороны от безусловной эвакуации [401]. В то время как германская сторона считала, что вопросы о досрочном выводе оккупационных войск и решении репарационной проблемы должны рассматриваться отдельно, во Франции господствовала точка зрения, что их можно обсуждать как одну проблему. Стороны условились, что дальнейшие переговоры произойдут в сентябре в Женеве, во время заседаний Совета Лиги наций [402].

В результате этих переговоров (с 5 по 16 сентября 1928 г.) было принято совместное коммюнике, в котором предлагалось: 1) начать официальные переговоры о досрочной эвакуации Рейнской области; 2) назначить комитет финансовых экспертов с целью окончательного уре-

---

[398] AA, 10.VII 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 177; PDHC, vol. 220, 1928, col. 386—388.

[399] AA, 28.VII 1928, Schubert to London, Paris, Brussels, and Rome.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 182.

[400] *Гинцберг Л. И.* Указ. соч., с. 247—248.

[401] AA, 29.VIII 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 193.

[402] AA, 18.VIII 1928, Memorandum by Schubert.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 181; *Гинцберг Л. И.* Указ. соч., с. 248; Akten der Reichskanzlei..., Bd. I, S. 69—74.

гулирования репарационной проблемы; 3) провести переговоры о создании Комиссии по проверке [403].

Отношение Германии к комиссии по проверке оставалось прежним. В Берлине считали установление постоянной инспекции в Рейнской области неприемлемым [404]. На Вильгельмштрассе предложение об этой комиссии рассматривалось как попытка Франции заменить оккупацию другой формой международного контроля. Комиссию по проверке считали «излишней», поскольку уже существовал механизм для устранения нарушений. Их можно было обсуждать по обычным дипломатическим каналам или, если Франция считала желательным, вынести их на обсуждение франко-германской комиссии, предусмотренной статьей 3 Локарнского договора. А если бы французская сторона захотела произвести инспекцию, она могла бы устроить ее с помощью Совета Лиги наций — в соответствии со статьей 213 Версальского договора [405]. Штреземан охарактеризовал комиссию по проверке как «неприемлемую», «излишнюю» и «опасную» в Лугано в декабре 1928 г. Поскольку, как выяснилось, руководящие деятели Франции не особенно настаивали на необходимости этой комиссии [406], Штреземан имел полное основание заявить (28 июня 1929 г.) кабинету, что уже «вполне возможно покончить с самой идеей о комиссии» [407].

Германские руководящие деятели понимали, что отмена всякого специального наблюдения над Рейнской областью зависела также от позиции Англии [408]. Новый английский министр иностранных дел А. Гендерсон не хотел связывать себя предложенной Брианом комиссией. Он придерживался мнения, что необходимо создать комиссию с ограниченным сроком полномочий [409]. В связи с этим Штреземан предвидел трудности на предстоящей конференции в Гааге. Он заявил кабинету накануне конференции, что будут отвергнуты любые предложения об образо-

---

[403] AA, 5, 8, 11, 13, 14, 15, 16.IX 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 195—199; FO, 8, 11, 13, 16.IX 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 196—197, 199.
[404] FO, 13, 21, 24.VI, 31.VII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 297.
[405] AA, 21.I, 4.III, 5.VII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 298.
[406] AA, 29.I 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 299.
[407] Cabinet Protocol, 28.VI 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 299.
[408] AA, 29.VI, 5.VII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 299.
[409] PDHC, 1929, vol. 230, col. 885—888, 1267—1268.

вании какой-либо комиссии [410]. На конференции в Гааге, открывшейся 6 августа 1929 г., обсуждался план Юнга. Английский представитель — министр финансов Ф. Сноуден заявил о несогласии с выработанной комитетом экспертов редакцией этого плана [411]. «Палата общин,— говорил Сноуден на заседании финансовой комиссии 8 августа,— никогда бы не ратифицировала план Юнга в его нынешней форме» [412]. Не будучи уверен в поддержке плана Юнга министрами финансов, Бриан довольно неохотно вел переговоры об эвакуации Рейнской области как на официальных заседаниях политической комиссии, так и во время неофициальных переговоров со Штреземаном. Рейнская область будет эвакуирована, обещал он, когда будет подготовлено новое репарационное соглашение [413].

Гендерсон же рассматривал конец военной оккупации как вопрос гораздо более срочный и необходимый, чем репарационное урегулирование [414]. 9 августа он сказал Бриану, что все английские войска на Рейне могли бы быть эвакуированы между 15 сентября 1929 г. и рождеством. Бриан был вынужден согласиться начать эвакуацию Кобленца 15 сентября, но отказался определить дату окончания французской оккупации [415].

Сначала Бриан скрыл от Штреземана свое обещание Гендерсону начать отвод войск в середине сентября [416] и заверил, что обсудит вопрос об окончательной дате эвакуации со своими военными экспертами по их прибытии в Гаагу на следующей неделе (11—17 августа) [417]. Тогда Штреземан на пресс-конференции снова заявил о своем требовании эвакуации [418], независимо от исхода финансовых переговоров [419].

---

[410] Cabinet Protocol, 2.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 299.
[411] См.: *Никонова С. В.* Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966, с. 265.
[412] Цит. по: История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 506.
[413] AA, 8.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 316; Political Commission, stenographic notes, 8.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 316.
[414] Ibidem; *Hamilton M. A.* Arthur Henderson. London, 1938, p. 316.
[415] FO, 9.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 316.
[416] FO, 11.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 317.
[417] AA, 10.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 317.
[418] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III, S. 548.
[419] Руководящие деятели Германии рассматривали репарационное урегулирование не как «плату за эвакуацию» и согласились с ним до осуществления эвакуации, чтобы избежать финансового

Хотя Бриан и не имел намерения продолжать оккупацию до 1935 г., он действовал на деле так, будто ожидал недовольства со стороны военных кругов, учитывая, что французский парламент еще не принял решения о строительстве оборонительных фортификационных сооружений.

В Гааге он сказал Штреземану, что часть германской территории вдоль французской границы от Трира до Ландау будет освобождена в последнюю очередь с тем, чтобы иметь время подготовиться к строительству так называемой линии Мажино [420].

Ввиду подобной позиции французской стороны Гендерсон решил начать официальные переговоры со Штреземаном об отводе английских войск из Рейнской области независимо от Франции. По мнению английского министра, Париж оттягивал репарационное урегулирование с целью отложить решение о досрочной эвакуации [421]. Полагая, что практически возможно вывести все войска к рождеству [422], он предложил Бриану эвакуировать их одновременно с английскими [423].

Когда Бриан отказался назвать окончательную дату, Гендерсон попросил германского представителя встретиться с ним неофициально. Во время этой встречи Штреземан и Гендерсон выработали двустороннее сепаратное англо-германское соглашение. Английская сторона обещала вывести все свои войска к 31 декабря 1929 г., а Штреземан согласился уладить некоторые финансовые претензии английских оккупационных войск [424].

Французская позиция относительно учреждения постоянной гражданской инспекции продолжала оставаться неопределенной и на Гаагской конференции. На заседании политической комиссии 9 августа Бриан настаивал на образовании постоянной комиссии по проверке и пытался заручиться согласием других держав [425].

Гендерсон не возражал против самой идеи проверки, особенно если комиссия не будет проводить расследования

кризиса и «политической революции» (*Jacobson J.* Op. cit., p. 375, 382).

[420] AA, 8, 10.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 327.

[421] AA, 16.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 328.

[422] Таково было мнение и Э. Фиппса — английского посла в Вене.

[423] AA, 15.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 328.

[424] AA, 19.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 329.

[425] FO, 9.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 331.

без согласия Германии. Однако комиссия по проверке, по его мнению, не представляла для Англии какого-либо интереса, о чем он и заявил Штреземану 9 августа. Английская сторона заняла такую позицию, хотя были предостережения, например, Г. Никольсона, первого секретаря посольства в Берлине, который полагал, что как только оккупационные войска выведут, германская армия будет нарушать статьи Версальского договора о демилитаризованной зоне и начнет строительство секретной системы фортификационных сооружений в районе Рура. В конечном счете державы окажутся перед лицом реальной угрозы пересмотра и отказа Германии от версальских постановлений о разоружении [426].

Бриан, учитывая отрицательное отношение Германии и Англии к постоянной международной инспекции в Рейнской области, отказался от нее [427]. Мысль о комиссии по проверке, по его словам, «выпрыгнула из его головы, подобно Минерве с чела Юпитера», неожиданно, в Женеве в сентябре 1928 г. В Гааге она также внезапно исчезла [428].

Однако Штреземан не шел вообще ни на какие соглашения по вопросу о контроле, пока Бриан отказывался указать приемлемый срок окончания оккупации [429]. И лишь 28 августа, когда Бриан назвал определенную дату — 30 июня 1930 г., германский министр формально согласился передать наблюдение за демилитаризацией Рейнской области Локарнской комиссии. Соглашение было закреплено в совместной ноте от 30 августа [430].

В день подписания Гаагского протокола английские войска в Рейнской области получили приказ освободить территорию Германии. Вся эвакуация закончилась 13 декабря 1929 г. Зона Кобленца, оккупированная французами и бельгийцами, была эвакуирована к 30 ноября 1929 г., на два месяца раньше срока, предусмотренного Версальским договором. Эвакуация зоны Майнца началась 20 мая 1930 г., через три дня после вступления в силу плана

---

[426] FO, 7, 20.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 333.
[427] *Stresemann G.* Vermächtnis, Bd. III, S. 548—549.
[428] AA, 24.XI 1928.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 198.
[429] AA, 21, 22, 24.VIII 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 334.
[430] International Agreement on the Evacuation of the Rhineland Territory. The Hague, August 30, 1929. Cmd. 3417. London, 1929.

Юнга, а 30 июня флаги трех оккупационных властей были спущены со своих флагштоков.

Не было создано никакой комиссии для установления нарушений в области разоружения со стороны Германии. Передача всех вопросов, связанных с возможными нарушениями требований Локарнской комиссии, была более выгодной для Германии, чем контроль комиссии по проверке, от которой отказалось в конечном счете французское правительство [431]. Локарнская комиссия не имела полномочий вести независимые расследования или докладывать о нарушениях непосредственно Совету Лиги наций. В ее функции входили лишь консультативные рекомендации заинтересованным сторонам, которые не были обязательными [432]. По словам Ю. Курциуса (в комиссии по иностранным делам рейхстага осенью 1929 г.), от первоначального плана Бриана «осталась только тень от тени» [433].

Таким было урегулирование 1929 г.— недолговечный план репарационных платежей и вывод союзных войск из Германии без установления международного контроля за демилитаризованной зоной.

Наиболее важным результатом этого урегулирования, по мнению американского исследователя Й. Джекобсона, была «большая степень дипломатической свободы, которая открывалась для действий германского ревизионизма». Штреземан, всегда подчеркивавший, что оккупация служит препятствием для франко-германского взаимопонимания и «прочного мира» в Европе, стремился доказать, что эвакуация Рейнской области будет способствовать достижению обеих целей. Естественно, значительно реже говорилось об отсрочке эвакуации как препятствии осуществлению ревизионистских планов. Освобождение от оккупации, считает Й. Джекобсон, могло стать «важным шагом» на пути к ревизии Версаля [434].

Президент Гинденбург, возражая противникам плана Юнга [435], подчеркивал, что этот план станет «значитель-

[431] См. *Гинцберг Л. И.* Указ. соч., с. 271.

[432] *Northedge F. S.* The Troubled Giant; Britain among the Great Powers, 1916—1939. New York, 1967, p. 266.

[433] Bavarian State Archives, 29.XI 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 345.

[434] *Jacobson J.* Op. cit., p. 365.

[435] См.: *Ruge W.* Hindenburg. Porträt eines Militaristen. Berlin, 1974, S. 333.

ным шагом вперед на пути поэтапного освобождения от политических оков Версальского договора и тем самым облегчения финансового бремени»[436]. Со свойственной ему склонностью к военной терминологии, Гинденбург назвал урегулирование 1929 г. отправным пунктом для «следующего штурма Версальского договора»[437].

План Юнга способствовал укреплению внешнеполитических позиций Германии, превратив ее в одного из сильнейших конкурентов на мировых рынках[438]. Полностью отменялись выплаты из прибылей германской промышленности и контроль за финансами и экономикой Германии. Это открывало новые возможности для окончательного освобождения от версальских постановлений и дальнейшего наращивания военно-промышленного потенциала германского империализма[439]. Огромную роль в воссоздании военно-промышленного потенциала Германии сыграли вложения американских капиталов в ее экономику. «Америка несет тяжелое бремя ответственности за развязывание второй мировой войны,— констатирует английский историк Ф. Спенсер,— поскольку ее (Америки.— *С. Н.*) займы между 1924 и 1929 гг. сделали возможным реорганизацию немецкой тяжелой промышленности, на которой базировалось перевооружение при Штреземане, Брюнинге и, наконец, при Гитлере»[440]. И хотя к концу периода стабилизации германский империализм был все еще в политическом и военном отношении слабее других западных держав, Германия стала второй в мире (после США) промышленной державой[441].

Итак, в течение рассматриваемого периода германскому правительству удалось достигнуть значительных результатов: в 1926—1927 гг. союзные державы решили

---

[436] Цит. по: *Hubatsch W.* Hindenburg und der Staat. Berlin (West.), 1966, S. 212.

[437] AA, 5.IX 1929.— In: *Jacobson J.* Op. cit., p. 365.

[438] *Link W.* Amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921—1932. Düsseldorf, 1970, S. 475, 458.

[439] См.: История дипломатии, т. III, с. 507, 508; *Красильников А. Н.* Политика Англии в отношении СССР 1929—1932 гг. М., 1959, с. 174, 175; *Никонова С. В.* Указ. соч., с. 266; *Castillon R.* Les réparations allemandes. Paris, 1953, p. 55.

[440] *Spencer F.* The United States and Germany in the Aftermath of War.— «International Affairs», October 1967, vol. 43, N 4, p 703.

[441] *Ruge W., Schumann W.* Die Reaktion des deutschen Imperialismus auf Briands Paneuropaplan 1930.— «ZfG», 1972, Hf. 1, S. 40.

вопрос о разоружении Германии в ее пользу; признав, что она «разоружена», они прекратили осуществление военного контроля и деятельность Межсоюзной контрольной комиссии. В 1929—1930 гг. был окончательно урегулирован вопрос о германских репарационных обязательствах и выведены оккупационные войска из Рейнской области. Тем самым правящие круги западных держав, ликвидировав все средства прямого контроля, несут главную ответственность за то, что германскому правительству в значительной степени удалось ревизовать версальские постановления о разоружении и оккупированных областях, продолжать открытое и тайное перевооружение и наращивание военно-промышленного потенциала Германии.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Европейская политика Веймарской республики в годы частичной стабилизации капитализма еще не была до настоящего времени объектом специального исследования, хотя отдельные проблемы и аспекты ее в той или иной степени, изучались и рассматривались. Комплексный же анализ внешней политики Германии в данный период был затруднен отсутствием до последнего времени официальной публикации документов внешней политики Германии веймарского периода. Правда, уже с 50-х годов архивные документы веймарского периода, находящиеся в Вашингтоне, Лондоне, а также в архивах ФРГ и ГДР, стали использоваться многими исследователями. Это позволило в известной степени документировать освещение внешнеполитических проблем веймарской Германии. Но лишь с 1966 г. в ФРГ стала выходить официальная публикация документов внешней политики Германии, начиная с середины 20-х годов. Вышедшие к настоящему времени шесть томов охватывают лишь период с декабря 1925 до середины 1927 г.[1] Для нашего исследования, посвященного периоду стабилизации, особенно ощутимо отсутствие документов за 1924—1925 гг. и 1927—1929 гг. Это, безусловно, затрудняет анализ интересующей нас проблемы. Вместе с тем задача в известной мере облегчается возможностью косвенного использования содержащихся в некоторых исследованиях архивных документов и материалов по теме данной монографии.

---

[1] Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945 (ADAP). Ser. B. 1925—1933, Bd. I/1, I/2, II/1, II/2, IV, V. Göttingen, 1966—1972.

Существенным дополнением служат документы английской публикации по интересующему нас периоду [2]. Нет надобности подчеркивать, сколь важны для анализа европейской политики веймарской Германии документы, связанные с англо-германскими отношениями. Что касается французской публикации внешнеполитических документов, то в ней, к сожалению, пока полностью отсутствуют документы, относящиеся к периоду стабилизации: ее начало датируется 1932 г. [3] Однако, как мы имели возможность убедиться (в частности в I главе), отсутствие этих документов до известной степени возмещают «Дипломатические документы Бельгии, 1920—1940», которые зачастую предоставляют косвенные данные о политике руководителей Франции [4].

Все это делает понятным неоценимое значение для исследователя внешнеполитических проблем 20-х годов советской публикации документов внешней политики СССР. Эта наиболее полная из всех издававшихся до настоящего времени внешнеполитических публикаций дает возможность не только проанализировать такую кардинальную проблему европейской политики Германии, как советско-германские отношения, но и осветить многие другие стороны и аспекты внешней политики веймарской Германии, поскольку в ней помещены наряду с советскими и немецкие документы. Опубликованные до настоящего времени тома охватывают весь веймарский период в истории Германии [5].

Учитывая имеющуюся источниковедческую базу, а также то обстоятельство, что некоторые проблемы европейской политики Веймарской республики [6] были проана-

---

[2] Documents on British Foreign Policy (DBFP). Ed. by E. L. Woodward and R. Butler. Ser. 1A, vol. I, II, III, VI. London, 1966—1968, 1975.

[3] Documents diplomatiques français. 1932—1939. 1-re serie (1932—1935). Paris, 1967—1970.

[4] Ministère des affairs étrangères. Documents diplomatiques belges, 1920—1940 (DDB). Bruxelles, 1964—1966.

[5] МИД СССР. Документы внешней политики СССР (ДВП), т. I—XV. М., 1957—1969.

[6] Имеются в виду, в частности, такие проблемы как германо-польские отношения, борьба Германии за ревизию версальских постановлений о ее колониях, за пересмотр репарационного плана, воссоздание военно-промышленного потенциала. Мы касаемся этих вопросов лишь в той степени, в какой это представляется

лизированы в нескольких наших работах [7] и в других только что появившихся книгах и статьях [8], мы решили ограничить наше исследование строго определенным кругом вопросов, которые коротко можно сформулировать следующим образом: Германия и западноевропейские державы, с одной стороны; Германия и СССР — с другой. Разумеется, хотя эти проблемы рассматриваются в разных главах, они, переплетаясь, неразрывно связаны в едином комплексе проблем европейской политики Германии и анализируются в тесном взаимодействии.

Мы стремились показать, как, начиная с переговоров о плане Дауэса и заключении Локарнского пакта и до Гаагских конференций, где решились вопросы о выводе оккупационных войск и замене плана Дауэса планом Юнга, германские правящие круги при поддержке своих бывших военных противников готовили почву для новых агрессий. Подобная политика правительства Германии, осуществлявшаяся с помощью западноевропейских держав и США, была империалистической, лишь для видимости прикрываемой пацифистской фразеологией. Эта политика и в вильгельмовской, и в гитлеровской Германии, и ныне в ФРГ направлялась и направляется одной и той же силой — монополистическим капиталом. Вполне закономерно в этой связи, что в здании западногерманского МИД в 60-е годы был установлен бронзовый бюст наиболее видного проводника ревизионистско-реваншистской политики Веймарской республики Густава Штреземана с надписью «Великому европейцу».

Вместе с тем вслед за начавшимся процессом общего «оздоровления международной жизни в Европе» [9], ознаменовавшимся в частности подписанием советско-западногерманского договора 1970 г. и четырехстороннего со-

---

необходимым для исследования кардинальных проблем нашей работы.

[7] Главным образом, в монографии «Германия и Англия от Локарно до Лозанны» (М., 1966).

[8] Например, в монографии *Д. С. Климовского* «Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений» (Минск, 1975), статье *Л. И. Гинцберга* о пересмотре репарационного плана в «Ежегоднике германской истории 1973» (М., 1974), а также монографии американского историка Джекобсона о локарнской дипломатии и некоторых других.

[9] *Брежнев Л. И.* О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, с. 505.

глашения СССР, США, Англии и Франции по вопросу о Западном Берлине, наблюдается известный пересмотр некоторых концепций «восточной политики» ФРГ. Время подтвердило положение В. И. Ленина, что политика капиталистических держав вообще и Германии в частности направляется не отдельными государственными деятелями и возглавляемыми ими правительствами, а мировыми экономическими законами и жизненными интересами страны [10]. «Есть сила бóльшая,— говорил В. И. Ленин,— чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» [11].

Труды В. И. Ленина, в основном «Империализм, как высшая стадия капитализма», являются ключом к изучению ведущей роли финансового монополистического капитала в определении внешней политики Германии. В. И. Ленин вскрыл также неразрывную, диалектическую связь между внешней и внутренней политикой страны. «Выделять «внешнюю политику»,— писал он,— из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль» [12]. В свете ленинского анализа внешней политики Германии первых послевоенных лет, когда германские правящие круги пошли на заключение мира с Советской Россией, становятся понятными и последующие внешнеполитические акции правительства Веймарской республики. Принципы международных отношений, разработанные В. И. Лениным, как отмечает советский исследователь С. Р. Сухоруков, настолько «глубоко укоренились в мировой дипломатической практике, а действенность их столь очевидна, что все попытки современной реакционной буржуазной исторической науки, в частности западногерманской, принизить их эффективность путем замалчивания, отвержения или фальсификации оказались безуспешными» [13].

---

[10] См. *Сухоруков С. Р.* Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений 1917—1932. М., 1976, с. 25.

[11] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 44, с. 304—305.

[12] Там же, т. 30, с. 93.

[13] *Сухоруков С. Р.* Указ. соч., с. 32.

Для современной буржуазной историографии, в частности в ФРГ, по мнению советского историка А. О. Чубарьяна, характерен ненаучный подход к ленинской теории внешней политики, эклектическая интерпретация этой теории [14]. Огромная заслуга В. И. Ленина в обеспечении возможности мирного сосуществования Советской страны «в сети капиталистических государств» [15] также отрицается некоторыми реакционными буржуазными историками [16]. Однако все попытки преуменьшить великий вклад В. И. Ленина в теорию и практику советской внешней политики безуспешны и отвергаются самой действительностью.

Ценным источником для анализа внешней политики веймарской Германии служат также выступления и статьи видных советских государственных деятелей и непосредственных руководителей внешней политики нашей страны того периода — И. В. Сталина, М. И. Калинина, Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова, Л. Б. Красина и других, а также руководящих деятелей КПГ — Э. Тельмана, В. Пика, К. Цеткин, В. Ульбрихта, Э. Шнеллера и др. [17] Большое значение имеют относящиеся к рассматриваемому периоду материалы XIV—XVI съездов ВКП(б), съездов Советов, а также документы Коминтерна, где дается марксистско-ленинская характеристика особенностей периода стабилизации, межимпериалистических противоречий, внешней и внутренней политики Германии и других вопросов.

Особо для нашего исследования следует отметить изданную МИД СССР публикацию документов о заключении Локарнского пакта [18], но охватывающую по существу почти весь комплекс европейских внешнеполитических проблем 1925 г. Аналогичная публикация —

---

[14] *Чубарьян А. О.* В. И. Ленин и некоторые вопросы советской внешней политики.— «Новая и новейшая история», 1967, № 5, с. 58; *он же.* В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.

[15] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 42, с. 22.

[16] *Wagenlehner G.* Kommunismus ohne Zukunft. Stuttgart, 1963, S. 113; *Wetter G.* Die sowjetische Konzeption der Koexistenz.— «Aus Politik und Zeitgeschichte», 15.XII 1959 и др.

[17] См. в списке источников и литературы; то же относится и к другим, приводимым далее книгам, сборникам и т. п., на которые в обзоре не дается ссылок.

[18] Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.

изданный в ГДР (в 1962 г.) сборник документов Локарнской конференции — своего рода продолжение публикации МИД СССР, в котором приводятся дипломатические документы из архива МИД ГДР и Центрального германского архива в Потсдаме: фонды рейхсканцелярии, рейхспрезидента и т. п. Следует сказать о совсем недавно (в 1975 г.) изданных В. Руге и В. Шуманом «Документах к германской истории 1924—1929», где наряду с уже известными публикуются и новые имеющие важное значение архивные документы.

Мы использовали также некоторые неопубликованные материалы Историко-дипломатического архива (ИДА) и Архива внешней политики СССР (АВП СССР).

Для характеристики позиций партий и общей линии политики правящих кругов Германии, а также Англии, Франции, Бельгии, важным источником служат парламентские дебаты этих стран, стенограммы заседаний германского рейхстага.

Как уже говорилось, ввиду пробела в официальных публикациях документов, где отсутствуют документы ряда лет интересующего нас периода, большое значение для исследования приобрело то обстоятельство, что архивные материалы веймарского периода, находящиеся в Вашингтоне, Лондоне, архивах ФРГ и ГДР, стали доступны части историков и широко используются в их работах. Они приводят документы германского МИД, рейхсканцелярии, Форин оффис, архивы виднейших политических (О. Чемберлена, д'Абернона и других в Англии, Штреземана и других в Германии) и военных (Секта, Гесслера и других) деятелей, архивы правительств различных германских земель, военных ведомств и т. п. Для нашего исследования наибольшее значение имеют документы неопубликованного архива Г. Штреземана — «Nachlass». Чтобы понять его значение, достаточно обратиться к цифрам. Если опубликованный архив — «Vermächtnis» включает три тома, то «Nachlass» — 350 томов. Материалы неопубликованного архива Штреземана, которые стали доступны исследователям за рубежом с 1953 г., существенно опровергают тот портрет «хорошего европейца» и даже «миротворца», который пытался представить издатель трехтомной публикации, личный секретарь министра Г. Бернхард. После знакомства с приводимыми некоторыми исследователями материалами полного архива Штрезе-

мана особенно бросается в глаза тенденциозность «Vermächtnis», где совершенно обходятся вопросы о ремилитаризации Германии, ее отношениях с Советским Союзом путем сокращения или пропуска существенных документов, а иногда и прямого извращения их.

Недавно опубликованы также архив рейхсканцлера В. Маркса в четырех томах (в 1968 г.) и «Акты рейхсканцелярии Веймарской республики» кабинетов Куно и Мюллера (в 1970 г.). Эти публикации, хотя с документальной точки зрения представляют известный интерес, носят весьма тенденциозный, а зачастую прямо антисоветский характер.

Большое значение для исследования имеют и внешнеполитические документы госдепартамента США. Американское правительство, как мы имели возможность убедиться, вопреки провозглашенному им принципу «невмешательства», служившему своеобразной ширмой для его политики, диктуемой финансовым капиталом и крупнейшими монополиями, играло ведущую роль в разрешении большинства европейских проблем.

Важным источником для исследования послужила многочисленная пресса, советские и иностранные газеты и журналы.

Огромную роль как источник, хотя и особенно нуждающийся в проверке, играет мемуарная литература: воспоминания, дневники, автобиографии, письма и т. п. Этот вид литературы по интересующей нас тематике и периоду занимает обширное место. Но особенно возросло число разного рода мемуаров (зачастую попросту самовосхвалений) в послевоенной западногерманской литературе [19]. К этому виду литературы, ввиду ее тенденциозности, следует подходить крайне осторожно, ибо авторы, пытаясь реабилитироваться или приукрасить собственную роль, часто дают неточное, а иногда и фальсифицированное изображение событий. Одним из наиболее характерных примеров может служить такой важный для нашей темы документ, как дневник лорда д'Абернона — одного из наиболее ярых, как мы уже имели возможность убедиться германофилов. В своих мемуарах он рисует

---

[19] См. статью И. Я. Биска на эту тему в кн.: «Германский империализм и милитаризм» (М., 1965, с. 326—346), а также вышеупомянутую книгу С. Р. Сухорукова.

руководящих деятелей Германии (в особенности Штреземана, горячим поклонником которого он был) «поборниками мира». Вместе с тем дневник этот содержит ценный фактический материал для исследования внешней политики Веймарской республики. Слишком общий характер воспоминаний преемника Штреземана Ю. Курциуса почти не позволяет почерпнуть каких-либо новых, неизвестных фактов.

Крайне апологетический характер носит бóльшая часть биографий руководящих деятелей западных держав. Особенно «повезло» в этом отношении Штреземану. Еще при жизни появилась созданная с его помощью книга В. Рейнбабена. Вскоре за ней последовали биографии, написанные Р. Олденом, Г. Бауэром (правленная Г. Бернхардом), А. Валлентин и др. Во всех этих книгах роль Штреземана в борьбе за ревизию Версаля, в ремилитаризации Германии всячески затушевывается и на первый план выдвигается Штреземан — проводник «политики выполнения». На самом же деле, как это убедительно доказывает во впервые написанной с марксистских позиций биографии Штреземана историк ГДР В. Руге, так называемая политика выполнения более походила на изощренное «невыполнение» и в общем соответствовала ревизионистско-реваншистскому курсу внешней политики правящих кругов Германии. Различные аспекты интересующей нас проблематики освещаются и в других книгах мемуарно-биографического характера [20].

Хотя европейская политика веймарской Германии в период стабилизации капитализма еще не была предметом специального исследования, существует огромная литература, в которой в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с этими проблемами. Не останавливаясь в этом кратком в силу необходимости обзоре на работах общего характера, рассматривающих международные отношения и отдельные аспекты внешней политики Германии (некоторые перечислены в списке источников и литературы), мы отметим лишь те из них, которые были наиболее важными с точки зрения нашей тематики. Книги буржуазных историков по внешнеполитической проблематике, как правило, не носят подлинно научного

[20] См. ниже, в разделе «Мемуары, дневники, биографии» списка источников и литературы.

характера и написаны с антисоветских позиций, хотя зачастую это тщательно маскируется. Авторы подобных работ стремятся создать видимость объективного научного анализа, а иногда ограничиваются простым изложением хода событий.

Вместе с тем для исследования по нашей теме имеет существенное значение то обстоятельство, что зарубежные историки в последние годы, получив в свое распоряжение материалы архивов Германии и Англии, занялись скрупулезным подчас анализом различных аспектов внешней политики веймарской Германии. Для нас наибольший интерес представили в первую очередь монографии американских исследователей Й. Джекобсона «Локарнская дипломатия. Германия и Запад 1925—1929» (1972), Г. Гацке «Штреземан и перевооружение Германии» (1953), западногерманских историков Л. Циммермана «Германская внешняя политика в период Веймарской республики» (1958), К. Мегерле «Германская внешняя политика в 1925 г.» (1974) и некоторые другие. Как это следует из изложенного выше, эти работы оказались наиболее ценными для нас в первую очередь вследствие содержащихся в них материалов различных архивов, что позволило всесторонне исследовать ряд кардинальных проблем.

Вместе с тем следует отметить, что для буржуазной историографии в целом характерно пассивное или недостаточное использование официальных публикаций документов (таких как ADAP, DBFP, FRUS и др.), парламентских дебатов, стенографических отчетов рейхстага, а главным образом игнорирование советских документов. Пассивное отношение к западногерманской официальной публикации документов внешней политики Веймарской республики (ADAP) объясняется, по всей видимости, тем, что она содержит многие компрометирующие свидетельства о нарушении германским правительством постановлений о разоружении, проведения им антинациональной, реваншистско-ревизионистской политики. Что касается отчетов рейхстага и тому подобной документации, то недостаточное использование ее связано в основном с нежеланием отразить позицию коммунистической партии по внешнеполитическим вопросам ввиду ее выступлений против империалистической политики и военных приготовлений германского правительства. Зачастую недостаточно, либо вообще не чувствуется атмосфера борьбы между

буржуазными партиями в рейхстаге [21]. Что касается использования советских документов, то они вообще игнорируются в подавляющем большинстве книг и статей буржуазных историков. Одно из редких исключений представляет недавняя работа К. Мегерле, которая вообще отличается скрупулезным (с привлечением практически всей существующей литературы, документации, архивных материалов) исследованием внешней политики Германии в течение одного года — 1925-го. Мегерле упоминает и перечисляет некоторые публикации документов, книги и статьи, вышедшие в СССР и ГДР. Однако это — лишь «внешняя» объективность: вышеупомянутые публикации используются чисто формально, пассивно, для создания иллюзии «всеобъемлющего охвата» опубликованной литературы и источников. Само же исследование Мегерле проводит не только без учета документов, опубликованных в Советском Союзе и в ГДР, но и подает некоторые вопросы (например, декабрьские переговоры между руководящими деятелями Германии и СССР в 1924 г.) в традиционной для буржуазной историографии форме, носящей антисоветский характер. Позиция Мегерле здесь тождественна интерпретации вопроса такими историками, как Р. Морган, Г. Гацке и др.

Что касается книги Й. Джекобсона, то в ней полностью игнорируются опубликованные в СССР и ГДР документы и книги. Эта работа наряду с ее видимыми достоинствами (доскональное использование буквально всех изданных и архивных материалов, документов, когда каждый факт подтверждается обширными ссылками на имеющиеся «в наличии» источники) грешит и некоторыми существенными недостатками и пробелами, на главные из которых мы укажем. Автор монографии в 420 страниц (!), посвященной локарнской политике, уделил отношениям Германии с Советским Союзом буквально считанные страницы. Дело, разумеется, здесь главным образом не в количестве, а в том, что исследование политики германского правительства и правительств других западных держав по вопросу о заключении Локарнского пакта

[21] Исключением в этом отношении является книга Й. Джекобсона, где борьба буржуазных партий прослеживается достаточно полно, а также некоторые работы (см. сноски в тексте монографии), специально посвященные политике некоторых партий (в частности, дейч-националов).

ведется в отрыве от советско-германских отношений, что объективно неверно и препятствует стремлению Джекобсона дать максимально полное, документированное изложение интересующей его проблематики. Другим существенным недостатком этой книги является то обстоятельство, что в ней неверно отражена позиция и роль правительства США и американского финансового капитала по отношению к Локарнскому пакту: в процессе исследования Джекобсон вообще почти не упоминает об этом. Противоречит фактам (даже приводимым самим автором в тексте) утверждение Джекобсона в заключении к монографии о «пассивной» якобы позиции Англии в том, что касалось франко-германских отношений. Напротив, как официальные публикации документов, так и материалы архивов свидетельствуют о весьма активном вмешательстве заинтересованных в данном вопросе английских руководителей в эти отношения. Указанные недостатки отражаются на содержании безусловно ценной, с точки зрения полноты исследования, монографии, послужившей для нас источником архивных материалов.

В некоторых книгах буржуазных историков содержатся новые документы о нарушении веймарским правительством версальских постановлений о разоружении, о ремилитаризации и воссоздании военно-промышленного потенциала Германии. Вместе с тем многие исследователи стремятся возродить идеалы германского милитаризма веймарского периода, противопоставляя его периоду фашистской диктатуры, приукрасить рейхсвер и разного рода националистические военные организации того периода. Такой характер носят книги Г. Риттера, В. Гёрлица, В. Эрфурта, Т. Фогельзанга [22] и др. Реакционные концепции Г. Риттера оказали большое влияние на литературу по вопросам милитаризма. А английский историк Дж. Уилер-Беннет, в книге которого содержатся критические высказывания по адресу германского милитаризма [23], подвергся нападкам Г. Риттера. Уилеру-Беннету,

---

[22] *Ritter G.* Das Problem des Militarismus in Deutschland, Bd. 1, 2. München, 1959—1960; *Görlitz. W.* Der deutsche Generalstab. Frankfurt a/M., 1953; *Erfurth W.* Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Göttingen, 1957; Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962.

[23] *Wheeler-Bennett J. W.* The Nemesis of Power; the German Army in Politics. 1918—1945. New York, 1954.

как и многим другим исследователям [24], свойственно объективистское изложение фактов. Но сами по себе эти факты, почерпнутые из германских архивов, имеют большую ценность. Представляют интерес книги непосредственных свидетелей нарушений германскими властями постановлений о разоружении: английского генерала Моргана, сотрудника английского посольства в Германии Дж. Нокса и др. [25]

Некоторые историки пытаются отрицать факт постепенного перевооружения веймарской Германии в обход версальских постановлений, что опровергается материалами большинства работ буржуазной историографии [26]. Особенную ценность, с точки зрения содержащегося в ней обширного архивного материала о перевооружении (главным образом, из архива Штреземана), представляет книга работающего в США германского историка Г. Гацке [27]. Однако многие его концепции не только неприемлемы, но и носят антисоветский характер. То же относится к недавно вышедшей работе Ф. Л. Карстена [28]. Безоговорочно одобряет ревизионистскую политику германских правящих кругов в веймарский период Г. Бреттон [29].

Коренным образом отличаются от буржуазной историографии работы советских исследователей, а также историков социалистических стран. Советские исследователи выпустили много работ общего характера, где рассматриваются вопросы международных отношений и внешней политики СССР в интересующий нас период [30].

---

[24] *Benoist-Méchin J.* Histoire de l'armée allemande, t. 3. L'Essor (1925—1937). Paris, 1964; *Castellan G.* Le réarmement clandestin du Reich. 1930—1935. Paris, 1954; *Craig G. A.* The Politics of the Prussian Army. 1940—1945. Oxford, 1955.

[25] *Knox J.* The Last Peace and the Next. London, 1942; *Morgan J.* Assize of Arms; the Disarmement of Germany and Her Armament. (1919—1939), vol. 1—2. London, 1945.

[26] *Carsten F. L.* Reichswehr und Politik. 1918—1933. Köln — Berlin, 1964; *Gatzke H. W.* Stresemann and the Rearmament of Germany. Baltimore, 1954.

[27] *Gatzke H. W.* Op. cit.

[28] *Carsten F. L.* Op. cit.

[29] *Bretton H. L.* Stresemann and the Revision of Versailles. Stanford, 1953.

[30] История дипломатии, т. III. М., 1965; История международных отношений и внешней политики СССР (1917—1939 гг.), т. I. М., 1967; *Ивашин И. Ф.* Международные отношения и внешняя политика СССР в 1919—1935 гг. М., 1956; *он же.* Очерки внешней

В советской историографии рассматриваются и внешнеполитические проблемы веймарской Германии [31]. Особенно ценным исследованием является книга В. М. Турока «Локарно» (М.—Л., 1949), которая позволяет досконально проследить весь комплекс вопросов, связанных с переговорами о гарантийном пакте в 1925 г. Большое внимание советские исследователи уделили проблемам германского милитаризма. Здесь огромная заслуга принадлежит крупнейшему советскому германисту А. С. Ерусалимскому. Особо следует упомянуть также сборник статей «Германский империализм и милитаризм» (М., 1965).

Интересующие нас проблемы неоднократно обсуждались на научных сессиях историков СССР и ГДР [32]. Историки ГДР внесли поистине огромный вклад в изучение внешнеполитической проблематики веймарского периода. Плодотворность их научных изысканий облегчается возможностью использовать германские архивные материалы. Исследователи ГДР написали ряд важнейших работ общего характера. К ним относятся книги и статьи А. Нордена, А. Абуша, А. Андерле, В. Руге, Ю. Кучинского и других, а также интересная, по-новому трактующая некоторые внешнеполитические аспекты диссертация М. Хампеля [33], который привлек многочисленные архивные материалы.

Особенно досконально историками ГДР изучены советско-германские отношения. Большая заслуга принадлежит исследователям ГДР в разоблачении реакционных, антисоветских концепций буржуазной историографии советско-германских отношений, их научной несостоятельности. Историки ГДР вообще уделяют много внима-

---

политики СССР. М., 1958; *Иванов Л. Н.* Морская политика и дипломатия империалистических держав (между первой и второй мировыми войнами). М., 1964 и др. его работы; *Хайцман В. М.* СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959; *Выгодский С. Ю.* Внешняя политика СССР (1924—1929 гг.). М., 1963; *Григорьев Л., Оленев С.* Борьба СССР за мир и безопасность в Европе (1925—1939 гг.). М., 1956, и др.

[31] См. список источников и литературы.

[32] Германский империализм и вторая мировая война. Материалы научной конференции 1959 г. М., 1961 и 1963; Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования. Материалы научной сессии. М., 1963 и др.

[33] См. список источников и литературы.

ния борьбе против реакционной историографии, в особенности западногерманской [34].

На данном вопросе мы не будем подробно останавливаться ввиду выхода в 1968 г. фундаментального исследования В. И. Салова «Современная западногерманская буржуазная историография» (М., 1968), а также в 1976 г. книги советского историка С. Р. Сухорукова, специально посвященной критике буржуазной историографии ФРГ веймарского периода [35]. С. Р. Сухоруков отмечает следующие черты, присущие этой историографии: 1) отрицание объективных закономерностей процесса развития советско-германских отношений в рассматриваемое время; 2) «субъективно-имманентный подход» к истолкованию фактов; 3) «примат» внешней политики при изложении вопроса об отношениях между Германией и СССР; 4) игнорирование классовой борьбы и роли рабочего класса в формировании внешней политики веймарской Германии по отношению к Советскому Союзу [36]. Вместе с тем, как уже говорилось, под влиянием процесса наступившей разрядки международной напряженности и укрепления мировой социалистической системы происходит постепенная трансформация концепций как западногерманской буржуазной историографии, так и историографии в других странах Запада. Это, конечно, не означает, что реалистические тенденции в исследованиях некоторых буржуазных авторов возобладают безоговорочно и в скором времени. Но очевидный сдвиг в этом плане налицо. Советские историки, тем не менее, должны продолжать борьбу с буржуазной идеологией и утверждать в своих трудах марксистско-ленинские идеи. Эти задачи поставлены перед советской исторической наукой Коммунистической партией и Советским правительством.

---

[34] Что касается самих книг и статей западногерманских авторов, то они широко использованы нами при исследовании многих проблем (см., например, названия этих работ в списке источников и литературы).

[35] *Сухоруков С. Р.* Указ. соч., с. 25—26.

[36] *Бертольд В.* «...Голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма. М., 1964; *Lozek G. Syrbe H.* Geschichtsschreibung contra Geschichte. Berlin, 1964.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений, т. 27.

Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полное собрание сочинений, т. 28.

Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики (6 марта 1922 г.).— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Письмо Г. В. Чичерину. 14.III 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Письмо И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) с проектом телеграммы Г. В. Чичерину 24 апреля 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Телеграмма Г. В. Чичерину. 30 апреля 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Телеграмма М. М. Литвинову. 8 мая 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Телеграмма Г. В. Чичерину. 14 мая 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Проект постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Письмо И. В. Сталину для членов ЦК РКП(б) о монополии внешней торговли. 13 октября 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о договоре с консорциумом германских фирм. 18 октября 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» М. Фарбману.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге.— Полное собрание сочинений, т. 45.

Ленин В. И. О монополии внешней торговли. 13 декабря 1922 г.— Полное собрание сочинений, т. 45.
Новые материалы к работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». М., 1936.
Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1975.
Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. М., 1976.
Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1—5. М., 1970—1976.
Брежнев Л. И. Речи на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, 29—30 июня 1976 года.— В сб.: За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. М., 1976.
Брежнев Л. И. Речь на торжественном заседании в Туле 19 января 1977 г.— «Правда», 20 января 1977 г.
Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. М., 1976.
Красин Л. Б. Вопросы внешней торговли. М., 1970.
Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
Schneller E. Arbeiterklasse und Wehrpolitik. Ausgewählte Reden und Schriften 1925—1929. Berlin, 1960.
Thälmann E. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I. Berlin, 1955.

ДОКУМЕНТЫ, ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, СПРАВОЧНИКИ

Неопубликованные документы

Историко-дипломатический архив (ИДА), ф. 90, 393.
Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 069, 082.

Документы, опубликованные в СССР

XXV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1—3. М., 1976.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2 и 3. М., 1970.
Съезды Советов СССР. Сборник документов. 1922—1936 гг. М., 1960.
МИД СССР. Документы внешней политики СССР, т. V, VII—XII. М., 1963—1967.
МИД СССР. Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.
Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. «О 60-й годовщине

Великой Октябрьской социалистической революции».— «Правда», 1 февраля 1977 г.
Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. 1, 2. М., 1965—1966.

Документы, опубликованные в ГДР

Dokumente zur deutschen Geschichte 1924—1929. Hrsg. von Ruge W. und Schumann W. Berlin, 1975.
Locarno-Konferenz 1925. Eine Dokumentensammlung. Berlin (Ost), 1962.
Die revolutionäre Arbeiterbewegung im Kampf um den Frieden. 1848—1964. Dokumente. Berlin, 1964.
Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialen und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946. Berlin, 1955.
Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu dem Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975.

Документы, опубликованные в ФРГ

Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie B: 1925—1933. Bd. I/1, I/2, II/1, II/2, IV, V. Göttingen, 1966—1967, 1970, 1972.
Akten der Reichskanzlei. Das Kabinett H. Müller I, Bd. 1, 2. Boppard am Rhein, 1970.
Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Die Kabinette Marx I und II, Bd. 1, 2. Boppard am Rhein, 1973.
Mißtrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919—1970. Dokumentation und Analyse. Hrsg. von Jacobsen H.-A. Düsseldorf, 1970.
Deutsche Parlamentsdebatten, Bd. II, 1919—1933. Frankfurt a/M.—Hamburg, 1971.
Reichtag. Verhandlungen. Stenographische Berichte (1924—1929).
Schulthess Europäischer Geschichtskalender (1924—1929), Bd. 65—70. München, 1927—1932.
Ursachen und Folgen. Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte, Bd. 6 (1924—1928). Berlin (West) (1961).

Документы, опубликованные в Англии

Parliamentary Debates. House of Commons. House of Lords. Official Reports. 1924—1929.
Documents on British Foreign Policy. Ed. by E. L. Woodward and R. Butler. Ser. 1A, vol. I, II, III. London, 1966—1968.
Great Britain. Foreign Office. Miscellaneous. London, 1924—1929.

Документы, опубликованные в США

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1925—1929. Washington, 1940—1948.

Nürnberg Military Tribunals. Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control. Council Law, N 10, vol. 1—15. Washington, 1949—1953.

Документы, опубликованные в Бельгии

Documents diplomatiques belges 1920—1940, t. 2, 1925—1931. Bruxelles (1964).

Документы Лиги наций

League of Nations. Official Journal. Treaty Series. Geneve, 1924—1929.

Société des Nations. Journal officiel. Genève, 1925—1929.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, БИОГРАФИИ

Кэмпбелл-Джонсон А. Сэр Антони Иден. Биография. М., 1956.

Путлиц В. Г. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. М., 1957.

Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.

D'Abernon (Lord) E. An Ambassador of Peace. Pages from the Diary of Viscount d'Abernon, vol. III, 1924—1926. London, 1930.

D'Abernon E. V. Viscount. Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. III. Leipzig, 1930.

Brüning H. Memoiren. 1918—1934. Stuttgart, 1970.

Chamberlain A. Down the Years. London, 1935.

Churchill W. S. The Second World War, vol. I. London, 1948.

Curtius J. Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik. Heidelberg, 1948.

Dirksen H. Moskau — Tokio — London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Außenpolitik. 1918—1939. Stuttgart, (1949).

Elisha A. Aristide Briand. Discours et écrits de politique étrangère. Paris, 1965.

Flandin P. E. Politique française. 1919—1940. Paris, 1947.

François-Poncet A. De Versailles à Potsdam. Paris, 1949.

Geigenmüller E. Briand. Tragik des großen Europaers. Bonn, 1959.

Gessler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1958.

Groener W. Lebenserinnerungen. Göttingen, 1957.

Herriot E. Jadis. D'une guerre à l'autre. 1914—1936, t. 2. Paris, 1952.

Hilger G. Wir und der Kreml. Berlin, 1955.

Hilger G., Meyer A. G. The Incompatible Allies. A Memoir History of German-Soviet Relations, 1918—1941. New York, 1953.
Hirsch F. E. Gustav Stresemann, Patriot und Europäer. Göttingen etc., 1964.
Hoover H. The Memoirs of Herbert Hoover, vol. 2 (1920—1933). New York, 1952.
Hubatsch W. Hindenburg und der Staat. Aus den Papieren... Göttingen, 1966.
Laroche J. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré, 1913—1926. Paris, 1957.
Liddell Hart B. The Memoirs of Captain Liddell Hart, vol. I, II. London, 1965—1966.
Luther H. Politiker ohne Partei. Erinnerungen. Stuttgart, 1960.
Marx W. Der Nachlass des Reichskanzler W. Marx, Bd. I—IV. Köln, 1968.
Meier-Welcker H. Seeckt. Frankfurt a/M., 1967.
Middlemas K., Barnes J. Baldwin. A Biography. London, 1969.
Miquel P. Poincaré. Paris, 1961.
Nicolson H. King George the Fifth. His Life and Reign. London, 1952.
Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la III-e République, t. 2. New York, 1945.
Petrie Ch. The Life and Letters of the Right Honoured Sir Austen Chamberlain. London, 1939.
Rabenau Fr. General von Seeckt. Aus seinem Leben, 1918—1936, Leipzig, 1940.
Rheinbaben W. Viermal Deutschland. Aus dem Erleben eines Seemanns, Diplomaten, Politikers. 1895—1954. Berlin. 1954.
Ruge W. Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin, 1965.
Schacht H. 76 Jahre meines Lebens. Bad Wörishofen, 1953.
Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne (1923—1945). Bonn, 1958.
Severing K. Mein Lebensweg, Bd. 1—2. Köln, 1950.
Stern-Rubarth E. Three Men Tried. Austen Chamberlain, Stresemann, Briand. London, 1939.
Stockhausen M. von. Sechs Jahre Reichskanzlei. Von Rapallo bis Locarno. Berlin, 1954.
Stresemann G. Vermächtnis. Der Nachlass in drei Bänden. Berlin, 1932—1933.
Suarez G. Briand. La vie — son oeuvre avec son journal et de nombreux documents inédits, t. VI. 1923—1932. Paris, 1952.
Tabouis G. They Called Me Cassandra. New York, 1942.
Thimme A. Gustav Stresemann. Eine politische Biographie zur Geschichte der Weimarer Republik. Hannover — Frankfurt a/M., 1957.

Ахтамзян А. Рапалльская политика. М., 1974.

Германская история в новое и новейшее время, т 2. М., 1970.

Германский милитаризм и империализм, сб. статей. М., 1965.

Гинцберг Л. И. Пересмотр плана Дауэса и Парижская конференция экспертов 1929 г.— В кн.: «Ежегодник германской истории 1973». М., 1974.

Горохов И., Замятин Л., Земсков И. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1973.

Ерусалимский А. С. Антанта, Германия и СССР. М., 1928.

Ерусалимский А. С. Германский империализм: история и современность. М., 1964.

Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза 1928—1932 гг. М., 1968.

История внешней политики СССР, т. I. 1917—1945 гг. М., 1976.

История дипломатии, т. III. М., 1965.

Климовский Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975.

Кремер И. С., Чубарьян А. О. Очерк истории внешней политики СССР (1917—1963). М., 1964.

Кульбакин В. Д. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М., 1954.

Кульбакин В. Д. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962.

Нарочницкая Н. А. Встреча советских и западногерманских историков в г. Ленинграде.— «Новая и новейшая история», 1975, № 5.

Никонова С. В. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов 1924—1927. М., 1963.

Никонова С. В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966.

Никонова С. В. Европейская политика Германии и ее вступление в Лигу наций (1924—1926 гг.).— В кн.: Ежегодник германской истории 1973. М., 1974.

Постников В. В. США и дауэсизация Германии (1924—1929). М., 1957.

Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968.

Степанов А. И. Из истории советско-германского экономического сотрудничества (1924—1926 гг.).— «Ученые записки ИМО», вып. III. М., 1960, с. 24.

Степанов А. И. Борьба германского рабочего класса против Локарно за развитие дружественных отношений с СССР (1925).— В кн.: Из истории международных отношений. М., 1957.

Сухоруков С. Р. Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений, 1917—1932. М., 1976.

Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.). М., 1962.

Турок В. М. Локарно. М.— Л., 1949.

Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958.

Хвостов В. М. Как развивался германский империализм (Исторический очерк). М., 1943.

Хвостов В. М. 40 лет борьбы за мир. М., 1953.

Хвостов В. М. Германская экспансия на Востоке, ее история и идеологические корни.— «Новая и новейшая история», 1961, № 3.

Хвостов В. М. В. И. Ленин о принципах советской внешней политики— В кн.: Ленинская внешняя политика Советской страны. М., 1969.

Чубарьян А. О. В. И. Ленин и некоторые вопросы советской внешней политики.— «Новая и новейшая история», 1967, № 5, с. 58.

Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.

Язькова А. А. Малая Антанта в европейской политике 1918—1925. М., 1974.

Переводная литература

Абуш А. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962.

Бертольд В. «...Голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма. М., 1964.

Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939. М., 1960.

Германская экспансия в Восточной и Центральной Европе. Сб. статей по истории так называемого «Дранга нах Остен». М., 1965.

Джордан В. М. Англия, Франция и германская проблема. М., 1937.

Норден А. Уроки германской истории. М., 1948.

Норден А. Фальсификаторы. М., 1959.

Иностранная литература

Alexander M. Der deutsch-tschechoslowakische Schiedsvertrag von 1925 im Rahmen der Locarno-Verträge. München — Wien, 1970.

Anderle A. Die deutsche Rapallo-Politik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922—29. Berlin, 1962.

Baumont M. L'Allemagne de 1890 à 1933. Paris, 1955.

Baumont M. La faillité de la paix (1918—1939). Paris, 1960.

Berghahn V. Der Stahlhelm. Bund der Frontsoldaten 1918—1935. Düsseldorf, 1966.
Bodensieck H. Weimarer Republik und deutsch-französische Beziehungen.— «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1962, N 13.
Bracher K. D. The German Dictatorship; the Origins, Structure and Effects of National Socialism. New York, 1970.
Carlton D. Great Britain and the League Council Crisis of 1926.— «Historical Journal», 1968, N 11.
Carr E.-H. Socialism in One Country. 1924—1926, vol. 3, ps 1—2. New York, 1964.
Cassels A. Mussolini's Early Diplomacy. Princeton, 1970.
Chanady A. The Disintegration of the German National Peoples'Party, 1924—1930.— «Journal of Modern History», 1967, N 39.
Clarke S. V. O. Central Bank Cooperation, 1924—1932. New York, 1967.
Conze W. Das deutsch-russische Verhältnis im Wandel der modernen Welt. Göttingen, 1967.
Cormier T. W. German Foreign Policy, 1923—1926; the Illusion of Western versus Eastern Orientation. Diss., American University, 1968.
Curtius J. Der Young-Plan. Enstellung und Wahrheit. Stuttgart, 1950.
Deutsch-russische Beziehungen von Bismarck bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1964.
The Diplomats, 1919—1939. Ed. by G. Craig and F. Gilbert. Princeton, 1953.
Dorpalen A. Hindenburg and the Weimar Republic. Princeton, 1964.
Dörr M. Die Deutschnationale Volkspartei 1925 bis 1928. Diss. Marburg, 1964.
Duroselle J. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1953.
Dyck H. L. Weimar Germany and Soviet Russia 1926—1933. New York, 1966.
Dyck H. L. German-Soviet Relations and the Anglo-Soviet Break, 1927.— «Slawic Review», 1966, N 25.
Eichwede W. Revolution und Internationale Politik. Zur kommunistischen Interpretation der kapitalistischen Welt 1921—1925. Köln—Wien, 1971.
Elleston D. H. The Chamberlains. London, 1966.
Erdmann K. D. Adenauer in der Rheinlandpolitik nach dem ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1966.
Fischer L. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations 1917—1941. New York — London, 1969.
Fischer W. Deutsche Wirtschaftspolitik 1918—1945. Opladen, 1968.
Fohlen C. La France de l'entre-deux-guerres, 1917—1939. Paris, 1966.

Fox J. P. Britain and the Inter-Allied Military Commission of Control, 1925—26.— «Journal of Contemporary History», 1969, N 4.

Fraenckel E. Idee und Realität des Völkerbundes im deutschen politischen Denken.— «VfZ», 16. Jg., 1968.

Freymond J. Locarno: un nouveau départ? — «Discordia concors. Festgabe für E. Bonjour», Bd. I.-Basel — Stuttgart, 1968.

Garthwol R. DNVP and European Reconciliation, 1924—1928; a Study of the Conflict between Party Politics and Government Foreign Policy in Weimar Germany. Diss. Chicago, 1968.

Geigenmüller E. Botschafter von Hoesch und die Räumungsfrage.— «HZ», 1965, Bd. 200.

Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 3, 4. Berlin, 1966.

Gordon M. R. Conflict and Consensus in Labour's Foreign Policy, 1914—1945. Stanford, 1965.

Gossweiler K. Großbanken, Industriemonopole, Staat, Ökonomie und Politik des staatsmonopolitischen Kapitalismus in Deutschland 1914—1932. Berlin, 1971.

Gottwald R. Die deutsch-amerikanischen Beziehungen in der Ära Stresemann. Berlin (West) — Dahlem, 1965.

Graml H. Europa zwischen den Kriegen. München, 1969.

Graml H. Die Rapallo-Politik im Urteil des westdeutschen Forschung.— «VfZ», 18. Jg., 1970.

Graml H. Präsidialsystem und Außenpolitik.— «VfZ», Hf. 2, 1973.

Grieser H. Die Sowjetpresse über Deutschland in Europa 1922—1932. Stuttgart, 1970.

Hampel M. Die imperialistische Außenpolitik. Deutschlands beim Wiederaufleben der anglo-französischen Interventionstendenzen gegen die UdSSR (1925—1927) (Phil. Diss.). Humboldt-Universität zu Berlin, 1958.

Hartl H., Marx W. Fünfzig Jahre sowjetischer Deutschlandpolitik. Boppard am Rhein, 1967.

Harvey D. J. French Concepts of Military Strategy, 1919—1939. Diss. Columbia, 1953.

Hermann C. H. Deutsche Militärgeschichte. Frankfurt a/M., 1966.

Hillgruber A. Kontinuität und Diskontinuität in der deutschen Außenpolitik von Bismarck bis Hitler. Düsseldorf, 1969.

Hillgruber A. Großmachtpolitik und Militarismus im 20. Jahrhundert. Düsseldrof, 1974.

Holborn H. Deutsche Geschichte in der Neuzeit, Bd. 3. München — Wien, 1971.

Holl K. Europapolitik im Vorfeld der deutschen Regierungspolitik.— «HZ», 1974, Bd. 219, Hf. 1.

Höltje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlocarno-Problem, 1919—1934. Würzburg, 1958.
Jacobson J. Locarno Diplomacy. Germany and the West 1925—1929. Princeton, 1972.
Kellermann V. Schwarzer Adler — Weißer Adler. Die Polenpolitik der Weimarer Republik. Köln, 1970.
Kimmich Ch. The Free City; Danzig and German Foreign Policy, 1919—1934. New Haven, 1968.
Kochan L. The Struggle for Germany. 1914—1945. Edinburgh, 1963.
Kollman E. C. Reinterpreting Modern German History, the Weimar Republic.— «Journal of Central European Affairs», 1962, N 21.
Korbel J. Poland between East and West. Soviet and German Diplomacy toward Poland. 1919—1933. Princeton, 1963.
Kordt E. Die sowjetische Außenpolitik im Wandel der weltpolitischen Konstellationen.— «VfZ», 16. Jg., 1968.
Krekeler N. Revisionsanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik. Stuttgart, 1973.
Krüger P. Friedenssicherung und deutsche Revisionspolitik. Die deutsche Außenpolitik und die Verhandlungen über den Kellog-Pakt.— «VfZ», 1974, Hf. 3.
Krummacher F. A., Lange H. Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. München, 1970.
Kuczynski J. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. 1—2. Berlin, 1948—1950.
Kuczynski J., Wittkowski G. Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren. Berlin, 1947.
Laqueur W. Russia and Germany. A Century of Conflict. London, 1965.
Launay J. de. Les grandes controverses de l'histoire contemporaine. 1914—1945. Lausanne, 1964.
Link W. Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921—32. Düsseldorf, 1970.
Lipgens W. Europäische Einigungsidee 1923—1930 und Briands Europaplan im Urteil der deutschen Akten.— «HZ», 1966, Bd. 203.
Locarno und die Weltpolitik 1924—1932. Frankfurt a/M., 1969.
Lozek G., Syrbe H. Geschichtsschreibung contra Geschichte. Berlin, 1964.
Madloch N. Der Kampf der KPD 1925 gegen den Locarnopakt und für eine demokratische und friedliche deutsche Außenpolitik.— «ZfG», 1964, H. 2.
Matern H. Deutschland in der Periode der relativen Stabilisierung des Kapitalismus 1924 bis 1929. Berlin, 1956.
Maxelon M.-O. Stresemann und Frankreich 1914—1929. Düsseldorf, 1972.

Medlicott W. H. British Foreign Policy since Versailles 1919—1963. London, 1968.
Megerle K. Deutsche Außenpolitik 1925. Ansatz zu aktivem Revisionismus. Frankfurt a/M.— Bern, 1974.
Newman W. J. The Balance of Power in the Interwar Years, 1919—1939. New York, 1968.
Northedge F. S. The Troubled Giant; Britain among the Great Powers, 1916—1939. New York, 1967.
Oertel M. Beiträge zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen in den Jahren 1925—1930. Diss. Berlin, 1968.
Post G., Jr. German Foreign Policy and Military Planning; the Polish Question, 1924—1929. Diss., Stanford, 1969.
Preradovich N. Die Wilhelmstrasse und der Anschluss Österreichs 1918—1933. Bern — Frankfurt, 1971.
Puchert B. Der Wirtschaftskrieg des deutschen Imperialismus gegen Polen 1925—1934. Berlin, 1963.
Raymond J. (ed.). The Baldwin Age. London, 1960.
Renouvin P. War and Aftermath, 1914—1929. New York, 1968.
Riekhoff H. German-Polish Relations, 1918—1933. Baltimore — London, 1971.
Röhl J. C. G. From Bismarck to Hitler. The Problem of Continuity in German History. London, 1970.
Rosenbaum K. Community of Fate. German-Soviet Diplomatic Relations 1922—1928. Syracuse — New York, 1965.
Rosenfeld G. Die Rapallo-Partner. Die Sowjetunion im Kampf um die friedliche Koexistenz mit Deutschland 1922—1933, Bd. I, II. Diss. Berlin, 1965.
Roskill S. Naval Policy between the Wars. London, 1968.
Ruge W. Zur Problematik und Entstehungsgeschichte des Berliner Vertrages von 1926.— «ZfG», H. 4, 1961.
Ruge W. Deutsche Geschichte von 1917 bis 1963. Berlin, 1968.
Ruge W. Weimar — Republik auf Zeit. Berlin, 1969.
Ruge W. Die Außenpolitik der Weimarer Republik und das Problem der europäischen Sicherheit 1925—1932.— «ZfG», 1974, Hf. 3.
Ruge W. Hindenburg. Porträt eines Militaristen. Berlin, 1974.
Salewski M. Entwaffnung und Militärkontrolle in Deutschland, 1919—1927. München, 1966.
Schmacke E. Die Außenpolitik der Weimarer Republik 1922—1925 unter Berücksichtigung der Innenpolitik (von Rapallo nach Locarno). Diss. Hamburg, 1951.
Schmidt R. J. Versailles and the Ruhr; Seedbed of World War II. The Hague, 1968.

Schmid C., Pleticha H. Zeitgeschichte aus erster Hand. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen. Würzburg, 1967.

Die Sowjetische Deutschlandpolitik 1917—1941. Duisdorf bei Bonn, 1962.

Spenz J. Die diplomatische Vorgeschichte des Beitritts Deutschlands zum Völkerbund 1924—1926. Göttingen etc., 1966.

Stambrook F. G. «Das Kind» — Lord d'Abernon und the Origins of the Locarno Pact.— «Central European History», 1968, vol. I.

Starkulla H. Organisation und Technik der Pressepolitik des Staatsmannes G. Stresemann (1923—1929). Diss. München, 1951.

Stolper G. The German Economy, 1870 to the Present. New York, 1967.

Stürmer M. Koalition and Opposition in der Weimarer Rebublik 1924—1928. Düsseldorf, 1967.

Suval S. The Anschluss Question in the Weimar Era. 1918—1932. Baltimore — London, 1974.

Thimme A. Die Locarnopolitik im Lichte des Stresemann-Nachlasses.— ZfP, 1956, Hf. 1, August.

Thimme A. Gustav Stresemann. Legende und Wirklichkeit.— HZ, 1956, Bd. 181.

Ulam A. Expansion and Coexistence; the History of Soviet Foreign Policy, 1917—64. New York, 1968.

Urbanitsch P. Großbritannien und die Verträge von Locarno. Diss. Wien, 1968.

Vogelsang T. Die Außenpolitik der Weimarer Republik 1918—1933. Uelzen — Hannover, 1959.

Walsdorff M. Westorientierung und Ostpolitik — Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ara. Bremen, 1971.

Wandel E. Die Bedeutung der Vereinigten Staaten von Amerika für das deutsche Reparationsproblem 1929—1925. Tübingen, 1971.

Weidenfeld W. Die Englandpolitik Gustav Stresemanns. Mainz, 1972.

Wollstein G. Von Weimar Revisionismus zu Hitler. Bonn — Bad Godesberg, 1973.

Zimmermann L. Deutsche Außenpolitik in der Ära der Weimarer Republik. Göttingen, 1958.

Zsigmond L. Zur deutschen Frage. 1918—1923. Die wirtschaftlichen und internationalen Faktoren der Wiederbelebung des deutschen Imperialismus und Militarismus. Budapest, 1964.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абернон д' Э. В. 18, 30—32, 34, 36, 39, 41, 44, 47, 48, 50, 51, 64, 70—73, 75, 83—86, 89—92, 94, 99, 100, 116—118, 161, 175—177, 179, 184, 185—187, 189, 263, 266—268, 271, 277, 285, 288, 289, 294—298, 348, 349.
Абуш А. 258, 261, 355
Аддисон Дж. 293
Аденауэр К. 24, 270
Адоратский А. М. 229
Айк Э. 50, 161, 322
Александер М. 32
Андерле А. 60, 132, 133, 137, 355
Антюхина-Московченко В. И. 260
Ахтамзян А. А. 30, 56, 123, 129, 131, 134, 139, 140, 142, 144, 147, 155, 156, 162, 218–222, 235, 240, 247, 248, 252, 253
Аццарити 318

Барнс Дж. 38
Бауэр Г. 350
Бенеш Э. 182–184, 188
Бенуа-Мешан Ж. 354
Бернхард Г. 348, 350
Бертело Ф. 81, 83, 85, 180, 181, 186, 294, 300, 305, 313, 320
Бертольд В. 102, 103, 106, 356
Биркенхед Ф. Э. 199, 226
Биск И. Я. 349
Бисмарк О. 145, 150
Боздари А. 268, 273
Болдуин С. 26, 30, 78, 199, 277
Браун О. 292, 323
Брежнев Л. И. 4–7, 345
Брейтшейд Р. 103, 306
Бреттон Г. Л. 54, 58, 280, 313, 323, 354
Бриан А. 37, 44, 49, 50, 53, 55, 61, 71, 73, 76, 77, 80, 83, 86–88, 94, 95, 180, 181, 186–189, 206–208, 210, 230, 279, 281, 283, 284, 288, 289, 294–297, 299, 300, 304–306, 308–311, 319, 322, 325–333, 335–340
Брокдорф-Ранцау У. 41, 56, 58, 75, 106, 117, 118, 121–123, 126, 128, 131, 134–139, 141, 143–157, 159, 161, 162, 166, 169, 170, 174, 191, 192, 194, 198, 201, 210, 211, 225, 228, 230–232, 262
Брюнинг Г. 341
Бюлов Б. фон 31, 68, 74, 143

Вагенленер Г. 347
Вайцзекер Э. фон 63, 64
Валлентин А. 350
Вальрот В. 130, 132, 141, 163, 213, 222, 225
Вальсдорф М. 144
Вандель Э. 45
Вандервельде Э. 298
Вандич П. 39
Вестарп К. 106
Веттер Г. 347
Вирт И. 200
Виттковски Г. 218
Войков П. Л. 42, 173, 213
Вольф Р. 332
Вольф Т. 235
Вольштейн Г. 105
Ворошилов К. Е. 246
Вудман Д. 297
Выгодский С. Ю. 355

Газиоровски З. 144—148, 150, 152, 155
Гайгенмюллер Э. 305, 334
Ганецкий Я. 132
Гарриман 128
Гартволь Р. 46
Гаус Ф. 31, 34, 51, 52, 91, 95, 163
Гацке Г. 105, 116–118, 122, 125,

155, 156, 172, 174, 260, 262, 263, 265–267, 269, 271–273, 275, 276, 278, 279, 281, 284–287, 290, 292–294, 299, 307, 309, 310, 314, 317, 318, 320, 321, 331, 351, 352, 354
Геккерт Ф. 112
Гендерсон А. 336–338
Георг V (английский король) 206, 209, 328
Герлиц В. 280, 285, 353
Гесслер О. 46, 263, 269, 275, 292, 318, 348
Гетч О. 229
Геш Л. фон 16, 41, 53, 81–83, 85, 91, 94, 166, 167, 180, 181, 186, 273, 282, 283, 290, 294, 295, 300, 305, 308, 309, 314, 315, 324, 325
Гинденбург П. фон 53, 67, 85, 97, 98, 134, 140, 174, 191, 255, 261, 275, 286, 308, 340, 341
Гинцберг Л. И. 334, 335, 340, 345
Гитлер А. 105, 113, 341
Голль де Ш. 260, 321
Готтвальд Р. 15
Грамль Г. 14
Грегори Дж. Д. 194, 208, 209
Грёнер В. 324
Григорьев Л. 355
Гэфье де 175

Давидович Д. С. 13
Дауэс Ч. 3, 20–25, 29, 37, 38, 68, 107, 109, 113, 123–125, 142, 195, 269, 270, 274, 275, 286, 295, 306, 334, 345
Дедерке К. 145
Джекобсон Й. 25, 27–30, 35–39, 47, 48, 206–208, 262, 281, 284, 296, 298, 300, 305, 306, 313, 325, 326, 328–341, 345, 351–353
Джильберт М. 272
Джильберт Ф. 76
Джойнсон-Хикс 199
Джонсон Д. 39, 272
Джордан В. М. 261, 291
Дик Х. Л. 210, 211
Дикхофф Г. 208, 209
Дирксен фон Г. 30, 58, 80, 118, 134, 139, 141, 156, 157, 163, 168, 175, 198, 206, 210, 212, 226, 240, 243, 244, 246, 247, 249, 251–254
Друммонд Э. 74, 75, 82
Думерг Г. 206, 328
Дюфур-Феронсе А. 98, 149, 167, 322

Ерусалимский А. С. 306, 355

Зайпель 293
Залевски М. 28, 265, 266, 281, 304
Залесский А. 189
Зеверинг К. 251, 292, 323

Иванов Л. Н. 324, 354
Ивашин И. Ф. 354
Инграм 178
Иоффе А. Е. 225

Каас Л. 206
Калинин М. И. 227, 228, 347
Камбон Ж. 309
Карлтон Д. 77
Карр Э.-Х. 27, 121, 123, 128, 133–137, 144, 145, 156, 157, 170
Карстен Ф. Л. 65, 268, 276, 318, 321, 354
Кастеллан Ж. 261, 321, 354
Кастильон Р. 341
Каутский К. 103
Келер Ф. фон 298
Келлог Ф. 20, 230, 322, 335
Кемпнер Р. М. В. 310
Кёпке Г. 235
Керзон Дж. Н. 268, 269
Кёрнер фон 129–134
Кинг Дж. 24
Клейфельд 292
Клерк 184, 186, 188
Климовский Д. С. 32, 42, 345
Ключников Ю. В. 26
Копп В. Л. 143
Кох В. 183
Кохан Л. 156
Кох-Везер Э. 332
Красильников А. Н. 341
Красин Л. Б. 39, 125, 126, 128, 194, 347
Крейгер 243
Крекелер Н. 32
Кроу Э. 30, 35
Крофта 183
Крупп фон Болен 264, 275, 276, 278
Крэйг Г. А. 76, 354
Крю Р. 38, 73, 75, 177, 181, 185–188, 281–284, 289, 295–297
Крюгер П. 28
Кулидж К. 14, 45, 49

Кульбакин В. Д. 231, 306, 316, 323
Куно В. 12, 13, 30, 31, 349
Курциус Ю. 222, 243, 340, 350
Кучинский Ю. 218, 260, 355
Кюльман Р. фон 248

Лабулайе де 302
Лакутюр Ж. 321
Лебе П. 118
Леман-Рюссбюльдт О. 264
Ленин В. И. 10, 120, 125, 346, 347
Либкнехт К. 292
Линдсей Р. 199, 206, 207, 307, 309, 313, 327, 328
Линк В. 341
Литвинов М. М. 65, 133, 138, 139, 142, 148, 151, 154, 158, 159, 163, 169, 171, 191, 194, 201, 202, 204, 210, 230, 231, 233, 235, 239, 347
Лоцек Г. 356
Лэмпсон М. 71, 185
Люксембург Р. 292
Лютер Г. 18, 28, 31, 35, 38, 47, 54, 55, 60, 67, 69, 70, 85, 86–89, 108, 140, 160, 163, 165, 285

Мадлох Н. 108, 110, 112, 113
Майер-Велькер Г. 46
Майзель А. 304
Макартни 42, 273, 285, 289
Макдональд Р. 16—20, 25, 26, 78, 267
Мальцан А. 63, 143, 144–146, 184, 319
Маннесман 219
Мареskотти А. 318
Маржери де П. 42, 73, 181, 189, 288, 294, 298, 308, 309, 319
Маркс Вернер 122, 125
Маркс Вильгельм 18, 19, 22, 65, 98, 215, 313, 316—318, 330, 333, 349
Массильи Р. 308
Мегерле К. 14, 22, 26, 29, 31, 34, 42, 43, 66, 351, 352
Мендельсон 236, 244
Мидлмас К. 38
Мидлтон К. У. 25
Микоян А. И. 244, 249
Молчанов Н. Н. 260, 321, 322
Морган Дж. Х. 10, 261, 263, 264, 266, 354
Морган Р. П. 126, 130, 131, 133, 134, 137, 139–141, 352
Муссолини Б. 56
Мутц Р. 290
Мюллер Г. 228–232, 242, 243, 250, 256, 324, 334, 348
Мюнценберг 256

Нарочницкая Н. А. 7
Нашен Л. 321
Никитин Н. 230
Никольсон Г. 35, 280, 328, 339
Никонова С. В. 8, 10, 32, 199, 215, 337, 341
Нойффер фон 293
Нокс Дж. 354
Норден А. 101, 106, 222, 234, 243, 250, 355
Норман М. 22, 47
Нортедж Ф. С. 340
Ньюмен У. 69

Олден Р. 350
Оленев С. 355
Ольшовский К. 42
Орлов В. 250–252

Пабст (Петерс) В. 292, 293
Пабст К. 304
Павельц фон 278, 294, 308, 314, 331
Паевский Я. 23
Папен Ф. фон 214
Петри Ч. 35, 43–45, 49–51, 63
Пик В. 109, 112, 347
Пичета В. И. 229
Платонов С. Ф. 229
Плетиха Х. 39, 118
Покровский М. Н. 229
Поляков В. (Авгур) 196, 301
Пост Г. мл. 321
Пуанкаре Р. 16–18, 72, 116, 210, 305, 333–335
Пухерт Б. 262

Рабенау Ф. 66, 105, 263, 280, 297, 320
Радовиц фон 65, 142
Раш Г. 122
Ревентлов Э. 104, 106
Рехберг А. 248, 254
Риккхоф Г. фон 182, 183, 190
Риттер Г. 353
Розенбаум К. 121, 137, 143, 146, 147, 149, 153, 156, 157, 162, 164, 165, 168, 176, 179, 209–211

Розенфельд Г. 115
Ротштейн Ф. А. 173
Ротштейн Э. 113
Руге В. 8, 9, 11, 12, 23, 28, 33, 34, 101, 105, 132, 137, 138, 144, 340, 341, 348, 350, 355
Рыжиков В. А. 209

Сабанин А. 26
Салов В. И. 356
Сект Г. фон 46, 65, 66, 105, 106, 260, 263, 268, 285, 293, 297, 308, 320, 348
Селби У. 279
Сесиль Р. 78, 79, 80, 96
Симонс В. 11
Сирбе Х. 356
Скирмунт К. 42, 79, 80
Скшиньский А. 42, 55, 76, 79, 86, 182, 183, 188, 189
Смит А. 259, 264, 270
Смит Ч. 217
Сноуден Ф. 337
Спэйт Дж. 27
Спэнсер Ф. 341
Сталин И. В. 347
Стэмбрук Ф. Дж. 25, 31
Стимсон Г. 253
Стиннес 126, 219
Стомоняков Б. С. 125, 126, 228, 230, 236, 241, 244, 245, 247, 248, 251–254
Стронг Б. 47
Стронский С. 159
Струве В. 102
Сумароков (Павлоновский) 250, 251
Сухоруков С. Р. 346, 349, 356
Сэсюли Р. 323

Тельман Э. 24, 25, 108, 109, 111, 113, 114, 215, 246, 254, 347
Тёрнер Г. Э. мл. 102
Тимме А. 22, 60, 64, 91, 160, 161, 174, 269, 270, 272, 276
Тиррел У. 30, 72, 74, 164, 193, 194, 208
Титулеску Н. 24
Тойнби А. Дж. 294, 298, 311, 312, 331
Тосс З. 272
Турок В. М. 36, 61, 271, 272, 275, 355

Уайт Г. 272
Уарт Р. Д. 330
Уатт Д. 36
Уилер-Беннет Дж. 263, 316, 353
Ульбрихт В. 254, 347
Унден 78, 84, 88
Уочеп 276
Урбанич П. 30, 36

Федин К. А. 230
Фелпс Р. Х. 299
Фиппс Э. 313, 338
Фиш 287
Фишер М. 227
Флерио Э. 306
Фогельзанг Т. 122, 353
Фокс Дж. П. 258, 259, 263, 264, 266, 277, 279, 312
Фромажо А. 95

Хайцман В. М. 355
Хамилтон М. 337
Хампель М. 35, 265, 273, 280, 355
Хартль Г. 122, 125
Хаутон А. 45
Хвостов В. М. 190
Хельбиг Г. 122, 131, 162
Хёльтье Х. 33, 45, 52, 55–57, 63, 113, 200
Херст С. 51
Хилльгрубер А. 28, 60
Хильгер Г. 122, 127, 162, 220
Хубач В. 265, 341
Хэдлэм-Морли Дж. 27
Хэй 210, 235, 239
Хэссе Ф. 258

Ценнер М. 304
Цергибель К. 245
Цеткин К. 111, 347
Циммерман Л. 12, 14, 15, 17–19, 22, 26, 47, 59, 63, 68, 114, 115, 263, 306, 351

Чемберлен О. 27, 30, 35—41, 44, 48–51, 53, 55, 56, 58, 59, 61, 69, 70, 72, 73, 75–84, 86–88, 92–96, 98, 99, 170, 175, 177, 178, 182, 183–189, 193, 199, 204–208, 272, 281, 283–285, 289, 294–297, 300, 306, 307, 310, 311, 326–331, 333, 348
Черчилль У. 31, 38, 199, 262

Чичерин Г. В. 54, 56, 64, 116, 122–124, 127–129, 131, 133, 135, 137, 138, 140, 143–151, 153, 156, 158–162, 165, 166, 170, 173, 174, 194–196, 213, 215, 216, 225, 227, 229, 231, 259, 277, 347
Чубарьян А. О. 347

Шахт Я. 14, 47, 254, 306
Шверин фон Крозиг М. 54, 55
Шефер П. 227
Шлезингер М. 131, 197, 232, 244, 245
Шлейфер И. О. 223, 224
Шмид К. 39, 118
Шмидт П. 116
Шмидт Р. 24
Шнеллер Э. 108, 347
Шпенц Ю. 29
Штамер Ф. 32, 33, 35, 40, 41, 66, 80–83, 93, 94, 98, 167, 178, 180, 182, 185, 187, 193, 194, 206–209, 298, 327–329
Штейн Л. 65
Штеккер В. 109, 112
Штокгаузен М. фон 40, 50, 53, 68, 69, 87, 278, 312, 331
Штольберг-Вернигероде А. 64
Штреземан Г. 13, 16, 18—20, 22, 23, 27–31, 33, 39, 41, 44–48, 50–52, 54, 55, 57, 58, 60, 61, 64–66, 68, 69, 71—73, 75, 77, 80—82, 85, 88—91, 93—96, 98, 99, 101, 102, 105, 108, 109, 111, 114—118, 122, 123, 131, 133—162, 164—166, 168—170, 172, 174, 175, 177, 183, 185, 187, 189, 195, 203—207, 209—211, 213, 214, 216, 222, 224, 225, 231, 232, 256, 260, 262, 263, 265, 267—276, 278—281, 284—288, 290, 292—294, 297, 299, 304—314, 318—321, 323, 325—333, 335—339, 341, 345, 348—351, 354
Штюрмер М. 308
Шуберт К. фон 31–34, 40, 41, 56, 71, 72, 74, 82, 83–85, 92, 97, 98, 100, 134, 146–148, 152, 163, 164, 167–169, 171, 176–181, 183, 184, 195, 197—199, 201—204, 221, 230, 250, 252, 268, 279, 287, 288, 294—296, 298, 308, 309, 314, 315, 318, 330
Шультхесс Х. 273, 275, 289, 298, 310, 312, 320
Шуман В. 341, 348
Шурман Дж. 45, 184

Эберт Ф. 143, 146, 147, 149
Эдвардс П. 57
Эрбетт Ж. 147
Эррио Э. 17–20, 25–27, 37–39, 45, 48, 267
Эртель М. 32
Эрфурт В. 353
Эснар О. 315
Эшериш 293

Юз Ч. 12, 14, 18
Юнг О. 337, 340, 341, 345

Языкова А. А. 24, 26

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая

Положение Германии в результате Версальского договора. Репарационный план Дауэса и Локарнский гарантийный пакт 8

Глава вторая

Политика германского правительства по вопросу о вступлении Германии в Лигу наций 63

Глава третья

Советско-германские отношения (1924—1926 гг.) 120

Глава четвертая

Советско-германские отношения после подписания Берлинского договора (1926—1929 гг.) 191

Глава пятая

Борьба германского правительства против версальских постановлений о разоружении и оккупированных областях 258

Обзор источников и литературы 343

Краткий список использованных источников и литературы 357

Указатель имен 369

Светлана Вячеславовна Никонова

ОЧЕРК ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ

в 1924—1929 гг.

(От плана Дауэса к плану Юнга)

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. Ф. Дубовикоза*
Художник *Л. А. Грибов*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *О. М. Гуськова*
Корректоры *Л. В Лукичева, Л. И. Харитонова*

Сдано в набор 4/IV 1977 г. Подписано к печати 8/VI 1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1
Усл. печ. л. 19,74. Уч.-изд. л. 20,5.
Тираж 3200 экз. Т-10233. Тип. зак. 2094
Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10